

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ГОТВОРИТЕЛЬНАЯ

ЖЕНЩИНЫ.

I.

ПОГОТОВИТЕЛЬНЫЯ

ЖЕНЩИНЫ

ПЕРВЫХЪ ВѢКОВЪ

ХРИСТИАНСТВА:

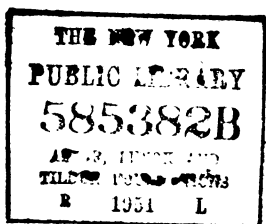
ЛИМПАДА, МОНИКА, МЕЛАНІЯ,
ПАВЛА, МАРКЕЛЛА, ФАВІЮЛА И
ДРУГІЯ.

ТВЕРЬ.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1861 г.

Р. 1.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ законное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ. Марта 23 дня 1861 года.

Цензоръ Архимандритъ Серій.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Въ предлагаемыхъ книгахъ мы намѣрены представить соотечественницамъ нашимъ краткій обзоръ подвиговъ, совершенныхъ благочестивыми женщинами на пользу и служеніе общества. Намъ бы хотѣлось рассказать о трудахъ этихъ женщинъ и посреди семейной жизни, и на поприщѣ общественной благотворительности, и въ особенности обратить вниманіе читательницъ на развитіе женскихъ общинъ, посвятившихъ себя служенію страждущаго человѣчества.

Мы начинаемъ съ описанія тѣхъ благочестивыхъ женщинъ, которыя жили въ первые вѣка христіанства, но скудость и недоступность источниковъ и опасеніе повторять то, что уже было нами однажды разсказано и извѣстно

U. S. 4C. Dup. 11. 3. 5. 9. 5.

II

изъ жизни святыхъ, (*) заставили насъ сократить именно ту часть, которая возбудила въ насъ наиболѣе сочувствія.

Мы перешли далѣе къ трудамъ благотивныхъ женщинъ, и къ развитію благотворительныхъ общинъ, дѣйствовавшихъ подъ руководствомъ Рима. Намъ остается пожалѣть, что попытка передать эти рассказы, и провести рѣзкую черту между подвигами христіанскаго самоотверженія и любви, передъ которыми мы преклоняемся—и ложными началами Римской церкви, которымъ не могутъ сочувствовать послѣдователи православнаго ученія, принадлежитъ не болѣе опытному перу.

Между женщинами протестантскаго исповѣданія мы встрѣтимъ имена многихъ почтенныхъ труженицъ. Мы увидимъ далѣе, что не смотря на прежнее сильное противодѣйствіе началамъ общенія и подчиненія между ними при-

(*) Избранныя житія Свят. Москва. 1861.

знана необходимость совокупныхъ друж-
ныхъ трудовъ на пользу ближняго, вид-
но тщетное желаніе дать этимъ трудамъ
крѣпкую основу и возстановить прер-
ванную связь съ преданіями и вѣрова-
ніями церкви.

Обзоръ трудовъ западныхъ сестеръ на-
шихъ приведетъ насъ къ грустному со-
знанію нашей лѣности, нашего равно-
душія къ страданіямъ ближняго и на-
шего неумѣнія помочь имъ цѣною соб-
ственныхъ трудовъ и жертвъ. Мы долж-
ны будемъ взвѣсить и оцѣнить ту внѣш-
нюю, пустую образованность нашу, ко-
торая выказалась не въ благодѣтельномъ
вліяніи на ближняго, но въ обидномъ
къ нему презрѣніи, которая пала на него
новыми прихотливыми требованіями, боль-
шимъ злоупотребленіемъ его труда и гор-
дымъ невниманіемъ къ его лишеніямъ.
Признать ошибки нашего воспитанія,
исправить то, что препятствуетъ полез-
ной дѣятельности, и благотворному влія-
нію женщинъ, должно быть первымъ на-

шимъ дѣломъ. За тѣмъ слѣдуетъ осмо-
трѣть то, что было сдѣлано до сихъ поръ
на поприщѣ благотворительности, обду-
мать: какіе труды наиболѣе вызваны со-
временными потребностями общества, и
достаточно ли отдѣльныхъ дѣлъ мило-
сердія, личныхъ и независящихъ другъ
отъ друга усилій, для облегченія стра-
даній и лишеній лицъ, пасъ окружаю-
щихъ.

Кажется мы придемъ къ тому убѣж-
денію, что рядомъ съ семейной жизнию
и ея благословенными трудами, рядомъ
и въ противоположность съ жалкимъ
существованіемъ, въ которомъ безумно
и мелочно тратятся силы души, должна
возникнуть другая жизнь, должна раз-
виться для женщины возможность исклю-
чительнаго совершеннаго посвященія се-
бя Богу и ближнему въ дружномъ
сообществѣ другихъ женщинъ, при со-
дѣйствіи и помощи всего общества, ува-
жающаго ихъ цѣли и сочувствующаго
ихъ трудамъ.

Такіе труды, предпріятыя въ духѣ любви Христовой, нужны не только для облегченія страданій людей насъ окружающихъ, но также для удовлетворенія того высшаго стремленія къ дѣятельному самоотверженію, той потребности чистой святой любви, свойственной женщинамъ, которая безъ достойнаго удовлетворенія въ жизни, не рѣдко становится причиною нравственныхъ страданій, вмѣсто того, чтобы быть источникомъ благихъ и полезныхъ дѣлъ. Не всякая женщина способна преодолѣть матеріальныя и нравственныя препятствія, встрѣчаемыя въ семейномъ быту и противудѣйствующія ея благотворительнымъ намѣреніямъ даже и тогда, когда она занимаетъ въ семьѣ второстепенное, или, по видимому, лишнее мѣсто. Не всякая сѣумѣетъ дѣйствовать отдѣльно и самостоятельно на поприщѣ милосердія. Наконецъ, не всѣ женщины расположены къ монастырской жизни; многихъ привлекаетъ дѣятельный трудъ,

а страшить тяжесть обѣтовъ и величіе молитвеннаго подвига. Такимъ женщинамъ слѣдовало бы соединяться въ общинѣ для дѣла милосердія. Въ ученіи Православной церкви онѣ найдутъ и руководство и ту непрерывную связь священныхъ преданій, которая соединитъ ихъ усилія съ первыми подвигами сотрудницъ апостольскихъ. Православная церковь сохранить вмѣстѣ съ тѣмъ ту свободу, ту отвѣтственность совѣсти каждаго предъ правосудіемъ Божиимъ, безъ которой не можетъ сохраниться ни чистота вѣры, ни достоинство человѣческой души, и которую не слѣдуетъ мѣнять на легкое, удобное подчиненіе чужой совѣсти, какъ бы такое подчиненіе ни правилось нашей лѣни и какъ-бы ни способствовало къ достиженію внѣшнихъ цѣлей.

Въ Россіи являлось нѣсколько опытовъ женскихъ общинъ, и онѣ приносили частную пользу. Въ особенности во время послѣдней войны женщины,

посвятившія себя на служеніе страждущимъ, приобрѣли уваженіе и благодарность страдальцевъ. Община, возникшая во время войны и наиболѣе послужившая въ больницахъ Севастополя, и теперь еще продолжаетъ свою полезную дѣятельность; члены ея служатъ въ больницахъ Петербурга съ такимъ усердіемъ и успѣхомъ, что остается только пожелать, чтобы они распространили свои труды далѣе въ уѣздные города, въ деревни и села, гдѣ чувствуется наибольшая потребность такого служенія(*).

(*) Крестовоздвиженская община помѣщается въ принадлежащемъ ей домѣ у Калинкина моста. Въ этой общинѣ 70 сестеръ; онѣ служатъ въ больницахъ Чернорабочихъ, въ больницахъ Морскаго вѣдомства и нѣкоторыхъ другихъ. Въ обширномъ домѣ удобныя помѣщенія для сестеръ, домовая церковь и больница на 15 кроватей. Каждый день принимаются приходящія больныя; сестры, подъ надзоромъ доктора, осматриваютъ ихъ, раз-

VIII

Но для развитія и распротраненія этой общины и подобныхъ ей учрежденій, не достаточны ни денежныя средства, ни сильныя вліянія; необходимо, чтобы народъ и общество сознали ихъ пользу и возъмѣли къ нимъ сочувствіе.— Необходимо Русской женщинѣ сознать блаженство и святость предлагаемаго ей подвига.

Для возбужденія этаго чувства не бесполезно будетъ намъ, кажется, обозрѣть подвиги женщинъ ревностно трудившихся на поприщѣ милосердія и общественной пользы. Мы сожалѣемъ только, что предложенные здѣсь рассказы являются

даютъ лекарство, перевязываютъ раны и проч. Священникъ еженедѣльно читаетъ испытуемымъ поученія, касающіяся ихъ призванія, докторъ преподаетъ практическія свѣдѣнія о медицинѣ и объ уходѣ за больными. Съ распротраненіемъ общины предполагается открыть въ ней училище. Нѣкоторыя сестры и теперь исключительно заняты посѣщеніемъ бѣдныхъ.

IX

въ столь несовершенной формѣ, и надѣемся, что когда нибудь болѣе опытная и искусная рука возьмется за то же дѣло, а покада просимъ снисхожденія читательницъ ради искренняго желанія нашей общей пользы и духовнаго усовершенствованія.

О ДІАКОНИССАХЪ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХЪ ЖЕНЩИНАХЪ ВЪ ПЕРВЫЕ ВѢКА ХРИСТІАН- СТВА.

Обозрѣвая дѣятельность благотвори-
тельныхъ женщинъ, труды которыхъ мо-
гутъ служить намъ руководствомъ и при-
мѣромъ, прежде всего возникаетъ во-
просъ: какъ дѣйствовали женщины въ
первые вѣка христіанства? Какое мѣсто
опредѣлялось трудамъ ихъ въ этомъ
праведномъ и согласномъ обществѣ, про-
никнутомъ духомъ ученія Христова, и
находившемся подъ непосредственнымъ
вліяніемъ святыхъ апостольскихъ пре-
даній? Призывались ли въ то время жен-
щины только къ частнымъ подвигамъ
милосердія, или онѣ допускались къ
общественной открытой дѣятельности?

На первыхъ страницахъ апостольскихъ дѣяній и посланій мы читаемъ о ревностномъ женскомъ участіи въ дѣлахъ милосердія, проповѣди и служенія. Та-вѣа работаетъ для бѣдныхъ; благочестивыя вдовицы, окружающія ее во время болѣзни, показываютъ апостолу Петру платье, (*) сшитыя руками ея; Прискилла наставляетъ юнаго ученика, и помогаетъ Св. Павлу въ апостольскихъ его трудахъ. Лидія принимаетъ апостоловъ и служитъ имъ; дочери Филиппа пророчествуютъ. Апостоль Павелъ съ особеннымъ участіемъ говоритъ объ Фивѣ, служительницѣ Кенхрейской церкви; поручаетъ ее Римской братіи, проситъ принять ее во Господѣ, какъ прилично святымъ, и помочь ей, въ чемъ она можетъ имѣть нужду; ибо и она помогала многимъ. Онъ упоминаетъ также о Маріи, которая много трудилась, о Трифонѣ и Трифосѣ, трудящихся для Го-

(*) Дѣян. IX.

спода, о Еводіи и Синтихіи, и о многихъ другихъ сподвижницахъ. Потомъ онъ говоритъ о вдовицахъ, избираемыхъ для особеннаго служенія при церквахъ. Онъ пишетъ Тимоѳею о необходимой осторожности, съ которою онѣ должны избираться для ученія молодыхъ женъ, принятія странныхъ, воспитанія дѣтей, умыванія ногъ святымъ, чтобы быть усердными ко всякому доброму дѣлу. Въ посланіи къ Титу онъ упоминаетъ даже объ одеждѣ этихъ вдовицъ, о вліяніи наставленій, которыми онѣ должны руководить молодыхъ женщинъ.

Въ апостольскихъ постановленіяхъ женщины, посвящающія себя на благотворительную дѣятельность и служеніе церкви называются *діакониссами*. Обязанности ихъ совпадали совершенно съ обязанностью первыхъ діаконѳовъ. Имъ поручались внѣшнія дѣла, распредѣленіе милостыни, забота о бѣдныхъ и больныхъ. Діакониссы дѣйствовали на женскую часть общества, удаляя такимъ

образомъ всякій поводъ къ осужденію и соблазну. Женщинамъ не позволялось публично учить или управлять, но отличающія ихъ способности были вызваны на служеніе обществу въ дѣлахъ милосердія. Съ помощію Діакониссъ Евангельское ученіе могло проникнуть въ самую среду семейной жизни. Діакониссы должны были, какъ опытныя матери, хозяйки, испытанныя въ дѣлахъ и обстоятельствахъ женской жизни, поддерживать и посѣщать всѣхъ младшихъ женскихъ членовъ христіанскаго общества.

Что касается до избранія Діакониссъ, то дошедшія до насъ свѣдѣнія совершенно не достаточны: вѣроятно, онѣ не вездѣ избирались одинаково. Изъ того, что мы знаемъ о посвященіи первыхъ Діаконовъ, можно заключить, что апостолы допускали избраніе ихъ обществомъ. Такія лица, будучи выбраны отъ общества, сопровождали апостоловъ; вѣроятно Діакониссы избирались такимъ

же образомъ. По мнѣнію Св. Климента, избраніе въ церковныя должности совершалось по совѣту опытныхъ людей съ согласія прихода(*).

Въ постановленіяхъ Александрійской церкви мы читаемъ(**): „Пусть изберутъ три вдовицы, двѣ изъ нихъ должны постоянно пребывать въ молитвѣ, дабы воздавать благодаренія и молиться за каждаго искушаемаго брата. Но одна пусть неотлучно пребываетъ при женщинахъ, одержимыхъ болѣзнями, служа усердно, наблюдая внимательно за всѣмъ, чтобы передать Пресвитеру все нужное. Она должна быть не корыстолюбива, трезва готова постоянно пребывать во бдѣніи и служить въ ночное время. Ежели явдется другая женщина, желающая помочь такой вдовицѣ, то пусть идетъ она по призванію сердца, потому что

(*) Neander T. I p. 322.

(**) Bunsen, *Hypolytus and his age*. V. II p. On the constitutions of the early church.

это суть: добрыя дѣла, заповѣданныя Господомъ.

Въ друготъ весьма древнемъ спискѣ находится: „ Христось не указалъ мѣста женщинамъ для служенія при олтартѣ. Женщины не назначаются на другое служеніе, кромѣ того, чтобы помогать нуждающимся.“ Во многихъ спискахъ апостольскихъ постановленій упоминается объ особенныхъ обязанностяхъ, къ которымъ призываются женщины, и о томъ, что діакониссы не могутъ ни освящать дары, ни служить въ церкви.

„ Вдовы назначаются только такія, „ которыхъ мужья давно умерли и толь- „ ко въ такомъ случаѣ, если онѣ во все „ время вдовства жили честно, не под- „ вергались осужденію и праведно радѣ- „ ли о домашнихъ своихъ, какъ нѣког- „ да Юдиѣ и Анна, женщины цѣло- „ мудренныя. Пусть таковыя избирают- „ ся и причисляются къ лѣцку вдовиць. „ Но не принимайте нездержныхъ, а „ прежде испытывайте ихъ.“

„ Діаконы не благословляютъ; онѣ
„ не исполняютъ всего того, къ чему
„ призваны Пресвитеры и въ послѣдствіи
„ Діаконы; онѣ только хранятъ двери
„ и помогаютъ Пресвитеру во время кре-
„ щенія женщинъ, потому что это имъ
„ прилично(“).“

Въ древней церкви, говоритъ Бунзенъ, обязанность Діакона или помощника выражала въ собственномъ смыслѣ этого слова служеніе больнымъ и бѣднымъ. Помогать другъ другу въ вещественныхъ и духовныхъ нуждахъ, другъ другу доставлять все необходимое для жизни, было обязанностію всякаго христіанина. Святая потребность милосердія такъ глубоко запала въ сознание христіанскаго общества, что изъ нея возникла особенная должность Діаконовъ и Діакониссъ. Последнія избирались изъ благочестивыхъ вдовицъ. Эти вдовы со-

(*) Bunsen V. III p. 55 (ordinances of the church of Alexandria respecting the clergy)

ставляли общество **Діакониссъ**. Открытое недавно Коптское собраніе авостольскихъ постановленій доставляетъ намъ драгоценныя свидѣнія объ этомъ предметѣ. Діаконамъ поручалась раздача милостыни и надзоръ за бѣдными; діакониссы ходили за больными и служили всякому, кто нуждался въ утѣшеніи и помощи. Въ Египетскомъ преданіи сохранился рассказъ о разговорѣ Спасителя съ Мареой и Маріей. Смыслъ этого преданія совершенно сообразенъ съ духомъ Евангельскимъ; въ немъ выражается, что въ христіанскомъ обществѣ слабѣйшая природа женщины, подкрѣпленная и возвышенная почтеніемъ и повиновеніемъ мужу, являетъ въ себѣ новую особенную силу, трудящейся и страждущей любви^(*).

Мозгеймъ въ своей исторіи первыхъ вѣковъ христіанства упоминаетъ о діакониссахъ, какъ объ учрежденіи, ко-

(*) Bunsen V. III p. 231.

торое преимущественно принадлежало восточной церкви. Онъ говоритъ, что избраніе ихъ послѣдовало вскорѣ послѣ посвященія первыхъ діаконовъ, и что діаконыссы избирались изъ вдовъ и женщинъ испытанной добродѣтели, что онѣ наблюдали за порядкомъ и приличіемъ въ церкви и заботились о бѣдныхъ (*).

И такъ мы видимъ, что христіанская церковь призывала женщинъ не только къ тайнымъ, случайнымъ дѣламъ милосердія, которыя исполнялись при другихъ семейныхъ обязанностяхъ, но и къ исключительной общественной дѣятельности. Къ такой дѣятельности призывались въ особенности женщины, свободныя отъ семейныхъ узъ, или окончившія воспитаніе дѣтей, и только такія, которыя внушали довѣріе и могли со-

(*) Mosheim *histoire eclesiastique*. T. I. Для большихъ подробностей о избраніи діаконыссъ онъ указываетъ на сочиненія Zigles Basnage и Bingham.

въ томъ и примѣромъ полезно дѣйствовать на общества. Діакониссамъ поручалась забота о больныхъ, бѣдныхъ, ношенье заключенныхъ христіанъ, утѣшеніе, и укрѣпленіе ихъ во время мученія, соблюденіе порядка между женщинами въ церкви, храненіе дверей во время богослуженія, приготовленіе оглашенныхъ женщинъ къ крещенію, и, наконецъ, омовеніе и похороны умершихъ. Къ несчастію источники скудны и подробности о дѣятельности діакониссъ весьма не многочисленны; однако имена многихъ переданы намъ въ преданіяхъ церкви и въ житіяхъ святыхъ. Вспомнимъ благочестивую Роману, которая вела къ купели крещенія Пелагію, и такъ нѣжно полюбила духовную дочь свою, что горько оплакивала разлуку съ нею. Жена Св. Григорія Нискаго Феозва была діакониссой и помогала мужу въ служеніи страждущимъ въ больницѣ, устроенной этимъ благочестивымъ Епископомъ.

Благодѣтельное вліяніе діакониссъ возбуждало злобу и зависть язычниковъ. Во время тяжкихъ гоненій, въ царствованіе Императора Траяна, въ началѣ втораго вѣка, Правитель Плиній преслѣдовалъ христіанъ въ Вѣстиніи и первыя его жертвы были—діакониссы. Онъ хотѣлъ мученіями и угрозами заставить ихъ отречься отъ Христа, но ничто не устрашило ихъ, и онѣ твердо исповѣдывали вѣру свою.

Св. Игнатій, Епископъ Антиохійскій, принявшій мученическую смерть въ Римѣ въ 107 году, въ письмѣ, написанномъ передъ смертью къ друзьямъ, упоминаетъ о діакониссахъ во Христѣ Исусѣ, хранительницахъ святыхъ преддверій. Въ писаніяхъ Отцевъ церкви сохранились имена благочестивыхъ жёнъ, трудившихся на пользу ближняго, или въ званіи діакониссъ, или въ средѣ семейной жизни. Въ благочестивыхъ семьяхъ Св. Іоанна Златоуста, Василія Великаго, Григорія Богослова, блажен-

ныхъ Иеронима и Августина, или въ кругу людей, находящихся подъ непосредственнымъ влияніемъ ихъ жизни и ученія, мы найдемъ много примѣровъ женской благотворительности.

Изъ святыхъ діакониссъ, которыхъ наиболѣе чтить наша церковь, мы назовемъ Св. Олимпиаду—діакониссу Константинопольской церкви,—сотрудницу Святаго Іоанна Златоуста. Дружба ея утѣшала святаго Епископа среди тяжкаго изгнанія и памятникомъ этой дружбы остались письма, изъ которыхъ мы видимъ, какъ велики были заслуги христіанской подвижницы и какъ просты, какъ дружественны были отношенія великаго Учителя церкви съ духовною дочерью своею.

По несчастію къ намъ дошли весьма не многія подробности о жизни Олимпиады. Мы знаемъ, что она была дочь знаменитаго Константинопольскаго Царедворца; изъ словъ Св. Іоанна Златоуста можно заключить, что семейство

ся не принадлежало къ обществу христіанъ.

„ Ты, говоритъ онъ, изъ нечестиваго дѣла сама собою исторглась и обратилась къ истинѣ. “ Олимпіада была въ молодости помолвлена, но женихъ ея вскорѣ умеръ, и послѣ его смерти она рѣшилась посвятить себя на служеніе Богу. Такое намѣреніе подвергло ее преслѣдованію. Императоръ Феодосій хотѣлъ выдать ее замужъ, но за ея непокорность отнялъ у нея имѣніе и поручилъ его избранному Управителю. Олимпіада великодушно отказалась отъ заботъ управленія, и Императоръ вскорѣ возвратилъ ей отнятое богатство.

Олимпіада посвящала всѣ доходы свои на служеніе церкви, на украшеніе храмовъ, на помощь страждущимъ, призрѣніе больныхъ. Святый Іоаннъ, утѣшая ее въ трудныя минуты болѣзни и гоненія пишетъ ей: „ Вспомни, какъ ты отъ самой юности питала Христа, когда Онъ алкалъ; поила Его, когда Онъ жаждалъ,

нагаго одѣвала, страннаго ввела въ домъ свой, больнаго призрѣла, бывшаго въ темницѣ посѣтила. Не только домъ твой открытъ всякому приходящему: но въ саду на землѣ и на морѣ есть люди, которые испытали щедрость твою и страннопримство.“

Архіепископъ Нектарій поставилъ Олимпіаду діаконисею Константинопольской церкви. Она ревностно исполняла дѣло своего служенія; принимала великихъ современныхъ ей учителей Св. Григорія Богослова, Епифанія Кипрскаго, Петра Севастійскаго и многихъ другихъ и помогала имъ.

Еще во время пребыванія Св. Іоанна въ Царьградѣ, Олимпіада подвергалась клеветамъ и осужденію отъ непріятелей его; ее преслѣдовалъ Теофилъ Александрійскій, но самымъ тяжелымъ для нее испытаніемъ было изгнаніе Іоанна. Въ житіи Св. Іоанна Златоустаго мы находимъ трогательное описаніе его прощанія съ діаконисеями. Передъ удаленіемъ

своимъ изъ Константинополя онъ зашелъ въ арятворъ крещальный, повола къ себѣ Олимпиаду и нѣкоторыхъ другихъ діакониссъ и сказахъ имъ: „конецъ мой, кажется, приблизился; я кончилъ свое дѣло; вы меня, быть можетъ, не увидите, но я убѣждаю васъ продолжать служить церкви съ такою же ревностно, съ такимъ же усердіемъ, какъ служили при мнѣ, и вспоминайте обо мнѣ въ молитвахъ.“ Благочестивыя вдовы обливаясь слезами, цѣловали его ноги. Св. Іоаннъ велѣлъ увести ихъ въ уединенное мѣсто и тайно вышелъ изъ церкви.

Ни благочестіе, ни высокое званіе Олимпиады не избавили ея отъ гоненій; послѣдовавшихъ неслѣ отъзда Св. Іоанна. Ее подозрѣвали въ участіи въ ужасномъ пожарѣ, истребившемъ царьградскія церкви. Ее призывали въ судъ и спрашивали; зачѣмъ она истребляетъ

(*) Жизнь Іоанна Златоуста.

храмы Господни? Она отвѣчала, что вся жизнь ея свидѣлствуетъ противъ такого обвиненія и что она, столько жертвовавшая на украшеніе храмовъ, конечно не могла стараться о ихъ разрушеніи.

Тогда судья, принявъ тонъ наставника, сказалъ, что онъ глубоко сожалѣть о почтенныхъ женщинахъ, которыя съ такимъ упорствомъ отвергаютъ совѣты новаго Епископа, и что, подчинившись ему, она могла бы избавиться отъ многихъ непріятностей. Нѣкоторыя женщины послѣдовали коварному совѣту, но Олимпиада твердо и разумно отвѣчала, что такъ какъ ее остановили посреди народнаго собранія и обвиняютъ въ страшномъ преступленіи; то теперь она должна оправдать себя; что для этого ей слѣдуетъ выбрать защитниковъ, обдумать свои отвѣты, и что теперь не время отклонять ее отъ дѣла, вовлекая въ ненужные разговоры, не касающіеся до возбужденнаго противъ нея подозрѣнія.

Олимпіада прибавила, что ни какое насиліе не принудитъ ее сдѣлать то, что должно быть ненавистно всякому благочестивому человѣку—сообщиться съ гонителями и врагами истины.

Правитель Царьграда, видя ея твердость далъ ей время переговорить съ ея адвокатомъ, а на другой день призвалъ ее и принуждалъ завлать большую сумму денегъ, ежели она не покорится новому Епископу; онъ надѣялся тѣмъ склонить ее къ признанію его власти. Но Олимпіаду не тронула потеря денегъ: она готова была отдать за правое дѣло послѣднюю каплю крови. Святій Іоаннъ благодарилъ ее въ письмахъ своихъ за ея непоколебимую твердость.

„Я не чувствую теперешняго своего одиночества, писалъ онъ, я восхищенъ твоей твердостью и побѣдой. Радуюсь не только за тебя одну, но и за весь

(*) Vie de S-t Jean Chrysostome par Méant.

этотъ великій и многолюдный городъ, для котораго ты стала, какъ сторожевой стоякъ, какъ пристань и крѣпость, своими дѣлами и поведеніемъ, подавая примѣръ, терпѣливостъ научая людей обоего пола доспѣшию готовиться на битву и съ полнымъ мужествомъ, выступать на поприще борьбы.“

Какъ видно, въ это время болѣзнь удерживала Олимпіаду дома; Ты не бросаешься на варадную площадь; пишешь ей Св. Іоаннъ, не выходишь на средину города, ты сидишь въ маленькомъ домикѣ, сидишь больная на своемъ ложкѣ; а между тѣмъ всѣхъ одушевляешь, благословля ихъ на брань. Море бѣшено, волны высоки, ночь темна, вездѣ подводные камни, а ты, какъ въ ясную погоду, развернувши парусъ терпѣнія, плывешь легко и спокойно; жестокая буря современныхъ происшествій не погружаетъ тебя въ волны.“

Олимпіада вскорѣ должна была удалиться въ Кизикъ; отсюда ее сослали въ

Никоимъ, гдѣ она жила. послѣдніе годы жизни. Тула часто писалъ ей Св. Іоаннъ, и старался письмами разсѣять тяжелую скорбь ея души. „Я бы хотѣлъ, пишетъ онъ, не только избавить тебя отъ скуки, но явить въ твою душу постоянное спокойствіе. Спокойствіе духа зависитъ не отъ законовъ природы, которыхъ нельзя избѣгнуть, но отъ свободныхъ дѣйствій воли нашей, съ которыми мы легко можемъ сладить. Не столько во внѣшнихъ обстоятельствахъ, сколько въ мысляхъ человека, замѣчается доводство духа. Не унывай, сестра, встань и подай руку мнѣ, помоги моему слову, будь мнѣ добрымъ товарищемъ въ борьбѣ съ печалью твоею и смутными помыслами.“

Изъ письма Св. Іоанна видно, что Олимпиада жестоко страдала отъ тяжкой разлуки съ своимъ учителемъ и отъ болѣзни, которая мѣшала ея дѣятельности. „Не думай, пишетъ ей Св. Іоаннъ, что ты ведешь жизнь пустую и безцельную,

потому что сидишь дома безвыходно и прикована къ одру болѣзни. Не желай смерти, не пренебрегай леченіемъ тѣла; видишь, что и Павелъ убѣждаетъ Тимофея пеѣчься о своемъ здоровѣ. Брось печаль свою, и прославляй Бога: ты всегда это дѣлала и теперь продолжай: благодари Его за тяжкія и горестныя приключенія нашего времени^(*).

Не напрасны были увѣщанія добраго настыря. „Естественно и обыкновенно, пишетъ онъ ей, что отъ постоянныхъ искутаній струны души твоей сдѣлались благозвучнѣе, и что въ тебѣ явилась большая сила и готовность къ борьбѣ, и ты наконецъ находишь великое удовольствіе въ подвигахъ. Таково свойство страданій; когда онѣ объемлютъ душу высокую и мужественную, то обыкновенно дѣлаютъ ее еще крѣпче. Вотъ почему говоритъ Павелъ: „Скорбь терпѣніе содѣлываетъ, терпѣніе же искусство.“

(*) Письма святаго отца нашего Іоанна Златоуста къ Олимпіадѣ діакоинсѣ.

Въ жизни Святаго Іоанна Златоуста мы встрѣчаемъ имена другихъ благочестивыхъ женъ. Одна изъ извѣстныхъ его духовныхъ дочерей была Никорета; она удалилась изъ Царьграда вскорѣ послѣ изгнанія своего пастыря.

Никорета принадлежала къ знатному дому въ Никомидіи и прославилась благочестіемъ. Созоменъ пишетъ, что онъ не встрѣчалъ женщины смиреннѣе и праведнѣе ея. Всякому житейскому дѣлу и развлеченію она предпочитала служеніе Богу и Его церкви. Необыкновенное мужество поддерживало ее въ тѣхъ испытаніяхъ и дѣйствіяхъ, которымъ подвергалась ея жизнь. Безъ огорченія перенесла она потерю значительнаго имѣнія, которое получила отъ своихъ родителей и мудро располагала небольшими оставшимися у ней средствами. Преклонныя лѣта, казалось, должны были умножить ея требованія и нужды; но она умѣла ограничиться необходимымъ и, отдѣливъ то, что было нужно для служителей и

для себя самой, она все остальное отдала бѣднымъ. Милосердіе и добродушіе помогали ей находить различные способы приносить помощь страждущимъ: она служила больнымъ и выучилась сама готовить лекарства. Многіе друзья прибѣгали къ ней въ недугахъ, получали облегченіе отъ ея лекарствъ послѣ того, какъ и опытные врачи отказывались лечить ихъ. Богъ благословилъ всѣ ея предпріятія на пользу ближняго. Созомень говоритъ, что добрыя ея дѣла были мало извѣстны, потому что скромность ея была чрезвычайно велика. Она считала себя недостойной высокаго званія діакониссы, и постоянно отказывалась отъ избранія, не смотря на то, что Святой Іоаннъ Златоустъ убѣждалъ ее принять это званіе на себя и быть руководительницею другихъ младшихъ женщинъ, посвятившихъ себя на служеніе церкви и на помощь страждущимъ.

Другая знаменитая діаконисса была Пентадія, вдова Консула Тимаза. Во

время гоненія на Св. Іоанна Златоуста, она показала необыкновенное мужество. Святый Іоаннъ писалъ къ ней, что слухъ о ея непоколебимой твердости и любви былъ для него лучшимъ лекарствомъ во время болѣзни. Мы видимъ изъ писемъ Святаго, какимъ испытаніямъ подвергалась Пентадія. Ее влчили по судилищамъ, бросали въ темницу, противъ нея возбуждали ложныхъ свидѣтелей; но она не боялась ни клеветы, ни осужденій. Смерть не утрашала ее; въ ея глазахъ мучили благочестивыхъ людей въ той надеждѣ, что она рѣшится сказать неправду и признаетъ себя участницей дѣла, котораго никогда не было у ней на умѣ. Но она расторгла сѣти, которыми хотѣли ее опутать, и, какъ орлица свободно воспарила. Неустрашило обличала она коварныхъ клеветниковъ и высказала всю истину о томъ пожарѣ, который доставилъ столько выгоды нечестивымъ обвинителямъ и судьямъ. Твердость этой достопочтенной діа-

кониссы была по истинѣ предметомъ назиданія для всѣхъ защитниковъ Святаго Іоанна. Онъ узналъ чрезъ нѣкоторое время, что Пентадія хочетъ удалиться изъ столицы, и писалъ къ ней, желая отклонить ее отъ такого намѣренія. Онъ просилъ ее возбуждать въ Царьградѣ ревность защитниковъ истины и обѣщалъ ей помощь и благословеніе Божіе. Онъ останавливалъ ее не затрудненіями утомительнаго путешествія, но мыслью о пользѣ, которую она можетъ приносить въ столицѣ, гдѣ она будетъ крѣпостью гонимыхъ; пристанью и защитою огорченныхъ. Онъ говорилъ, что пребываніемъ своимъ она собираетъ великія сокровища, благопріятно дѣйствуя благимъ примѣромъ добрыхъ дѣлъ.

Гонители не щадили и другихъ духовныхъ дочерей Св. Іоанна. Онъ съ особеннымъ уваженіемъ упоминаетъ въ письмахъ своихъ о діакониссахъ Прокулѣ, Вассіанѣ, Колхидіи и Асинкритіи. Обсто-

ательства ихъ осужденія, страданія, которыми онѣ подвергались, были записаны очевидцами. Ничто не спасло ихъ отъ гоненій, ни знатный родъ, ни высокое званіе діакониссъ. Послѣ долгихъ мученій, ихъ присудили къ значительной денежной пени.

Величайшимъ утѣшеніемъ для Святителя во время тяжкаго его изгнанія было посѣщеніе престарѣлой діакониссы Севиньяны, тетки Святаго Іоанна. Онъ самъ пишетъ о ней: „Въ тотъ же день, какъ я прибылъ сюда, Севиньяна пришла скорбная, изнуренная, хотя она въ такомъ возрастѣ, въ которомъ уже трудно двигаться съ мѣста. Впрочемъ легкость и живость духа у ней юношескія, она не чувствуетъ никакихъ огорченій. Она сказала мнѣ, что готова идти со мною въ Скинію, если только справедливъ тотъ слухъ, что меня отведутъ туда. Она твердо рѣшилась никогда не возвращаться къ своимъ, а жить тамъ, гдѣ буду я. Питомцы церкви и ее при-

няли съ большимъ усердіемъ и ласка-
ми“ (*).

Мы находимъ въ твореніяхъ Св. Іоан-
на Златоустаго также письмо изъ зато-
ченія къ сестрѣ своей: „Двукратныя
крѣпкія узы связываютъ меня съ тобою,
говоритъ онъ ей, любезнѣйшая сестра, —
природа и благодать. Я тебя люблю по-
тому, что мы имѣемъ одну и ту же
мать, но еще болѣе люблю и почитаю,
потому, что ты, оторвавшись отъ міра,
поправъ всю его суету, презрѣвъ, какъ
дымъ и пыль, его почести и удоволь-
ствія, вознеслась къ небу на крыльяхъ
вѣры и благочестія. Я радуюсь, видя,
что твое стремленіе къ небу не задер-
живается ни услугами мужу, ни забо-
тами о воспитаніи дѣтей, ни попеченія-
ми о домѣ, ни развлеченіями мірскими.
Я радуюсь, что никакія связи, никакія
дѣла не останавливаютъ твоего быстра-

(*) Vie de S-t Jean Chrysostome par Mé-
nart.

го теченія къ себѣ, и что всѣ препятствія, которыя могли бы задержать тебя, ты разрываешь, какъ паутину. Я считаю нужнымъ выразить тебѣ истинную мою радость о твоемъ образѣ жизни, но еще болѣе почитаю нужнымъ объяснить тебѣ о тѣхъ трудахъ и заботахъ, которыя терплю, и о ссылкѣ, на которую осужденъ. Впрочемъ, узнать обо всемъ ты имѣешь много средствъ и безъ меня, и твое нѣжное участіе и безпокойство за меня имѣютъ болѣе нужды въ успокоеніи. Успокойся и утѣшься тою мыслию, что жизнь человѣческая есть путешествіе, и что путь добродѣтели есть путь страданій, тогда какъ порокъ идетъ по стезямъ наслажденій. Не скорби о людяхъ гонимыхъ, но почитай ихъ счастливыми, потому что ихъ терпѣніе увѣнчается славою и безсмертіемъ, если они будутъ терпѣть съ преданностію волю Божіей. Не безпокойся о моей участи: несчастія, претерпѣваемые мною, кажутся ничтожными въ моихъ глазахъ,

когда я подумаю о наградахъ. Переноси сама съ мужествомъ собственныя страданія, а обо мнѣ не думай много, вмѣсто того займись лучше воспитаніемъ своихъ дѣтей, а особенно милаго дитяти Епифанія. Тебѣ извѣстна важность воспитанія ихъ и тѣ награды, которыя Господь уготовляетъ родителямъ, тщательно исполняющимъ свою священную обязанность. Св. Апостоль. Павелъ убѣждаетъ родителей воспитывать дѣтей въ страхъ и любви Божіей.“

Естественно, что и Іоаннъ Златоустъ, и благочестивая его сестра, вполне оцѣняли важность попеченій доброй матери, незамѣнимое сокровище ея наставленій и любви. Оба они были воспитаны женщиной столь благочестивой и замѣчательной, что добродѣтель ея возбуждала изумленіе и благоговѣніе язычниковъ. Извѣстный философъ Ливаній, учитель Св. Іоанна Златоуста, восклицалъ, говоря объ Анеусѣ, матери его: „какія удивительныя женщины у этихъ христіанъ!“

Анеуса осталась 20 лѣтъ вдовой, послѣ смерти любимаго мужа Секунда, который занималъ важное мѣсто въ Антиохіи, и съ которымъ она жила въ совершенномъ счастіи; послѣ смерти мужа она посвятила себя совершенно воспитанію дѣтей и никогда не хотѣла вступать во второй бракъ. Положеніе вдовы было особенно трудно въ то время, когда почти не было примѣра, чтобы женщины, оставшіяся вдовами въ столь молодыхъ лѣтахъ, пребывали безбрачными; она сама описала всѣ свои скорби и затрудненія, когда упрашивала сына не покидать ее и не удаляться въ монастырь. Узнавъ намѣреніе сына, Анеуса взяла его за руку, повела въ свою комнату, посадила на ту кровать, на которой онъ родился, горько заплакала и потомъ, какъ рассказываетъ самъ Іоаннъ, произнесла слова, которыя были еще грустиѣе ея слезъ: „сынъ мой, сказала она, я недолго жила съ добрымъ отцемъ твоимъ. смерть его, по-

слѣдовавшая вскорѣ за болѣзнями твоего
рожденія, принесла тебѣ сиротство, а
мнѣ преждевременное вдовство со всѣми
его горестями, которыя могутъ быть
извѣстны только однимъ вдовицамъ. Ибо,
никакими словами не возможно изобра-
зить той бури и того волненія, которо-
му подвергается дѣва, недавно вышед-
шая изъ отческаго дома, еще не опыт-
ная въ дѣлахъ жизни, и вдругъ глубо-
ко пораженная скорбію, принужденная
принять на себя заботы, превышающія
возрастъ и самую природу ея. Она долж-
на исправлять нерадѣніе слугъ, примѣ-
чать ихъ коварство, разрушать злые за-
мыслы родственниковъ, мужественно пе-
реносить притѣсненія и безжалостныя
требованія собирателей податей. Если
же, послѣ кончины супруга, останутся
дѣти, положимъ, останется дочь, то и
она будетъ причинять заботы матери,
но эти заботы не будутъ соединены съ
издержками и страхомъ. Но за сына;
она подвергается тысячъ опасеній каж-

дый день и великими заботамъ. Однако, никакія невыгоды моего положенія не заставили меня вступить вторично въ бракъ и ввести другаго супруга въ жилище отца твоего. Посреди смятеній и безпокойствъ я пребыла твердою, не бѣжала изъ разкаленной печи, справедливо изображающей состояніе вдовицъ. Во первыхъ меня подкрѣпляла Вышняя помощь. Не мало утѣшалась я и тѣмъ, что всякую минуту, смотря на твое лице, видѣла въ немъ живой и вѣрный образъ отца твоего. Будучи еще младенцемъ, едва умѣя лепетать, ты уже приносилъ мнѣ много отрады. Я сохранила въ цѣлости все оставшееся имущество и вмѣстѣ не жалѣла никакихъ издержекъ, необходимыхъ для твоего воспитанія, и употребляла на это свое имущество, которое я принесла изъ дому отца своего. За всѣ мои попеченія, прошу одной благодарности: не дѣлать меня во второй разъ вдовицею. Потерпи до кончины моей, жизнь моя не долго

• продолжится. Тѣ, которые цвѣтутъ юностию, надѣются достигъ глубокой старости, а состарѣвшіеся ничего не ожидаютъ, кромѣ смерти. Когда предашь тѣло мое землѣ и прахъ мой соединишь съ прахомъ отца, тогда предпринимай далекія путешествія. Но пока я еще дышу, не разлучайся со мною.“ Святой Іоанъ Златоустъ исполнилъ просьбу матери, онъ не оставлялъ ее до самой смерти, и только послѣ ея кончины, распустивъ рабовъ своихъ и отдавъ имѣніе бѣднымъ, посвятилъ себя иноческой жизни(*).

Нѣкоторыя письма Святаго Іоанна Златоуста обращены къ благочестивымъ женщинамъ, обитавшимъ въ Римѣ. Опъ хвалитъ милосердіе и благочестіе Юліаны и дочери ея Деметріи. Въ письмахъ блаженнаго Іеронима встрѣчаются имена этихъ благочестивыхъ женщинъ. Есть также письмо Святаго Іоанна къ Пробіи,

(*) Жизнь Св. Іоанна Златоуста.

вдовѣ Префекта; имя ея находится и въ твореніяхъ блаженнаго Августина. Онъ посвятилъ ей письмо свое о молитвѣ. Въ письмѣ къ другой благочестивой Римлянкѣ Италикѣ, Святой Іоаннъ призываетъ всѣхъ женщинъ къ дѣятельной помощи служителямъ церкви, и говорить о пользѣ, которую онѣ могутъ приносить.

„ Въ дѣлахъ свѣтскихъ, пишетъ онъ, обязанности мужчинъ и женщинъ строго разграничены. Природа женщины, ея привычки, естественное призваніе, указываютъ ей на дѣятельность противоположную той, которой предаются мужчины. Она скрывается въ домѣ, дѣйствуетъ въ тихомъ семейномъ кругу. Онъ ходитъ по судамъ и хлопочетъ о о дѣлахъ гражданскихъ, озабоченъ государственными интересами.

Но въ дѣлахъ церковныхъ нѣтъ никакого различія; тутъ всѣ равно призываются къ служенію, и женщины трудятся не рѣдко еще съ большимъ рве-

ніемъ и успѣхомъ, чѣмъ мужчины. Св. Іоаннъ приводитъ въ примѣръ тѣхъ святыхъ женщинъ, о которыхъ Св. Апостолъ Павелъ упоминаетъ въ своихъ посланіяхъ.

Въ семействѣ Св. Василя Великаго мы встрѣчаемъ многіе примѣры женской благотворительности. Мать его Еммелія была достойной руководительницею того семейства, изъ котораго просіяла добродѣтель Василя Великаго, Григорія Нисскаго и Св. Макрины. Григорій Нисскій самъ описалъ жизнь старшей сестры своей Макрины. Макрина, отказавшись отъ брата, осталась при матери и всячески помогала ей въ управленіи домою; трудами своими она облегчала для матери многосложное дѣло воспитанія и содержанія большаго ихъ семейства. Макрина сама пекла хлѣбъ на всю семью и нерѣдко работала за деньги, чтобъ доставить семьѣ все необходимое. Она уговорила Св. Василя посвятить себя на служеніе Богу; примѣромъ своимъ она

такъ дѣйствовала на мать, что Емелія рѣшилась отказаться отъ всякаго тщеславія и суеты и трудиться наравнѣ съ служанками, какъ давно это дѣлала Макрина. Она въ своемъ домѣ устроила общежительный монастырь, Макрина сдѣлалась настоятельницей этого монастыря, послѣ смерти своей матери. Монахини отличались смиреніемъ и бѣдностію своею; онѣ не имѣли никакой собственности. Макрина, раздѣливъ имѣніе между братьями, оставила себѣ небольшую часть, которую отдала бѣднымъ. Послѣ ея смерти у нея нашли лишь власяницу, да желѣзный крестъ съ частью животворящаго креста. Св. Григорій Нисскій оставилъ описаніе смерти добродѣтельной сестры своей. Онъ также записалъ бесѣду ея съ нимъ послѣ смерти Св. Василія о *воскресеніи*.

Мы упомянули прежде о добродѣтельной Θεозвѣ, діакониссѣ, женѣ Св. Григорія Нисскаго; святые подвиги ея удостоились похвальныхъ словъ Василія Ве-

лакаго, она умерла еще въ молодости.

Хотя въ семействѣ Св. Григорія Бого- слова мы не находимъ женщинъ, исклю- чительно посвятившихъ себя на служе- ніе человѣчеству, но нельзя не упомя- нуть о высокихъ примѣрахъ добродѣте- ли, которые представляетъ намъ жизнь Св. Нонны, матери Св. Григорія, и Гор- гоніи, сестры его. Благочестивая Нон- на просила Бога о дарованіи ей сына, и какъ въ древности Анна—мать Са- шуила, обѣщала посвятить новорожден- наго Богу. Ей было предсказано въ ви- дѣніи о рожденіи сына, и съ первыхъ лѣтъ жизни Григорія, она поучала его все посвящать Богу, всѣмъ Ему жер- твовать. Св. Григорій въ стихотвореніи о своей жизни рассказываетъ о томъ, какъ мать объяснила ему исторію жер- твоприношенія Исаака, и старалась воз- будить въ немъ желаніе исполнить обѣтъ, данный ею при его рожденіи. Какъ только выучился онъ читать, она вру- чила ему Евангеліе и сказала, что дастъ

ему лучшее, драгоценнѣйшее сокровище. Григорій сравниваетъ мать свою съ святыми женами ветхозавѣтными; онъ называетъ родителей своихъ новыми Авраамомъ и Саррою, и говоритъ, что отъ нихъ сестра его Горгонія получила бытіе и славу. Св. Григорій говоритъ о святой жизни сестры своей, о благотворномъ ея вліяніи на мужа, на благое воспитаніе, данное ею дѣтямъ, которымъ служила примѣромъ во время жизни, которыхъ и послѣ смерти руководила наставленіями. Подробно описывая ея общежительность, любовь къ мужу, строгость къ себѣ самой и любовь къ ближнимъ, Св. Григорій упоминаетъ также о ея благотворительной дѣятельности. „ Чья рука была щедрѣе для нуждающихся? Я смѣло обращаю въ похвалу ей слово Іова, „ дверь ея всякому приходящему отвергата бѣ и внѣ не водворяшеся странникъ.“ Она была око слѣпымъ, нога хромымъ и мать сиротамъ. О милосердіи ея ко вдовамъ нужно ли

говорить? Домъ ея былъ пристанищемъ для бѣдныхъ родственниковъ, имуществомъ ея пользовались всѣ нуждающіеся. По неживому обѣщанію она много вложила въ житницы; въ лицѣ многихъ, получавшихъ благодѣянія, принимала Христа. И всего лучше то, что она не искала похвалы человѣческой, а дѣлала добро втайнѣ.“

Многія другія женщины посвящали себя на служеніе ближнему. Мы встрѣчаемъ въ житіяхъ святыхъ имена Марѳы, Таисіи, которыя служили больнымъ и нищимъ. Анастасія узорѣшительница посвятила себя на служеніе заключеннымъ, посѣщала гонимыхъ христіанъ, и неуныпно помогала имъ. Наконецъ, подвиги милосердія совершались въ стѣнахъ монастырскихъ. Св. Синклитикія считается основательницей женскихъ общежительныхъ монастырей. Родители ея были родомъ изъ Македоніи, поселились въ Александрію, гдѣ въ то время процвѣтало благочестіе. Синклитакія рѣши-

лась жить для одного Бога, отказывала женихамъ, которыхъ привлекали ея богатство и знатность, и привыкла къ посту и лишеніямъ, среди роскоши и удобствъ богатаго родительскаго дома. Послѣ смерти родителей, она отдала бѣднымъ все свое имѣніе, и удалилась вмѣстѣ съ слѣпою сестрою своею въ пещеру, которая первоначально служила мѣстомъ погребенія. Тамъ она безпрестанно молилась, питалась хлѣбомъ и водою, и подражала строгой жизни Св. Антонія. Многія благочестивыя вдовы и дѣвицы захотѣли раздѣлить ее уединеніе и слушать ея наставленія и поселились около нея. Она обращалась съ ними съ христіанскою любовью, увѣщавала трудиться для Бога и ближняго, съ постоянствомъ и твердостію удалять отъ себя дурныя мысли, не пренебрегать исправленіемъ самыхъ мелкихъ и по видимому ничтожныхъ недостатковъ, любить послушаніе, удаляться отъ тщеславія и гордости. Богъ испыталь

Синклитикію тяжкими страданіями, какъ вѣкогда праведнаго Іова. Тѣло ея покрылось ужасными ранами, которыя лишили ея слуха и зрѣнія, и, наконецъ, возможности принимать пищу. Страшный ракъ, распространившійся по ея лицу, пугалъ самыхъ твердыхъ и преданныхъ ей женщинъ, но святая не переставала переносить страданія съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и мужествомъ, говорила, что должна покоряться посланному ей испытанію и не просить исцѣленія. Передъ кончиной ея укрѣпило и утѣшило небесное видѣніе, и она предсказала день своей смерти.

Святый Пахомій также основалъ женскій монастырь. Сестра его пришла поспѣтить его уединеніе, но онъ не захотѣлъ принять ее и повелѣлъ ей трудиться такъ, какъ трудился онъ самъ. Онъ велѣлъ построить для нея келью, не подалеку отъ своего монастыря; туда къ ней присоединились другія женщины, и въ 420 году число ихъ дошло до

400. Никто не посѣщаль ихъ, кромѣ священника и діакона,—допускались и монахи, у которыхъ были близкія родственницы въ женской обители, но не иначе, какъ въ присутствіи Настоятельницы и старшихъ сестеръ. Монахи помогали инокинямъ въ постройкахъ, земледѣліи, и въ другихъ трудныхъ работахъ, а монахини ткали и шили одежды для мужскаго монастыря. Когда монахиня умирала, сестры выносили ее на нѣкоторое разстояніе отъ монастыря; туда приходили монахи и хоронили умершую на своемъ кладбищѣ.

Во время гоненій Діоклитіана была замучена молодая 26-лѣтняя инокиня Февронія, извѣстная своею красотою, мудростью и святостью жизни. Каждую пятницу она читала поученія приходящимъ женщинамъ, но никто не видалъ ее, потому что мѣсто, на которомъ она стояла и съ котораго говорила, было окружено завѣсою. Она никого не принимала, кромѣ сестеръ своихъ монахинь.

Однажды, одна богатая вдова сенатора пришла къ ней въ одеждѣ монахини, и провела всю ночь въ бесѣдѣ съ нею. Онѣ читали вмѣстѣ Евангеліе. Февронія объяснила ей ученіе Іисуса Христа; онѣ, нѣжно обнимая другъ друга, говорили о путяхъ спасенія. Свѣтская женщина вышла отъ нея обращенная и исправленная. Февронія смутилась, узнавъ, что ее посѣтила не бѣдная сестра, а богатая женщина жившая въ мірѣ. Вдова сенатора отказалась отъ втораго брака, и сдѣлалась вѣрной подругой Февроніи. Она не отходила отъ нея и вѣрно служила ей въ продолженіи тяжелой болѣзни, которая принудила ее не сходить съ той узкой скамьи, на которой она доселѣ предавалась лишь недолгому отдохновенію. Эта болѣзнь помѣшала Февроніи бѣжать съ прочими монахинями во время гоненія; ее схватили, привели къ мучителю и предали страшнымъ истязаніямъ. Старая игуменья шла за нею, издали слѣдила за мученіями

и возбуждала ее къ терпѣнію громкими молитвами. Юная страдальца пала послѣ долгихъ мученій подъ ударами меча. Ея смерть обратила многихъ на путь спасенія, а вѣрная ея подруга, — вдова сенатора, немедленно пришла въ монастырь, принесла игуменѣ свои золотыя украшенія и все богатство свое и сказала, бросаясь къ ея ногамъ: „возьми меня, мать моя, въ служительницы твои на мѣсто Февроніи.“ Память святой особенно почиталась въ Месопотаміи, гдѣ находился монастырь ея. Епископы приводили ее въ примѣръ, а сестрамъ казалось, что она невидимо присутствуетъ въ церкви и поетъ вмѣстѣ съ ними во время богослуженія. Особенный подвигъ благотворительности, который совершила Февронія, поучая приходящихъ женщинъ, служить указаніемъ на то, что могло бы совершаться въ женскихъ монастыряхъ нашихъ. Съ какою пользою монахини могли бы воздѣйствовать на окружающее ихъ смиренное, вѣрующее,

но не просвѣщенное женское народонаселеніе, предлагая ему въ стѣнахъ, освященныхъ молитвой и священными преданіями, уроки благочестія, запасъ полезныхъ свѣдѣній, и назидательныхъ книгъ.

Въ древности монастыри нерѣдко посвящались дѣлу воспитанія и обученія. Мы знаемъ, что сестра блаженнаго Августина основала монастырь, въ которомъ воспитывались дѣти, оставленные на попеченіе церкви. Въ сочиненіяхъ блаженнаго Августина есть посланіе къ монахинямъ этого монастыря. „Созерцающая дары, ниспосланные вамъ Богомъ, пишетъ онъ, сердце мое отдыхаетъ отъ возмущающихъ его нечестій, которыя вижу со всѣхъ сторонъ.“ Въ послѣдствіи между монахинями возникли нѣкоторыя несогласія; по этому поводу Августинъ написалъ еще нѣсколько посланій. Послѣ этого онъ сочинилъ для нихъ правила. Эти правила, написанныя въ 420 году для монахинь города Ип-

поны, были приняты въ царствованіе Карла Великаго многими монастырями на западѣ; они были значительно измѣнены, но имя блаженнаго Августина сохранилось во многихъ женскихъ монастыряхъ и общинахъ латинской церкви. Отъ блаженнаго Августина и сестры его мы перейдемъ къ разсказу о жизни ихъ благочестивой матери Моники.

М О Н И Б А .

Жизнь великихъ Учителей Церкви представляетъ поразительныя доказательства того, какъ сильно вліяніе матери на воспитаніе дѣтей, на развитіе ихъ характера и направленіе воли, какъ прочно впечатлѣніе первыхъ ея уроковъ, какъ полезенъ ея бдительный и постоянный надзоръ. Великіе проповѣдники ученія Христова, по собственному ихъ признанію, обязаны матерямъ своимъ первымъ урокомъ, обусловившимъ всю будущую ихъ дѣятельность; отъ нихъ получали они святая сѣмена благочестія и вѣры. Мать и бабка Св. Апостола Тимоѳея—Лонда и Евника приготовили юнаго подвижника къ принятію исти-

ны; Анеуса воспитала Св. Іоанна Златоуста; Нонна—Григорія Богослова, Емелія—Св. Василя Великаго. Наконецъ съ именемъ блаженнаго Августина неразлучно воспоминаніе о матери его Моникѣ, жизнь которой онъ такъ подробно и трогательно описалъ въ своихъ запискахъ. Моника не предавалась исключительно дѣламъ милосердія, но вліяніе ея на окружающую среду, было такъ велико и благотворно; она дѣйствовала такъ разумно, что мы рѣшились представить краткій обзоръ ея жизни, заимствованный изъ исповѣди блаженнаго Августина.

„ Я не могу, пишетъ онъ, умолчать о той особѣ, столь ревностно Тебѣ послужившей, о той, которая носила меня на груди своей и даровала временное существованіе, и потомъ вторично родила меня духомъ и доставила вѣчную жизнь. Ты, Господи, сотворилъ ее, но родители ея не знали, что будетъ съ нею. Ты, Господи, милосердіемъ Іисуса Христа,

Спасителя нашего, вѣчно бдящаго надъ нами для нашего спасенія, доставилъ ей драгоцѣнныя преимущества родиться въ Христіанской семьѣ, въ семьѣ, которая своимъ благочестіемъ украшала Церковь, и въ которой Моника была воспитана въ страхъ Божіемъ.

Мать моя не столько хвалилась попеченіями родителей о ея воспитаніи, сколько заботами старой няни, которая носила на рукахъ еще отца моей матери. Преклонныя лѣта этой женщины, ея необыкновенная добродѣтель и служба у дѣда моего доставили ей почетное мѣсто въ этой христіанской семьѣ, и родители поручили ей воспитаніе дочерей своихъ. Она внимательно исполняла свою обязанность, учила ихъ съ большою предусмотрительностію, удаляя осторожно все, не свойственное ихъ слабому возрасту; употребляла, когда было нужно, святую строгость и необходимую твердость.

Но, не смотря на ея бдительный над-

зорь, Моника едва не впала въ опасный грѣхъ. Она была еще почти ребенкомъ, когда мать, видя ея необыкновенное благоразуміе, поручила ей ключъ отъ погреба и велѣла ежедневно разливать вино на домашнее употребленіе. Моника, изъ шалости и непослушанія, стала пробовать вино, сначала по немногу, потомъ нѣсколько больше, и привычка могла бы сдѣлаться весьма опаснымъ порокомъ, ежели бы ее разомъ не исправило обидное замѣчаніе служанки. „Гдѣ была старая няня,“—пишетъ блаженный Августинъ:—„къ чему послужили ея благіе совѣты, къ чему служатъ всѣ старанія и предосторожности наши, ежели Ты, врачъ истинный душъ нашихъ, не придешь и не приложишь руку, чтобы излечить тайныя раны нашего сердца. И здѣсь Ты совершилъ исцѣленіе идали отъ родителей и воспитателей. Ты нерѣдко употребляешь въ нашу пользу даже злое расположеніе враговъ нашихъ. Слово служанки вошло въ сердце моей

матери, какъ острое жало, открыло ей глаза и совершенно исправило. Такъ ласки и похвалы друзей нерѣдко насъ приводятъ къ погибели и портятъ насъ, а ненависть и гнѣвъ враговъ возбуждаютъ въ насъ раскаяніе и приводятъ къ исправленію.“

Изъ письма сестры Августина, приписываемаго ему, мы видимъ, что въ дѣтствѣ своемъ Моника любила ходить въ церковь; дома, часто становилась на колѣни и набожно повторяла молитвы, которымъ выучилась отъ матери. Она съ юныхъ лѣтъ выражала участіе къ бѣднымъ, носила имъ хлѣбъ и все, что имъ было нужно; посѣщала больныхъ и странниковъ, умывала имъ ноги. Она не любила роскоши и огорчалась, когда родители дарили ей наряды. Еще въ ранней молодости ее выдали замужъ за почетнаго жителя города Тагаста въ Египтѣ; его звали Патриціемъ. Мужъ ея былъ человекъ замѣчательнаго ума, добраго сердца, но язычникъ. Вотъ что:

вѣшетъ блаженный Августинъ о своихъ родителяхъ:

„Моника была воспитана въ самыхъ строгихъ правилахъ честности и благочестія. Она съ самаго дѣтства привыкла повиноваться отцу и матери, и по этому ей не трудно было покориться и тому, кого родители избрали ей въ супруга. Она покорилась ему, какъ своему господину и владыкѣ; употребляла всѣ средства, чтобы обратить его къ Богу, хотя говорила о Тебѣ, Господи, не словами, но только добрымъ поведеніемъ и чистотою нрава. И этими путями Ты помогъ ей сдѣлаться не только пріятной и привлекательной для мужа, но внушить ему также уваженіе къ Тебѣ и довѣріе.

Однако въ жизни ея были огорченія: мужъ не всегда былъ ей вѣренъ, но она не ссорилась, не раздражалась, не укоряла его. Она съ терпеніемъ ожидала, чтобы милосердіе Твое даровало ему вмѣстѣ съ вѣрой и цѣломудріе. Патри-

ній былъ вспыльчивъ до чрезвычайности, и нерѣдко предавался несправедливому раздраженію, хотя нѣжно любилъ жену. Она положила себѣ за правило никогда не противорѣчить ему въ первыя минуты гнѣва, не отвѣчать ему тогда ни слова; но когда онъ успокоивался, кротко объясняла ему причину своего поведенія. Многія женщины, прежнія подруги Моника, жаловались на дурное обращеніе съ ними мужей своихъ, и удивлялись тому, что въ семьѣ Пятриція не слышно было споровъ, и что онъ жилъ съ женою въ согласіи, не смотря на извѣстную его вспыльчивость. Сами же они приходили жаловаться не только на брань, но и на побои. „Всею виною языкъ вашъ, отвѣчала имъ Моника, и объясняя имъ свое поведеніе, совѣтовала покориться мужьямъ, какъ господамъ и владыкамъ своимъ.“

Свекровь Моника сначала весьма дурно съ ней обращалась, по злымъ наговорамъ

нѣкоторыхъ служанокъ, но послушаніе, терпѣніе и кротость Монники совершенно покорили ей сердце свекрови, такъ что эта женщина, прежде къ ней предубѣжденная, не только перестала слушать клевету, но даже указала сыну на тѣхъ, которые осуждали Моннику.

„Великое качество, вложенное тобою, Господи, въ сердце вѣрной служительницы Твоей, отъ которой я получилъ бытіе свое,—было миротвореніе; вездѣ, гдѣ только было возможно, она водворяла миръ и согласіе. Она находила, что недовольно угашать въ себѣ самой чувство ненависти и гнѣва, недостаточно того, чтобы только не усиливать злобы людей между собою непріязненными переговорами, но что слѣдуетъ всеми средствами успокоивать и угашать эту злобу въ другихъ. Отъ Тебя, Господи, узнала о томъ мать моя,—это было слѣдствіемъ уроковъ Твоихъ тѣхъ тайныхъ внушеній, которыя проникали во глубину ея сердца.“

„ Великимъ даромъ Твоей благодати и Твоего милосердія было обращеніе Патриція, который принялъ крещеніе за нѣсколько времени до своей смерти. Мать моя наконецъ дожидла до счастія видѣть и его въ числѣ дѣтей Твоихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался христіаниномъ, онъ не подавалъ никакихъ поводовъ къ огорченію, не повторялъ того, что случалось до его обращенія.“

„ Наконецъ, продолжаетъ Августинъ, мать моя была раба и служительница всѣхъ, кто служилъ Тебѣ. Всѣ члены блаженнаго сонма, которые знали ее, въ ней Тебя восхваляли и Тебя почитали, потому что въ ея жизни присутствіе Твое было ощутительно и выражалось плодами святыхъ дѣлъ, которыми она украшалась. Она была такова, какой, по словамъ Апостола Павла, слѣдуетъ быть вдовѣ христіанкѣ. У нея былъ единый мужъ, она отдала родившимъ ее священный долгъ благодарности, она управляла домою своимъ по

всѣмъ правиламъ благочестія; добрыя дѣла ея свидѣтельствовали ея вѣру. Всѣ старанія приложила она къ воспитанію дѣтей. И когда она видѣла, что они удалялись отъ истины, то снова испытывала для нихъ муки рожденія.“

„И всѣ мы, продолжаетъ блаженный Августинъ, весь кругъ друзей, которому Ты даровалъ великую милость считать-ся также въ числѣ Твоихъ служителей, сколько разъ испытали мы любовь ея. Покуда мы жили вмѣстѣ послѣ крещенія въ святомъ сообществѣ, соединенномъ во имя Твое, она ходила за нами, какъ будто всѣ мы были ея дѣти; она любила насъ, какъ мать, и вмѣстѣ съ тѣмъ выражала къ намъ такую покорность и такое уваженіе, какъ будто каждый изъ насъ былъ отцемъ ея.

У Моники было трое дѣтей—дочь и два сына. Для того, чтобы оцѣнить ея вліяніе и прослѣдить тяжкія борьбы ея сердца, должно обозрѣть жизнь и воспи-

таніе молодого Августина, рассказаннымъ имъ въ его исповѣди.

„ Съ самаго ранняго моего дѣтства, пишетъ блаженный Августинъ, я слышалъ о вѣчной жизни, которая дарована намъ смиреніемъ Искупителя и Бога нашего. Съ самаго рожденія мать моя, которая столько Тебя любила и на Тебя уповала, причислила меня къ числу оглашенныхъ, начертала на челѣ моемъ знакъ креста, дала вкусить таинственной соли, вкушаемой оглашенными, какъ зимволь той небесной премудрости, которую Иисусъ Христосъ открылъ людямъ. Уже тогда, Господи, не смотря на дѣтскій возрастъ, я съ нарочитымъ усиліемъ просилъ святаго крещенія, особенно во время случившейся со мною болѣзни, но болѣзнь прошла и крещеніе было отложено; я вѣровалъ вмѣстѣ съ матерью и прочими членами моего семейства за исключеніемъ отца. Вліяніе его не могло сравниться съ властью, которую приобрѣла надо мною

нать, своимъ великимъ благочестіемъ. Примѣръ отца не могъ отклонить меня отъ вѣры во Іисуса Христа, къ которой еще въ то время онъ самъ не обратился. Ты помогаль матери благодатию Твоею, и въ этомъ далъ ей преимущество надъ мужемъ, которому во всемъ прочемъ она была совершенно покорна, хотя она была лучше его во всемъ. Она знала, что повинуюсь ему, она и Тебѣ повинуется, потому что тѣмъ исполняетъ Твою заповѣдь.“

Во время пребыванія своего въ училищѣ, Августинъ увлекся примѣромъ дурныхъ товарищей, предаваясь лѣности и шалостямъ всякаго рода; онъ кается въ томъ, что нерѣдко позволялъ себѣ запрещенныя игры, говорилъ неправду, воровалъ лакомства и безумно приучался ко всему дурному. Изъ Тагаста послали его учиться въ городокъ Мадору; тамъ изученіе языческой мифологіи еще болѣе потрясло въ немъ нравственныя правила, и 16 лѣтъ онъ, увлеченный примѣ-

ромъ безпутныхъ товарищей, предаваясь самой грѣшной и безпорядочной жизни.

По возвращеніи изъ Мадоры, занятію Августина на время остановившись. Патрицій имѣлъ ограниченное состояніе; ему надо было работать и собраться съ средствами, чтобы имѣть возможности отправить сына въ Каррагенъ для продолженія его ученія. „Похвальны были заботы отца моего, пишетъ Августинъ; онъ дѣлалъ для меня гораздо болѣе другихъ зажиточныхъ родителей, но онъ, столько озабоченный моими усиліями въ свѣтѣ, не думалъ о томъ, чтобъ утвердить меня въ страхѣ Твоемъ, ему хотѣлось, чтобъ умъ мой обогатился краснорѣчіемъ, чтобы я могъ свободно и легко, выражаться, и онъ не понималъ, какъ было пусто и сухо мое сердце.“

Во время пребыванія Августина въ домѣ родительскомъ, сердце матери исполнилось страхомъ и безпокойствомъ. Она видѣла, что у сына ея вѣтъ той твердой вѣры, которая могла бы остановить

его на пути порока и противодействовать безумному разврату и увлеченіямъ молодости. Со страхомъ отпустила она его въ Карфагенъ. Тамъ Августинъ сталъ ревностно заниматься краснорѣчіемъ, но въ то же время упорствовалъ въ своей буйной жизни. Онъ вынесъ изъ нея впрочемъ чувство гнетущей тоски и неудовлетвореннаго стремленія къ счастью.

Чтеніе Цицерона первое пробудило въ его сердцѣ любовь къ мудрости и нетлѣнной красотѣ. „Мать моя старалась возбуждать меня къ серьезнымъ занятіямъ и чтенію, доказывая ихъ необходимость для успѣховъ моихъ въ краснорѣчіи. Вскорѣ цѣль ея была достигнута, содержаніе взяло верхъ надъ изложеніемъ, и я читалъ уже, чтобы изучить не слогъ, а мысли писателя, въ душѣ моей возбуждались новыя мысли, я сталъ возносить къ Богу новыя, доселѣ чуждыя мнѣ, молитвы. Въ это время мнѣ было 19 лѣтъ и уже прошло два года послѣ смерти отца. Я искалъ премудро-

сти, но меня огорчало въ изучаемыхъ мною книгахъ отсутствіе того имени, которое по милосердію Твоему, Боже, я любилъ съ самаго дѣтства, благоговѣніе къ Которому я всосалъ съ молокомъ матери. Въ книгахъ моихъ неупоминалось объ Іисусѣ Христѣ; я обратился къ изученію Священнаго писанія, но я былъ слишкомъ напыщенъ, чтобы понять его простоту; глаза мои неразличали истины, и мнѣ казалось, что писаніе не можетъ сравниться съ мудрыми и достойными уваженія сочиненіями Цицерона.“

Въ это время Августинъ сошелся съ послѣдователями ереси Манеса; они видѣли его желаніе узнать истину и воспользовались колебаніемъ ума его, чтобы привлечь къ своему ученію. :

„ Я былъ погруженъ во мракъ, пишетъ блаженный Августинъ, но рука Твоя простиралась, чтобы спасти меня. Тебя тронули слезы, которая вѣрная раба Твоя безпрестанно проливала предъ Тебѣ

бою. Она считала меня мертвымъ; она смотрѣла на меня глазами вѣры, судила обо мнѣ внутреннимъ исходящимъ изъ Тебя свѣтомъ, и оплакивала меня болѣе, чѣмъ тѣ матери, которыя хоронятъ дѣтей своихъ. И ты, Господи, исполнилъ ея молитвы, Ты милостиво воззрѣлъ на тѣ слезы, которыя лились обильно и всегда орошали мѣсто, на которомъ она молилась.“

„ Не Тобой ли былъ посланъ матери успокоительный сонъ, послѣ котораго она снова позволила мнѣ жить съ нею, вкушать пищу за ея столомъ, чего не допускала, узнавъ, что я раздѣлялъ столь противныя ей убѣжденія. Она видѣла въ то время во снѣ, что стоитъ на длинной узкой чертѣ, возлѣ нея былъ юноша, окруженный сіяніемъ; видя ея глубокую скорбь, онъ спросилъ съ привѣтливой улыбкой о причинѣ тѣхъ обильныхъ потоковъ слезъ, которые она каждый день проливаетъ. Вопросъ его выражалъ не простое любопытство, но сер-

дечное участіе и вмѣстѣ возможность доставить утѣшеніе. Мать отвѣчала, что плачетъ о погибели души моей; успокойся, сказалъ юноша, развѣ ты не замѣчаешь, что сынъ твой стоитъ рядомъ съ тобою. Тогда мать моя увидѣла меня стоящаго на той же чертѣ. Когда мать рассказала мнѣ этотъ сонъ, я старался объяснить его тѣмъ, что она приметъ мой убѣжденія. Но она поспѣшно отвѣчала; этаго не можетъ быть; онъ не сказалъ мнѣ, что я стану тамъ, гдѣ ты стоишь, но что ты находишься на той чертѣ, рядомъ со мною. Скорый отвѣтъ ея подѣйствовалъ на меня болѣе самага сновидѣнія. Ее же онъ успокоилъ предчувствіемъ радостей, которыя были еще далеки. Девять лѣтъ, я еще упорствовалъ въ своихъ заблужденіяхъ, и во все это время эта вдова во всемъ Тебѣ угодная, благочестивая, пѣломудренная, воздержная, не переставала плакать и молиться обо мнѣ. Рвеніе ея не ослабѣло, но напротивъ усилилось по-

слѣ испосланнаго Тобою свидѣнїа. Еще другой разъ милосердый Богъ утѣшилъ мать мою. Она всегда обращалась къ тѣмъ, которыхъ считала способными убѣдить меня и просила ихъ поговорить со мною; такъ обратилась она къ одному святому Епископу, воспитанному въ Церкви и исполненному знанїа святыхъ писанїй. Епископъ не согласился на ея просьбу, и очень благоразумно ей отвѣчалъ: развѣ ты не видишь, что сынъ твой теперь еще слишкомъ непокоренъ и папыщенъ знанїями, имѣющими для него прелесть новизны. Оставь его покуда, и довольствуйся безпрестанной о немъ молитвой. Онъ самъ разувѣрится чтенїемъ книгъ, написанныхъ увлекающими его людьми; другаго не нужно, чтобъ убѣдиться въ томъ, какъ достойны презрѣнїа заблужденїа ихъ. Епископъ разсказалъ Моникѣ, что въ молодости его, мать, увлеченная этимъ ученїемъ поручила его еретикамъ и онъ не только прочелъ, но даже списалъ всѣ ихъ со-

чиненія, вслѣдствіе этого онъ узналъ всю ложь этой секты и отъ нея удалился. Но мать моя со слезами продолжала просить Епископа повидаться и поговорить со мною. Тогда, какъ бы утомленный ея просьбами, онъ сказалъ: поди и продолжай дѣлать то, что доселѣ дѣлала. Быть не можетъ, чтобы мать, которая съ такими горячими слезами молится о спасеніи сына, увидѣла его гибель. Мать моя повторяла мнѣ неоднократно, что ей казалось, будто небесный голосъ произнесъ эти слова.“

Между тѣмъ Августинъ преподавалъ краснорѣчіе въ Карфагенѣ; преуспѣвалъ въ наукахъ, имѣлъ много учениковъ, но жизнью своею удалялся отъ законовъ христіанскаго цѣломудрія и продолжалъ раздѣлять заблужденія послѣдователей ереси Манеса. Однако знакомство и разговоры съ Фавстомъ Епископомъ и славнымъ учителемъ ихъ, показали Августину несостоятельность этой ереси. Онъ не рѣшался однако оставить

ее потому, что ничего еще не признавалъ лучшимъ.

Въ это время непріятности съ учениками въ Каррагенѣ и надежды большихъ успѣховъ, убѣдили Августина отправиться въ Римъ. „Никто, пишетъ онъ, не зналъ тогда, къ чему, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ, приведетъ меня это путешествіе; ни я этаго не понималъ, ни мать моя, которая всячески меня удерживала и была въ отчаяніи отъ моего намѣренія. Она послѣдовала за мною до морскаго берега и хотѣла непременно со мной отправиться. Я рѣшился уѣхать тайно. Меня не останавливала мысль обмана родной и доброй матери. Твое милосердіе простило мнѣ этотъ грѣхъ, вмѣстѣ со многими еще ужаснѣйшими, которые я творилъ въ это время. Ты сохранилъ меня надъ морской пучиной, далъ приблизиться къ цѣлебному источнику благодати Твоей, который, омывъ всѣ нечистоты моего сердца, остановилъ потоки слезъ безпре-

станно обо мнѣ проливаемыхъ.“

„ Я убѣдилъ мать мою провести ночь недалеко отъ мѣста, гдѣ находился нашъ корабль. Тутъ была церковь во имя Св. Кипріяна. Она посѣтила ее по моему совѣту, и я уѣхалъ въ то самое время, какъ она была въ церкви и молилась со слезами о томъ, чтобы я остался. Но ты, по милосердію Твоему, тогда не исполнилъ ея просьбы для того, чтобы совершить надо мною то самое, что было главнымъ предметомъ всѣхъ ея желаній и молитвъ.“

„ Поднялся вѣтеръ, распустились паруса и берегъ скоро исчезъ изъ глазъ нашихъ. Мать моя, не нашедъ меня утромъ, предалась отчаянію, Ты не внималъ ея слезамъ и крикамъ. Ты, устроивая дѣло моего спасенія, въ то же время наказывалъ ее за неумѣренную земную привязанность ея ко мнѣ. Какъ прочія матери, она любила быть со мною и видѣть меня. Это чувство было сильнѣе въ ней, чѣмъ у многихъ матерей; а такъ

какъ она не знала, какую радость Ты готовилъ въ слѣдствіе опечалившей ее разлуки, то она горько плакала, какъ истинная дочь падшей Еввы, которая по чувству естественной привязанности не можетъ сносить разлуку съ рожденнымъ ею въ мукахъ и скорби. Послѣ горькихъ упрековъ за мой обманъ, она опять принялась за меня молиться и возвратилась домой, покуда я приближался къ Риму.“

По прїѣздѣ въ Римъ Августинъ занемогъ и былъ боленъ при смерти; онъ рассказываетъ, что въ это время онъ не только не просилъ крещенія, какъ нѣкогда во время первой болѣзни въ дѣтскомъ возрастѣ, но онъ даже глумился надъ священнымъ таинствомъ. „Никогда бы не утѣшилась мать моя, продолжаетъ онъ, еслибы я умеръ въ этомъ положеніи. Но Ты, Господи, этаго не допустилъ. Милосердіе Твое не могло презрѣть сокрушенной души и умиленного сердца вдовы цѣломудренной, воздержной, которая раздавала столько мило-

стыни, такъ усердно помогала Твоимъ вѣрнымъ слугителямъ, которая каждое утро приносила даръ свой къ олтарю; утромъ и вечеромъ ходила въ церковь, и занималась тамъ не пустыми разговорами, но молитвою и слушаніемъ слова Твоего. Ты не презрѣлъ слезъ этой вдовы христіанской. Ты не отказалъ ей въ помощи послѣ тѣхъ усердныхъ молитвъ, которыми она просила у Тебя не серебра, не золота, не временныхъ и переходящихъ благъ, но спасенія души сына своего. Нѣтъ, Ты не оставлялъ ее, Ты исполнялъ ея молитвы по неисповѣдимымъ путямъ Твоего вѣчнаго Промысла. Не напрасны были утѣшенія, посланныя ей Тобою, она въ молитвахъ своихъ поминала Тебѣ о нихъ. Они казались ей обѣтованіями Твоими. Ибо Ты Милосердый дѣлаешься какъ бы должникомъ чловѣка, которому щедро и непрестанно отпускаешь долги.

Изъ Рима блаженный Августинъ скоро переѣхалъ въ Миданъ, гдѣ ему

предложили кафедре риторики. Приблизь къ этотъ городъ, онъ сейчасъ явился къ Св. Амвросію, который былъ извѣстенъ всему міру и всѣми уважаемъ за великую добродѣтель. „Самъ Ты, пишетъ Августинъ, привелъ меня къ нему, чтобы открыть мнѣ глаза. Онъ принялъ меня, какъ отецъ, съ тѣмъ пастырскимъ милосердіемъ, съ которымъ привѣтствовала иностранцевъ. Я сейчасъ же полюбилъ его, какъ человѣка расположеннаго ко мнѣ, хотя не думалъ найти въ немъ учителя истины, и даже не надѣялся найти истину въ Церкви Твоей; я съ любопытствомъ слушалъ его поученія народу, съ тѣмъ только, чтобы судить о его краснорѣчїи. Однако я не замѣтно приближался такимъ образомъ къ тѣмъ истинамъ, которыя онъ проповѣдывалъ:“ Послѣдствіемъ знакомства Августина съ Амвросіемъ было совершенное удаленіе перваго отъ опасной секты. Онъ рѣшился присоединиться къ оглашеннымъ, и оставаясь покуда въ

той Церкви, которую отецъ и мать его научили любить и почитать—хотѣлъ ждаты: не откроется ли ему иной путь чрезъ ясныя и вѣрныя доказательства истины.

„ Между тѣмъ, пишетъ Августинъ, мать моя, которая почерпала въ своей набожности силы несвойственныя ей полу, прѣехала ко мнѣ въ Миланъ. Она мужественно прѣехала моря и сушу, пренебрагала опасностями, твердо надѣясь на Твои обѣщанія. Во время морскаго путешествія, она одобряла матросовъ и обѣщала, что плаваніе кончится благополучно.“

„ Когда я открылъ ей, что уже оставилъ прежнія свои заблужденія, я не замѣтилъ въ ней особенныхъ выраженій волненія и радости; она спокойно отвѣчала съ видомъ твердой увѣренности. Надѣюсь, что предъ смертію моею Иисусъ Христосъ сподобитъ меня увидѣть сына моего въ числѣ вѣрующихъ членовъ Православной Церкви.“

„ Болѣе она ничего не сказала мнѣ, но она непрестанно прибѣгала къ Тебѣ, источнику милосердія, она молилась еще съ большимъ усердіемъ и слезами, о томъ, чтобы Ты поспѣшилъ на помощь мнѣ и чтобы мракъ души моей окончательно разсѣялся. Еще усерднѣе посѣщала она Церковь и принимала изъ устъ Св. Амвросія живые источники истины. Она была исполнена любви и благоговѣнія къ этому святому мужу, взирала на него, какъ на благоувѣстника неба, знала, что онъ возбудилъ во мнѣ тѣ недоумѣнія, на которыя она смотрѣла, какъ на переломъ моей болѣзни и на начало моего изцѣленія. Моника послушалась Амвросія, когда онъ сказалъ ей, что нѣкоторые обычаи, принятые въ Римѣ, кажутся ему остатками язычества, какъ то: раздача бѣднымъ нищи и питія надъ гробами мучениковъ, въ что обычай этотъ можетъ привести къ соблазнамъ и невоздержанію; съ тѣхъ поръ она уже не приходила къ гробу

святыхъ съ корзинкою полною плодовъ земныхъ, по несла туда сердце, исполненное чистѣйшей жертвы. Она стала въ другое время раздавать то, что назначала бѣднымъ, присутствовала въ Церкви лишь во время священной трапезы тѣла и крови Господней. Едва ли, прибавляетъ Августинъ, она бы такъ легко покорилась другому Епископу, котораго бы менѣе уважала и любила. Не Амвросій по многимъ причинамъ полюбился ей довѣриемъ, особенно потому, что мать моя смотрѣла на него, какъ на орудіе моего спасенія.“

„ Св. Амвросій любилъ ее за то благочестіе, которое внушало ей столько добрыхъ дѣлъ, и такое усердіе къ Церкви; каждый разъ, какъ онъ видѣлъ меня, онъ хвалилъ ее отъ полноты сердца и говорилъ о счастья имѣть подобную мать. Но онъ не зналъ, каковъ былъ сынъ этой христіанки, онъ не понималъ тогда, что этотъ несчастный сынъ, сомнѣвается во всемъ, чему она вѣритъ и

что онъ не могъ даже убѣдиться въ возможности найти путь, ведущій къ жизни.“

Августинъ провель много лѣтъ въ Милапѣ; истина проникала мало по малу въ его сердце, но борьба была трудна. Нерѣдко съ смущенною душой приходилъ онъ за совѣтами къ Св. Амвросію, надѣясь успокоиться въ бесѣдѣ съ нимъ; но Епископъ почти всегда былъ окруженъ толпою людей,—дверь его никогда никому не была закрыта. Когда же Августину случалось заставить его одного за чтеніемъ, ему такъ совѣстно было нарушить занятія старца, что онъ молча садился, смотрѣлъ на него съ благоговѣніемъ и потомъ тихонько удалялся изъ комнаты.

Впрочемъ въ это время Августинъ еще увлекался желаніемъ почестей и славы, но онъ понималъ суету этихъ стремлений и часто бесѣдовалъ о томъ съ двумя друзьями своими Небридіемъ и Алиемъ, которые послѣдовали за нимъ въ

Миланъ. Оба были его учениками, раздѣляли его заблужденія и теперь вмѣстѣ съ нимъ искали истины, колеблался подъ вліяніемъ разныхъ мнѣній. Августинъ думалъ жениться; Мать его радовалась этому желанію и падѣялась, что бракъ приблизитъ минуту рѣшительнаго его обращенія, но не смотря на всѣ ея молитвы, воля Божія не открывалась ей; сны, которые она видѣла по этому случаю, были дѣйствіемъ раздраженнаго воображенія, и не внушали ей того блаженнаго спокойствія, которое было для нея свидѣтельствомъ откровенія Божія; наконецъ разные затрудненія заставили на время отложить мысль о женитьбѣ. Одно время Августинъ съ друзьями своими рѣшился оставить міръ и жить въ Общинѣ—вдали отъ суеты и волненій свѣта. Но намѣреніе встрѣтило неожиданныя препятствія. Послѣ этаго Августинъ сталъ ревностно читать творенія Платона. Онъ долго изучалъ ихъ; но потомъ перешелъ къ чтенію Апостола

Нашла, и тутъ началось совершаемое его обращеніе. Тутъ изчезли все препятствія и возраженія, тутъ почувствовались опять присутствіе духа единого во всѣхъ писаніяхъ и испыталъ радостное предчувствіе, но еще ксиолневное волненія и страха. Истина постепенно проникала въ его сердце дѣйствіемъ благодати Божіей словами того, который назывался послѣднимъ изъ Апостоловъ.

Разсказъ объ обращеніи Викторина, извѣстнаго Профессора Риторики сильно подѣйствовалъ на Августина, а разсказъ одного соотечественника о подвигахъ Египетскихъ отшельниковъ былъ послѣднимъ ударомъ, нанесеннымъ его любви къ міру и совершилъ его обращеніе. Вотъ какъ онъ самъ разсказываетъ о томъ: „Съ умомъ смущеннымъ, и разстроеннымъ лицомъ, я обратился къ Алицію и воскликнулъ: за чѣмъ мы ведемъ? неужды спать и достигаютъ неба, а мы исполненные суетнаго знанія еще валяемся въ плоти и крови. Стыдно ли

за ними слѣдовать, потому что они еще редили набѣ? Напротивъ, не должны ли мы краснѣть отъ того, что не имѣемъ довольно мужества чтобы слѣдовать за ними. Я продолжалъ говорить, Алипій смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ; онъ замѣтилъ во мнѣ необыкновенное волненіе. Выраженіе лица, звукъ голоса, все показывало, какъ глубоко я былъ потрясенъ. Я вышелъ въ садъ, чтобы скрыть борьбу, которая во мнѣ происходила. Алипій слѣдовалъ за мною, ему не хотѣлось меня оставить въ такомъ положеніи. Мы сѣли въ отдаленіи отъ дома. Я содрогался душой и не навидѣлъ медленность, съ которою рѣшался исполнить то, чего требовалъ отъ меня Господь, къ чему призывали меня всѣ силы души моей, чтобы идти къ Тебѣ, а Тебя достигнуть, Господи, не нужно было ни колесницъ, ни кораблей, нужна была только воля, но воля совершенная, всецѣлая, непохожая на тѣ колеблющіяся желанія, которыя причи-

жить лишь недоуманіе и борьбу.“

„Размышляя и углубляясь въ самого себя, я понялъ все ничтожество свое; оно предстало передъ моими глазами, я почувствовалъ, что во мнѣ подымается страшная буря, которая должна разразиться слезами. Я всталъ и пошелъ отъ Алиція; мнѣ нужно было одиночество. Онъ замѣтилъ, что присутствіе его меня стѣсняло, что въ голосѣ моемъ слышны были слезы, по этому онъ за мною не послѣдовалъ. Я удалился, бросился подъ фиговое дерево и далъ волю рыданіямъ. Слезы лились потоками и это была жертва угодная Тебѣ. За ними слѣдовали слова: „доколѣ, Господи, доколѣ буду чувствовать дѣйствія гнѣва Твоего? не увижу ли конца его? Забудь неправды прежней моей жизни.“ Я чувствовалъ, что эти-то неправды меня угнетаютъ. Потомъ обращаясь къ себѣ самому, я спрашивалъ: доколѣ буду колебаться, къ чему откладывать со дня на день, за чѣмъ не приступлю сей же часъ къ

тому, что хочу сдѣлать, зачѣмъ сей часъ же невыйду изъ нечистоты и мрака.“

„Я говорилъ такимъ образомъ съ произведеннымъ сердцемъ, съ горькими слезами, и вдругъ послышался мнѣ голосъ, который, какъ казалось мнѣ, несся изъ сосѣдняго дома. Это было пѣніе младенца, или юной дѣвы, голосъ повторялъ слова: „возми, читай, возми читай!“ При этихъ звукахъ я измѣнился въ лицѣ и удерживая слезы, сталъ припоминать, чтобы это могло значить и нѣтъ ли такой дѣтской игры, въ которой бы повторялся этотъ призывъ? Но я ничего подобнаго не вспомнилъ и пришелъ къ тому заключенію, что мнѣ повелѣвается открыть посланія Апостола Павла и прочесть то, что представится глазамъ моимъ. Я охотно этому повѣрилъ, потому что слышалъ о томъ, какъ Святый Антоній, пришедъ въ Церновъ во время чтенія словъ: „поди, продай имѣніе свое и раздай нищимъ и получиши сокровище на небеси“, принялъ слова эти,

какъ указаніе Божіе и сейчасъ же все оставилъ. Я возвратился къ мѣсту, гдѣ былъ Алишій, взявъ книгу писаній, которая тамъ оставалась и въ молчаніи прочелъ первыя попавшіяся мнѣ слова: „Отвергнемъ дѣла тьмы и облечемся во всеоружіе свѣта, какъ диемъ, становь ходить чинно, не предаваясь пированіямъ, пьянству, сладострастію и распутству, распрямъ и зависти, но облекитесь въ Господа нашего Иисуса Христа(“).“

„, Болѣе я не сталъ читать, да и не нужно было, потому что какъ только я произнесъ послѣднія слова, сердце мое наполнилось свѣтомъ и миромъ. Я почувствовалъ, что теперь я превозмогъ всѣ недоумѣнія, которыми такъ терзалась моя душа; замѣтивъ прочитанное мною мѣсто, я обратился къ Алишію съ лицомъ выражавшимъ спокойствіе, и рассказалъ о случившемся. Онъ хотѣлъ прочесть то же мѣсто, потомъ обративъ

(“) Римл. XIII 12.

вниманіе на слѣдующія слова, которыхъ я не замѣтилъ: „Немошняго въ вѣрѣ принимайте,“ онъ сей часъ же примѣнилъ ихъ къ себѣ и почувствовалъ такое подкрѣпленіе, что ни минуты не колеблясь, безъ тѣхъ терзаній, которыя причинили мнѣ такую тяжкую борьбу, присоединился къ святому моему рѣшенію. Это рѣшеніе было сообразно съ чистотою его нравовъ, которые были чище и лучше моихъ.“

„Мы сейчасъ же пошли къ матери моей и сообщили ей о томъ, что произошло съ нами; она была въ восхищеніи, особенно, когда услышала обо всемъ подробно. Она не переставала благословлять Тебя. Ты даровалъ ей гораздо болѣе просимаго ею со стенаніемъ и плачемъ, Ты такъ совершенно обратилъ меня, что я уже не думалъ ни о бракѣ, ни о преимуществахъ и почестяхъ міра. Мать видѣла меня наконецъ рядомъ съ нею на чертѣ закона, какъ Ты открылъ ей за нѣсколько лѣтъ передъ

тѣмъ. Ты обратилъ слезы ея въ радость, эта радость превосходила всѣ ея надежды, и была чище той, которую бы она испытала, увидѣвъ дѣтей моихъ, еслибы Ты допустилъ исполненіе супружества, о которомъ она молилась.“

Августинъ обратился въ 386 году, ему было 32 года. Онъ сейчасъ же рѣшился оставить кафедру, къ чему также побуждало его разстроенное здоровье, но до начала вакацій не хотѣлъ еще объявлять о томъ. Между тѣмъ онъ вмѣстѣ съ братомъ и нѣкоторыми друзьями удалился на дачу, принадлежавшую одному его пріятелю. „Здѣсь, пишетъ онъ, освободивъ волю и языкъ свой отъ порабощенія и уединившись въ загородномъ дсмѣ со всѣми, кто былъ связанъ со мною узами родства и дружбы, я непрестанно благословлялъ Тебя. Какъ рассказать всѣ милости, оказанныя мнѣ здѣсь, всѣ средства, которыми Господь исправилъ меня, смягчилъ и воспичалъ мое сердце!“

„Я былъ еще оглашеннымъ, также какъ Алипій, когда мы удалились въ деревню. Съ нами была мать моя; сильная ея привязанность ко мнѣ не допускала мысли о разлукѣ. Сердце ея было исполнено мужественной вѣры и истинно Христіанскаго благочестія, душа пользовалась миромъ и спокойствіемъ, сообразными съ ея добродѣтелью и зрѣлостію ея лѣтъ, я же еще не зналъ, что значить любить Тебя и какъ должно Тебя любить. И однако же какіе вопли возносились изъ глубины моего сердца, когда мы среди этихъ блаженныхъ досуговъ, читали псалмы Давида, — эти дивныя пѣсни, исполненныя духа вѣры и благочестія, которыя обладаютъ спасительною силой, исцѣляющей отъ напыщенности и высокомерія. Какое рвеніе возбуждало во мнѣ чтеніе этихъ чудныхъ пѣсенъ, какъ хотѣлось мнѣ, чтобы весь міръ услышалъ ихъ и чтобы ими уничтожалась гордость дѣтей Адамовыхъ! Не воспоютъ ли въ

по всей землѣ? Останется ли на землѣ нѣчто, которое не будетъ согрѣто теплотой Твоей?“

Во время пребыванія въ загородномъ домикѣ, жители онаго часто собирались подъ тѣнью дерева или въ прохладной комнатѣ и разсуждали о предметахъ божественныхъ. Три такія бесѣды переданы намъ въ сочиненіяхъ блаженнаго Августина. Моника въ нихъ участвовала; имя ея часто повторяется въ разсказахъ о нихъ. Ея краснорѣчіе, ясность и возвышенность взгляда удивляли ея собесѣдниковъ. „Намъ казалось, пишетъ Августинъ, что не слабая женщина, а великій мужъ возсѣдаетъ между нами, и мы спрашивали: изъ какого небеснаго источника текутъ ея слова. Вотъ, говоритъ онъ, что значитъ твердый умъ, обращенный къ Богу! Откуда брались эти слова, которыми мы восхищались! Изъ ума, обращеннаго къ небесному свѣту и совершенной истинѣ: Эта благочестивая женщина живую вѣрою и твер-

достію разума проникла до глубины вопроса и однимъ словомъ оваряла все его стороны.“

Между тѣмъ Августинъ готовился къ крещенію вмѣстѣ съ Алипіемъ и юнымъ Адсодатомъ, сыномъ Августина; надъ всеми троемъ въ одно время было совершено таинство. Августинъ говоритъ о счастья, которое испытывалъ онъ послѣ того, присутствуя при священномъ богослуженіи, о тѣхъ сладостныхъ слезахъ, которыя лились изъ глазъ его, когда онъ внималъ чтенію молитвъ и славословія и о томъ, какъ слова этихъ священныхъ пѣсенъ, проникая въ душу, все болѣе озаряли ее и наполняли ее свѣтомъ.

Въ то время Св. Амвросій подвергся гоненію арианъ. Онъ удалился въ Церковь, гдѣ народъ немедленно окружилъ возлюбленнаго Епископа. Мonica болѣе другихъ показывала ему рвенія и участія; она являлась первою на богослуженіе и молитву. Къ дружному обществу

присоединился въ то время юноша по имени Еводій, который оставилъ придворную жизнь, чтобы служить только Царю небесному. Единодушная семья рѣшилась не разставаться и поддерживать другъ друга въ добродѣтели. Она долго думала о томъ, куда бы удалиться и наконецъ избрала родину свою Африку. Но Моникѣ не суждено было увидѣть мѣсто своего рожденія; она умерла дорогой въ приморскомъ городѣ Остіи.

„Пріѣхавъ туда, пишетъ блаженный Августинъ, мы, конечно по усмотрѣнію Твоему, отдыхали послѣ утомительнаго путешествія, далеко отъ мірскаго шума; намъ нечего было дѣлать, готовясь къ отбытію; мы были одни—мать и я, она облокотилась на окошко, которое было обращено въ садъ и говорила съ невзъяснимою еладостію. Мысли наши простирались впередъ, забывая заднее, стремясь къ цѣли.“

„Мы, помощію всегда присущаго намъ свѣта вѣчной истины, которая есть

Ты Самъ, старались понять, что такое блаженная жизнь, и какова будетъ участь святыхъ во всю вѣчность. Мы знали, что это было то, „чего ухо не слышитъ и око не видитъ и сердце чело-вѣка не разумѣетъ,“ но мы все-таки пытались подносить уста нашего сердца къ стремленію небесныхъ водъ того источника жизни, которая изъ Тебя истекаетъ; намъ хотѣлось, сколько возможно, ими наполниться, чтобы вознести наши мысли до пониманія горнихъ предметовъ. Разговоръ нашъ привелъ насъ къ ясному убѣжденію, что самое высшее преходящее счастье, самая блистательная красота и радость земная не могутъ войти въ состязаніе съ блаженствомъ жизни вѣчной, и мы старались горячимъ чувствомъ устремиться къ этому самостоятельному и неизбежному счастью. Мы обозрѣли поочередно всѣ предметы вещественные, мы устремились къ тому небесному своду, откуда солнце, луна и звѣзды проливаютъ

на насъ свое сіяніе. Потомъ, послѣ долгаго созерцанія красотъ Твоихъ твореній, мы стали разсматривать души наши. Послѣ того перешли къ области неизреченныхъ радостей, гдѣ Ты будешь питать народъ свой пищею избранною, — тою пищею, которая есть истина, — въ ту область, гдѣ самая жизнь есть ничто иное, какъ вѣчная мудрость, создавшая все, что мы видимъ, — все что было и будетъ. Мудрость не созданная, вѣчная, для которой нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго. Въ то время, какъ мы говорили объ этомъ блаженствѣ; и стремились къ нему всѣми чувствами нашими, намъ показалось, что внезапнымъ движеніемъ душъ нашихъ мы дѣйствительно его испытали и узрѣли. Но это продолжалось недолго и мы со вздохами страданія и любви признали, что это великое счастье еще не вполне доступно намъ. Имѣя начатокъ духа, мы предчувствовали и блаженство; но скоро надо было опуститься въ обыкновенную

область простыхъ словъ и мыслей, столь не похожихъ на то неисповѣдимое Слово, рожденное Тобою, которое не умаляясь существуетъ вѣчно и все живить и обновляетъ. Мы говорили: представимъ себѣ душу, въ которой внезапно успокоились бы всѣ впечатлѣнія, происходящія отъ плоти и крови; вообразимъ, что вдругъ предъ ней разсѣялись всѣ призраки, происходящіе изъ широкаго пространства земли, воздуха, воды и неба, что она перестала бесѣдовать съ собою и возвысилась надъ собственными мыслями и что вдругъ тогда сама истина открылась ей. Но открылась не чрезъ видѣніе и откровеніе, ни путемъ чудесъ, ни чрезъ тѣ вѣшніе образы, въ которыхъ открывался иногда Богъ, ни чрезъ голосъ Ангела, или человѣка, ни шумомъ бури, ни гаданіями и притчами, потому что все это повторяетъ имѣющимъ уши: Мы не сами себя создали, мы только орудіе Того, Который вѣчно живъ..“

„И такъ, представимъ душу, передъ которой все созданное исчезаетъ, чтобы дать мѣсто Тому, Кто все создалъ и Кого мы любимъ въ созданіи. Подобно какъ мы сами теперь минутнымъ возвышеніемъ надъ собою достигли на мановеніе созерцанія вѣчной премудрости, надъ всѣмъ непрестанно бдящей; такъ представимъ себѣ, что эта счастливая душа созерцала бы долго то, что прошло передъ нами, какъ молнія. Ее не разсѣявали бы другія видѣнія; она была бы погружена во внутреннее созерцаніе, проникнута небеснымъ блаженствомъ. Она навсегда оставалась бы въ томъ положеніи, котораго мы достигли въ минуту чистаго мышленія, и которое оставило послѣ себя сожалѣнія и вздохи. Блаженство такой души не составляло ли бы ту радость въ Господѣ, о которой говорится въ Евангеліи. Но когда достигнемъ мы этой радости? Случится ли это послѣ послѣдняго воскресенія, когда мы не всѣ умремъ, но

всѣ перемѣнимся вдругъ въ мгновение ока, какъ говорить Апостоль.“

„Такъ бесѣдовали мы, хотя, можетъ быть, не въ тѣхъ же самыхъ словахъ. И ты знаешь, Господи, что въ тотъ же день, пока мы говорили такимъ образомомъ, въ то время, какъ въ насъ усиливалось презрѣніе къ міру и его радостямъ, мать моя сказала мнѣ: Сынъ мой! я въ жизни уже ничего не найду такого, что могло бы меня порадовать, не знаю, зачѣмъ мнѣ здѣсь долѣе оставаться. До сихъ поръ я для одного только хотѣла жить, чтобы предъ смертью видѣть тебя христіаниномъ и сыномъ Православной Церкви. Господь съ избыткомъ исполнилъ мое желаніе. Онъ далъ мнѣ видѣть тебя совершенно преданнымъ Его служенію и предпочитающимъ это служеніе всему, что ты могъ получить въ мірѣ пріятнаго и счастливаго. За чѣмъ мнѣ здѣсь долѣе медлить?“

„Не помню, что я отвѣчалъ матери, но черезъ пять или шесть дней послѣ

этого она занемогла горячкой. Въ продолженіи болѣзни съ нею сдѣлался обморокъ, и она долго была безъ чувствъ. Мы подошли къ ней, она сейчасъ же пришла въ себя, и увидя брата и меня, спросила, какъ будто несовсѣмъ еще очнувшись: гдѣ была я? Потомъ замѣтивъ на лицахъ нашихъ страхъ и горе, сказала; вы здѣсь похороните мать вашу. Я ничего не отвѣчалъ и съ трудомъ удерживалъ слезы. Но мой братъ ей выразилъ что то въ родѣ надежды, что она будетъ имѣть утѣшеніе умереть на родинѣ. Тогда она посмотрѣла на него взоромъ, въ которомъ выражалось сожалѣніе о такомъ его чувствѣ, и оборотясь ко мнѣ, отвѣчала: „Послушай, что говоритъ онъ; потомъ, обращаясь къ обомъ, сказала: не заботьтесь о тѣлѣ моемъ; не все ли равно, гдѣ бы его ни похоронили. Объ одномъ прошу васъ, гдѣ бы вы ни находились, не забывайте упомянуть меня передъ Престоломъ Божиимъ!“ Открывъ намъ такимъ образомъ

свое желаніе, на сколько она была въ силахъ это сдѣлать, она умолкла, болѣзнь ея усиливалась безвременно, тѣмъ-то испытывалось ея мужество и терпѣніе.“

„Послѣднія слова ея были для меня великимъ утѣшеніемъ, и я благодарилъ Тебя, невидимый Боже, изъ глубины сердца. Я услаждался дарами, которыя Ты тайно источаешь въ вѣрныя Тебѣ сердца, и изъ которыхъ возрастаютъ столь чудные плоды. Я зналъ, какъ близко сердцу матери было попеченіе о той могилѣ, которую она приготовила себѣ возлѣ мужа. Они всегда жили въ большемъ согласіи и ей хотѣлось, чтобы въ довершеніе можно было сказать, что они соединены и по смерти, и что продолжительныя путешествія, не помѣшали ей лечь съ нимъ въ одну могилу; я зналъ въ ней эту слабость, столь обыкновенную людямъ проникнутымъ Тобою.“

„Но мнѣ было неизвѣстно, что об-

ліе благодати Твоей уже излилось и наполнило всецѣло ея сердце, и узнавъ о томъ, я изумлялся и радовался. Правда, что въ послѣднемъ разговорѣ въ Остин у окошка, когда она мнѣ сказала, зачѣмъ мнѣ долѣе жить, незамѣтно было, чтобы она страшилась смерти на чужбинѣ. Съ тѣхъ поръ я узналъ еще, что въ другой разъ, когда меня тутъ не было, она, также въ Остин, бесѣдовала съ друзьями нашими, съ которыми всегда говорила съ полною материнскою откровенностію: она разсуждала съ ними о суетѣ временной жизни и благѣ смерти. Друзья удивлялись добродѣтели этой женщины—добродѣтели, которая была лишь дѣйствиємъ благодати Твоей, спрашивали у нея, не будетъ ли она сожалѣть, ежели тѣлу ея придется лечь далеко отъ родной земли. Она отвѣчала: гдѣ бы мы ни находились, мы не можемъ быть далеки отъ Бога; я не имѣю причины думать, чтобы при страшномъ судѣ Богу трудно было отыскать

прахъ мой, дабы воскресить меня изъ мертвыхъ. На десятый день послѣ начала болѣзни эта чистая душа, исполненная благочестіемъ и вѣрой, разсталась съ тѣломъ на 56 году ея жизни, и 33 моего возраста.“

„ Какъ только она скончалась, я закрылъ ей глаза. Глубокая скорбь пронзила мое сердце. Я готовъ былъ разразиться слезами, однако удерживалъ ихъ всею силою духа надъ плотью; борьба эта причиняла мнѣ тяжелое страданіе. Сынъ мой, увидѣвъ, что она испустила послѣдній вздохъ, разразился криками и слезами; мы его успокоили. Я чувствовалъ что то подобное этой дѣтской скорби, но зрѣлый разумъ мой пересиливалъ естественное чувство и заставилъ меня удержаться отъ слезъ. Такимъ похоронамъ не приличны были стenanія и слезы. Ихъ можно проливать, когда смотришь на смерть, какъ на великое несчастіе, какъ на совершенное уничтоженіе ея жертвъ. Но мы знали, что та,

которую мы потеряли, была не уничтожена и не несчастна, что въ ней умерла лишь самая ничтожная часть существа ея. Насъ убѣждали въ томъ доказательства, неподлежащія сомнѣнію; насъ удостовѣряли и святость нравовъ и твердость вѣры умершей.“

„Затѣмъ же испытывалъ я въ глубинѣ своего сердца такое жестокое страданіе? Рана эта была причинена потерю великаго наслажденія, лишеніемъ сладостнаго для меня сожительства съ особой столь праведной и доброй. Но между тѣмъ, ничто не могло сравниться съ утѣшеніемъ, которое я испытывалъ, вспоминая слова ея во время послѣдней болѣзни, и то, какъ она довольна была попеченіями, которыми я старался окружить ее. Она называла меня своимъ добрымъ сыномъ, съ радостію и необыкновенною нѣжностію повторяла, что не слыхала никогда отъ меня ни одного слова, о которомъ могла бы вспомнить съ огорченіемъ. Но Господь и Создатель

мой! Сколько бы я ни старался доказать ей уваженія и любви, могло ли бы это сравниться съ тѣмъ, что она для меня сдѣлала! Наши обѣ жизни составляли какъ бы одну жизнь. И такъ, сердце мое должно было разрываться при мысли о счастьи, которое оно испытывало въ ея обществѣ и котораго лишилось!“

„ Когда успокоился сынъ мой, Еводій взялъ псалтирь и прочелъ: „ Воспою, Господи, славу и милосердіе Твое.“ Всѣ мы стали читать поочередно. Между тѣмъ слухъ о смерти матери распространился по всему городу, и множество благочестивыхъ мужчинъ и женщинъ собрались къ намъ въ домъ. Я удалился съ нѣкоторыми знакомыми, которые не хотѣли меня оставить, старался рассуждать съ ними о высшихъ истинахъ вѣры для того, чтобы отвлечь великую скорбь, которую Ты одинъ видѣлъ, потому что прочіе слышали слова мои, но не знали, что я испытывалъ. Страданіе мое было

тѣмъ ужаснѣе что я хотѣлъ скрыть его; и упрекалъ себя въ излишней скорби о томъ, что было лишь неизбѣжнымъ послѣдствіемъ нашего надшаго состоянія.“

„ Я слѣдовалъ за тѣломъ, понесъ его въ церковь, присутствовалъ при обѣдни, которая была совершена передъ похоронами и все-таки не пролилъ ни одной слезы. Но скорбь моя была ужасна, смущеніе велико. На другое утро послѣ отдыха мнѣ показалось, что печаль моя нѣсколько уменьшилась. Но понемногу мысли опять стали возвращаться къ той, которая такъ вѣрно Тебѣ служила. Я вспоминалъ все то, чѣмъ была она въ отношеніи къ Тебѣ, Господи, своею жизнію, столь сообразною съ правилами благочестія; чѣмъ была она и для меня своимъ кроткимъ обхожденіемъ и своею снисходительною, и вмѣстѣ христіанскою привязанностію. Я не могъ удержаться отъ слезъ, оплакивалъ себя; потому что лишился такой доброй матери; слезы я проливалъ, какъ жертву

за нее и за себя. Ты одинъ видѣлъ ихъ; Ты зналъ ихъ искренность; онѣ лились свободно теперь, тогда какъ пражде я ихъ удерживалъ. Слезы эти успокоили и облегчили мое горе.“

„Теперь, продолжаетъ Августинъ, время залечило рану, причиною которой, быть можетъ, отчасти была и земная привязанность, однако и теперь я не перестаю плакать о ней передъ Тобою. Но эти слезы не похожи на тѣ, которыя лились въ часы горькой моей печали. Онѣ текутъ, когда я размышляю о тяжелой участи дѣтей Адамовыхъ, которые всѣ умираютъ вслѣдствіе первороднаго грѣха и осужденія. Хотя мать моя жила во Иисусѣ Христѣ, хотя жизнь ея была чиста, вѣра жива и мы за нее должны приносить великую благодарность Богу, однако я не смѣю утверждать, что со времени ея крещенія она ничѣмъ не нарушила Твоихъ святыхъ заповѣдей. Сама истина изрекла, — Иисусъ Христосъ вѣщалъ, что тотъ, кто ска-

залъ брату своему: *рака*, повиненъ есть гееннѣ огненной. И такъ, горе даже самымъ чистымъ и праведнымъ, ежели Ты будешь судить ихъ безъ милосердія. Мы получимъ прощеніе лишь тогда, когда Ты будешь судить насъ не въ мѣру справедливости Твоей, не по дѣламъ нашимъ, а по милосердію Твоему.“

„ Исполни мою молитву именемъ Того, который претерпѣлъ за насъ крестную смерть, Который кровію Своею уврачевалъ язвы душъ нашихъ, Который, сидя одесную Тебя, не перестаетъ за насъ ходатайствовать. Я знаю, что мать моя совершала дѣла милосердія, что она прощала обидѣвшимъ ее. Прости же ей обиды и грѣхи, сотворенные ею отъ времени крещенія до смерти и не осуди ее безъ милосердія! да превзойдетъ Твое милосердіе мѣру справедливости, ибо Ты обѣщалъ милость творящимъ милосердіе. Я вѣрю, что Ты уже помиловалъ ее, но продолжаю молиться, исполняя тѣмъ ея желаніе. Она проси-

ла у насъ не пышныхъ похоронъ, не роскошнаго памятника, не возвращенія тѣла на родину, она хотѣла только, чтобы мы поминали ее передъ святымъ олтаремъ, не забывали о ней во время совершенія того таинства, при которомъ она ежедневно присутствовала и на которомъ раздается священный Агнецъ, смывшій кровію Своею наше осужденіе и нашъ смертный приговоръ. И такъ не забудь ту, которая всей душой, всей силой вѣры была предана святому и страшному таинству искупленія. Да будетъ она въ вѣчномъ мирѣ, вмѣстѣ съ мужемъ своимъ, который былъ у нея одинъ, которому она всегда повиновалась изъ желанія привлечь его къ Тебѣ, съ терпѣніемъ Тобою внушеннымъ, и которое принесло обѣщанные Тобою плоды. Сотвори, Боже мой и Владыко, чтобы всѣ данныя мнѣ Тобою братія, тѣ, которыхъ я уважаю, какъ господъ своихъ, потому что они дѣти Твоя, которымъ я посвятилъ мое сердце, мои слова и писанія,

и которымъ попадется эта книга, вспомнѣли предъ Олтаремъ Твоимъ Моникѣ и Патриція ся мужа, отъ которыхъ родился я по неисповѣдимому дѣйствию Твоего всемогущества. Пусть братья мои по вѣрѣ, сограждане небеснаго Іерусалима, о которомъ мы непрестанно воздыхаемъ, находясь въ изгнаніи, вспомнѣть съ чувствомъ христіанской любви о тѣхъ, которыхъ Ты далъ мнѣ въ отца и мать для сей преходящей жизни. Такимъ образомъ я буду имѣть утѣшеніе исполнить лучше, чѣмъ могъ бы силою однихъ собственныхъ молитвъ моихъ, послѣднее желаніе матери моей.“

*Confessiens d' S-t Augustin.
Vie de S-t Monique.*

8

ДВѢ МЕЛАНІИ.

Въ письмахъ блаженныхъ Іеронима и Августина упоминается о двухъ Меланіяхъ, которыя основали монастыри въ Іерусалимѣ. Онѣ подавали высокіе примѣры милосердія и благочестія и другихъ увлекали къ добру примѣромъ святой своей жизни.

Меланія старшая, была дочь консула и жена префекта. Двадцати двухъ лѣтъ она лишилась мужа и двухъ старшихъ сыновей. Подъ горестнымъ впечатлѣніемъ тяжкихъ утратъ, она рѣшилась покинуть Римъ,—она захотѣла посѣтить Египеть и надѣялась, что свиданіе съ тамошними подвижниками, укрѣпитъ ея вѣру и умѣритъ скорбь. Меланія отпра-

вилась во Египеть, поручивъ послѣдняго маленькаго сына вѣрнымъ христіанскимъ воспитателямъ. Это было въ послѣдній годъ жизни святаго Аѳанасія; Меланія видѣла еще этаго великаго Епископа Александрійскаго, приняла отъ него благословеніе и святыню Оивейской пустыни. Онъ вручилъ ей ту рясу изъ бараньей кожи, которую самъ получилъ отъ святаго Макарія. Меланія осталась 6 мѣсяцевъ въ пустынѣ Нитрійской и приучилась къ трудамъ и лишеніямъ отшельнической жизни; пребываніе ея въ пустынѣ описано Епископомъ Палладіемъ и Священникомъ Руфиномъ. Послѣ смерти Св. Аѳанасія наступило время гоненій на православныхъ и торжества арианъ, которыхъ поддерживалъ Императоръ Валентъ. Меланія уже подверглась гнѣву Кесаря за пріѣздъ въ Египеть, но это не помѣшало ей посвятить себя совершенно на служеніе исповѣдникамъ истины. Она помогала имъ деньгами; однихъ, скры-

вала отъ гонителей, поддерживала мужество другихъ и сопутствовала имъ, когда ихъ приводили въ судилище. Ее также подвергали гоненіямъ, но ея рѣшительность и мужество обезоружило ея враговъ. Меланія въ продолженіи трехъ дней кормила 5.000 монаховъ, жившихъ въ пустынь Нитрійской, потомъ она отправилась въ Палестину за сосланными туда Епископами и монахами. Тамъ въ Іерусалимѣ, она—дочь консула, жена префекта, одна изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ гражданокъ Рима, смиренно посѣщала гонимыхъ Епископовъ, одѣтая бѣдной служанкой, и разнося имъ пищу и всякое пособіе. Чиновники кесарскіе велѣли заключить ее въ темницу, и надѣялись взять съ нее значительный выкупъ, но она, подобно Апостолу Павлу, напомнила имъ свои права и званіе, и съ достойнымъ мужествомъ сказала судьямъ: „Я дочь консула, мужъ мой былъ знаменитъ между людьми, а я теперь служитель-

ища Христа. Не презирайте меня за мое бѣдное платье, и передъ вами я могу еще возвеличаться. Я имѣю довольно власти, чтобы не бояться угрозъ вашихъ, и не отдать вамъ на расхищеніе имѣніе свое. Для того только объявляю вамъ имя и званіе свое, чтобы вы не оправдывались невѣденіемъ.“

Сказавъ эти слова, Меланія прибавила: „ надобно умѣть отвѣчать дерзкимъ людямъ, надо выпускать иногда и смѣлую рѣчь на встрѣчу ихъ невѣжества, какъ выпускаешь собаку, или сокола въ слѣдъ лѣснаго звѣря.“

Смущенные судьи пришли къ ней съ повинной и позволили свободно сообщаться съ гонимыми Епископами.

Состраданіе и участіе къ православнымъ привлекли Меланію въ Іерусалимъ, благочестіе удержало ее въ Святомъ градѣ. Она основала тамъ монастырь, въ которомъ соединила 50 монахинь и трудилась въ немъ въ продолженіи 25 лѣтъ. Она посвящала значительные до-

ходы, получаемые отъ сына, на помощь больнымъ и бѣднымъ, на облегченіе нуждъ Епископовъ, монаховъ и странниковъ, которые стекались со всѣхъ сторонъ къ святымъ мѣстамъ. Священникъ Руфинъ, жившій въ то время въ одинокой кельѣ на горѣ масличной помогалъ ей; Руфинъ былъ тогда связанъ тѣсной дружбой съ Иеронимомъ; споры о сочиненіяхъ Оригена поселили раздоръ между ними; Меланія удалось примирить ихъ на время, но миръ продолжался не долго.

Между тѣмъ единственный сынъ Меланіи окончилъ свое воспитаніе, получилъ званіе претора, и женился на Альбинѣ, сестрѣ префекта Волунція. У нихъ родилась дочь, которую назвали по бабушкѣ Меланіей. Ее весьма рано выдали замужъ за Пиніана, сына правителя Африки и Италіи, и потомка извѣстнаго Валерія Публиколы, перваго консула Римской республики. Сердце молодой жепщины стремилось въ жизни подвиж-

инеской, не увлекалось, изнѣженною пышностію столицы. Меланія старшая рѣшилась посѣтить Римъ, чтобы поддержать благочестіе внуки. Она пріѣхала въ Неаполь въ 398 году и была встрѣчена семьєю, дѣтьми, сенаторами и множествомъ знатныхъ Римлянъ. Пышная свита сопровождала ее по дорогѣ въ Римъ. По дорогѣ Аппіевой (Via Appia) тянулись золотыя колесницы и лошади, украшенныя дорогою сбруей. Между ними ѣхала Меланія на плохой лошадекѣ; та, которую встрѣчали съ такимъ почетомъ богатые Римскіе жители, была одѣта въ платье, шитое изъ рогожи, сплетенной изъ древесной коры.

Въ мѣстечкѣ Нолѣ, Меланія остановилась, желая посѣтить родственника своего Павлина. Павлинъ былъ консуломъ въ царствованіе Императора Грациана, обладалъ несмѣтнымъ богатствомъ и былъ другомъ поэта Авзонія; жена его, родомъ Испанка, называлась Терезой. Примѣръ святой жизни отшель-

никовъ, увлекалъ обоихъ супруговъ; они стремились въ единеніе. Не смотря на убѣжденія Авзовія, они по немногу удалялись отъ мира и все болѣе и болѣе упражнялись въ подвигахъ благочестія. Наконецъ они уединились въ свое Испанское помѣстье, тамъ лишились единственнаго сына. Послѣ этаго Павлипъ оставилъ сенать, протился на всегда съ свѣтскою жизнью, роздалъ все свое имѣніе бѣднымъ и поселился вмѣстѣ съ женою въ небольшой усадьбѣ, которую онъ сохранилъ въ Кампаніи возлѣ гроба мученика Феликса. Онъ сдѣлался стражемъ святыхъ мощей и жилъ въ крайней бѣдности. Но по совѣту блаженнаго Іеронима онъ продолжалъ заниматься краснорѣчіемъ и поэзіей; посвящая впрочемъ искусство предметамъ божественнымъ или посланіямъ къ друзьямъ; такъ онъ писалъ къ Авзонію: „Никогда не переставу нѣжно любить тебя даже и послѣ той минуты, когда освобожусь отъ всего земнаго;

потому что какъ душа наша переживаетъ разрушеніе нашихъ органовъ по небесному своему происхожденію, такъ, конечно, вмѣстѣ съ существованіемъ своимъ, сохраняетъ и привязанности свои. Исполненная жизни и памяти душа столь же мало можетъ забывать, сколько и умирать.“ Многіе христіане присоединились къ Павлину и жили въ сосѣднихъ кельяхъ, слѣдуя одному общему правилу. Меланія вручила Павлину и Терезіи частицу животворящаго Креста, полученную ею отъ Іерусалимскаго Епископа, потомъ продолжала путь свой въ Римъ, встрѣчая повсюду радушный и благоговѣйный пріемъ. Она осталась нѣсколько лѣтъ въ древней столицѣ, распространяя между согражданами любовь къ иноческой жизни. Она уговаривала своихъ согражданъ оставить свѣтскую жизнь и шумную столицу и слѣдовать за нею въ уединеніе. Изъ обращенныхъ ею къ христіанству и иноческой жизни мы назовемъ племян-

пика ея Апронія патриція, изъ разряда свѣтлѣйшихъ: (clarissim:). жена его Авита обратилась вмѣстѣ съ нимъ, Меланія младшая, лишившись двухъ дѣтей, посвятила себя на служеніе Богу, хотя ей было не болѣе двадцати лѣтъ.

Въ это время варвары подходили все ближе къ Риму; предчувствіе скорого паденія имперіи и страшнаго разоренія столицы, наполняло страхомъ всѣ сердца и способствовало успѣху горячей проповѣди старшей Меланіи. Она предсказывала согражданамъ скорое разореніе столицы и расхищеніе суетнаго богатства,—предмета ихъ суетныхъ заботъ. „Отдавайте богатство ваше бѣднымъ, говорила она, повергайте его передъ престоломъ Божиимъ, а иначе все достанется варварамъ, все будетъ жертвою ихъ грубой алчности. Меланія успѣла уговорить родныхъ и ближнихъ, и въ 409 году, за годъ до нашествія Аларика, она съ отрядомъ странниковъ и богомольцевъ прежней Римской знати,

выѣхала изъ столицы. Передъ отъѣдомъ Меланія младшая отпустила на волю 8,000 невольниковъ, и роздала церквамъ, больницамъ и монастырямъ богатыя помѣстья, которыми владѣла въ Испаніи, Галліи, Аквитаніи и другихъ частяхъ Имперіи. Она предоставила себѣ только помѣстья въ Кампаніи, Сициліи и Африкѣ съ тѣмъ, чтобы раздать ихъ впоследствии. Теперь же черезъ далматскаго священника отправила значительныя суммы денегъ для раздачи въ Палестинѣ и въ пустынѣ Фивейской. Послѣ этаго всѣ отправились въ путь. Старшая Меланія предъ самымъ крушеніемъ древняго Рима, увлекала такимъ образомъ все потомство свое за собою: сына Публиколу, невѣстку Альбину, внучку Меланію младшую, Пиніана мужа ея, и множество другихъ; всѣ слѣдовали за престарѣлой отшельницей. Она сначала отправилась въ Сицилію, оттуда въ Африку, гдѣ ихъ ожидалъ блаженный Августинъ. Публикола умеръ

въ началѣ путешествія. Меланія сплала его, какъ слѣдуетъ плакать матери христіанкѣ, разсталась съ прочими членами семейства и удалилась въ свой Іерусалимскій монастырь. Здѣсь скончалась она спустя сорокъ дней послѣ своего возвращенія.

Послѣ смерти бабки своей, Меланія вдѣлалась какъ бы предводительницей отряда. Они отправились въ Тагастъ, гдѣ Епископствовалъ Алипій, знаменитый другъ блаженнаго Августина; изъ Тагаста переѣхали въ Иппону, гдѣ самъ Августинъ встрѣтилъ ихъ съ радушнымъ и дружественнымъ уваженіемъ. Жители этаго города, убѣдивъ самаго Августина остаться у нихъ, хотѣли точно также принудить мужа Меланіи принять у нихъ священство. Они знали о богатствѣ обоихъ супруговъ, и о томъ, какъ щедро они раздаюгъ его, и не хотѣли выпускать его изъ своего города. Блаженный Августинъ оставилъ намъ описаніе происшедшаго по этому слу-

чаю возмущенія; онъ не могъ успокоить жителей, хотя употреблялъ угрозы и говорилъ, что откажется отъ паствы своей, ежели она станетъ употреблять насилія съ почтенными странниками.

Жители Иппоны успокоились только вслѣдствіе обѣщанія Пиніана, который сказалъ имъ, что ежели онъ когда нибудь приметъ священство, то пріѣдетъ къ нимъ. По возвращеніи въ Тагастъ, Меланія и Пиніанъ на свое иждивеніе основали два монастыря, въ одномъ жили 80 монахинь, въ другомъ поселились 130 инокинь. Меланія хотѣла непременно питаться трудами рукъ своихъ, она переписывала рукописи и дѣлала это съ необыкновеннымъ искусствомъ и быстрою. Мужъ ея воздѣлывалъ садъ. Такъ прожили они семь лѣтъ въ совершенной бѣдности. Послѣ этаго супруги поѣхали въ Египетъ, чтобъ посѣтить Нитрійскихъ отшельниковъ и раздать имъ милостыню. Возвратившись въ Іерусалимъ, супруги разстались. Паніанъ, бывший

префектъ Рима, продолжалъ заниматься садоводствомъ съ тридцатью другими монахами, а Меланія, которой въ это время еще не было тридцати лѣтъ, затворилась въ кельи на горѣ масличной и пробыла тамъ четырнадцать лѣтъ. Впослѣдствіи она построила монастырь на 30 кающихся женщинъ, на пути Голгоетскомъ, на одномъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ по преданію, остановился Спаситель, изнемогая подъ бременемъ креста.

✓ Святые супруги окончили такимъ образомъ жизнь возлѣ гроба Господня; здѣсь ихъ поддерживали воспоминанія подвиговъ старшей Меланіи, здѣсь ихъ поощряла и укрѣпляла дружба блаженнаго Іеронима, они согрѣвались послѣдними лучами этого уже заходящаго свѣтила. Въ послѣднемъ посланіи блаженнаго Іеронима, обращенномъ къ Августину, онъ говоритъ: о супругахъ и называетъ ихъ общими дѣтьми нашими.

Montalembert les moines d'occident.

П А В Л А .

Въ письмахъ блаженнаго Иеронима мы находимъ подробности о жизни и подвигахъ многихъ благочестивыхъ Римляннокъ, жившихъ въ одно время съ нимъ и руководившихся его наставленіями и совѣтами. Изъ всѣхъ духовныхъ дочерей своихъ, блаженный Иеронимъ чаще всего упоминаетъ о Павлѣ.

Отецъ Павлы былъ изъ семейства Гракховъ, мать извѣстная въ Римѣ Марція Папирія, была наслѣдница Сципіоновъ. Павла оставила пышный домъ, столичную роскошь и удобства, удалилась отъ радостей семейной жизни и поселилась

Lettres de St Jérôme.

въ Виллеемѣ, гдѣ сдѣлалась настоятельницей устроенной ею женской обители.

Въ ранней молодости Павла вступила въ супружество съ Римскимъ гражданиномъ знатнаго рода; у нихъ родилось пятеро дѣтей. Три дочери были замужемъ; двѣ изъ нихъ умерли еще въ молодости, четвертая была достойная послѣдовательница своей добродѣтельной матери, пятый ребенокъ былъ сынъ, давно желанный наслѣдникъ богатаго рода и значительнаго состоянія. Семейная жизнь Павлы была счастлива, и она горько оплакивала раннюю смерть мужа. Оставшись вдовою, она вскорѣ стала тяготиться суетою обширнаго города, частными посѣщеніями гостей и тѣми обязанностями, которыя налагало на нее многочисленное родство и видное положеніе въ обществѣ. Она охотнѣе заботилась о бѣдныхъ, отыскивала и помогала имъ и наконецъ рѣшилась совершенно посвятить себя Богу.

Въ это время восточные Епископы

пріѣхали въ Римъ, по повелѣнію Императора, для рѣшенія нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ. Между ними были Павлинъ, Епископъ Антиохійскій и Епифаній, Епископъ Кипрскій. Они часто видались съ Павлой, послѣдній даже останавливался въ ея домѣ. Разказы этихъ святыхъ мужей, примѣръ ихъ святой жизни, описаніе подвиговъ пустынножительства такъ подѣйствовали на Павлу, что она почувствовала сильное желаніе удалиться изъ Рима и поселиться навсегда въ странѣ прославленной жизни Спасителя и подвигами святыхъ.

Когда открылась весна, Павла исполнила свое желаніе. Семья и родственники провожали ее до пристани. Напрасно уговаривали ее остаться, напрасно плакали братья и дѣти и просили ее отложить намѣреніе свое. Она оставила маленькаго сына и дочь Руфину, которая уже была невѣстой. Ее просили подождать до совершенія ея брака. Павла.

уѣхала съ меньшей дочерью Евстохіей, которая раздѣляла желаніе матери посвятить себя Богу.

Послѣ продолжительнаго мореплаванія, Павла пріѣхала въ Кипръ; тамъ она оставалась дней десять, Епифаній испытывалъ ея способность къ дѣламъ милосердія, и она вмѣстѣ съ нимъ осматривала монастыри и посѣщала пустынниковъ, жившихъ на островѣ. Въ Селевкіи Павла видѣлась съ Епископомъ Павлиномъ, оставалась у него нѣкоторое время и потомъ продолжала утомительное свое путешествіе. Въ Египтѣ, въ пустынѣ Нитрійской, преподобный Исидоръ, узнавъ объ ея пріѣздѣ, вышелъ къ ней на встрѣчу, окруженный пустынниками и подвижниками. Она увидѣла тамъ святыхъ Макарія, Серапіона и многихъ другихъ; благоговѣнно входила въ ихъ кельи, слушала ихъ поученія и съ умиленіемъ повергалась предъ ними. Она хотѣла бы также поселиться въ пустынѣ, но нетерпѣніе увидѣть палестину

пересилило это желаніе и она отправилась туда.

Обѣхавъ Палестину, она рѣшилась остаться въ Вилеємѣ. Она сначала поселилась въ тѣсной хижинѣ вмѣстѣ съ дочерью и послѣдовавшими за нею женщинами; тамъ оставалась три года, пока не достроились монастыри и кельи, основанныя ею. Она также построила убѣжища для богомольцевъ по всей дорогѣ между Іерусалимомъ и Вилеємомъ по пути пройденному праведнымъ Іосифомъ и Пресвятою Дѣвою Марією.

Жизнь, которая началась для Павлы, была въ прямой противоположности съ прежними ея привычками. Никто теперь не могъ бы узнать въ ней прежней знатной Римлянки, никто не могъ бы отличить ее отъ окружавшихъ ее служанокъ. Смирениемъ своимъ и простотою своего платья, она казалась послѣднею изъ нихъ. Она удалялась отъ общества мужчинъ, изнуряла тѣло свое, спала на го-

лей землѣ и проводила ночи въ молитвѣ и слезахъ.

Ей совѣтовали беречь зрѣніе, хоть бы для того, чтобы не встрѣчать препятствія въ чтеніи святаго писанія,—но она отвѣчала: „ пусть старѣется, обливаясь слезами лицо, которое я такъ часто расписывала румянами и бѣлилами; мнѣ должно искупить трудами прежнюю изнѣженность, поплатиться слезами за прежній неразумный смѣхъ, пусть жестокая власяница замѣнитъ тонкое бѣлье и роскошь богатыхъ шелковыхъ тканей.“

Павла была кротости необыкновенной; она была сострадательна и привѣтлива къ бѣднымъ. Она не искала общества знатныхъ людей, но не чуждалась ихъ, была снисходительна къ людямъ тщеславнымъ, гордившимся какими нибудь свѣтскими преимуществами. Она помогала бѣднымъ, которые встрѣчались ей, и просила у богатыхъ, которые ей попадались. „ Мнѣ охотно подають, говорила она, а ежели нищій умретъ отъ

голода потому только, что я полюбилась попросить того, что такъ легко мнѣ достается, то не буду ли я отвѣчать Богу за его жизнь? “

Блаженный Иеронимъ уговаривалъ ее раздавать свое имѣніе съ большою бережливостію, для того, чтобы средства ея не истощились; она отвѣчала съ смиреніемъ и въ немногихъ словахъ, что Богъ видитъ ея сердце и то, что она такъ поступаетъ изъ любви къ Нему, что самое горячее ея желаніе умереть нищей, не оставить дочери земнаго богатства, и быть положенной въ гробъ въ покровѣ, полученномъ Христа ради. Напрасно уговаривали ее заботиться о своихъ дѣлахъ; ее увлекала любовь и вѣра; она не рѣшалась отпустить отъ себя нищихъ съ пустыми руками, и мудро распредѣляла между ними свое богатство.

Конечно, такіе поступки встрѣчали не мало осужденій и насмѣшекъ. Павла терпѣливо внимала клеветѣ и обиднымъ рѣчамъ, часто выпадавшимъ на ея до-

лю. Она отвѣчала словами Св. Писанія. Ей говорили, что горячее рвеніе доказываетъ болѣзненное разстройство ея разума и совѣтовали полечиться. Она кратко отвѣчала словами святаго Апостола. „Безумное Божіе мудрѣе человѣковъ и немощное Божіе сильнѣе человѣковъ и Богъ избралъ безумныхъ міра, чтобы посрамить мудрыхъ(*).“

Но въ уединеніи нѣжная любовь ея къ дѣтямъ не уменьшалась. Какъ постоянно она думала о нихъ, какъ горячо молилась, какъ мучилась извѣстіями о ихъ болѣзняхъ! Она просила Бога о выздоровленіи ихъ словами Св. Царя Давида (72).

Смерть близкихъ повергала ее въ глубокую скорбь, отъ которой нерѣдко была въ опасности ея жизнь.

Павла построила мужской монастырь и основала три женскія обители. Тамъ въ эти времена общаго смятенія, благо-

(*) 1 Кор. 1. 25. 27.

честивыя дѣвы и честныя вдовы находили желанное убѣжище и соединялись для дружныхъ трудовъ и общихъ молитвъ. Павла требовала отъ духовныхъ дочерей своихъ строгаго повиновенія тому правилу, которому она добровольно подчинялась. Онѣ непременно должны были присутствовать при общемъ богослуженіи, выучивать ежедневно заданный урокъ изъ Священнаго Писанія, должны были исполнять назначенную работу, онѣ шили платья для себя и для бѣдныхъ.

Богатымъ не позволено было приводить съ собою подругъ, съ которыми онѣ могли бы разговаривать о привычкахъ и занятіяхъ прежней жазни. Павла умѣла возбуждать ревность духовныхъ дочерей своихъ, то ласкою, то благоразумною строгостію: Какъ описать ея милосердіе къ тѣмъ изъ нихъ, которыя заболѣвали? Она ухаживала за ними съ нѣжною заботливостію, съ избыткомъ доставляла имъ все нужное, позволяла

имъ даже изысканную пищу.

Въ одномъ только случаѣ отступала она отъ принятаго ею правила-совершеннаго равенства между монахинями—въ строгости къ самой себѣ. Когда она сама заболѣвала, то не позволяла себѣ ни ослабленія въ постѣ, ни отдыха. Строгость ея къ самой себѣ равнялась съ милосердіемъ ея къ другимъ. Конечно, ни одна изъ здоровыхъ дѣвицъ, жившихъ въ ея обители, не испытывала такихъ лишеній, не изнуряла себя такими трудами, какія налагала на себя нѣжная и болѣзненная Павла.

Она говорила мало, любила слушать, знала наизусть Св. Писаніе. Хотя она изучала историческіе рассказы и событія вѣтхаго завѣта, называя ихъ основаніемъ вѣры, но охотнѣе углублялась въ духовное символическое ихъ значеніе и тѣмъ довѣршала чудное зданіе души своей. Она упрашивала блаженнаго Іеронима прочесть съ нею и дочерью ея Св. Писаніе и обьяснить имъ самыя труд-

ныя мѣста. Онъ сначала отказывался, но потомъ склонился на ея настойчивыя просьбы, передалъ имъ и собственныя замѣчанія и то, что слышалъ отъ извѣстныхъ богослововъ. Блаженный Иеронимъ рассказываетъ, что когда онъ признавался ей, что самъ не вполне уразумѣлъ какое нибудь мѣсто изъ писаній, то Павла упрашивала его по крайней мѣрѣ указать ей на то объясненіе, которое кажется ему наиболѣе близкимъ къ истинѣ.

Павла училась по Еврейски и такъ усердно трудилась подъ руководствомъ Иеронима, что совершенно усвоила себѣ этотъ языкъ, читала на немъ псалмы и говорила также свободно на Еврейскомъ, какъ и на своемъ Латинскомъ языкѣ.

Въ семействѣ Павлы нашлись подражатели ея святой жизни. Меньшая дочь ея Евстохія съ раннихъ лѣтъ раздѣляла всѣ ея труды и горячую вѣру. Она неотлучно находилась при матери; ни одного раза не случалось ей принять пищу

или провести ночь безъ матери, никогда не имѣла она копѣйки денегъ въ собственномъ распоряженіи. Она радовалась, видя, что мать отдаетъ бѣднымъ послѣднее свое достояніе; она считала лучшимъ богатствомъ тѣ добрыя дѣла, которыя совершали онѣ вмѣстѣ съ матерью. Въ сочиненіяхъ блаженнаго Іеронима остались многія письма обращенныя къ Евстохіи. Онъ даетъ ей совѣты, объясняетъ Св. Писаніе, говоритъ о собственныхъ переводахъ. Въ письмахъ къ другимъ лицамъ хвалитъ ея высокую добродѣтель. Имя третьей дочери Павлы Блезилы также встрѣчается въ письмахъ Іеронима. Хотя Павла оставила сына своего еще въ младенчествѣ, однако она умѣла поручить его воспитаніе добродѣтельнымъ наставникамъ и сама продолжала издали наблюдать надъ нимъ. Это видно изъ того благоговѣнія, которое сынъ сохранилъ къ матери. Онъ женился при жизни ея. У него родилась дочь, которой дали имя

благочестивой бабушки и воспитывали съ намѣреніемъ посвятить Богу. Какъ обрадовалось сердце Павлы, когда она узнала, что маленькую ея внучку научаютъ молитвамъ, что одно изъ первыхъ словъ, которое твердилъ ея младенческой языкъ, была хвала Богу, что ее заставляли благоговѣнно повторять имена бабушки и тетки. Мы находимъ письмо блаженнаго Іеронима, написанное послѣ смерти Павлы къ ея невѣсткѣ. Онъ утѣшаетъ ее въ невѣріи отца и даетъ ей надежду на его обращеніе.

„Кто бы могъ подумать, говорить онъ, что отецъ твой, жрецъ Альбинъ, сдѣлается дѣдомъ дѣвы, посвященной Богу? Ничего нѣтъ невозможнаго Ему.“ Блаженный Іеронимъ предлагаетъ совѣты о воспитаніи маленькой Павлы и прибавляетъ: „берусь быть ея наставникомъ. Я буду носить ее на рукахъ; направлять ея дѣтскій лепетъ. Старость моя не будетъ мнѣ пренятствіемъ; я выучу ее говорить, я буду утѣшаться дѣломъ

своимъ болѣе языческаго философа, призваннаго воспитывать наслѣдника тлѣннаго царства, — моею воспитанницѣ готовится иной нетлѣнный вѣнецъ. “ Въ послѣдствіи добродѣтельная неувѣстка Павлы, Мата и дочь ея посвятили себя Богу, служили бѣднымъ и совершали въ Римѣ тѣ святыя дѣла, какія Павла творила въ Палестинѣ.

Во время послѣдней предсмертной болѣзни Павлы особенно трогателенъ нѣжный заботливый уходъ за ней ея дочери и глубокое ея горе. Блаженный Иеронимъ присутствовалъ при мирной кончинѣ добродѣтельной Павлы. Она слабымъ голосомъ повторяла псаломъ „ возлюбихъ красоту дома Твоего. “ Когда блаженный Иеронимъ спрашивалъ: не страдаетъ ли она? — Она отвѣчала, что ничѣмъ не страдаетъ, но что сердце ея жаждетъ покоя.

Монастырь Виедеемскій былъ наполненъ священниками, діаконами, благочестивыми дѣвами, сошедшимися при вѣсти о

болѣзни Павлы. Когда она скончалась, неслышно было криковъ и стоновъ. Всѣ съ умилениемъ пѣли псалмы, окружая гробъ съ возженными свѣчами, повторяли молитвы на разныхъ языкахъ. Всѣ жители Палестины отсюду стеклись къ ея похоронамъ. Изъ самыхъ отдаленныхъ убѣжищъ пришли святыя отшельники; старцы, Іереи и Епископы несли гробъ ея. Вдовы и нишіе показывали рубашки, которыя она подобно Тавиѣ шила для нихъ.

Все ея имѣнія было роздано, какъ она заповѣдала Евстохіи, многочисленной толпѣ нищихъ святыхъ женъ, ревностныхъ подвижниковъ, которыхъ она питала. Евстохія не жалѣла о богатствѣ и не боялась трудовъ, но продолжала святыя подвиги и добродѣтельную жизнь матери. „Мать ваша, писалъ ей блаженный Іеронимъ, освятилась подвигами мученичества. Не одни тѣ, которые проливаютъ кровь свою за исповѣданіе вѣры, получаютъ награды мучениковъ.

Равно достохвально то безпорочное служеніе любви, на которое посвящаютъ себя благочестивыя души, обрекая себя такимъ образомъ на продолжительные труды и долгое мученичество. Господь увѣнчиваетъ подвизавшихся въ мирное время и даетъ имъ награды, равныя съ тѣми, которые остались побѣдителями на полѣ сраженія.“

МАРКЕЛЛА.

Къ благочестивой семьѣ Павлы надо присоединить имя добродѣтельной Маркеллы. Самая нѣжная дружба связывала этихъ двухъ женщинъ. Маркелла лишилась мужа послѣ семи лѣтняго брака. Она не захотѣла вступить во второе супружество, и по словамъ блаженнаго Іеромонима, была одна изъ первыхъ знатныхъ Римлянокъ, подавшихъ примѣръ той святой и цѣломудренной жизни, которая прилична вдовѣ христіанкѣ. Богатство, красота, мягкость нрава, привлекали къ ней богатыхъ жениховъ. Между прочими сватался за нее консуль,

Lettres de S-t Jérôme.

извѣстный въ Римѣ своимъ огромнымъ имѣніемъ, не молодой уже человѣкъ. Онъ старался склонить ее на бракъ обѣщаніемъ, что она будетъ единственной наслѣдницей его богатства и говорилъ, что будетъ ей вторымъ отцомъ и вѣрно проживетъ не долго. Мать Маркеллы всячески старалась склонить ее на просьбу старика, но она твердо отвѣчала, что твердо рѣшилась не выходить замужъ, но что ежели бы у нея не было такого намѣренія, то стала бы искать мужа, а не наслѣдства.

Маркелла стала жить въ Римѣ не такъ, какъ подруги ея, знатныя Римскія вдовы. Онѣ расписывали тѣло свое бѣлилами и румянами; щеголяли другъ передъ другомъ роскошью нарядовъ; покрывали себя дорогими камнями и жемчугами. Онѣ, казалось, выражали всячески радость, что удалось имъ избавиться отъ тяжкаго супружескаго союза, а вмѣстѣ съ тѣмъ находясь постоянно въ обществѣ мужчинъ, какъ

будто сгнѣшили наложить на себя новыя семейныя узы, столь же суетныя и непрочныя, какъ первыя. Маркелла одѣвалась только для того, чтобы прикрыть себя отъ наготы и холода. Она отдала всѣ золотыя украшенія, не сохранила даже своей печати. Все пожертвовала она для прокормленія нищихъ. Она никуда не выходила безъ матери, и даже только въ ея присутствіи, принимала священниковъ и благочестивыхъ людей, посѣщавшихъ домъ ихъ. Маркелла окружала себя подругами строгой жизни и служанками, извѣстными своими добродѣтелями. Она постилась умѣренно, потому что здоровье ея было очень слабо. Рѣдко выѣзжала она, не любила посѣщать знатныхъ своихъ сверстницъ, избѣгала жизни и привычекъ, отъ которыхъ удалилась. Но она любила ходить въ церковь и часто посѣщала храмы для уединенной молитвы. Она и тутъ старалась избѣгать церквей, которыя наиболѣе наполнялись народомъ.

Маркелла повиновалась матери и во всем старалась сдѣлать ей угодное, и даже готова была приносить ей самыя великія жертвы, лишь бы то не противно было волѣ Божіей. Мать ея была очень привязана къ своимъ родственникамъ, и такъ какъ у нея не было ни сыновей, ни внуковъ, она отдала по завѣщанію родственникамъ все свое состояніе. Маркелла хотѣла бы отдать свое богатство нищимъ, на мѣсто того, чтобы уступить свое имѣніе уже богатымъ и безъ того своимъ родственникамъ,—но чтобы угодить матери, она подарила имъ даже свои драгоценныя каменья и домашнюю утварь.

Въ это время въ Римѣ не встрѣчалось еще знатныхъ жёнщинъ, рѣшавшихся открыто подражать жизни отшельниковъ,—такіе подвиги казались низкими, достойными презрѣнія. Маркелла встрѣтила въ Римѣ Св. Аѳанасія и Петра, бѣжавшихъ въ то время отъ гоненія Аріанъ. Она узнала отъ нихъ о подвигѣ

гахъ Св. Антонія, который тогда еще былъ живъ, о Св. Пахоміи и о тѣхъ Оивейскихъ монастыряхъ, въ которыхъ спасались дѣвы и вдовы, и рѣшилась открыто подражать имъ и исповѣдывать Господа жизнью Ему угодною. Чрезъ нѣсколько лѣтъ примѣру ея послѣдовали многія другія вдовы, между прочимъ Софронія и другія знатныя Римлянки.— Почтенная Павла пользовалась ея дружбой, и Евстохія была почти вскормлена въ ея домѣ. По такимъ ученицамъ можно судить о достоинствѣ наставницы.

Блаженный Иеронимъ рассказываетъ, что во время его пребыванія въ Римѣ, куда онъ отправился вмѣстѣ съ Епифаніемъ и Павлиномъ, онъ увидался въ первой разъ съ Маркеллою; она настойчиво добивалась свиданія и бесѣды съ нимъ и много спрашивала его о Священномъ Писаніи. Блаженный Иеронимъ часто упоминаетъ о ней въ своихъ письмахъ и хвалитъ ея умъ, кротость и святость жизни.

Блаженный Иеронимъ, возвратившись въ Виолеемъ, звалъ туда Маркеллу. Онъ старался привлечь ее въ Палестину святостію воспоминаній этой страны и уединенной тишиной избраннаго имъ убѣжища. „Удадитесь съ нами въ пустыню, писалъ онъ; много лѣтъ жизни нашей прошли среди бурь волнуемаго моря. Здѣсь мы нашли спокойную пристань. Раздѣлите пиры наши; они состоятъ изъ овощей, приготовленныхъ нашими руками и изъ свѣжаго молока; здѣсь избытокъ мясной пищи не помѣшаетъ продолжительному чтенію, не прерветъ молитвы. Мы лѣтомъ проводимъ время въ тѣни деревъ, во время теплыхъ осеннихъ дней отдыхаемъ на листьяхъ. Весной здѣсь поля покрываются цвѣтами и весело пѣтъ псалмы посреди щебетанія птичекъ. Пусть Римъ наслаждается своими суетными удовольствіями, — торжествуетъ въ циркахъ и театрахъ, гордится безумными зрѣлищами своими. Мы не ищемъ богатства и веселія міра. Мы

находимъ сокровища наши на небѣ. Въ мѣстахъ, прославленныхъ жизнію Спасителя и Пречистой Дѣвы, нѣтъ роскошныхъ зданій, нѣтъ храмовъ, дворцовъ и портиковъ; здѣсь нѣтъ палатъ, воздвигнутыхъ потомъ и кровію бѣдняка для прихоти одного человѣка, для того только, чтобы онъ нѣжилъ въ нихъ презрѣнное, грѣшное свое тѣло и забывалъ чертоги небесные, любуясь красивыми стѣнами дома своего. Все, что тѣшитъ Римскихъ жителей,—встрѣчи, поклоны, разговоры, сплетни, клевета, шумъ толпы, многолюдство собраній, все это неизвѣстно здѣсь и неприлично для пустынниковъ. Здѣсь царствуетъ деревенская простота, здѣсь слышны только псалмы и молитвы, земледѣлецъ повторяетъ ихъ, слѣдуя за сохой и жнецъ поетъ псалмы, слова Давида слышны во устахъ виноградаря, здѣсь нѣтъ другихъ пѣсней.“

Другое письмо писано также блаженнымъ Іеронимомъ. Онъ передалъ его

Павлѣ и Евстохіи, которыя послади его отъ имени всѣхъ троихъ; въ немъ повторяются похвалы Палестинскому уединенію. „Когда-то, пишутъ онѣ, придетъ къ намъ желанный вѣстникъ, который объявитъ намъ, что вы прибыли въ Палестину. Тогда въ святыхъ обителяхъ раздадутся радостныя восклицанія; мы побѣжимъ къ вамъ на встрѣчу, бросимся въ ваши объятія. Доживемъ ли мы до счастья посѣтить съ вами гробъ Спасателя и садъ Геосимацкій? Увидимъ ли вмѣстѣ струи Иордана, въ которыхъ погружался Спаситель, и Назаретъ и Кану и Капернаумъ, гдѣ сотворилъ онъ столько чудесъ? Мы обошли бы вмѣстѣ святые мѣста и потомъ возвратились бы въ свое уединеніе, чтобы вмѣстѣ плакать, молиться и пѣть псалмы.“

Маркелла, не смотря на такія настойчивыя просьбы, кажется, не оставляла Рима. Мы видимъ, что она часто переписывалась съ Иеронимомъ и Павлою.

Блаженный Иеронимъ говоритъ, что переписка эта была утѣшеніемъ въ разлукѣ съ друзьями. Около того времени она взяла къ себѣ на воспитаніе молодую Принципію, которая съ тѣхъ поръ не разставалась съ нею. Онѣ часто уединялись въ загородномъ домѣ и тамъ жили какъ бы въ пустынѣ. Въ Римѣ происходили смятенія по поводу ученія Оригена. Маркелла много старалась объ уничтоженіи распрей и раскола, возникшаго по поведи его сочиненій. Она писала письма, хлопотала о томъ, чтобы было позволено послѣдователямъ ложнаго ученія, громко высказывать свое мнѣніе, что способствовало къ ихъ посрамленію.

Вскорѣ послѣ этаго Римъ постигло ужасное несчастіе. Въ 410 Готы вторглись въ столицу имперіи подъ предводительствомъ Аларика и произвели въ немъ ужасное опустошеніе. Вездѣ слышны были стоны и крики, со всѣхъ сторонъ лилась кровь, ужасъ и голодъ за-

ступили мѣсто роскоши и удовольствій. Побѣдители ворвались также въ домъ Маркеллы; она мужественно встрѣтила ихъ, и когда они потребовали денегъ, то спокойно указавъ на свое бѣдное платье, отвѣчала, что кто носить такую одежду, тому нечего отдавать. Они не повѣрили ей и стали жестоко бить. Но она, казалось, не чувствовала ихъ ударовъ и повергаясь къ ногамъ ихъ, просила только, чтобы ее не разлучали съ Принципией; она боялась за нее, и старалась защитить ее отъ грубаго ихъ насилія.

Варвары привели ее въ храмъ Св. Павла и заперли ее тамъ вмѣстѣ съ нареченной дочерью въ ожиданіи выкупа. Какъ радовалась Маркелла, какъ она благодарила Бога за спасеніе Принципии. Благодарила и за то, что гоненіе не лишило ее богатства, а уже застигло въ бѣдности, и за то, что ее питали изъ милосердія. Она не чувствовала лишеній и голода и повторяла слова Іова:

„Нагъ вышелъ я изъ чрева матери, нагъ и возвращусь въ землю.“

Черезъ нѣсколько дней она спокойно отошла къ Господу на рукахъ Принципи, которая обнимала ее, обливая слезами; она улыбалась ей и радостно заснула,—такъ спокойна была душа ея послѣ добродѣтельной жизни; такъ терпѣливо ожидала она обѣщанной награды на небесахъ! Въ одномъ изъ писемъ блаженнаго Иеронима къ Евстохiи мы видимъ, какъ глубоко былъ онъ пораженъ извѣстiемъ о смерти Маркеллы. „Я, пишетъ онъ, принимался за пророчество Иезекииля, когда получилъ извѣстiе о смерти Маркеллы, Паммалея и другихъ сестеръ и братiй нашихъ во время осады Рима. Извѣстiе это такъ меня поразило, что я день и ночь думалъ о несчастныхъ. Мнѣ казалось, что несу ихъ оковы, чувствую ихъ страданiя. Я былъ пораженъ и умолкъ, потому что горе сломило мое мужество.“

ФАВІОЛА.

Фавіола была также одна изъ духовныхъ дочерей блаженнаго Іеронима. Онъ описалъ ея жизнь въ надгробномъ словѣ, обращенномъ къ сыну ея Ошену. Фавіола была Римлянка изъ знатнаго рода Фабіевъ. Въ ранней молодости она вышла замужъ за чловѣка порочнаго, вскорѣ должна была оставить его и вступить во вторичный бракъ еще при жизни перваго мужа. Такимъ образомъ она нарушила заповѣдь Апостола, который повелѣваетъ женамъ, разводящимся съ мужьями своими, примириться съ ними и не вступать въ другой бракъ во время ихъ жизни.

Lettres de S-t Jérôme.

Фавіола въ послѣдствіи упрекала себя въ этомъ поступкѣ и послѣ смерти втораго мужа рѣшилась искупить грѣхъ свой всепароднымъ покаяніемъ, посвятивъ себя совершенно Богу. Она, одѣтая въ грубое платье, стояла у притвора Латеранскаго храма Св. Іоанна на канунъ свѣтлаго праздника. Тамъ, передъ цѣлымъ Римомъ, съ распущенными волосами и головою покрытою пепломъ, просила прощенія и отпущенія грѣховъ своихъ, цѣлуя землю. Народъ и епископы проливали слезы, видя ея покаяніе. „ Она, пишетъ блаженный Іеронимъ, не устыдилась признаться во грѣхахъ своихъ.“ Римъ со слезами видѣлъ какъ она поблѣднѣла отъ постовъ и бдѣній, какъ она не смѣла войти въ церковь, не получивъ разрѣшенія священника.

Послѣ торжественнаго своего покаянія Фавіола продала свое значительное имѣніе и рѣшилась посвятить эти деньги на помощь больнымъ и бѣднымъ. Она первая въ Римѣ построила больни-

цу и призрѣла несчастныхъ, томящихся въ страшныхъ болѣзняхъ. Фавіола усердно принялась служить больнымъ, и никакіе труды ее не пугали, никакіе самые отвратительные недуги ее не отталкивали. Какъ часто переносила она на своихъ рукахъ всѣми оставленныхъ страдалцевъ, смывала смрадные, страшныя раны, сама кормила бѣдныхъ, по цѣлымъ часамъ стояла у постели умирающихъ, подавая имъ по ложечкамъ пищу, или лекарство, чтобы поддержать ихъ силы, или облегчить страданіе. „Я знаю, прибавляетъ блаженный Іеронимъ, что есть много добродѣтельныхъ женщинъ, которыя неспособны на такіе поступки; ихъ смущаетъ видъ человѣческихъ страданій, они довольствуются тѣмъ, что снабжаютъ болѣе ревностныхъ, чѣмъ они, средствами и деньгами для добрыхъ дѣлъ. Я не виню ихъ малодушіе, не приписываю это недостатку рвенія и вѣры; но тѣмъ болѣе восхищаюсь я той мужественной вѣрой,

которая совершаетъ трудныя дѣла и пре-
возмогаетъ всѣ препятствія. Я вспоми-
наю также и о томъ, какъ былъ нака-
занъ богачъ Евангельскій за его пре-
зрѣніе къ Лазарю. Тотъ бѣдный, кото-
раго мы презираемъ, на котораго мы
не рѣшаемся взглянуть, который вну-
шаетъ намъ отвращеніе, созданъ изъ
одной персти съ нами. Насъ могутъ по-
стигнуть тѣ же страданія, которыя онъ
испытываетъ. Приучимся же всматри-
ваться въ его недуги, какъ бы они бы-
ли наши собственные: тогда смягчится
жестокость нашего сердца силою того
чувства, съ которымъ мы всегда обра-
щаемся ко всему, что касается до насъ
самыхъ.“

Въ больницѣ, устроенной Фавіолой,
такъ усердно ухаживали за больными,
что многіе здоровые бѣдные завидовали
тѣмъ нищимъ, болѣзни которыхъ открыва-
ли имъ доступъ въ эту больницу. Фа-
віола много помогала пустыннымъ,
священникамъ и благочестивымъ жен-

щинамъ. Сколько одѣла она нищихъ; сколько успокоила страждущихъ, какому множеству больныхъ доставила выздоровленіе. Ея усердіе къ добрымъ дѣламъ было столь велико, что Римъ казался слишкомъ тѣснымъ для ея милосердія. Она объѣзжала многія отдаленныя провинціи Испаніи. Вездѣ раздавала милостыню, помогала бѣднымъ, посѣщала монастыри, или посылала туда вѣрныхъ и усердныхъ сотрудницъ. И наконецъ отправилась въ Палестину.

„ Она была у меня, пишетъ блаженный Иеронимъ, который въ то время жилъ въ Виледемъ, и я не забуду ея разговоровъ. Кажется, что я теперь еще вижу и слышу ее. Какъ велико было ея ревненіе. Какъ глубоко вниманіе, съ которымъ она изучала Св. Писаніе. Она съ искреннею любовію и ревностію перечитывала пророчества, Св. Евангеліе, псалмы. Никогда не уставала учиться и съ пріобрѣтеніемъ знанія усиливалась ея ревность къ добру и скорбь о грѣхахъ:

Она предлагала имъ разные вопросы, продолжаетъ блаженный Иеронимъ, и свято сохранила въ памяти отвѣты имъ:“

„Однажды она спрашивала объясненія многихъ мѣстъ изъ ветхаго завѣта. На иные вопросы я отвѣчалъ не колеблясь, иногда останавливался для размышленія, иногда признавался въ своемъ невѣжествѣ, но она настойчиво допрашивала, какъ будто желая доказать имъ, что такое невѣжество не прощительно, и при томъ смиренно прибавляла, что она не достойна говорить о такихъ высокихъ истинахъ. Въ то время я общался посвятить ей не большой трактатъ о томъ, что было предметомъ бесѣды нашей.“

Фавіола захотѣла также поселиться въ Вилеємѣ, но въ то время, когда она отыскивала для себя жилище не далеко отъ того мѣста, гдѣ укрывалась Пречистая Дѣва, жители Палестины узнали объ угрожающемъ нападеніи на нихъ Гунновъ. Это дикое племя шло съ

береговъ Чернаго моря и наполняло страхомъ жителей восточныхъ предѣловъ Римской имперіи. Императорскіе Легіоны были заняты въ Италиі междуусобной войной и беззащитные жители ожидали раззоренія и смерти. Антиохія была раззорена. Гунны стремились быстрѣе вѣсти объ ихъ приближеніи.

Среди общаго смятенія христіане стали готовить корабли для отплытія въ Италію и спѣшили отправить туда беззащитныхъ женщинъ. Блаженный Іеронимъ пишетъ, что между христіанами въ то время возникли споры, и что эта семейная размолвка была печальнѣе для его сердца, чѣмъ нападеніе враговъ. „Я, пишетъ онъ, остался на востокѣ, меня удержала любовь и привычка ко Св. мѣстамъ, но Фавіола, не успѣвшая здѣхъ поселиться, была вездѣ какъ странница, и она рѣшилась возвратиться въ свое отечество. Она захотѣла жить въ бѣдности въ томъ городѣ, который зналъ ея прежнюю роскошь, жить у другихъ

послѣ того, какъ она столько призрѣвала въ домѣ своемъ и раздать бѣднымъ въ Римѣ все, что она получила отъ проданнаго тамъ богатства.

Такимъ образомъ Римъ снова получилъ свое сокровище, отданное имъ Палестинѣ, и тѣ завистники, которые столько осуждали Фавіолу, столько клеветали на нее, посрамились, видя ея святую жизнь и добрыя дѣла. Но Фавіола и по возвращеніи стремилась въ уединеніе. Она была огорчена препятствіями, удерживающими ее въ Римѣ, и называла этотъ городъ своей темницей. Раздавая бѣднымъ свое богатство, она говаривала, что скорбитъ о своей бережливости, что цѣль ея желаній не только передать часть своего имѣнія другимъ на богоугодныя дѣла, ничего себѣ не оставить и самой принимать милостыню Христа ради.

Въ это время, незадолго до смерти своей, Фавіола задумала одно доброе дѣло и исполнила его съ участіемъ бла- 11

гочестиваго Римлянина. Это былъ Паммахій, мужъ второй дочери Св. Павлы— добродѣтельной Павлины. Павлина, какъ мы видѣли выше, умерла въ ранней молодости и мужъ ее горько оплакивалъ. По словамъ блаженнаго Иеронима, она рано заснула въ гробѣ, для того чтобы мужъ ея не усыпно бдѣлъ на землѣ; она рано покинула міръ, чтобы обратить его въ ревностнаго служителя Иисусу Христу. Мужъ, получивъ въ наслѣдство имѣніе жены, спѣшилъ передать его бѣднымъ. Паммахій оспаривалъ у Фавіолы честь построить въ Остіи больницу и страннопріимный домъ, ихъ одушевляло святое соревнованіе къ добру. Въ этой борьбѣ оба остались побѣжденными и побѣдителями, потому что они рѣшились исполнить вмѣстѣ святое дѣло. Они соединили и средства и усердіе свое и умножили ихъ своимъ согласіемъ. Намѣреніе ихъ было немедленно исполнено;—они купили мѣсто и построили домъ для приема странни-

ковъ. Туда собрались толпою путешественники, и Римъ, и самыя отдаленныя земли посылали туда гостей своихъ. Въ этомъ домѣ принимались не одни больные и нищіе—даже тѣ путешественники, которые не лишены были средствъ къ жизни, находили тутъ пріютъ для отдохновенія. Весь міръ узналъ о больницѣ, устроенной въ Остіи. Слухъ о ней донесся до Пароянъ и далекой Англіи.

Фавіола имѣла какъ бы предчувствіе приближающейся кончины. Она написала нѣкоторымъ благочестивымъ пустынникамъ и просила ихъ посѣтить ее и распорядиться остающимися у нея деньгами. И такимъ образомъ освободившись окончательно отъ тяжести земнаго богатства, она легко воспарила къ Богу.

Жители Рима толпились на ея похоровахъ и доказали свое уваженіе къ покойницѣ, которая подала невиданные дотошъ примѣры служенія бѣднымъ и совершенствовалась въ добродѣтеляхъ, о которыхъ еще не слыхано было въ

этомъ распадающемся обществѣ, погибающемъ и отъ внутренняго растлѣнія, и отъ внѣшнихъ враговъ. Блаженный Иеронимъ писалъ изъ Виѳлеема: „слышу осюда, что граждане спѣшатъ ко гробу и собираются вокругъ останковъ святой подвижницы. Волны народа текутъ за ея гробомъ. Триумфальныя шествія великихъ полководцевъ Сципіона, Камилла и Помпея, пышность, окружающая этихъ побѣдителей, не могутъ сравниться съ торжественнымъ величіемъ погребенія смиренной и мужественной подвижницы.“

Но Римское общество не всегда выражало сочувствіе къ подвигамъ святыхъ женщинъ, жизнь которыхъ была какъ бы ежеминутнымъ живымъ укоромъ изнѣженныхъ привычекъ и развращенныхъ нравовъ большинства; противъ нихъ возставали не одни язычники, даже христіане старались поколебать ихъ святую рѣшимость и дѣйствовали про-

тивъ ихъ просьбами, насмѣшками и наконецъ клеветой и гоненіемъ. Народная толпа преслѣдовала криками какъ проповѣдниковъ отреченія міра и его соблазновъ, такъ и ихъ усердныхъ послѣдовательницъ. Такъ, на похоронахъ Павлины, второй дочери Павлы, Римская чернь кричала: эту женщину убили посты, и пр. Самая скорбь Павлы была предлогомъ къ осужденію, „ни „ когда языческая женщина не оплакивала болѣе дѣтей своихъ: видно, что „ она не сдѣлалась бы монахиней, ежели бы ее не увлекли вредные люди,“ кричалъ народъ.

Изъ писемъ блаженнаго Іеронима мы видимъ, что жизнь его духовныхъ дочерей подвергалась клеветамъ и была предметомъ неистощимыхъ разговоровъ праздныхъ жителей столицы. „Въ Римѣ, пишетъ онъ, только и говорили о Павлѣ и Меланіѣ и объ удаленіи ихъ въ Палестину, не одни язычники осуждали ихъ; клеветы повторялись самими хри-

стіанами. Кто бы подумалъ порицать Павлу и Меланію, если бы онѣ продолжали жить, среди роскоши и удовольствій. Иные любятъ разговоры и шутки; мы предпочитаемъ слезы этихъ двухъ женщинъ. Иные стараются завладѣть чужимъ богатствомъ, эти двѣ женщины только и думаютъ какъ бы раздать свою собственность. Чтобы ни говорили, какъ бы ни осуждали насъ, продолжаетъ блаженный Іеронимъ, обращаясь къ благочестивой Аглаѣ, передайте поклонъ мой Павлѣ и Меланіи; я всегда буду любить ихъ во Христѣ, также Альбину, Филиципію, Маркеллу; скажите имъ, что всѣ мы предстанемъ на судъ Божій, гдѣ откроются тайныя мысли каждаго изъ насъ.“

Въ Римѣ и Карфагенѣ, гдѣ было средоточіе языческой образованности и роскоши, выражалось наиболѣе ненависти къ отшельникамъ и монахамъ, въ нихъ бросали грязью, ихъ преслѣдовали криками, но число ихъ не уменьшилось;

пустыня Фивейская и живописные острова Средиземнаго моря наполнялись ими. Языческій поэтъ Рутулій, указывая на островъ Кипръ, выражалъ непріязнь отживающаго міра къ новымъ торжествующимъ идеямъ: тутъ, писалъ онъ, обитаютъ враги просвѣщенія; они хотятъ жить безъ свидѣтелей, они ищутъ теперешнихъ страданій, чтобы избавиться отъ будущихъ мукъ. У меня былъ другъ; онъ былъ богатъ, знатенъ, имѣлъ жену; теперь все оставилъ и живетъ въ убогомъ одиночествѣ. Какъ опасна эта секта(*). Она вреднѣе прелестей Царцей; та измѣняла одни тѣла, а новое ученіе преобразовываетъ самыя души. Дѣйстви-тельно, христіанство обращало души и преобразовало общество.

Тѣ люди, которые отреклись отъ мі-

(*) Такъ быкновенно дерзкіе враги христіанства, въ глумленіи своемъ, отзывались о Божественной Вѣрѣ Христовой, и христіанство причисляли къ разряду ка-кихъ-то *сектъ*.

ра, словами и жизнью объявляли невозможность примириться съ условіями безнравственнаго общества, и удалялись отъ его соблазновъ, были передовыми дѣятелями того времени. Эти послѣдователи новаго ученія о самопожертвованіи и любви, такъ подвинули дотолѣ мало извѣстную мысль служенія Богу въ лицѣ страждущаго брата, подвиги ихъ такъ тѣсно связаны съ благотворительною дѣятельностію благочестивыхъ женщинъ, жившихъ въ одно время съ ними, что здѣсь слѣдуетъ сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Въ противоположность словамъ Рутулія приведемъ стихотвореніе Св. Амвросія, который также описалъ острова, на которые удалялись отшельники. Онъ называетъ ихъ жемчужнымъ ожерельемъ, брошеннымъ Богомъ на средину моря. „ На эти острова, пишетъ онъ, удаляются люди, которые бѣгутъ отъ преступныхъ удовольствій. Здѣсь они проводятъ жизнь въ суровой умѣренности,

здѣсь они спасаются отъ соблазновъ и искушеній міра. Море какъ бы покрываломъ окружаетъ это убѣжище святыхъ подвиговъ, и помогаетъ имъ приобрести и сохранить воздержаніе. Ничто здѣсь не возмущаетъ тишины, здѣсь закрыть доступъ дикимъ страстямъ міра. Таинственный шумъ волнъ сливается съ пѣніемъ псалмовъ, море съ сладкимъ журчаніемъ ударяетъ въ эти счастливые острова, изъ среды которыхъ возносится мирное пѣніе хора праведныхъ.“ Амвросій учредилъ многіе женскіе монастыри; онъ посвятилъ сестрѣ своей Маркеллѣ пять книгъ о жизни монахинь; проповѣди его такъ дѣйствовали на молодя сердца, что въ Миланѣ матери запрещали дочерямъ своимъ слушать ихъ изъ боязни, что краснорѣчіе Амвросія увлечетъ ихъ въ монастырь.

Епископъ Миланскій въ отвѣтъ язычнику Симмаху, требовавшему поддержанія учрежденія весталокъ, сравниваетъ этихъ женщинъ съ христіанскими от-

шельницами. „Вы, пишетъ онъ, съ трудомъ собрали семь весталокъ, хотя украшаете ихъ діадимами, порфирой, окружаете многочисленной толпой служителей, доставляете много преимуществъ и выгодъ, и все таки не находите женщинъ, готовыхъ оставаться цѣломудренными. Но возвысьте глаза и сердца ваши, посмотрите на этотъ сонмъ невинныхъ дѣвъ, на это собраніе чистыхъ душъ. Золотые повязки не украшаютъ ихъ головы, ихъ замѣняетъ грубое покрывало, освященное своимъ назначеніемъ; онѣ не ищутъ того, что прибавляетъ красоты; онѣ не знаютъ ни порфиры, ни богатства, ни изнѣженныхъ привычекъ роскошной жизни. Онѣ стараются только о исполненіи строгихъ обязанностей, которыя побуждаютъ ихъ къ новымъ добродѣтелямъ. Юныя дѣвы, привлеченныя краснорѣчіемъ Амвросія, пріѣзжали изъ Египта въ Миланъ и просили у него постриженія.

Почти въ одно время въ Амвросіемъ,

Св. Іоаннъ Златоустъ защищалъ на востокѣ монастыри и опредѣлялъ ихъ значеніе: „Хотѣлъ бы я, пишетъ онъ, не меньше или даже больше вашего, и часто молилъ о томъ, чтобы миновалась необходимость въ монастыряхъ, и чтобъ столько было благочинія въ городахъ, чтобы ни кому не нужно было убѣгать въ пустыню. Но все такъ пришло въ безпорядокъ; города и судилища преисполнились беззаконія и неправды, что по справедливости должно винить не тѣхъ, которые ищутъ спасенія въ тихой пристани, но тѣхъ, которые каждый городъ дѣлаютъ столь неудобнымъ и негоднымъ для любомудрія, что ищущіе спасенія, бываютъ принуждены убѣгать въ пустыни. Я желалъ и желаю, чтобы мы наслаждались такимъ спокойствіемъ, и чтобы зло такъ сокрушилось, чтобы не только живущимъ въ городахъ не было нужды удаляться въ горы, но чтобы обитающіе въ пусты-

няхъ опять возвратились въ города свои(*).

Между тѣмъ мы видимъ, изъ бесѣдъ Св. Іоанна Златоуста, что подвиги благотворительности были непремѣнною принадлежностію монашеской жизни. „По окончаніи пѣснопѣній, пишетъ онъ, иноки занимаются рукодѣліемъ и трудами рукъ своихъ приобрѣтаютъ многое для бѣдныхъ, ибо они любятъ обращаться съ нищими и увѣчными и за столомъ у нихъ много такихъ гостей, иной врачуетъ раны недужнаго, другой водить слѣпаго, иной носитъ безногаго.“

Св. Іоаннъ Златоустъ много заботился объ устройствѣ больницъ въ Константинополѣ; надзоръ надъ ними былъ порученъ четыремъ священникамъ; врачи, служители, извѣстные своимъ благо нравіемъ и усердіемъ дѣйствовали подъ ихъ руководствомъ. Епископъ самъ по-

(*) Жизнь Св. Іоанна Златоустаго стр. 46—47.

сѣщаль несчастныхъ, возбуждалъ ихъ къ терпѣнію, уговаривалъ жителей города помогать недужнымъ и говорилъ, что каждому здоровому должно бы взять на свое попеченіе, хоть бы по одному больному. Діакониссы усердно помогали ему въ уходѣ за больными.

Почти въ каждомъ монастырѣ было отдѣленіе для странниковъ и бѣдныхъ, оно назывались *Xenodochium*; другое отдѣленіе назначалось исключительно для больныхъ и называлась *Nosochomium*. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ принимались преимущественно больныя дѣти. Такія учрежденія воздвигались иногда и отдѣльно отъ монастырей, но всегда подъ надзоромъ и стараніями церковнослужителей. Св. Григорій Богословъ указываетъ на благотворительныя учрежденія основанныя Св. Василіемъ Великимъ. Вы увидите, пишетъ онъ, въ окрестностяхъ Кесаріи, новый городъ,—это чертоги милосердія, это та сокровищница, въ которую богатые, внявъ краснорѣчивому

слову Василя, сложили не только избытокъ свой, но даже и необходимое. Эти огромные дома, гдѣ принимали больныхъ, странныхъ и увѣчныхъ, гдѣ были врачи, служители, носильщики, готовые помочь всякому страждущему, возбуждали изумленныхъ язычниковъ. Префектъ Кесаріи требовалъ Св. Василя къ отвѣту, и онъ долженъ былъ оправдываться въ дѣлахъ милосердія.

Благотворительные дома особенно часто встрѣчались на востокѣ. Не рѣдко убѣжище для странныхъ воздвигалось въ мѣстахъ уединенныхъ, отдаленныхъ отъ приходовъ, и въ нихъ устраивались домашнія церкви. Начальниками этихъ домовъ были, почти всегда, монахи—пришельцы изъ далекой стороны или дальней пустыни; это дѣлалось для того, чтобы они не могли показывать предпочтенія мѣстнымъ жителямъ, и чтобы сами они были, какъ гости и странники въ управляемомъ ими домѣ. Блаженный Иеронимъ употребилъ свое имѣніе на

устройство подобныхъ домовъ для бого-
мольцевъ, приходящихъ въ Іерусалимъ,
и мы видѣли, что Павла учредила та-
кія убѣжища на дорогѣ Виелеемской
для того, говорила она, чтобы Пречи-
стая Дѣва со Спасителемъ не могли вто-
рично искать и не найти убѣжища. Ког-
да имѣніе завѣщалось бѣднымъ безъ осо-
беннаго назначенія, то оно шло на со-
держаніе больницъ и *Xenones*.

Изъ законовъ того времени мы зна-
емъ, что существовали еще другія бла-
готворительныя учрежденія, на примѣръ
мѣсто, гдѣ раздавалась помощь бѣднымъ,
которое было извѣстно подъ именемъ
ptochotrophium, убѣжище для дѣтей иже-
новалось *brephotropgium*, убѣжище для
стариковъ *gerontocomium*. Къ несчастію
не осталось ни какихъ описаній этихъ
заведеній; , объ нихъ не упоминали ни
основатели, которые завѣщавали на ихъ
содержаніе значительныя суммы денегъ,
ни Епископы, управлявшіе этими дома-
ми. Мы знаемъ только то, что ихъ бы-

ло много на востокѣ, и особенно въ Царь-градѣ. Впрочемъ въ царствованіе Императора Юстиніана подобныя дома, именуемыя почтенными (*vénérables*), существовали почти во всѣхъ городахъ имперіи(*).

Въ Римѣ въ 236 и 250 годахъ былъ введенъ особенный порядокъ для надзора и помощи больнымъ и бѣднымъ, городъ былъ раздѣленъ на 14 частей, и семь діаконѣвъ были назначены для ихъ управленія. Въ каждой части было устроено діаконство, то есть домъ для призрѣнія больныхъ и странныхъ; тамъ была домовая церковь и портикъ, куда собирались нищіе, гдѣ раздавалась имъ милостыня. Въ этихъ домахъ діаконны съ ихъ помощниками и діакониссами служили больнымъ и бѣднымъ.

Но вліяніе Божественнаго, христіан-

(*) *La Charité Chrétienne dans les premiers siècles de l'Église par le Comte Franz de Champagny.*

скаго ученія и милосердіе новообращенныхъ христіанъ было особенно ощутительно во время страшныхъ повальныхъ болѣзней. Въ 256 году чума открылась въ Карфагенѣ. Св. Кипріанъ немедленно собралъ христіанъ, объяснилъ имъ, что неудивительно будетъ, ежели христіане станутъ помогать единовѣрцамъ, но то, что должно побуждать зло добромъ, творить то, чего не дѣлаютъ мытари и грѣшники, любить враговъ, помогать имъ и молиться за гонителей. Служеніе страдавшимъ чумою, стараніями Св. Кипріана было распредѣлено между всѣми христіанами—жителями Карфагена. Черезъ нѣсколько лѣтъ въ 268 году такая же чума открылась въ Александріи. Св. Діонисій Александрійскій, описывая ее говоритъ: „весьма многіе изъ нашихъ братій отъ избытка любви и братолюбія не щадили самихъ себя, но поддерживали другъ друга, безбоязненно посѣщали больныхъ, не утомимо ходили за ними и служили имъ ради Христа, радостно

умирали . . . Совершенно иначе поступали язычники; они прогоняли начавших хворать, убѣгали отъ самыхъ любезныхъ, выбрасывали на улицу полумертвыхъ, — оставляли безъ погребенія мертвыхъ, все изъ опасенія получить прилипчивую болѣзнь: ‘ Гонимые, преслѣдуемые христіане одни служили всѣмъ страждущимъ и многихъ обратили ко Христу во время этой страшной болѣзни. Вскорѣ образовался особенный разрядъ церковнослужителей, которые посвящали себя на служеніе прокаженнымъ и одержимымъ чумою; ихъ называли *parabolani*, такъ въ играхъ цирка именовались у Римлянъ люди, которые бросались на арену для борьбы съ дикими звѣрми и подвергали добровольно жизнь свою опасности; въ послѣдствіи эти *parabolani* принимали участіе въ смутахъ Александрійскихъ, но это не уменьшило заслуги и доблести первыхъ, вступившихъ въ это сословіе.

И такъ мы видимъ, что въ стѣнахъ

монастырскихъ и подѣ непосредственнымъ вліяніемъ Епископовъ и пастырей, первые христіане творили многіе подвиги милосердія, и что стремленіе къ жизни созерцательной не отрицало благотворительной дѣятельности. Христіанскія женщины не отставали отъ мужчинъ въ подвигахъ благочестія и милосердія. Жизнь ихъ была въ рѣзкой противоположности съ тогдашней роскошью и изнѣженностью нравовъ. Первые учителя Церкви передали намъ описаніе этой роскоши и предостерегали отъ нея христіанокъ. Мы читаемъ у Тертуліана о покрывалахъ, за которыя платилось цѣною городовъ, о драгоценныхъ украшеніяхъ, стоявшихъ цѣлыхъ провинцій, о роскошныхъ кроватяхъ изъ слоновой кости. Онъ доказываетъ грѣхъ и суету такой роскоши. „Обыкновенный поводъ предаваться оной, пишетъ онъ, есть собраніе, желаніе блеснуть другъ передъ другомъ въ суетномъ тщеславіи, но вамъ, вѣрныя служительницы Госпо-

да, предстоятъ другія побужденія; выходя изъ домовъ, вы должны посѣщать больныхъ, присутствовать при богослуженіи или выходить къ слушанію слова Господня; для этаго не нужны длинныя великолѣпныя платья. Ежели приличіе и дружба заставятъ васъ посѣщать языческіе дома, то за чѣмъ не являться туда съ простотою, приличной тѣмъ, которыя хотятъ слѣдовать по пути вѣры. Этимъ вы покажете существенное различіе между служительницами истиннаго Бога и служительницами діавола; вы послужите имъ назидательнымъ примѣромъ, прославите Бога, какъ говоритъ Св. Апостолъ, въ тѣлесехъ вашихъ и въ душахъ вашихъ. Ежели Богъ прославляется сохраненіемъ чистоты тѣлесной, Онъ прославится еще болѣе чистотою жизни и добрымъ поведеніемъ. И такъ, вѣрныя служительницы Иисуса Христа, откажитесь отъ удовольствій и нарядовъ, простота и цѣломудріе да будетъ вашимъ единственнымъ убранствомъ. За-

внимайте руки хладѣствомъ, удерживайте ноги въ кругу домашнихъ обязанностей. Такое поведеніе украситъ васъ болѣе, нежели золото и драгоценныя каменья.“

Многіе учителя Св. Церкви, такимъ образомъ возбуждали христіанокъ къ новой жизни и къ неслыханнымъ долѣмъ подвигамъ. Приведенные нами примѣры доказываютъ,—какъ они дѣйствовали на слушательницъ,—и какіе высокіе подвиги самоотверженія и любви исполнялись этими женщинами, исторгнутыми изъ омута чувственнаго, развратнаго и изнѣженнаго общества. Но борьба съ этимъ обществомъ была имъ не всегда подъ силу, тогда онѣ удалялись изъ среды, на которую не надѣялись воздѣйствовать, и которая сама себя осуждала на гибель. Естественно, что онѣ стремились въ то святое уединеніе, гдѣ все говорило имъ о дивномъ ученіи любви и мира, въ которомъ онѣ чаяли получить спасеніе, и

обрѣтали покой. Здѣсь встрѣчали онѣ сочувствіе и руководство святыхъ отшельниковъ, и вмѣстѣ съ ними подвизались въ духѣ того христіанскаго милосердія и любви, которому суждено было еще долго бороться съ остатками язычества и лишь медленно и постепенно проникать въ жизнь и учрежденія общества.

ПОГРѢШНОСТИ.

НАПЕЧАТАНО:

ЧИТАЙ:

Стр. строк.

Вступленіе.

1.	12	страждущаго человѣчества	страждущему человѣчеству
11.	10	подвигими	подвигами
—	20	не прежнее	на прежнее
Часть 1-я.			
11.	2	завись	зависть
13.	15	Иператоръ	Императоръ
15.	9	ревностно	ревностію
16.	12	она могла бы	онѣ могли бы
18.	24	оттуда	оттуда
19.	19	Изъ письмъ	Изъ писемъ
—	24	безплезную	безполезную
20.	18	страдапій	страданій
32.	9	Іоанъ	Іоаннъ

Стр.	строк.		
34.	15	отъ брата	отъ брака
35.	7	Настоятелини- цей	Настоятелини- цей
39.	14	ее	ея
40.	4	ея	ее
—	12	не проситъ	не проситъ
42.	24	мученіями	мученіями
44.	6	книгъ	книгъ
52.	13	Патриція	Патриція
—	16	они	онѣ
56.	13	символъ	символъ
—	18	крещенія	крещенія
59.	5	ревностно	ревностно
64.	18	законовъ	законовъ
68.	12	преходѣщихъ	преходящихъ
70.	20	увѣренности. Надѣюсь	увѣренности: “Надѣюсь
84.	6	Адеодатомъ	Адеодатомъ
—	16	наволпяли	наволпяли
87.	11	будеть. Муд- рость	будеть, муд- рость
89.	6	на мановеніе	на мгновеніе
—	19	не составляло	не составляло
93.	17	спра-спрашивали	спрашивали

Стр. строк.

98.	3	празде	врежде
101.		въвынос. confessions d'	confessions de
108.	4	отъ мира	отъ міра
113.	24	Паніанъ	Пиніанъ
116.	17	частными	частыми
124.	12	не изнуряя	не изнуряла
125.	19	нащлись	нащлись
126.	3	въ собствен- номъ	въ собствен- номъ
128.	14	Іеромонимъ	Іеронимъ
129.	13	имѣнія	имѣніе
131.	8	Іеромонима	Іеронима
138.	12	Спасателя	Спасителя
139.	26	способствова- ло	способствова- ло бы
—	19	ужастное	ужасное
—	22	въ немъ	въ ней
140.	4	потребовали	потребовали
144.	8	смывала	омывала
146.	24	ревнотть	ревность
147.	20	желище	жилище
148.	20	здѣхъ	здѣсь
149.	15	быднымъ	бѣднымъ

IV

Стр.	строк.		
149.	19	ничего	но ничего
152.	5	осюда	отсюда
153.	4	отреченія мі-	отреченія
		ра	отъ міра
—	22	Меланіѣ	Меланіи
154.	4	удовольстій	удовольствій
155.	въ вын.	быкновенно	обыкновенно
162.	7	возбуждали	возбуждали
			злобу
163.	17	<i>brephotropgim</i>	<i>brephotrophium</i>

27
67

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ
ЖЕНЩИНЫ.

II.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT

PHYSICS 101

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЯ

ЖЕНЩИНЫ.

ЕЛИЗАВЕТА

ДОЧЬ

КОРОЛЯ ВЕНГЕРСКАГО.

ТВЕРЬ.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1861 г.

**Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духов-
ной Цензуры печатать дозволяется. 25 Фе-
враля 1861 года.**

Цензоръ Архимандритъ Фотій.

ГЛАВА I.

Перечитывая рассказы о женской благотворительности на западѣ, мы безпрестанно встрѣчаемъ имя молодой женщины съ страстной душой и горячею вѣрой, прекрасной наружности, и царскаго происхожденія, — женщины, — которая умерла въ ранней молодости, совершивъ великіе подвиги христіанскаго смиренія и любви.

Римская церковь причислила Елисавету къ лику святыхъ. Ея участіе къ бѣднымъ воодушевило многихъ послѣдовательницъ; благотворительныя общины прибѣгали къ ея заступничеству, больницы и богадѣльни учреждались во имя ея. Ордена Бегинокъ и Елисаветинскихъ сестеръ прибѣгали къ особенному ея по-

USC Dup E 3.5.51

кровительству. Поэтическій образъ молодой герцогини запечатлѣлся въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ, отразившись и въ лѣтописяхъ среднихъ вѣковъ. Онъ вдохновлялъ поэтовъ, и еще недавно одинъ изъ даровитѣйшихъ писателей Франціи тщательно собралъ всѣ преданія, всѣ рассказы о ней и нависалъ поэтическое повѣствованіе о ея жизни(*). Мы заимствуемъ нашъ сокращенный рассказъ изъ его книги, и именемъ Елисаветы начнемъ нашъ историческій очеркъ женской благотворительности на западѣ.

Елисавета была дочь Короля Андрея II и Королевы Гертруды, прямой наслѣдницы Карломана. Она родилась въ 1217 году. Преданіе рассказываетъ, что въ самое время ея рожденія происходило на Вартбургѣ поэтическій турниръ между сочинителями пѣсенъ, извѣстныхъ подъ именемъ: „Вартбургской войны.“

(*) Montalembert. Vie d' S-t Elisabeth d' Hongrie.

Моатъ Клингзоръ, призванный для рѣшенія спора, объявилъ Туринскому Герцогу, что въ Венгрии родилась царевна Елисавета, которая будетъ его невѣсткой и прославится святостію своей жизни. Герцогъ сталъ съ тѣхъ поръ распрашивать о новорожденной. Благочестивые монахи—странники рассказывали ему, что со дня ея рожденія спокойствіе и благоденствіе распространилось въ Венгрію, и что въ ней съ трехъ-лѣтняго возраста замѣтна уже склонность къ набожности и состраданію къ бѣднымъ.

Герцогъ Германъ отправилъ пословъ въ Пресбургъ, чтобы просить руки Елисаветы для старшаго сына, Пышное посольство было принято съ почетомъ, и, посреди большаго пира, посламъ принесли четырехлѣтнюю царевну, закутанную въ зодотую мантию. Королева, обливая ее слезами, поручила дочь свою благороднымъ рыцарямъ, Король отдалъ ее на руки сэру Ворилю и сказалъ, что онъ поручаетъ свое лучшее сокровище

его рыцарской чести. Тотъ отвѣчалъ, что 'будеть хранить ее и никогда не измѣнитъ ей.

Приѣхавъ въ Турингію, послы дали знать о своемъ приближеніи, и Герцогъ Германъ съ супругою Софіею прибыли для встрѣчи будущей невѣстки въ городъ Ейзенахъ. Въ замкѣ Вартбургъ готовились покои и блистательный приѣмъ. Тамъ начались пиры; всѣ торжественно праздновали помолвку 10-ти лѣтняго Людовика съ 4-хъ лѣтнею Елисаветою; будущій свекоръ избралъ ей въ подруги благороднѣйшихъ дѣвицъ Турингіи. Невѣста воспитывалась вмѣстѣ съ женихомъ, раздѣляла съ нимъ игры и занятія, и называла его милымъ братомъ.

Съ самой ранней молодости мысли маленькой Елисаветы безпрестанно обращались къ Богу. Часто она входила въ домовую Церковь, просила раскрыть ей огромный псалтырь, хотя не умѣла еще читать, и преклонившись передъ разог-

Вутой книгой на ступеняхъ олтаря, набожно складывала маленькія руки и поднимала глаза къ небу, твердя молитву. Она старалась возбудить набожность и въ своихъ подругахъ; бѣгая по замку и прыгая на одной ножкѣ, она старалась незамѣтно привести ихъ къ дверямъ дѣмовой церкви, и, если онѣ были заперты, набожно ихъ цѣловала. Шести лѣтъ Елисавета лишилась матери, которая была убита среди народнаго возмущенія. Это обстоятельство сильно поразило дѣвочку и усилило въ ней расположеніе къ набожности. Она любила всѣхъ, кто говорилъ ей о Богѣ и объяснялъ Его ученіе; сама старалась учить наизусть молитвы и повторяла ихъ не только днемъ, но принуждала себя перечитывать и ночью положенное число молитвъ и псалмовъ. Всѣ деньги, получаемыя отъ нареченныхъ родителей, она отдавала бѣднымъ; любила также раздавать имъ пищу и часто ходила по кладовымъ и кухнямъ собирать для нихъ

остатки, за что не рѣдко заслуживала упреки и осужденія отъ прислуги.

Елисаветѣ минуло девять лѣтъ, когда умеръ Герцогъ. Германъ вступилъ на престолъ, но, по молодости, находился подъ руководствомъ и опекою матери. Тутъ начались испытанія для маленькой принцессы. Старый Герцогъ нѣжно любилъ ее, и ему нравилась ея дѣтская набожность. Но Герцогиня Софья выражала ей свое неудовольствіе и старалась помѣшать ея благочестивымъ подвигамъ. Агнесса, сестра Лудовика, женщина тщеславная и свѣтская, смѣялась надъ влеченіемъ Елисаветы къ уединенію и смиренію. Подруги ихъ повторяли слова Агнессы. Послѣ смерти Герцога, придворные не стыдились обижать и смѣяться надъ беззащитной дѣвушкой, воспитанной среди чужихъ людей. Они говорили, что она родилась быть служанкой, а не герцогиней, и намекали на необходимость искать союза съ какимъ нибудь ближайшимъ царскимъ домомъ.

Елисавета дѣйствительно чуждалась общества придворныхъ дамъ; она любила окружать себя дѣтьми тѣхъ нищихъ, которымъ помогала, или искала общества бѣдныхъ дѣвушекъ. Съ ранняго дѣтства она выражала презрѣніе къ знакамъ временнаго величія. Однажды, на торжественной обѣдѣ, она стояла въ мантии и золотомъ вѣнцѣ рядомъ съ Агнессой,—но взоры ея вдругъ остановились на образѣ страждущаго Спасителя—она сняла вѣнецъ и упала на колѣни. „ Не хотите ли, чтобы и здѣсь всѣ смѣялись надъ вами, сказала Герцогиня? ведите себя прилично и стойте прямо; благороднымъ дѣвицамъ не слѣдуетъ валяться по полу, какъ старымъ монахинямъ.“ Не браните меня, отвѣчала Елисавета; я увидѣла передъ собой Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ и вспомнила, что на мнѣ, недостойной грѣшницѣ, надѣтъ золотой вѣнецъ, украшенный жемчугомъ и драгоценными камнями. Сказавъ это, она снова упала

на колѣни; и плакала закрывая лице мантией. Герцогиня съ дочерью должны были послѣдовать ея примѣру чтобы не привлечь вниманія народа, и не возбудить невыгоднаго для себя сравненія съ набожной Елисаветой.

Какъ ни старались склонить Лудовика на выборъ другой невѣсты, какъ ни отклоняли его отъ Елисаветы, сколько ни унижали и не преслѣдовали молодую дѣвушку, онъ оставался ей вѣренъ и старался успокоивать и утѣшать ее. Ему нравилось въ ней именно то, что вызывало осужденіе и насмѣшки придворныхъ:—простота въ одеждѣ, скромность, смиреніе и состраданіе къ бѣднымъ. Замѣчая ея смущеніе и горе, онъ приходилъ къ ней, ласкалъ ее, говорилъ о любви своей, о будущемъ бракѣ, и осушалъ ея слезы. Никогда не пріѣзжалъ онъ домой безъ дорогаго гостинца:—то привезетъ ей коралловыя четки, то образокъ, то какое нибудь золотое украшеніе. Елисавета выбѣгала

къ нему на встрѣчу, и онъ нѣжно обнявъ ее, вручалъ ей приготовленный подарокъ.

Однажды Лудовикъ отлучился на некоторое время изъ Вартбурга, и, прѣхавъ, ничего не привезъ Елисаветѣ. Придворные увидѣли въ этомъ признакъ охлажденія къ ней—и громко радовались этому. Молодая дѣвушка глубоко опечалилась, и сказала о своемъ горѣ рыцарю Ворилю, тому самому, который привезъ ее изъ Венгрии, и который не переставалъ быть ея другомъ, защищая ее по возможности отъ недоброжелательства придворныхъ. Рыцарю удалось на охотѣ объясниться съ Лудовикомъ. „Какія ваши намѣренія, спросилъ Ворилю? Намѣрены ли вы взять Елисавету въ супруги, или хотите отступить отъ своего слова и возвратить ее къ отцу?“

— „Видишь ли эту гору, отвѣчалъ Лудовикъ? Если бы она вся была изъ золота, и мнѣ дали съ тѣмъ, чтобы я оставилъ Елисавету, я бы не согласился.

Пусть говорятъ о ней, что хотятъ, я желаю имѣть ее женою, а набожность ея и доброта мнѣ дороже всѣхъ сокровищъ міра!“

„Позвольте мнѣ, сказалъ рыцарь, передать ей эти слова.“

— „Передай, отвѣчалъ герцогъ, и вручи ей этотъ подарокъ, въ знакъ моей вѣрности.“

Лудовикъ далъ рыцарю маленькое серебряное зеркальце, въ крышкѣ котораго былъ едѣланъ образъ Спасителя. Елизавета съ радостію приняла этотъ подарокъ, крѣпко прижала его къ сердцу и цѣловала образъ Спасителя.

Намонецъ девятнадцатилѣтній Лудовикъ былъ торжественно посвященъ въ рыцарство. Онъ не призывалъ иностранныхъ Князей, потому, говорилъ онъ, что принимаетъ рыцарство отъ Бога и отъ своихъ вассаловъ. Послѣ атого онъ былъ на войнѣ, и окончилъ ее выгодынымъ миромъ. Возвратившись изъ похода, Лудовикъ объявилъ намѣреніе же-

нится. Никто не смѣлъ отговаривать его и придворнымъ оставалось только готовиться къ блестящимъ свадебнымъ пирамъ. Свадьбу отпраздновали въ Вартбургѣ съ величайшею пышностію. Лѣтонисецъ рассказываетъ, какъ великолепно было угощеніе, какъ восхитительно играла музыка, какъ роскошно принимали прїѣзжихъ изъ-далека гостей, которыхъ поѣхали въ Ейзенахъ; но онъ не говоритъ о чувствѣ неудовольствія, съ которымъ придворные смотрѣли на этотъ бракъ и на молодую герцогиню—предметъ ихъ обидъ и насмѣшекъ. За ней шли всѣ благородныя дамы, и Ворцль велъ ее къ брачному надою. Послѣ трехдневныхъ пировъ, молодые возвратились въ замокъ Вартбургъ. Мужу было 20 лѣтъ, а женѣ 13; они вѣчно любили другъ друга.

Всѣ историки хвалятъ доблести Лудовика, говорятъ о его благочестіи, мужествѣ, прѣстости и необыкновенной красотѣ. Онъ былъ стыдливъ, и цѣлому-

древъ, какъ дѣвица, не поддавался ни-
какимъ соблазнамъ и искушеніямъ, въ
которые старались вовлечь его молодые
рыцари. Всѣ лѣтописцы Турингіи хва-
лятъ его управление и съ восторгомъ го-
ворятъ о благоденствіи, которымъ на-
слаждалось государство во время его
непродолжительнаго правленія. Онъ вся-
чески старался удерживать насиліе бо-
гатыхъ вельможъ и защищать бѣдныхъ
земледѣльцевъ.

Историки описываютъ красоту юной
супруги: ея нѣсколько смуглое, но пра-
вильное лице, густые черные волосы,
прекрасный станъ, величавость и пре-
лесть походки, и выраженіе чудныхъ
глазъ, въ которыхъ отражалась глубо-
кая ея любовь, милосердіе и набожность.
Не одна земная и преходящая любовь;
не одно взаимное влеченіе соединяло
юныхъ супруговъ; ихъ ссызывала—вѣра,
одинаковыя убѣжденія, и строгое со-
блюденіе тѣхъ добродѣтелей, которыми
они обязывали, того долга, который

салагали. Елисавета, не смотря на ребяческіе годы и на живость еще дѣтской любви, не забывала, что мужъ глава ей, какъ Христосъ—глава Церкви, и она должна ему повиноваться, какъ Церковь Христу. Она чувствовала не одну горячую любовь къ мужу, но и глубокое уваженіе, спѣшила исполнить его малѣйшія приказанія, предупредить желанія, угадать намеки. Она старалась, чтобы никакое движеніе или слово не могло огорчить его. Но это иго, которому она подчинилась, было для нея легко и свято. Супругъ не препятствовалъ тѣмъ подвигамъ благочестія и милосердія, въ которыхъ Елисавета находила единственное удовольствіе,—въ которыхъ, среди испытаній своего дѣтства, она почерпала столько силы и утѣшенія. Онъ нѣжностію и заботливостію одобрялъ, поддерживалъ ее, и останавливалъ только въ томъ, что казалось ему неблагоразумнымъ. Юная супруга кротко выслушивала и свято исполняла

мудрые и дружескіе его совѣты.

Каждую ночь Елисавета пробуждалась отъ сна, потихоньку вставала съ постели и становилась на колѣни. Часто мужъ, просыпаясь среди ночи, видѣлъ, что она молилась. Милая сестра, говорилъ онъ ей, побереги себя, отдохни немного. Потомъ онъ бралъ ее за руку и держалъ до тѣхъ поръ пока она не ляжетъ; иногда онъ самъ засыпалъ такимъ образомъ, а она, продолжала молиться, лобызала и смачивала слезами своими эту милую—любящую руку, которая точно хотѣла удержать ее на землѣ. Но Лудовикъ не принуждалъ ее отказатьсь отъ молитвенныхъ подвиговъ. Онъ видѣлъ, пишетъ его Историкъ, что она любила Бога и что она имѣла полное къ нему довѣріе, и одобрялъ ее,—прося не скрывать отъ него своихъ набожныхъ мыслей и молитвенныхъ подвиговъ.

Бесѣдуя другъ съ другомъ, они часто къ выраженіямъ взаимной привязан-

ности присоединяли разговоры о томъ, какъ подвизаться на пути душевнаго совершенствованія; ихъ поддерживало святое соревнованіе къ добру. Горячая любовь, ихъ соединяющая, была освящена идеею вѣчности, непреходящей и совершенной любви Христіанской.

Елисавета рѣдко разставалась съ мужемъ; она слѣдовала за нимъ, когда только было возможно. Ее не удерживали ни дурныя дороги, ни опасности, ни погода; она съ радостію раздѣляла его труды и ѣхала съ нимъ рядомъ. Бывали однако случаи, когда Лудовику надо было ѣхать одному, и онъ разставался съ женою. Какъ только Герцогъ удалялся, супруга его снимала богатые наряды, надѣвала вдовье покрывало и предавалась молитвѣ и строгому посту; но лишь только узнавала о его возвращеніи, спѣшила надѣть свои лучшія платья. „Богъ видитъ, говорила она служанкамъ, что я одѣваюсь не изъ любви къ нарядамъ; но я должна хра-

нить брата отъ искушенія и грѣха; я не должна давать повода къ неудовольствію; онъ долженъ меня одну любить во Христѣ, чтобы Господь, Который соединилъ насъ на землѣ, соединилъ и на небѣ.“

Потомъ она съ дѣтскою рѣзвостью выбѣгала на встрѣчу мужу, садилась возлѣ него на пирахъ и обѣдахъ, хотя это не было въ тогдашнихъ обычаяхъ. Присутствіе ея останавливало соблазнительные и легкомысленные разговоры, которымъ любили предаваться молодые рыцари.

Добродѣтель юныхъ супруговъ благотворно дѣйствовала на окружающее ихъ общество. Святой союзъ ихъ, исполненный цѣломудрія и смиренія, милосердія и доброжелательства къ ближнему, былъ бракомъ въ духѣ истиннаго христіанскаго закона; горячая взаимная любовь побуждала ихъ дружно стремиться къ Богу.

Елисавета боялась, какъ бы супруже-

ское счастье не избаловало, не изнѣжило ее и не заставило забыть Бога; и потому искала строгаго руководителя. Герцогъ былъ озабоченъ мыслию, что Елисавета мало изучила Писаніе, и что ей нуженъ просвѣщенный и ученый наставникъ. Онъ обратился за совѣтомъ къ Папѣ, который указалъ имъ на известнаго своею ученостію Конрада Магдебургскаго. Конрадъ учился въ Парижѣ; его уважало духовенство за строгую жизнь, добровольную бѣдность и необыкновенную энергію. Онъ умѣлъ заслужить довѣріе Лудовика, который поручилъ ему важную должность. Конрадъ былъ типомъ Римскаго средневѣковаго монаха, жесткаго, властолюбиваго, суроваго къ себѣ и другимъ, одареннаго безграничной силой воли. Онъ упорно обличалъ всѣ несправедливости тогдашняго времени и умеръ жертвою своего чрезмѣрнаго рвенія. Онъ требовалъ отъ своей духовной дочери совершеннаго повиновенія, и уже съ этихъ

поръ обращался съ нею съ жестокою суровостію. Черезъ нѣсколько лѣтъ, слѣдующимъ обычаямъ того времени и духу Римской церкви, Елисавета, съ позволенія мужа, дала Конраду обѣтъ повиноваться во всемъ, что не было противно супружескому согласію. Этотъ обѣтъ былъ данъ торжественно въ церкви Св. Екатерины въ Ейзенахѣ.

Конрадъ противился новымъ налогамъ, которые были назначены для покрытія расходовъ на царскій столъ; онъ наложилъ на Елисавету обѣтъ питаться только отъ той пищи, которая доставлялась изъ собственныхъ помѣстьевъ Герцога, и не прикасаться къ тому, что было плодомъ несправедливыхъ сборовъ и насилія. Герцогиня охотно подчинялась правилу, куторому сочувствовала ея сострадательное сердце. Ее сначала затрудняло присутствіе мужа, но Лудовикъ не мѣшалъ ей, и однажды, когда три придворныя дамы просили позволенія слѣдовать ея примѣру, сказалъ: „Я

„ бы и самъ готовъ тоже дѣлать, но
„ боюсь осужденій и насмѣшекъ; на-
„ дѣюсь однако съ помощію Божіей
„ многое измѣнить въ своей жизни.“

Когда онъ замѣчалъ, что подаютъ блюда, отъ которыхъ Елисавета, по обѣщанію, должна была отказаться, онъ самъ предупреждалъ ее, и, напротивъ, усердно угощалъ ее, когда подавали только то, что доставляли его собственныя земли. Но Елисавета всегда со страхомъ бралась за роскошныя блюда; ей казалось, что она куплены цѣною насилія, непоимѣрныхъ трудовъ и лишеній бѣдныхъ братій. Не рѣдко выходила она голодная изъ самыхъ роскошныхъ пиревъ. Чтобы скрыть свой строгій постъ, она или заботливо бесѣдовала съ гостями и угощала ихъ, или заботилась о прислугѣ, или крошила хлѣбъ на тарелкѣ. Всего чаще довольствовалась она сухимъ хлѣбомъ и водою,—ее не рѣдко беспокоили лишенія трехъ своихъ послѣдовательницъ; она старалась оты-

скать все, что могли онѣ вѣсть, и часто ходила по кладовымъ и кухнямъ, спрашивала, откуда принесены запасы, и когда узнавала, что вина изъ виноградинокъ мужа, — хлѣбъ и мясо изъ собственныхъ земель его, она хлопала въ ладоши и съ дѣтскою радостію объявляла о томъ подругѣ.

Лѣтописецъ передаетъ намъ разсказъ о дальнѣйшихъ ея подвигахъ поста и изнуренія плоти. Онъ говоритъ о властности, о бдѣніи, о продолжительной молитвѣ. Но все это не помрачало дѣтской веселости ея лица, не мѣшало ей принимать участіе въ пирахъ и праздникахъ. Она не любила внѣшнихъ выраженій мрачнаго раскаянія и говорила о тѣхъ, которые смотрѣли уныло и грустно, „ что они только хотятъ зацугать Бога, — лучше пусть они отдають Ему отъ чистаго сердца только то, что могутъ отдать охотно и радостно.“

Елисавета, столь строгая къ себѣ самой, была исполнена любви и сестра-

данія ко всѣмъ людямъ. Милосердіе, которымъ она отличалась съ самаго дѣтства, развивалось съ годами; въ преданіяхъ западной церкви сохранилось за ней имя заступницы бѣдныхъ. Почти съ колыбели глубоко потрясалъ ее видъ нищеты и страданія; теперь она, съ дозволенія супруга, безпрепятственно предавалась своему влеченію и усердно служила страждущимъ. Это была ея ежедневная, ежеминутная забота; бѣднымъ посвящала она избытокъ, который берегала, отказываясь отъ роскошныхъ принадлежностей своего званія. Мужъ часто снабжалъ ее деньгами для бѣдныхъ, но она такъ щедро раздавала ихъ, что не рѣдко была безъ денегъ и рѣшалась раздавать свои вещи и платья.

Въ одной старой лѣтописи разсказано, что герцогиня шла однажды изъ замка въ городъ въ богатомъ нарядѣ; ей попалась толпа нищихъ—и она раздала имъ всѣ находящіяся при ней деньги. Когда все было роздано, къ ней

подошелъ 'еще нищій, и жалобно просилъ милостыню. Она вздохнула, подумала пемного, и снявъ съ руки богатую перчатку, шитую золотомъ и каменьями, отдала ее нищему. Вхавшій за нею молодой рыцарь купилъ перчатку и украсилъ ею шлемъ свой. Съ тѣхъ поръ онъ былъ во многихъ сраженіяхъ, отличался во время крестовыхъ походовъ и говорилъ, что съ приобрѣтеніемъ этой перчатки начались его успѣхи и что воспоминаніе о благочестивой Герцогинѣ хранило его во всѣхъ опасностяхъ.

Но милосердіе Елисаветы не могло удовольствоваться раздачею денегъ и вещей: ей надо было посвятить бѣднымъ трудъ свой, послужить имъ съ тою нѣжною, терпѣливою заботливостію, съ тѣмъ пожертвованіемъ собственныхъ привычекъ и удовольствій, которыя наиболѣе ценятся и Богомъ и страждущими. Она предавалась этимъ трудамъ съ простотою и веселостію, которыя никогда ее не покидали. Когда больные прибѣгали

къ ея помощи, она сей часъ же осведомлялась о ихъ жилищѣ и спѣшила поспѣтить ихъ; ее не останавливали ни разстояніе, ни трудность дороги. Она знала, что духъ милосердія долженъ поддерживаться безпрестанно зрѣлищемъ лишений и страданій во всей ихъ наготѣ и дѣйствительности. Она входила въ самыя отдаленныя хижины, отвратительныя по неопрятности и смрадному воздуху. Она съ набожностію и добродушною простотою вступала въ эти жилища бѣдности, приносила ихъ обитателямъ все необходимое, и не столько еще утѣшала ихъ подарками, сколько ласковыми и добрыми словами. Бѣдныя родильницы внушали ей особенное участіе. Она посѣщала ихъ, садилась возлѣ ихъ бѣдныхъ постелей, утѣшала и одобряла ихъ. Съ материнскою нѣжностію брала она въ руки новорожденныхъ младенцевъ и одѣвала ихъ въ пеленки и рубашки, которыя сама для этого шила. Она часто вызывалась быть ихъ

крестной матерью, и это духовное родство служило предлогомъ новыхъ ея благодѣяній и постоянной заботливости. Когда знакомые ей бѣдные умирали, Елисавета приходила молиться и бѣгать надъ покойникомъ, одѣвала его, хоронила и смиренно шла за гробомъ послѣдняго изъ своихъ подданныхъ.

Дома она употребляла досуги не на суетныя развлеченія, или прихотливыя занятія богатыхъ женщинъ, но на истинно полезныя занятія. Подобно той добродѣтельной женщинѣ, которую описываетъ Царь Соломонъ, она прядла волну своими руками въ кругу своихъ придворныхъ дамъ, и потомъ изъ приготовленной шерсти дѣлала платье для бѣдныхъ и для тѣхъ нищихъ монашескихъ орденовъ, которые въ это самое время водворились въ ея отечествѣ. Мы рассказали выше, какъ Елисавета обрекла себя на лишенія и голодъ для того только, чтобы не воспользоваться плодами насилія и несправедливости. Нѣжная за-

ботливость ея объ угнетенныхъ не ограничивалась такими жертвами. Она свѣтила объявить супругу о несправедливыхъ дѣйствіяхъ прислуги въ отношеніи къ бѣдному деревенскому населенію, и старалась сколько возможно изъ своихъ собственныхъ средствъ вознаградить потери обиженныхъ. Подобную черту находимъ мы въ жизни еще другой западной принцессы. Крестьяне приходили жаловаться ей на слугителей, отнявшихъ у нихъ домашній скоть. Она выхлопотала для нихъ возвращеніе отнятаго, но притомъ сказала: „Стадо имъ отдано, но кто отдастъ имъ пролитыя слезы!“

„Сколько несправедливыхъ сборовъ, сколько напрасныхъ трудовъ покрывали обильными явствами столы наши. Чувствовали ли мы, подходя къ нимъ, невольное отвращеніе? Смотрѣли ли мы на нихъ со стыдомъ и раскаяніемъ? И когда отнимется у насъ возможность произвольно распоряжаться чужими трудами;

когда скажемъ мы: „Теперь намъ нельзя болѣе злоупотреблять добромъ ближняго; мы сложили съ себя это постыдное право, кто тогда вознаградитъ бѣдныхъ за слезы, которыя мы заставляли пролить?“

Въ памяти и воображеніи народа глубоко запечатлѣлось воспоминаніе о милосердіи Елисаветы, и мы находимъ трогательныя преданія о знакахъ особенной къ ней милости и благословенія Божія. Такъ лѣтописцы рассказываютъ, что она любила сама носить пищу бѣднымъ. Однажды она съ тяжелой ношей спускалась по труднымъ нагорнымъ тропинкамъ, въ сопровожденіи любимой служанки. Въ полахъ своего плаща она несла мясо, яйца и хлѣбъ,—вдругъ ей нечаянно встрѣтился Герцогъ, возвращающійся съ охоты. Онъ подошелъ къ ней, хотѣлъ посмотрѣть, что она несетъ, насильно раскрылъ ея плащъ и увидѣлъ въ немъ не хлѣбъ и мясо, но чудныя бѣлыя розы, какихъ онъ никогда не

идалъ. Онъ хотѣлъ ласками успокоить Елисавету, которая стояла передъ нимъ въ смущеніи, но тутъ ее всю озирло сіяніе въ видѣ креста. Тогда онъ велѣлъ ей идти далѣе на то дѣло, на которое шла, а самъ тихо пошелъ въ замокъ, вспоминая съ благоговѣніемъ о великой къ нимъ милости Божіей. На самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ встрѣтилъ Елисавету, онъ велѣлъ поставить каменный крестъ.

Елисавета съ особеннымъ усердіемъ ходила за прокаженными. Эти несчастные внушали благочестивымъ людямъ того времени и страхъ и набожное уваженіе. Елисавета, какъ и многіе другіе подвижники первымъ вѣковъ христіанства, превозмогала невольное чувство страха и отвращенія, которыя внушали прокаженные. Она садилась возлѣ нихъ, говорила съ ними, убѣждала ихъ терпѣнію, укрѣпляла надеждою вѣчнаго блаженства за это временное испытаніе. Однажды она призвала прокаженного

въ отдаленное мѣсто сада, и, видя, что на головѣ его были страшныя болячки, обрѣзала его волосы, перемыла и перевязала его голову, которая лежала на ея колѣняхъ. Одна изъ прислужницъ застала ее въ такомъ занятіи, Елисавета кротко улыбнулась, видя ея удивленіе. Въ другой разъ, въ Великій Четвергъ, она собрала множество прокаженныхъ, умыла имъ ноги и руки, потомъ кланялась имъ въ ноги и лобызала ихъ раны. О служеніи ея прокаженнымъ сохранилось одно трогательное преданіе. Во время отсутствія мужа, она съ особенною ревностію посвящала себя на служеніе имъ, не смотря на упреки и неудовольствіе Герцогини Софьи. Въ числѣ больныхъ былъ одинъ маленькій мальчикъ, котораго ей было особенно жаль. Елисавета, видя, что никто не заботится о немъ, взяла его къ себѣ, обмыла, намазала цѣлительнымъ масломъ и положила въ свою кровать. Какъ только возвратился Герцогъ, Софья по-

бѣжала къ сыну съ жалобой на невѣстку. „Поди, говорила она сыну, ты увидишь, что дѣлаетъ твоя жена, и кого она любитъ гораздо болѣе, нежели тебя.“ Она повела его въ спальню и сказала: „посмотри на постель, ты теперь можешь убѣдиться въ томъ, что жена твоя хочетъ, чтобы и къ тебѣ пристала проказа.“

Герцогъ, разстроенный этими словами, съ гнѣвомъ отдернулъ занавѣсъ, но, по словамъ лѣтописца, въ эту минуту отверзлись его душевныя очи, и онъ увидѣлъ не больнаго мальчика, а самаго распятаго Спасителя. Онъ остановился въ безмолвномъ изумленіи, и потомъ ласково обратился къ Елисаветѣ, которая, послѣдовавъ за нимъ съ цѣлю укротить его гнѣвъ и испросить прощеніе, въ смущеніи ожидала упрека. „Добрая моя Елисавета, сказалъ онъ ей, не слушай тѣхъ, которые мѣшаютъ тебѣ въ добрыхъ дѣлахъ и чаще приводи ко мнѣ такихъ гостей.“ Потомъ

онъ сталъ на колѣни и сказалъ: „Господи, помилуй мя грѣшнаго! я недостойнъ быть свидѣтелемъ такихъ чудесъ; помоги мнѣ сдѣлаться человѣкомъ угоднымъ Тебѣ!“

Елисавета выпросила у мужа позволеніе устроить больницу между Вартбургомъ и Ейзенахомъ. Туда помѣстила она тѣхъ, которымъ трудно было приходить на вершину горы на самый Вартбургъ. Она ежедневно посѣщала ихъ и носила имъ пищу, заботливо спрашивала больныхъ о ихъ нуждахъ, кормила ихъ изъ рукъ своихъ, сама перестилала ихъ постели, переносила больныхъ съ одной кровати на другую, утирала лицо ихъ своимъ покрываломъ, переносила смраднѣйшій воздухъ больницы и добродушно и весело одобряла прислужницъ. Она съ нѣжною заботливостію занималась больными дѣтьми, для которыхъ было особенное отдѣленіе. Когда она входила къ нимъ, маленькія ея любимцы бѣжали къ ней на встрѣчу и

окружали ее, называя матерью; она сажала ихъ вокругъ себя, раздавала имъ принесенныя игрушки и ласкала съ особенною пѣжностью больныхъ и некрасивыхъ дѣтей, которыми никто не занимался. Древнее преданіе рассказываетъ, что она везла къ нимъ однажды возъ съ горшечками и игрушками всякаго рода; возъ опрокинулся—и все упало на острия камня, но ничего не разбилось, и добрая Герцогиня въ цѣлости отдала дѣтямъ своимъ привезенныя игрушки. Много сохранилось рассказовъ о томъ, какъ Елисавета посѣщала уединенныя хижины. Однажды она вошла къ какому то больному, который жалобно просилъ молока; въ хижинѣ никого не было, больной не могъ подойти корову и Герцогиня сама отправилась доить ее.

Часто посѣщала она заключенныхъ, выкупала тѣхъ, которые были задержаны за долги, утѣшала другихъ, перевязывала и перемывала разъяденныя цѣ-

пами раны, молилась Богу о прощениі несчастныхъ преступниковъ. Всѣ эти труды наполняли ея сердце тихою радостью и она часто благодарила Бога за то, что Онъ удостоилъ ее служить несчастнымъ, которыхъ онъ называетъ своими братьями.

Постоянная забота о бѣдныхъ развила въ душѣ юной Герцогини ту святую любовь къ нищетѣ, которою отличались лучшіе и самые религіозные люди. Она любила предаваться дѣтскимъ мечтамъ о жизни, болѣе сообразной съ ея желаніями, болѣе близкой къ Евангельской простотѣ и совершенству. Лѣтописецъ XIV вѣка, написавшій въ стихахъ жизнь Елисаветы, приводитъ одинъ разговоръ ея съ мужемъ. Это было ночью; они оба не спали.

„Ежели тебѣ будетъ не скучно слушать, сказала Герцогиня, то я расскажу тебѣ, что мнѣ пришла въ голову мысль, какъ бы намъ пожить, чтобы угодить Богу.“

— „ Говори, милый другъ, отвѣчалъ Лудовикъ, выскажи свои мысли.“

„ Я бы хотѣла, сказала Елисавета, чтобы у насъ былъ только не большой клочекъ земли для насущнаго хлѣба и двѣсти овецъ;—ты бы пахалъ землю, ходилъ за лошадьми, я бы ходила за овечками.“

— „ Милая сестра, отвѣчалъ Герцогъ, мы бы все таки были бы не бѣдны съ землею и овцами, и нашлись бы люди, которые позавидывали нашему богатству.“

Самъ Герцогъ передалъ этотъ разговоръ другу своему—архіерею Тревскому.

Часто Елисавета говорила о бѣдности съ своими подругами. Нерѣдко дѣтски рѣзвась съ ними, она снимала царское платье, покрывалась бѣднымъ плащемъ и протягивая руку говорила, какъ бы предчувствуя будущія испытанія:— „ вотъ какъ я буду просить милостыню Христа ради, когда буду нищая.“

Такая же любовь къ бѣднымъ оду-

шевляла другаго, современнаго ей подвижника Западной Церкви. *Францискъ Асизскій*(^{*}), жившій въ то время, учредилъ орденъ нищихъ монаховъ. Его восторженная проповѣдь, трудные подвиги, сочувствіе къ бѣдному и угнетенному классу народа, возбудили горячее сочувствіе къ нему: множество изъявило желаніе вступить въ его монашескіе ордена. Между ними были люди семейные и занятые гражданскими дѣлами, Францискъ не хотѣлъ отвлечь ихъ отъ семейной жизни и занятій, и составилъ средній орденъ для свѣтскихъ людей. Вступающіе въ этотъ орденъ подчинялись строгому правилу, обязывались посвятить себя дѣламъ милосердія, покаянія и добровольной нишетѣ, но не оставляли прежней жизни и не удалялись въ монастырь. Елисавета, узнавъ объ этомъ орденѣ, вступила въ него, съ позволенія

(^{*}) Отъ отечества его, города *Асизы* въ Папскихъ владѣніяхъ недалеко отъ Сполето.

мужа. Она считается на западѣ первою послѣдовательницею того начала, которое впослѣдствіи было принято многими благотворительными обществами.

Духовная связь соединила двухъ подвижниковъ; имена ихъ неразлучно связаны въ лѣтописяхъ благотворительныхъ учрежденій Запада. Францискъ,— по просьбѣ друга своего кардинала Угслино, который впослѣдствіи сдѣлался Папой и причислялъ Герцогиню къ лику святыхъ, рѣшился послать ей знакъ своего особеннаго къ ней сочувствія. Кардиналъ снялъ съ своихъ плечъ изношенную мантию и сказалъ: „отдайте ей это, какъ нѣкогда Ілія Елисею.“ Елисавета съ радостью приняла этотъ подарокъ и всегда облакалась въ эту мантию, когда молилась съ особеннымъ усердіемъ.

Господь благословилъ супружество Елисаветы рожденіемъ многихъ дѣтей. Ея было 16 лѣтъ въ 1223 году, когда она въ первый разъ сдѣлалась матерью.

Не задолго до рожденія перваго младенца, она переѣхала въ замокъ Крейцбергъ; тамъ она была ближе къ мужу, который былъ по дѣламъ въ Марбургѣ; благородныя дамы и рыцари слѣдовали за Герцогиней. Лудовикъ узналъ въ Марбургѣ о рожденіи сына; щедро одарилъ присланнаго съ этимъ извѣстіемъ, и поѣхалъ къ женѣ. Въ его присутствіи окрестили сына, которому дали имя Германа, и въ память этого событія, онъ велѣлъ построить каменный мостъ, который до сихъ поръ еще существуетъ. Черезъ годъ у нихъ родилась дочь Софья, которая въ послѣдствіи была замужемъ за Герцогомъ Брабандскимъ. Двѣ меньшія дочери—другая Софья и Жертруда—были въ послѣдствіи монахинями.

Чувства глубокой набожности и смиренія наполняли сердце Елисаветы въ торжественныя минуты рожденія дѣтей. Она не думала праздновать эти событія пирами, но первую ея заботою было

восвятить ихъ Богу. При первой же возможности, она, надѣвъ простое шерстяное платье, съ босыми ногами, выходила потихоньку изъ замка, держа въ рукахъ своего младенца, и такимъ образомъ отправлялась въ отдаленную церковь Св. Екатерины. Дорога была трудная, и она шла по острымъ камнямъ, которые до крови рѣзали и ранили ея нѣжныя ноги. Пришедъ въ церковь, она клала передъ олтаремъ принесенные ею дары: свѣчи и овцу, и потомъ говорила: „Господи Иисусе Христе! я приношу Тебѣ и Пречистой матери Твоей этотъ любезный плодъ утробы моей; Тебѣ, Богъ и Создатель мой, отдаю его отъ всего сердца, такъ какъ Ты далъ мнѣ его, Милосерпый Царь и общій Отецъ нашъ! Одна моя молитва о немъ, Господи, чтобы Ты благоволилъ принять этого омоченнаго слезами моими младенца и причислилъ его къ лику служителей и ближнихъ своихъ и ниспослалъ ему благословеніе Свое!“

Мы видѣли, что Елисавета лишилась матери во время своего младенчества. Отецъ ея изрѣдка справлялся, что съ нею дѣлается. Послѣ ея свадьбы, онъ просилъ вельможъ своихъ заѣхать къ ней и потомъ рассказать ему о ея образѣ жизни. Лудовикъ принялъ ихъ радушно, но вспомнилъ, что на Елисаветѣ не было приличнаго наряда, онъ поспѣшилъ къ ней и сказалъ; „Милая сестра! къ намъ пріѣхали гости отъ отца твоего; онъ вѣрно велѣлъ имъ узнать, хорошо ли тебѣ здѣсь, и живешь ли ты такъ, какъ прилично Герцогинѣ? Въ какомъ платьѣ ты покажешься имъ? Ты вовсе о себѣ забыла, заботясь о своихъ бѣдныхъ, и носишь такое платье, котораго мнѣ стыдно. Какое будетъ для меня безчестіе, когда по Венгріи распространится слухъ, что ты живешь въ такой бѣдности и что тебѣ не во что даже одѣться!“

— „Не безпокойся, братъ мой, отвѣчала Елисавета, я рѣшилась не тщесла-

виться нарядами и съумѣю объясниться съ посланными отца, и притомъ я буду такъ привѣтлива и ласкова съ ними, что они полюбятъ меня и не подумаютъ о моемъ платьѣ.“

Она стала готовиться къ свиданью, надѣла, что было у нея лучшаго и просила Бога, чтобы Онъ помогъ ей понравиться друзьямъ отца. И не только поразила всѣхъ дружескою привѣтливостію, свѣжестію лица и блистательной красотой своею; но всѣмъ показалось даже, что нарядъ раскошенъ и красивъ. Посланные говорили, что на ней была чудная мантия—лазуревая съ жемчугами, какую едва ли можно было увидѣть у другой Гссударыни:

Другое преданіе говорить, что на свадьбѣ принцессы Агнессы, Елисавета отдала нищему свою мантию и въ смущеніи сидѣла въ своей комнатѣ, ожидая Герцога, который долженъ повести ее на свадебный пиръ; но въ ту самую минуту, когда ей надо было идти, ман-

тія ея нашлась на прежнемъ мѣстѣ.

Лѣтописецъ много говоритъ о томъ, съ какимъ усердіемъ и ревностію Елисавета посѣщала Церковь, какіе молитвенные подвиги она совершала во время страстной недѣли и постовъ. Нерѣдко она упрекала себя въ томъ, что не довольно наполняла святостію совершаемыя ею подвиги. Такъ однажды, во время обѣдни, она засмотрѣлась на красоту мужа и на доброе выраженіе его лица; и потомъ оплакивала такое разсѣпаніе. Мужъ нашелъ ее въ церкви въ слезахъ; онъ сталъ возлѣ нея на колѣни, утѣшалъ ее и выслушалъ признаніе ея въ грѣхѣ.

„ Будемъ надѣяться на милость Божию, сказалъ ей Лудовикъ, помолимся вмѣстѣ, я постараюсь вмѣстѣ сдѣлаться совершеннѣе, чѣмъ мы были до сихъ поръ.

Въ 1226 году Лудовикъ былъ призванъ Императоромъ Фридерикомъ, чтобы принять участіе въ Итальянской вѣйнѣ. Онъ надолго оставилъ Вартбургъ, и это бы-

ла его первая продолжительная разлука съ женой. Вскорѣ послѣ отъѣзда Герцога, начался страшный голодъ, несчастные жители питались кореньями и плодами. Сердце Елисаветы обливалось кровью при видѣ общаго недостатка, и она вся посвятила себя на облегченіе страдальцевъ. Изъ Вартбурга полились благодѣянія на всѣхъ сосѣднихъ жителей. На это употребила Герцогиня и обильные запасы, и казну Герцога, и все, что у нея самой оставалось дорогаго. Она раздавала хлѣбъ и деньги, стараясь, впрочемъ, надѣлать только однихъ нуждающихся. 900 человекъ приходили каждый день за насущнымъ хлѣбомъ. Нѣкоторымъ, по болѣзнямъ и старости, трудно было входить на вершину Вартбурга, Герцогиня сама приносила имъ пищу къ подножію горы; многимъ носила она остатки обѣда, до котораго сама едва касалась. До сихъ поръ показываютъ на долину Ейзенахской то мѣсто, гдѣ она принимала бѣд-

ныхъ. Ревностиѣе, чѣмъ когда нибудь, посѣщала она больныхъ и служила имъ, и въ то время учредила двѣ другія больницы; одну для однихъ больныхъ женщинъ, во имя Св. Георгія, — другую для всѣхъ больныхъ, во имя Св. Анны, которая доселѣ еще существуетъ. Когда наступило время жатвы, она собрала всѣхъ способныхъ къ работѣ, посылала ихъ на уборку хлѣба, больныхъ же и немощныхъ, она кормила и одѣвала. Прощаясь съ уходящими отъ нея бѣдными, она вручала имъ платье или деньги и поощряла къ трудолюбію и благотностию.

Герцогъ, узнавъ о бѣдствіяхъ, которыя постигли его отечество, отпросился у Императора къ себѣ домой. Всѣ съ восторгомъ узнали въ Турингіи о скоромъ возвращеніи любимаго Государя, но болѣе всѣхъ радовалась Елисавета: мужъ только одинъ во всемъ понималъ ее, одинъ онъ сочувствовалъ ей, и она одна цѣнила всю доброту, все велико-

душіе его. Сановники Турингии встрѣтили Герцога съ жалобами на расточительность и небрежливость его супруги. Лудовикъ съ гнѣвомъ отвѣчалъ имъ: „Здоровали моя жена? вотъ что я хочу прежде всего знать; а за тѣмъ пусть моя маленькая Елисавета, раздаетъ милостыню, сколько ей угодно, только бы никому не отдала она моего Вартбурга, Ейзенаха и Мардбурга. Все прочее пусть отдаетъ,—все возвратитъ намъ Господь:—милостыня никогда не раззоряетъ!“ Лудовикъ, сказавъ это, поспѣшилъ къ жевѣ; она бросилась къ нему на шею и долго его обнимала. „Что дѣлали твои бѣдные въ такой неурожайный годъ, милая сестра, ласково говорилъ Герцогъ, нѣжно обнимая Елисавету?—Я Богу отдала, тихо отвѣчала она, все, что принадлежало Богу;—но Богъ оставилъ намъ то, что должно принадлежать намъ.“

Когда вѣрный ея рыцарь Ворильтъ передалъ Герцогинѣ разговоръ Лудовика

съ сановниками, она стала на колѣни и сказала: „Господи! я недостойна имѣть такого добраго мужа; но помоги намъ обоимъ соблюсти святость брака, да проживемъ мы вѣчно вмѣстѣ у Тебя!“

Но недолго оставался Лудовикъ съ любящей женой своей. Вся Германія поднималась на новый крестовый походъ. Императоръ Фридрихъ призывалъ подъ свое знамя всѣхъ своихъ вассаловъ; походъ былъ назначенъ въ 1227 г. Крестовые походы увлекали всѣхъ ревностныхъ христіанъ и благородныхъ рыцарей. Герцогъ Турингскій былъ одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе сочувствовали походу: его набожность, мужество, примѣръ для другихъ—все влекло его подъ Императорское знамя. Онъ колебался недолго, и до возвращенія въ Вартбургъ, уже принялъ крестъ отъ Епископа Конрада и далъ торжественное обѣщаніе идти въ Святую землю.

Но пріѣхавъ домой, онъ вспомнилъ о томъ, какъ будетъ велико горе Елиса-

веты при мысли о новой и долгой разлукѣ, онъ рѣшился въ некоторое время скрывать свое намѣреніе, тѣмъ болѣе, что берегъ ее въ беременности и потому не носилъ креста своего. Однажды Елисавета сидѣла съ мужемъ; онъ обнялъ ее, и она, играя его поясомъ, шутя запустила руку въ мѣшокъ, придѣланный къ поясу, и вдругъ нашла и вынула оттуда крестъ, какой носили крестовые рыцари. Эта находка въ одну минуту открыла ей горькую истину,—и она безъ чувствъ упала на землю. Герцогъ поднялъ ее, утѣшалъ и успокоивалъ нѣжными, ласковыми словами. Онъ старался ободрить ее изрѣченіями Писанія, напоминаніемъ христіанскихъ обязанностей. „Вспомни, говорилъ онъ ей, что я иду служить Богу;—ты не стала бы меня удерживать, ежели бы я отправлялся на службу къ Императору, а теперь меня призываетъ самъ Господь.“ Долго плакала Елисавета, не отвѣчая ни слова; но наконецъ сказала: „Ми-

мый братъ? если это не противно во-
лѣ Божіей, остаюсь со мною!“

„Сестра моя милая! отвѣчалъ Гер-
цогъ; позволь мнѣ ѣхать: я далъ обѣ-
щаніе Богу.“

Тогда Елисавета пожертвовала для Бо-
га своими желаніями и сказала:

„Я не стану удерживать тебя болѣе
противъ воли Божіей. Да дастъ тебѣ
Господь милость—во всемъ исполнять
волю Его; приношу Ему и тебя и саму
себя въ жертву. Пусть хранитъ тебя Его
милосердіе, будь всегда счастливымъ во
всемъ,—объ этомъ будетъ моя ежеми-
нутная молитва! Поѣзжай во имя Го-
спода!“ Послѣ новаго молчанія, они
стали говорить о будущемъ младенцѣ и
согласились—съ самаго рожденья посвя-
тить его Богу.

Вскорѣ Герцогъ сталъ готовиться къ
отъѣзду. Онъ привелъ въ порядокъ свои
Государственныя дѣла, созвалъ баро-
новъ, поручилъ имъ жену, потомъ за-
нялся устройствомъ домашнихъ дѣлъ.

„Мы знаемъ, говорили ему, что Герцогня все раздастъ въ твое отсутствіе; но Лудовикъ отвѣчалъ, что Богъ все возвратитъ съ избыткомъ.“

Лудовикъ вмѣстѣ съ семействомъ отправился по разнымъ монастырямъ и церквамъ. Замокъ Сталкондъ былъ назначенъ сборнымъ мѣстомъ для рыцарей, которые сопутствовали Лудовику. Здѣсь онъ простился съ матерью, дѣтьми и братьями; дѣти держались за полы его платья; онъ рыдалъ, прощаясь съ ними; потомъ обнялъ мать и жену и поручилъ Елисавету Герцогинѣ Софьѣ. Народъ и рыцари, которые также прощались съ семьями, смѣшивали плачь и вопли свои съ плачемъ Герцога и его семейства. Лудовикъ вырвался изъ объятій матери и съ трудомъ пробрался черезъ толпу народа, который удерживалъ его, лобызая руки и платье и обливая ихъ слезами. Наконецъ онъ бросился на лошадь и выѣхалъ въ толпу крестоносцевъ, громко повторяя священный гимнъ, ко-

торый они пѣли хоромъ.

Его многолюбимая Елисавета еще ѣхала съ нимъ; она не рѣшилась проститься съ мужемъ вмѣстѣ съ прочими членами семейства, и провожала его до границъ государства. Но, доѣхавъ до границы, она захотѣла провести съ нимъ еще одинъ день. По окончаніи этого дня, объявила, что и тутъ не можетъ ѣхать домой. Но рыцарь Воришь подошелъ къ Герцогу и сказалъ: „отпустите Герцогиню теперь, разлуки не миновать.“ Тогда супруги залились слезами, со стономъ и воплями бросились въ объятія другъ друга. Воришь утѣшалъ ихъ и убѣждалъ разстаться; но они крѣпко держались другъ за друга. Наконецъ Лудовикъ превозмогъ горе свое и, показавъ кольцо, сказалъ: „Елисавета, добрая моя сестра! посмотри на это кольцо, которое на рукѣ моей; на немъ изображенъ агнецъ Божій. Вѣрь всему, что скажетъ тотъ, кто принесетъ тебѣ это кольцо, и онъ объявитъ тебѣ,

живъ ли я, или мертвъ.“ Потомъ онъ прибавилъ: „Да благословитъ тебя Господь, моя маленькая Елисавета, моя возлюбленная сестра, мое сокровище милое; да сохранитъ Господь твердость души твоей; да благословитъ дитя наше: сдѣлай съ нимъ то, что мы вмѣстѣ рѣшили! Прощай, всегда помни нашу общую жизнь, нашу святую и нѣжную любовь, не забывай меня въ своихъ молитвахъ; прощай, я не могу долѣе оставаться!“

Елисавета осталась на рукахъ своихъ сопутницъ. Она долго слѣдила глазами за мужемъ, потомъ, чуть живая отъ слезъ и горя, среди плача подругъ, возвратилась въ Вартбургъ съ тайнымъ предчувствіемъ, что не увидитъ болѣе мужа. Возвратившись въ свой грустный замокъ, она надѣла вдовье покрывало, котораго уже не пришлось ей снимать.

ГЛАВА II.

Лудовику не суждено было достигнуть Палестины: онъ умеръ отъ горячки, которая открылась въ Императорскомъ станѣ.

Въ полномъ сознаніи, съ чувствомъ Христіанскаго смиренія и покорности, отошелъ онъ въ вѣчность.

Рыцари, которымъ онъ поручилъ извѣстить жителей Турингіи о его смерти, возвратились уже въ началѣ зимы, послѣ родовъ Елисаветы. Герцогиня Софья была глубоко огорчена смертью сына и нѣкоторое время скрывала горькую истину отъ бѣдной вдовы. Но когда Елисавета оправилась, она рѣшилась сообщить ей ужасную вѣсть; для этого

она пошла къ ней, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими дамами. Елисавета радостно приняла ихъ, не предчувствуя горя.

„Собиритесь съ силами, любезная дочь моя, сказала Софья, не огорчайтесь черезъ мѣру тѣмъ, что случилось съ мужемъ вашимъ, по волѣ Божіей, которой онъ всегда покорялся.“

Герцогиня говорила спокойно, и Елисавета не поняла, какое страшное извѣстіе ее ожидаетъ.

„Если милый братъ мой взятъ въ плѣнъ, отвѣчала она, то мы скоро его выкупимъ съ помощью Божіею и участіемъ друзей нашихъ. Отецъ мой поможетъ мнѣ и я скоро буду утѣшена.“

„О милая дочь, сказала Софья! будьте мужественны, покорны—возьмите кольцо это, оно прислано вамъ вашимъ мужемъ. Но горе всѣмъ намъ, онъ скончался!“

„Что это вы говорите! воскликнула Елисавета! При этомъ лице ея покрылось смертною блѣдностію, руки опу-

етились, потомъ румянецъ выступилъ на ея щекахъ и она стала говорить задыхающимся голосомъ: „Господи, Господи, теперь весь міръ для меня умеръ, и міръ, и все что есть въ немъ радостнаго!“ Она какъ помѣшанная выбѣжала изъ комнаты, со стономъ и плачемъ обходила переходы и комнаты дворца; напрасно старались ее успокоить. Стенаніе ея не прекращалось. Я все потеряла, говорила она! гдѣ мой милый братъ, гдѣ другъ моего сердца—добрый благочестивый мужъ мой? Ты умеръ и оставилъ меня въ горести. Могу ли я жить безъ тебя? я теперь несчастная женщина, всѣми покинутая вдова. О Боже мой, утѣшь меня, Ты не оставляешь вдовъ и сиротъ, укрѣпи меня въ моей слабости!“

Въ это тяжелое время Герцогиня Софья показала много любви и состраданія къ невѣсткѣ. Общая печаль соединила ихъ; всѣ прочіе жители замка и города принимали участіе въ горести

мовы; всё жалѣли о добромъ Государѣ, и вездѣ были слышны вопли и стоны.

Но глубокое отчаяніе молодой вдовы и горестное ея положеніе, не надолго разлучило ту старую вражду, которая съ самаго дѣтства преслѣдовала Елисавету. Злые совѣтники окружали молодыхъ Герцоговъ, братьевъ Лудовика; они внушали имъ чувства честолюбія и зависти и старались объ удаленіи несчастной женщины, которая, погруженная въ печаль свою, не входила въ дѣла Государственныя. Генрихъ рѣшился завладѣть наслѣдствомъ племянника и удалить изъ Вартбурга расточительную и будто бы лицемерную Елисавету. Посланные его ворвались въ покои молодой Герцогини, гдѣ та находилась съ свекровью своей, упрекали ее въ разореніи Государства, и съ грубыми осужденіями и обидными рѣчами велѣли ей удалиться съ дѣтьми своими изъ замка.

Напрасно Герцогиня Софья защищала невѣстку, удерживала ее въ своихъ объ-

лтіяхъ, напрасно искала она свиданія съ сыновьями и хотѣла объясниться съ ними. Ее не допустили къ нимъ и всякое сопротивленіе было тщетно. Герцогиня съ плачемъ разсталась съ невѣсткой и внучатами, и бѣдная Елисавета, оставленная всѣми, вышла изъ замка Вартбурга. Она держала въ рукахъ новорожденнаго младенца, за ней слѣдовали двѣ вѣрныя подруги: Гута и Гертруда, которыя воспитывались съ нею, и теперь хотѣли раздѣлить ея печали; онѣ вели за руки трехъ старшихъ дѣтей. Это было зимой; Герцогинѣ не куда было идти. Жителямъ Ейзенаха подѣ страхомъ наказанія запрещено было принять ее: тамъ, гдѣ она расточала милостыню и благодѣянія, не нашлось уголка, чтобы пріютить несчастную женщину и дѣтей ея. Онѣ ночевали въ бѣдной гостинницѣ, въ чуланѣ, куда обыкновенно убирали посуду и запирали свиней. Лѣтописецъ говоритъ, что въ этомъ жалкомъ убѣжищѣ—сердце Ели-

саветы, растерзанное испытаніями и обидами, наполнилось святымъ небеснымъ блаженствомъ. Какъ только прозвонили къ заутрени, она отправилась въ сосѣдній монастырь; тамъ, посреди ночнаго мрака, распростертая передъ олтаремъ, припомнила прежнюю любовь свою къ бѣдности и благодарила Бога, сподобившаго ее испытать такую же нищету, какую Самъ Онъ испыталъ въ пещерѣ Вифлеемской. „ Да будетъ воля Твоя! молилась она, вчера я была Герцогиней, сегодня я нищая, и ни кто не хочетъ принять меня; Господи! Я не довольно служила тебѣ, не довольно помогала бѣднымъ, когда жила въ довольствѣ.“

Страданія несчастныхъ дѣтей, однѣ ужасно мучили бѣдную мать. „ Я заслужила это тяжелое испытаніе, говорила она; бѣдные мои дѣти голодны, имъ не дали даже соломы. Сердце мое разрывается, видя, что они терпятъ. Что до меня, то Ты Самъ видишь, Господи, что я считаю себя недостойной быть

избранной Тобою на благодатный подвигъ нищеты.”

Бѣдный Священникъ принялъ сначала Герцогиню и дѣтей въ свою нищенскую хижину. Потомъ имъ было отведено убѣжище въ домѣ одного жителя Ейзенаха, который особенно былъ недоброжелателемъ къ Елисаветѣ, и потому она оставила домъ, гдѣ терпѣла одни недостатки и обиды. Нѣкоторые друзья ея рѣшились тайно помогать ей и взять къ себѣ дѣтей ея; она согласилась поручить ихъ вѣрнымъ людямъ, и лишь боялась, говорить лѣтописецъ, что не выдержитъ зрѣлища ихъ страданія и будетъ предаваться унынію и грѣшному ропоту.

Елисавета нѣсколько успокоенная на счетъ дѣтей, старалась о томъ, чтобы прокормить себя работою; она пряла и еще находила средства изъ выработанныхъ денегъ помочь нищему; она лишала себя скудной пищи, чтобы подѣлиться съ ними.

Кротость и мужество молодой вдовы не смягчало сердца враговъ ея; никто изъ облагодѣтельствованныхъ ею бѣдныхъ не выразилъ ей сочувствія,—не поспѣшилъ ей на помощь. Лѣтописецъ приводитъ горькіе примѣры неблагодарности и равнодушія къ ней. Одна нищая старуха, за которой Герцогиня ходила въ болѣзни, грубо толкнула ее, встрѣтивъ при переходѣ узкаго грязнаго ручья,—Елисавета поскользнулась и упала.

„ Ты не умѣла жить Государыней, когда это было тебѣ возможно, закричала старуха, теперь хорошо ли тебѣ въ грязи?“ Елисавета встала смѣясь, и пошла полоскать платье и руки въ сосѣдній ручей, говоря съ кроткою веселостію: „ вотъ что пришлось носить на мѣсто парчи и дорогихъ камней.“

Елисавета ни когда не забывала, что испытанія посланы ей Богомъ; отъ нее не слышно было ни ропота, ни жалобъ. Она вся предалась молитвѣ и посѣще-

нію храмовъ Божіихъ, святыхъ бого-
служеній, въ которыхъ христіанскія ду-
ши находятъ утѣшеніе и силу; она вез-
дѣ и во всемъ искала Господа и по
истинѣ обрѣла Его. Онъ обратилъ труд-
ныя испытанія въ неизрѣченныя радости.
Тотъ. Кто призвалъ труждающихся и
обремененныхъ, Кто обѣщаль осушить
слезы друзей своихъ,—не забылъ сми-
ренную рабу свою, распростертую подъ
бременемъ всѣхъ горестей, какія можетъ
только испытать члловѣческое сердце.
Онъ не только осушилъ ея слезы; Онъ
открылъ душевныя очи ея, позволилъ
имъ проникнуть въ другой вѣчный міръ
и созерцать неизрѣченныя радости.

Вѣрныя сопутницы Елисаветы расска-
зывали, что, среди молитвеннаго бдѣнія,
ее укрѣпляли чудныя видѣнія, небесное
блаженство отражалось на ея лицѣ и
она говорила, что не имѣетъ права от-
крывать того, что видитъ своими ду-
ховными очами. Лѣтописецъ рассказы-
ваетъ, что сама Пречистая Дѣва укрѣ-

пляла ее въ таинственныхъ видѣнiяхъ и научала молитвамъ, наставляла на путь спасенiя. Сказанiе объ этихъ небесныхъ откровенiяхъ сохранилось въ житiяхъ Западныхъ Святыхъ и въ лѣтописяхъ Ордена Св. Франциска.

Между тѣмъ Герцогиня Софiя была весьма озабочена горестнымъ положенiемъ Елисаветы, и страданiя ея должны были наконецъ вызвать участiе ея сильныхъ родственниковъ. Послѣ тщетныхъ усилiй смягчить сердца сыновей, Софiя рѣшилась тайно извѣстить Елисаветину тетку по матери, Игуменью монастыря Кицингена, о положенiи молодой вдовы. Игуменья сейчасъ же послала за Елисаветой и дѣтьми ея. Она приняла предложенiе тетки, радуясь соединенiю съ дѣтьми. Вскорѣ они прибыли въ монастырь Кицингенъ на Мойнѣ, тетка приняла ихъ съ материнской нѣжностью и многими слезами. Она отвела несчастному семейству приличное помѣщенiе и старалась разсѣять печаль и излечить

недуги души и тѣла.

Елисавета находила особенное утѣшеніе въ строгомъ соблюденіи монашескаго правила, она даже жалѣла, что семейныя обязанности отвлекаютъ ее отъ безпрестанной молитвы; но она недолго оставалась въ Кицингенѣ. Дядя ея, епископъ Гамбургскій, совѣтовалъ ей оставить монастырь и переѣхать въ его владѣнія. Елисавета повиновалась ему, но не рѣшалась ѣхать къ отцу и поселилась подъ покровительствомъ дяди въ замкъ Бонденштетъ.

Епископъ хотѣлъ склонить ее на второй бракъ и мечталъ о томъ, чтобы выдать ее замужъ за Императора Фридриха I, у котораго недавно умерла вторая жена. Но Елисавета твердо объявила намѣреніе оставаться вдовой. „Я имѣла мужа, котораго нѣжно любила, говорила она дядѣ, я раздѣляла его почести, пользовалась великимъ богатствомъ, и всегда считала тщетою эти временныя блага. Теперь хочу жить для

Господа и прошу Его только о спасеніи двухъ дѣтей моихъ, которымъ суждено быть богатыми и сильными. Какъ была бы счастлива, ежели бы вымогла у Бога вѣчное блаженство!“ Елисавета упоминала здѣсь о двухъ старшихъ дѣтяхъ, — двѣ меньшія дочери были обречены на монашескую жизнь.

Въ это время Елисавета посѣтила многіе монастыри и церкви; она долго оставалась въ живописномъ монастырѣ Андекъ, на берегахъ озера Шперберга, откуда простирается чудный видъ на всю цѣль Тирольскихъ Альновъ. Въ этомъ монастырѣ доселѣ произываютъ вѣщи, пожертвованныя Елисаветой во время ея пребыванія: вѣнчальное платье, въ которомъ она стояла съ любимымъ женихомъ передъ брачнымъ наосемъ, крестъ съ мощами и нѣкоторыя другія вещи. Богомольцы посѣщаютъ этотъ монастырь и прикладываются къ этимъ памятникамъ.

Вскорѣ по возвращеніи изъ Богомолья,

Елисавета узнала, что тѣло мужа ея привезено въ Бамбергъ и отправилась туда съ дѣтьми. Народъ, монахи, духовенство, — самъ Епископъ — встрѣтили драгоценныя останки и проводили ихъ до собора и тутъ открыли гробъ. Въ эту минуту отчаяніе вдовы выразилось съ новой силой; долго ея волненіе не могло успокоиться; наконецъ она побѣдила свои вопли и благодарила Бога за то, что еще разъ могла приложиться къ дорогимъ останкамъ. „Онъ отдалъ себя для Бога, говорила она, и я имъ пожертвовала для святой земли. Ты знаешь, Господи, какъ я много любила мужа моего, который столько любилъ Тебя; его присутствіе было для меня дороже всего; я готова была жить съ нимъ въ нищетѣ, просить милостыню, только бы не разлучаться съ нимъ. Я желала бы имъ однимъ быть счастливой, если было бы это угодно Тебѣ. Но теперь я покидаю его и предаю себя волю Твоей. Я бы не хотѣла возвра-

тить его къ жизни, если бы могла это сдѣлать, но знала, что это противно волѣ Твоей!“

Такъ излился изъ души 20-ти лѣтней женщины послѣдній вздохъ о земномъ счастьи, послѣдняя борьба земной любви съ призваніемъ небеснымъ. Она утерла слезы, вышла изъ церкви и уединилась въ небольшомъ садикѣ, находящемся около собора. Туда просила она рыцарей, которые привезли тѣло мужа. Она почтительно приняла ихъ, усадила, благодарила ихъ и кротко бесѣдовала съ ними. Она поручила имъ дѣтей своихъ, и рассказала все, что вытерпѣла она съ тѣхъ поръ, какъ узнала о смерти Герцога. Епископъ Бамбергской вскорѣ присоединился къ нимъ, подтвердилъ и дополнилъ рассказъ племянницы и говорилъ о необходимости заступиться за нее и потребовать удовлетворенія за нанесенныя ей обиды. Крестоносцы съ негодованіемъ узнали о безстыдныхъ поступкахъ Генриха и Конрада, и покля-

лись защищать Елисавету и дѣтей ея и служить имъ. Во главѣ этихъ храбрыхъ рыцарей былъ благородный Воришь, сынъ того рыцаря, который привезъ изъ Венгріи 4-хъ лѣтнюю Елисавету. Онъ просилъ Епископа—поручить имъ несчастную семью Лудовика и ручался за ея безопасность. Епископъ согласился и Елисавета съ дѣтьми и прислужницами своими поѣхала за тѣломъ мужа въ аббатство Рейнгарстбрунъ, который Лудовикъ самъ назначилъ мѣстомъ своего погребенія.

Жители Турингіи, Герцогиня Софья, сыновья ея, всѣ знатные вассалы отправились туда же. Невольное умиленіе овладѣло присутствующими, когда увидѣли несчастную вдову и маленькихъ дѣтей у гробницы любимаго всѣми Герцога. Послѣ погребенія, рыцари отправились къ Генриху и требовали объясненій поступковъ его съ Герцогиней. Лѣтописецъ подробно передалъ слова, которыми Воришь осуждалъ Генриха,

выражалъ негодование рыцарей, намѣ-
рѣніе защищать права юнаго наследни-
ка и грозилъ наказаніемъ Божиимъ за
обиды вдовы и сиротъ. Генрихъ смутил-
ся, обѣщаль примириться съ невѣсткой
и отдать ей все, чтобы она ни потре-
бовала; она просила только о своей соб-
ственности и о достаточномъ содержаніи
для себя и дѣтей.

Генрихъ и Конрадъ пришли просить
у ней прощенія. Герцогиня Софья ра-
довалась ихъ примиренію. Права юнаго
Германа были признаны, а Генрихъ оста-
вался правителемъ на время его мало-
лѣтства. Все семейство возвратилось по-
слѣ этого въ Вартбургъ.

Генрихъ исполнилъ свое обѣщаніе и
старался попеченіями и заботливостію
изгладить воспоминаніе прежнихъ обидъ.

Елисавета съ новою ревностію преда-
лась дѣламъ благочестія и милосердія.
Она основала въ это время больницу—
Маріи Магдалины въ Готѣ, которая до-
селѣ существуетъ. Положеніе вдовы по-

зволяло ей не посѣщать пировъ и праздниковъ; она искала добровольной бѣдности, избѣгала роскоши, которую почитала плодомъ притѣсненій и тяжкаго труда бѣдныхъ. Жизнь ея слишкомъ противорѣчила обычаямъ и образу мыслей окружающихъ ее людей. Противорѣчіе это снова вызвало недоброжелательство къ ней и осужденія. Придворные не скрывали своего презрѣнія къ Елисаветѣ и называли ее помѣшанной и дурой. Она все переносила съ кротостью и лице ея выражало такое спокойствіе и такую тихую радость, что придворные начали упрекать ее въ равнодушіи къ потерѣ мужа и говорили, что ея спокойное довольство неприлично вдовѣ. Несчастные, пишеть лѣтописецъ, не понимали того блаженства, котораго не знаютъ нечестивые. Герцогиня Софья сама повѣрила клѣветѣ и говорила о томъ невѣсткѣ; но ея упреки не смутили Елисавету.

Естественно, что сердце молодой жен-

ины, поставленной среди враждебныхъ ей людей, все болѣе удалялось отъ міра, обращалось къ Богу, и на землѣ искала она только тѣхъ людей, которые были для нея выраженіемъ небеснаго закона. Римской Епископъ былъ для нея непогрѣшимымъ представителемъ воли Божіей. Въ это время на Римскомъ престолѣ былъ Григорій IX, который былъ другомъ Франциска Ассизскаго и всегда оказывалъ расположеніе Елисаветѣ; онъ писалъ ей, ободрялъ и поручилъ ее еще разъ попеченіямъ Конрада.

Мы видѣли прежде, каковъ былъ этотъ жесткій и суровый монахъ; его вліяніе не смягчалось теперь властью любящаго мужа, кроткимъ довѣріемъ къ нему. По данному обѣту, по указанію Папы, онъ сдѣлался полнымъ властелиномъ надъ сердцемъ и жизнью этой любящей и страстной женщины, и мы увидимъ, какъ онъ злоупотребилъ этимъ правомъ, какого повиновенія онъ требовалъ, какія вѣстественныя жертвы ей предписывалъ.

Весь неутолимый деспотизмъ Римской іерархіи отражается въ поступкахъ Конрада. Они должны возбуждать справедливое негодованіе въ послѣдователяхъ той Евангельской простоты и свободы, которую проповѣдуетъ Православная Церковь; но нельзя безъ умиленія слѣдить за подвигами высокаго самоотверженія, полной преданности, горячей любви, которые совершила молодая женщина, искоренившая изъ сердца своего всякія земныя привязанности, все, что могло, по ея убѣжденію, мѣшать святому служенію Богу и ближнимъ.

Елисавета давно хотѣла во всей строгости исполнять постановленіе Св. Франциска, которое она еще при жизни мужа частью приняла; ей хотѣлось соблюдать нищету, предписанную ордену, и просить милостыню, проповѣдая слово Божіе; духовникъ не одобрилъ такого намѣренія. Вообще мы видимъ, что онъ удерживалъ ея рвеніе, — иногда казалось, благоразумно берегъ ея силы, — но не

думалъ о нихъ и дѣйствовалъ съ отвратительною суровостью, когда дѣло шло о повинновеніи къ нему и о стараніи сокрушить всякое проявленіе собственнаго призванія въ поступкахъ его духовной дочери.

Елисавета, послѣ года, проведеннаго въ Вартбургѣ, просила Генриха назначить ей мѣсто, гдѣ она могла бы жить въ уединеніи и предаваться молитвѣ и добрымъ дѣламъ. Генрихъ отдалъ въ ея распоряженіе городъ Мардбургъ и обѣщаль деньги на помѣщеніе и содержаніе ея. Елисавета отправилась туда; ее приняли со всѣми выраженіями уваженія и любви; но она бѣжала отъ этихъ почестей и уединилась въ небольшой деревенькѣ, на живописныхъ берегахъ Лона; тамъ жила она нѣкоторое время въ полуразрушенной хижинѣ. Между тѣмъ въ Мардбургѣ, около стѣнъ монастыря, строился для нея небольшой убогій домикъ. Когда онъ былъ оконченъ, она переселилась туда и торжественно, въ при-

существомъ дѣтей и друзей своихъ, повторила передъ духовнымъ отцемъ своимъ обѣтъ цѣломудрія, послушанія и бѣдности; онъ обрѣзалъ ей волосы, надѣлъ сѣрое платье, подпоясанное веревкой, которое она никогда не снимала. Съ этихъ поръ до самой смерти своей Елитавета ходила босая. Въ это время она рѣшилась разстаться съ дѣтьми. Что принудило ее къ такой тяжелой жертвѣ? мы видимъ, что она нѣжно любила дѣтей своихъ, часто просила Бога умѣрить эту любовь, — упрекала себя въ томъ, что забываетъ для нихъ Бога? Мы не знаемъ, дѣйствовала ли она по указанію духовника, или сама хотѣла все оставить, чтобы посвятить себя Богу. Германъ, старшій сынъ ея, былъ помѣщенъ въ замкъ Крецбергъ, и порученъ опытнымъ наставникамъ; старшая дочь была уже помолвлена за Герцога Брабандскаго, другая была отдана Игуменьѣ Кицингена, меньшая была помѣщена въ бѣдный монастырь, который назначилъ

Лудовигъ передъ самымъ отъѣздомъ.
Дѣти продолжали посѣщать мать свою.

Елисавета осталась одна съ Богомъ; хотя Конрадъ запретилъ ей совершенно отказаться отъ имѣнія, но она сохранила его только для того, чтобы передавать другимъ, а сама рѣшилась добыть трудами пасущный хлѣбъ свой. Она брала пряжу изъ женскаго монастыря и прядла ее за известную плату, и среди болѣзней—въ постелѣ она не переставала работать. Она также сама готовила свою скудную пищу, чинила оборванную бѣдную рясу и покрывало изъ толстаго сукна, которые она часто отдавала бѣднымъ, такъ что ей нечѣмъ было покрыться отъ холода и не въ чемъ выйти. Вѣрныя подружки, тѣ самыя, которыя съ дѣтства воспитывались съ нею и послѣдовали за нею въ изгнаніи, и теперь раздѣляли суровую жизнь и благочестивые подвиги; она любила бесѣдовать съ ними и съ ними же каждый день посѣщала больницу, которую

устроила въ Марбургѣ. Тутъ она ходила за больными, разносила лекарства, перевязывала раны, тихо утѣшала и наставляла страдальцевъ. Она занималась преимущественно самыми трудными и несчастными больными. Прокаженные ввухали ей особенное участіе; ухаживая за ними, она говорила: „Какъ мы счастливы, что сподобились служить самому Господу!“ Она перестилала кровати прокаженныхъ, лобызала имъ раны. Конрадъ, боясь для нея заразы, запретилъ ей прикасаться къ прокаженнымъ. Получивъ такое повелѣніе, Елисавета занемогла отъ огорченія.

Елисавета посѣщала больныхъ и бѣдныхъ, жившихъ въ окрестностяхъ города; носила имъ пищу, раздавала платье, и для того, чтобы обильнѣе подавать милостыню, продавала все, что у нея было драгоценнаго. Часто призывала она больныхъ и бѣдныхъ въ свою убогую хижину, служила имъ и угащивала ихъ. Конрадъ упрекалъ ее за это, но она

просила его: „ Не отнимай эти утѣшенія, учитель мой! вспомни о прежней моей жизни, о суетѣ и тщеславіи, среди которой я жила; надо вылечить зло противнымъ ему, надо пожить мнѣ со смиренными міра; общество ихъ мнѣ доставляетъ великую благодать,—не лишай ее меня!“

Между прочимъ Елисавета взяла къ себѣ маленькаго сироту, въ параличѣ и страшныхъ болѣзняхъ. Она любила его и лелѣяла съ материнскою нѣжностію—этого несчастнаго, всѣми оставленнаго ребенка. Она проводила цѣлыя ночи безъ сна у его изголовья, исполняла самыя трудныя и неопытныя обязанности, утѣшала ласками и нѣжными словами. Онъ умеръ, и мѣсто его заняла дѣвочка въ проказѣ; лице ея было такъ обезображено, что ее не хотѣли держать въ больницѣ. Елисавета какъ только ее увидѣла, подошла къ ней съ выраженіемъ глубокаго уваженія. Какъ будто самъ Христосъ явился

ей подъ покровомъ страшныхъ недуговъ и страданій. Она стала на колѣни передъ несчастной дѣвочкой, разула ее, омыла ноги и язвы, остригла ногти, дала нужныя лѣкарства и такъ нѣжно и разумно ходила за ней, что больная почувствовала значительное облегченіе. Елисавета взяла ее къ себѣ, проводила съ нею долгіе часы, старалась ее утѣшить, играя и бѣседую нѣжно и добродушно съ нею. Но Конрадъ велѣлъ ей удалить прокаженную, и за неповиновеніе наложилъ на духовную дочь свою страшную эпитемію, воспоминаніе которой долго мучило монаха, и уже спустя много лѣтъ послѣ смерти Елисаветы, онъ покаялся въ томъ Папѣ.

Но ничто не уменьшило святой ревности этой женщины. Она говорила, что завидуетъ судьбѣ прокаженныхъ, и это объясняется тѣмъ, что прокаженные считались избранными Богомъ людьми, представителями страданій и немощей, которыя понесъ за насъ Спаситель. Ихъ на-

ывали „любимцы Божіи, Божьи люди!“ Самое отчужденіе ихъ отъ міра совершалось торжественно, съ молитвою и всѣ христіане призывались къ безпре-
станной молитвѣ за нихъ. Послѣ разлуки съ прокаженной дѣвочкой, Елисавета взяла мальчика, покрытаго отвратительными недугами. Она ходила за нимъ съ тою опытностію, которую приобрѣла отъ долгаго ухода за больными,—и онъ оставался съ нею до самой ея смерти.

Король Венгерскій узналъ, однако, о нищетѣ и одиночествѣ дочери. Онъ созвалъ своихъ бароновъ, рассказалъ имъ о ея положеніи, и рѣшено было послать пословъ, чтобы объясниться съ правителемъ Турингіи и привезти въ Венгрію несчастную вдову. Графъ Банери поѣхалъ съ этимъ порученіемъ въ сопровожденіи многочисленной свиты. Приѣхавъ въ Вартбургъ, онъ явился къ Генриху и передалъ ему порученіе Короля. „Сестра наша помѣшалась, отвѣчалъ Герцогъ,—всѣ это знаютъ, и вы

сами въ этомъ убѣдитесь.“—Потомъ онъ описалъ Графу, какъ она удаллась въ Марбургъ и разсказалъ о всѣхъ странностяхъ тамошней жизни ея,—о томъ, что она всегда окружена больными и прокаженными. Онъ доказалъ, что нищета Елисаветы совершенно произвольна, и что ей предоставлены всѣ средства къ жизни, приличной ея сану. Удивленный посоль отправился въ Марбургъ.

Прибывши туда, онъ остановился въ гостинницѣ, и сталъ распрашивать хозяина о Герпогинѣ, жившей въ этомъ городѣ и о томъ, что слышно о ней,—почему она оставила семейство мужа, отъ чего живетъ въ такой бѣдности, не подаетъ ли повода къ какимъ либо справедливымъ осужденіямъ.

„Госпожа эта, отвѣчалъ хозяинъ, весьма набожна и добродѣтельна; ей принадлежитъ и городъ и окружающія его земли,—она богата, и многіе сосѣдніе Государи готовы были бы на ней жениться; но она пренебрегаетъ благами міра

и поселилась возлѣ больницы, которую учредила сама. Самъ Богъ послалъ намъ такую милосердную госпожу; ея примѣръ поощряетъ и другихъ на путь спасенія; никогда не останавливается она въ дѣлахъ милосердія; смиреніе, кротость, цѣломудріе ея—безграничны!“

Хозяинъ гостинницы повелѣлъ Графа Бонери къ Елисаветѣ и сказалъ ей, что пріѣхавшіе издали друзья хотятъ непременно ее видѣть. Елисавета сидѣла за прялкой въ своей убогой комнатѣ. Посолъ, увидѣвъ дочь своего Короля въ такой нищетѣ, перекрестился и залился слезами. Потомъ онъ сказалъ, что пріѣхалъ отъ Короля Венгерскаго, который ждетъ милую дочь свою и готовъ принять ее съ великимъ почетомъ. Елисавета отвѣчала: „за кого вы меня принимаете? я бѣдная грѣшница, которая никогда достаточно не исполняла повелѣній Божіихъ.“

„Кто довелъ васъ до такой бѣдности?“ спрашивалъ Графъ.

„ Никто, отвѣчала Елисавета, кроми́ богатаго Сына моего Небеснаго Отца, Который примѣромъ своимъ научилъ меня презирать богатство и любить бѣдность болѣе всѣхъ царствъ міра.“ Она разсказала ему всю жизнь свою от самой смерти мужа и сообщила ему свои намѣренія въ будущемъ, убѣдила его, что не терпитъ нужды, никѣмъ не обижена и совершенно довольна своею участію. Напрасно звалъ ее Графъ и говорилъ, что ей должно раздѣлить почести отца и получить часть всего его наслѣдства.

„ Я пользуюсь уже наслѣдіемъ Отца своего, то есть, милосердіемъ Спасителя нашего, отвѣчала Елисавета. Скажите Королю, что я здѣсь счастливѣе, чѣмъ онъ среди царскаго величія; онъ долженъ не плакать обо мнѣ, но радоваться, что дитя его служить великому Царю земли и неба; прошу его только обо мнѣ молиться, и я до самой смерти буду молиться о немъ.“ Графъ уѣхалъ

печальный, а Елисавета радостно продолжала трудъ свой.

Не смотря на то, что Генрихъ почиталъ невѣстку свою помѣшанной, онъ не отказывался, вѣроятно, изъ страха родственниковъ ея и Папы, отъ исполненія своихъ обѣщаній. Значительная сумма денегъ была ей выдана на обзаведеніе. Елисавета радовалась возможности раздать новыя милостыни; по полученіи этихъ денегъ, она устроила праздникъ себѣ по сердцу. Тысячи нищихъ собрались въ живописной долинь, въ окрестностяхъ Марбурга; каждому по порядку выдавались деньги. Елисавета сопровождала каждое подаеніе ласковыми словами. Лѣтописецъ говоритъ, съ какимъ сіяющимъ лицомъ она переходила отъ одного гостя своего къ другому, — какую радостію блистали глаза ея! Присутствующимъ казалось, что лице ея и бѣдная сѣрая ряса сіяли необыкновенной бѣлизной. Когда, подъ вечеръ, здоровые ея гости разошлись, она замѣти-

ла, что старые и увѣчные расположились почевать вокругъ больницы, тогда она вынесла имъ опять деньги, пищу, велѣла разложить огни и омыть имъ ноги. Возвратившись въ свой домикъ, она услышала ихъ пѣсни и весело сказала подругамъ своимъ: „я говорила вамъ, что надо стараться о томъ, чтобы всѣ были счастливы.“

Но суровый духовникъ находилъ, что милостыня доставляетъ ей слишкомъ великое наслажденіе; онъ сначала ограничилъ подаванія, потомъ вовсе ихъ запретилъ. Такое запрещеніе было такъ тяжело сердцу Елисаветы, что она прямо, или косвенно, его нарушала,—не смотря на страхъ, который внушалъ ей Конрадъ и на то, что за каждое неповиновеніе онъ ее билъ безпощадно. Видя, что на мѣсто денегъ она раздаетъ хлѣбъ, онъ запретилъ давать его иначе, какъ небольшими ломтями. Она кротко переносила наказанія, жестоко упрекая себя за непослушаніе. Однажды за ка-

кое то нарушеніе правила, онъ велѣлъ бить ее палкой, покуда самъ пѣлъ покаянный псаломъ. Елисавета молча перенесла удары, и потомъ говорила подругѣ: „ я какъ тростникъ, котораго надо пригнуть къ землѣ, чтобы онъ прямѣе и радостнѣе всталъ и обратился къ Богу.“ Въ другой разъ, избилъ ее до крови, за то, что она не сейчасъ пришла на зовъ его, а занялась пришедшими къ ней больными.

Рыцарь Вориль явился къ Елисаветѣ и сказалъ ей, что странныя отношенія къ Конраду подають поводъ къ самой гнусной клеветѣ, и что онъ считаетъ своимъ долгомъ предупредить ее о томъ.

„ Да будетъ за все благословенъ Спаситель! отвѣчала Елисавета; Онъ единственный другъ мой: для Него я всѣмъ пожертвовала, оставила милыхъ дѣтей, всѣхъ близкихъ мнѣ, я сдѣлалась нищей, я омрачила красоту и молодость, я отказалась отъ всякихъ земныхъ радостей, но однимъ дорожила я—честнымъ

своимъ именемъ; видно и это Господу угодно отнять у меня—приношу Ему и эту жертву. Но, Спаситель мой, сохрани невинныхъ дѣтей моихъ, избавь ихъ отъ стыда, который я могла бы неумышленно навлечь на нихъ. Передъ вами одними, продолжала она, я хочу оправдаться, вы должны знать истину; посмотрите на эти знаки ударовъ:—вотъ какую любовью любить меня Конрадъ, или скорѣе, вотъ чѣмъ поощряетъ онъ меня въ любви къ Богу.“

Но и того было недовольно! Въ жизни Елисаветы еще оставалась одна свѣтлая сторона,—это была любовь двухъ милыхъ подругъ дѣтства, неотлучныхъ, вѣрныхъ ея сопутницъ въ дни радости и горя; съ ними она любила кротко бесѣдовать о Богѣ; онѣ раздѣляли ея труды, лишенія, даже строгія эпитеміи страшнаго Конрада. Онъ велѣлъ Елисаветѣ разстаться съ ними, не велѣлъ даже принимать ихъ и кланяться имъ безъ особеннаго его позволенія. На мѣсто

ихъ Конрадъ назначилъ двухъ старыхъ брызгливыхъ старухъ, онѣ стали жить съ Елисаветой, заставляли ее исполнять для нихъ всѣ домашнія работы, мести полъ, готовить кушанье, безпрестанно ее бранили, ни днемъ, ни ночью не давали покоя. Безропотно покорялась Елисавета; кротко и усердно старалась угождать имъ. Наконецъ ей запрещено было принимать дѣтей; она не имѣла болѣе утѣшенія изрѣдка ласкать ихъ. Тѣмъ исполнилась, казалось, мѣра ея лишеній и жертвъ.

Часъ кончины ея приближался; но Лѣтописецъ рассказываетъ еще о тѣхъ усиленныхъ подвигахъ милосердія, которыми были наполнены послѣдній годъ ея жизни и о явленіяхъ въ ней силы и благодати Божіей. Многочисленны преданія и трогательны рассказы о томъ, какъ Елисавета врачевала и тѣлесные и душевные недуги; какъ она утѣшала; ободряла, наставляла несчастныхъ; каждый недугъ и печаль вызывали ее со-

чувствіе; нерѣдко обнимая больного, молилась она Богу—и больной получалъ облегченіе; или въ сердцѣ закоренѣлаго грѣшника пробуждалось раскаяніе. Долгіе часы дня и ночи проводила она въ молитвѣ; то уходила она въ церковь, то въ поле: она любила молиться подъ открытымъ небомъ, посреди роскоши созданія. Доселѣ показываютъ мѣсто возлѣ водопада, посреди группы деревъ, гдѣ построена была ею часовня, которую она посѣщала каждый день. Занимаясь работой, или переходя съ мѣста на мѣсто, она безпрестанно молилась; и эта молитва приводила ее въ состояніе блаженнаго созерцанія, послѣ котораго небесная радость выражалась на ея лицѣ. Эта радость не покидала ее среди всѣхъ лишеній и горестей. Никто не видалъ ее въ гнѣвѣ, или раздраженіи; съ каждымъ днемъ увеличивалось небесное спокойствіе ея души. Чудные глаза блестѣли необыкновеннымъ свѣтомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ нихъ часто проли-

бались тихія слезы; но слезы эти не измѣняли спокойнаго выраженія ея лица, не сопровождались знаками печали; онѣ изливались отъ полноты восторженнаго сердца, которое уже не могло выразить блаженства своего словами человеческими.

Елисавета заболѣла два года спустя послѣ произнесенія вторыхъ своихъ обѣтовъ. Она предупредила духовника своего о близкой кончинѣ и опять повторила, что имѣніе ея давно не принадлежитъ ей, что все это есть достояніе бѣдныхъ.

Она послѣдній разъ исповѣдовалась Конраду; просила, чтобы ее похоронили въ церкви, устроенной ею больницы, причастилась и соборовалась и потомъ цѣлый день молчала, но къ вечеру уста ея раскрылись; изъ души ея вылились назидательныя слова, обращенныя къ подругамъ. Это былъ живой источникъ краснорѣчія, который открылся изъ сердца, готоваго отлетѣть на небо. Она меж-

ду прочимъ стала повторять Евангеліе о воскресеніи Лазаря и много говорила о блаженныхъ сестрахъ, которыя сподобились испытать дружбу къ нѣмъ и состраданіе Спасителя. Она говорила о слезахъ Господа нашего, — о тѣхъ, которыя Онъ проливалъ надъ гибелью Іерусалима, — о страданіяхъ Его на крестѣ. Присутствующіе плакали, слушая трогательную рѣчь умирающей. Она замѣтила это и сказала имъ, словами Іисуса Христа: „Дщери Іерусалима, не плачьте обо мнѣ!“ Потомъ она продолжала утѣшать подругъ своихъ и безпрестанно называла нѣжными дружескими именами. За нѣсколько часовъ до смерти, въ полночь, она услышавъ пѣніе пѣтуха, сказала: „вотъ часъ, когда Спаситель родился и былъ положенъ въ ясли; Онъ пришелъ искупить міръ и меня искупить; вотъ часъ, когда Онъ воскресъ изъ мертвыхъ и освободилъ плѣнныя души, и мою. Онъ избавитъ отъ плѣна. Я слаба, говорила она, не не

чувствую боли; всѣхъ васъ поручаю Богу. О, Божія Матерь, помоги мнѣ; воскликнула она, послѣ нѣкотораго времени. Но вотъ, прибавила она вдругъ, та минута, когда Господь призываетъ друзей своихъ на брачный пиръ. Женихъ приходитъ за невѣстой. Молчаніе, Молчаніе!“ При этихъ словахъ она опустила голову и предала духъ. Это было 19 Ноября 1231 г. Елисаветѣ было 24 года.

Черезъ шесть лѣтъ послѣ смерти Елисаветы, Западная Церковь причислила ее къ лику Святыхъ. Все семейство мужа ея и дѣти—присутствовали при перенесеніи ея останковъ; множество богомольцевъ пришло со всѣхъ сторонъ въ Марбургъ, чтобы поклониться ея гробу. Самъ Императоръ находился при этомъ торжествѣ. Тѣло святой, сохранившееся нетлѣннымъ, было вынута изъ простаго гроба. Императоръ надѣлъ ей на голову золотой вѣнецъ, потомъ семья и весь народъ прикладывались къ остан-

кашъ Елисаветы; всякій спѣшилъ высказать свое усердіе и приносилъ даръ на гробницу.

Великолѣпный соборъ былъ построенъ въ Марбургѣ, надъ гробомъ Елисаветы; онъ былъ оконченъ въ 1285 г. Тамъ, въ роскошной ракъ, были положены останки смиренной подвижницы, и въ продолженіи многихъ лѣтъ туда стекались на поклоненіе и молитву. И теперь показываютъ эту раку—любопытный и изящный образчикъ средневѣковаго искусства—на ней изображены событія изъ жизни Елисаветы но въ этой ракъ нѣтъ ея останковъ. Соборъ былъ опустошенъ во время религіозныхъ войнъ и теперь въ немъ совершается Протестантское богослуженіе. Останки Елисаветы, составлявшія предметъ религіознаго чествованія для Римско-католиковъ, были поруганы и уничтожены, въ смутахъ реформаціи.

— Такъ грозное противодѣйствіе, возбужденное неправдами Римской Іерархіи,

не пощадило и святыню, и въ справедливомъ негодованіи на злоупотребленіе того властолюбиваго духовенства, представителемъ котораго въ этомъ разсказѣ является Конрадъ, реформа старалась искоренить даже память о такихъ высокихъ личностяхъ, увлекавшихъ имъ или вѣрившихъ ему, какъ Елисавета. Но воспоминаніе истинныхъ, усердныхъ подвиговъ, переживаетъ преходящія ошибки и уклоненія человѣческія; имя Елисаветы до сихъ поръ живо сохраняется въ народной памяти и одушевляетъ на подвиги послѣдовательницъ Латинской Церкви и Протестантскаго ученія.— Прочтемъ же и мы назидательный разсказъ о ней на пользу и подкрѣпленіе и постараемся принести въ свою очередь благіе плоды милосердія и любви къ ближнему.

ПОГРЪШНОСТИ.

НАПЕЧАТАНО:

ЧИТАЙ:

Стр.	строк.		
6.	4	Герцогъ. Германъ	Герцогъ Германъ. Лудовикъ
15.	17	сопруга	супруга
17.	13	энегрию	энергію
18.	2	нѣскелько	нѣсколько
—	19	куторому сочувствовала	которому сочувствовало
19.	23	своихъ	ея
20.	8	подругѣ	подругамъ
21.	20	однажны	однажды
23.	8	дѣйствительности	дѣйствительности
—	19	одобряла	ободряла
—	21	въ руки	на руки
27.	3	озирило	озарило
—	21	терпѣнію	къ терпѣнію

II

Стр.	строк.		
30.	10	на самый	въ самый
33.	12	позавидывали	позавидовали
			бы
34.	12	Францискъ	Францискъ
36.	18	Жертруда	Гертруда
38.	8	Елисаветъ	Елисаветъ
39.	18	говорить	говорить
40.	10	во время	во время
—	23	вѣйнѣ	войнѣ
41.	7	вся	всю
47.	23	выѣхалъ	вѣѣхалъ
51.	4	собиритесь	соберитесь
53.	5	разлучило	заглушило
—	13	рѣшился	рѣшился
54.	18	не нашлось	не нашлось
57.	22	отъ нея	отъ нея
58.	12	чловѣческое	человѣческое
—	16	неизрѣченныя	неизрѣченныя
59.	20	на Мойнѣ	на Майнѣ
60.	8	Гамбергскій	Бамбергскій
—	11	къ отцу	къ отцу
65.	6	чтобы	чего бы
69.	15	увеженія	уваженія

III

Стр.	строк.		
70.	7	Елисавета	Елисавета
71.	21	въ изгнаніи	въ изгнаніе
72.	23	угащивала	угощала
73.	1	эти утѣшеніа	этихъ утѣше- ній
—	4	среди которой	среди кото- рыхъ
—	13	несчастнаго	несчастнаго
74.	14	эпитемію	эпитимію
75.	4	христіаане	христіане
76.	13	о Герцогинѣ	о Герцогинѣ
82.	20	эпитеміи	эпитиміи
83.	17	были наполне- ны	былъ напол- ненъ

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ
ЖЕНЩИНЫ.

III.

ВВЕДЕНИЕ

— III —

ОБЩАЯ ЧАСТЬ

— III —

— III —

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЯ

ЖЕНЩИНЫ.

ЛУИЗА ЛЕГРА

И

СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ.

ТВЕРЬ.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1861 г.

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духов-
ной Цензуры печатать позволяется. 25 Фе-
вря 1861 года.

Цензоръ Архимандритъ Фотій.

СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ

И

ЖИЗНЬ ЛУИЗЫ ЛЕГРА.

Изъ всѣхъ благотворительныхъ обществъ, возникшихъ на западѣ, конечно одно не достигло такого развитія и не принесло столько пользы, какъ общество сестеръ милосердія.—Разнообразная и полезная дѣятельность его членовъ, значительное число ихъ, вліяніе, распространяющееся по всѣмъ странамъ міра, примѣрное самоотверженіе сихъ членовъ и единство ихъ стремленій и подвиговъ—возбуждаютъ справедливое удивленіе людей самыхъ различныхъ убѣжденій. Вольтеръ говорилъ съ ува-

И 52 С

Директоръ, С. С. С. С. С.

женіемъ о трудахъ сестеръ милосердія. Протестантскіе писатели съ неподдѣльнымъ восторгомъ описываютъ пользу, приносимую ими во время бѣдствій войны и довѣріе, которое онѣ внушаютъ страдальцамъ.—Наконецъ ихъ благотворительная дѣятельность, распространяющаяся на несчастное населеніе восточныхъ христіанъ, дѣлается опаснымъ орудіемъ въ рукахъ властолюбиваго Латинскаго духовенства,—которое путемъ благодѣяній и женской благотворительности старается склонить гонимыхъ христіанъ къ латинскому вѣроисповѣданію. Такое злоупотребленіе трудами сестеръ милосердія, такое ослѣпленіе ихъ руководителей не должно однако затмѣвать для насъ заслуги мужественныхъ труженицъ.—Въ описаніи ихъ подвиговъ мы найдемъ назидательные примѣры и вмѣстѣ строгое обличеніе собственной нашей лѣности и нерадѣнія.

Община сестеръ милосердія была основана извѣстнымъ благотворителемъ че-

ловѣчества Винчензомъ де Полемъ. Она началась почти незамѣтно, развивалась постепенно, распространяясь въ слѣдствіе огромной пользы, приносимой ею мудрости устава и самоотверженія учредителей и ихъ послѣдователей.

Винчензъ де Поль причисленъ западною церковью къ лику Святыхъ. Онъ, въ продолженіи всей своей жизни, ревностно проповѣдывалъ христіанское ученіе и старался облегчить человѣческія страданія. Онъ училъ дѣтей, ходилъ за больными и обходилъ города и села, стараясь возбудить щедрость богатыхъ людей и просвѣтитъ невѣжество бѣдныхъ; учредилъ также съ этою цѣлью общество миссіонеровъ, или братство священниковъ, которые переходили съ мѣста на мѣсто, посѣщая бѣдныхъ, отдаленныя деревни, проповѣдуя тамъ слово Божіе, и помогая вещественнымъ нуждамъ бѣдныхъ жителей. Многія богатая женщины, тронутыя проповѣдью Винченза, оставляли суетную свѣтскую

жизнь и посвящали себя дѣламъ милосердія.

Однажды, въ 1617 году, Винцензъ, проповѣдуя въ городѣ Шатильонѣ, съ большимъ увлеченіемъ описалъ бѣдственное положеніе одного несчастнаго семейства, всѣ члены котораго страдали отъ болѣзней и терпѣли ужасный недостатокъ. Слова его такъ тронули слушателей, что послѣ проповѣди всѣ устремились на помощь несчастному семейству; каждый принесъ что только могъ на облегченіе его нуждъ.

Видя такое усердіе, и желая направить его на большую пользу, Винцензъ задумалъ устроить приходскія общества для вспомоствованія больнымъ и бѣднымъ. Общества эти были составлены изъ женщинъ, живущихъ въ приходѣ. Онѣ обязывались посѣщать больныхъ, живущихъ въ приходѣ, носить имъ лекарства и пищу, служить имъ, собирать для нихъ милостыню и проповѣдывать имъ слово Божіе.—Въ каждомъ приходѣ

члены общества набирали начальницу, казначейшу и ключницу.

Такія приходскія общества учредились во многихъ деревняхъ и городахъ Франціи. Но Винцензу нужна была усердная сотрудница для наблюденія надъ ними. Онъ нашелъ женщину, одушевленную желаніемъ добра, одаренную мужествомъ, твердостью и способностью управлять и начальствовать,—эта женщина была *Г-жа Дегра*. Она давно уже посѣщала больницу Божьяго дома (*Hotel Dieu*) гдѣ служила больнымъ, изучала ихъ страданія и нужды, и задумала тѣ преобразованія, которыя впоследствии удалось ей исполнить съ помощію Винценза и другихъ усердныхъ сотрудниковъ. *Г-жа Дегра* сначала помогала Винцензу въ управленіи учрежденными имъ приходскими обществами, но потомъ она сознала необходимость учредить общину женщинъ, исключительцо посвятившихъ себя на служеніе страждущему человечеству. *Г-жа Дегра* со-

брала въ домъ смиренныхъ труженницъ, простыхъ деревенскихъ дѣвушекъ, и такимъ образомъ образовалась знаменитая община, считающаа теперь до 15,000 членовъ. Жизнь Г-жи Легра заслуживаетъ особеннаго нашего вниманія.

Луиза де Марильякъ родилась въ Парижѣ, въ началѣ XVI вѣка. Она рано лишилась матери, и была предметомъ заботливыхъ попеченій отца, который старался развить ея замѣчательныя способности, читалъ съ нею, заставлялъ ее заниматься философіей и изученіемъ древнихъ языковъ.—Она любила искусства, хорошо рисовала. Отецъ гордился ею и въ своемъ духовномъ завѣщаніи писалъ, что она была величайшимъ его утѣшеніемъ въ жизни, что Господь послалъ ее, чтобы успокоить и утѣшить духъ его, взволнованный бурями и превратностями жизни.

Уже въ первыхъ годахъ молодости

Луиза выразила желаніе удалиться въ монастырь, но духовникъ отклонилъ ее отъ такого намѣренія. Послѣ смерти отца, оставшись 22 лѣтъ безъ покровителей и опоры, она рѣшилась принять предложеніе Г-на Легра, секретаря королевы Маріи Медичи. Выйдя замужъ, она вошла въ семейство благочестивое, которое могло оцѣнить ея искренно усердное стремленіе къ совершенствованію и добру. Такое стремленіе замѣтно во всей жизни Г-жи Легра; но не смотря на благопріятныя внѣшнія обстоятельства, ея умственное и душевное развитіе не могло обойтись безъ внутреннихъ испытаній и тяжелой борьбы. Въ первые годы замужства она усердно занималась изученіемъ духовныхъ книгъ и Священнаго писанія, и строго наблюдала за собой, стараясь подчинить всѣ поступки свои ученію Христа. Постоянное напряженіе ея духа довело ее до такого сознанія своихъ слабостей, что она предалась унынію и суевѣрному страху

грѣха и некушенія. Результатомъ тако-го расположенія была потеря душевной бодрости и способности молиться. Въ такомъ тяжеломъ настроеніи духа она обратилась за совѣтомъ къ опытному наставнику, который успокоилъ ее и обѣщаль, что скоро разсѣется туча, препятствующая ей сознать—какъ радостно служеніе Богу. Онъ просилъ ее не думать о предметахъ незначительныхъ, и отвлечь взоры отъ себя самой, чтобы обратить ихъ на Спасителя, въ Которомъ источникъ всякаго совершенства и покоя.

Другое труднѣйшее испытаніе ожидало Г-жу Легра. Пытливый умъ ея, развитый изученіемъ философіи, сталъ всматриваться въ Евангельскія истины, стараясь объяснить однимъ разумомъ откровенное ученіе. Душой ея овладѣло тяжелое сомнѣніе въ существованіи Бога, въ вѣчной жизни, въ бессмертіи души.—Она страдала въ тяжкой борьбѣ между вѣрованіями сердца и сомнѣніа-

ли, возбужденными пытливецкою разума. — Но борьба продолжалась не долго: сердце ея было открыто къ принятію озарившаго ее свѣта, въ слѣдствіе того, что уместенная ея дѣятельность уравновѣшивалась постоянно трудами на пользу ближняго. Она искала сближенія со всѣми видами человѣческихъ страданій, передъ которыми умолкають сомнѣнія, и всѣ способности души радостно и благодарно признають благодать и помощь любви и домостроительства Божія.

Г-жа Легра рассказываетъ, что въ 1623 отъ Вознесенія до Троицына дня ее особенно смущала тяжкая внутренняя борьба. Но, въ этотъ день, за обѣдней, она почувствовала, что душа ея просвѣтилась. Всѣ ея сомнѣнія были разсѣяны, и она получила желанный покой. Она не переставала во всю жизнь свою благодарить Бога за такое благодатное явленіе Его милосердія, — и всегда уединялась на нѣсколько дней для молитвы передъ этимъ праздникомъ.

Она писала, что особенно чтить этотъ день, въ который Богъ далъ Моисею скрижаль закона и ниспослалъ Церкви своей новый законъ благодати. „И въ этотъ же самый день, продолжаетъ она, Ему угодно было вложить въ мое сердце тотъ законъ, который вѣчно будетъ руководствовать мною. О! какъ велика была бы милость Божія, если бы онъ открылъ мнѣ въ этотъ день средство достойно соблюсти и исполнить законъ Его.“

Господь, призывающій Г-жу Легра на служеніе страждущему человѣчеству соединилъ ее съ семействомъ, въ которомъ наиболѣе уважались дѣла милосердія. Она сейчасъ же познакомилась съ больными и бѣдными, жившими въ одномъ приходѣ съ нею, носила имъ лекарства и пищу, сама перестилала ихъ кровати, утѣщала ихъ, читала имъ священныя книги, готовя ихъ къ принятію Св. Таинъ, хоронила умершихъ.—Труды эти показались ей недостаточными: она

стала посѣщать больницы, была поражена картиною недостатковъ и страданий, и уговорила другихъ благочестивыхъ женщинъ поочередно посѣщать больницы, доставлять больнымъ все необходимое, и поддерживать дѣятельность и бодрость служащихъ въ нихъ монахинь.

Всѣ эти занятія не мѣшали Г-жѣ Легра исполнять домашнія и семейныя обязанности; она не удалялась также отъ родныхъ и знакомыхъ, хотя избѣгала суетныхъ удовольствій и соблюдала возможную простоту въ одеждѣ. Она заботливо воспитывала единственного сына и много старалась о пользѣ, и душевномъ преуспѣяніи служителей. Будучи преданной и ревностной женой, она, во время тяжелой и долговременной болѣзни мужа, съ любовью ходила за нимъ, облегчала его страданія, предупреждала желанія, кротко переносила раздражительность, происшедшую отъ тяжкаго недуга. Это было какъ бы приготовленіемъ къ той дѣятельности,

на которую она впоследствии себя посвятила. Мужъ Г-жи Легра выражалъ ей постоянно благодарность и любовь, и умеръ съ чувствами истиннаго христіанина. Послѣ смерти его Г-жа Легра захотѣла посвятить всю жизнь свою Богу, но еще чувствовала недовѣріе къ себѣ самой, и просила у Бога разорвать всѣ узы, удалявшія ее отъ служенія Ему.

Епископъ и родственникъ, къ которому она обращалась за совѣтами, убѣдилъ ее сблизиться съ Винценземъ де-Подемъ и избрать его руководителемъ и духовникомъ. Она поселилась недалеко отъ той коллегіи, гдѣ Винцензъ учреждалъ въ это время общество священниковъ и мірянъ для проповѣди и служенія бѣднымъ. Примѣръ добродѣтельнаго мужа одушевилъ Г-жу Легра: она тотчасъ же выразила желаніе раздѣлить труды его. Но Винцензъ не вдругъ согласился принять ее въ сотрудницы: онъ велѣлъ ей серьезнѣе обдумать свое на-

нѣреніе, испытать свои силы. Это испытаніе продолжалось четыре года. Въ продолженіе этого времени Винцензъ могъ убѣдиться, что никакія трудности, никакія препятствія не могутъ охладить рвеніе Г-жи Легра. Въ 1629 году онъ предложилъ ей посѣтить женскія общества, устроенныя имъ въ разныхъ приходахъ, осмотрѣть ихъ, усовершенствовать, узнать положеніе больныхъ и бѣдныхъ, придумать средства помочь имъ.

Съ радостною покорностью приняла Г-жа Легра предложеніе духовнаго отца: она немедленно отправилась, принявъ отъ него благословеніе и письменное наставленіе,—и во все время путешествія продолжала переписываться съ нимъ и руководствоваться его совѣтами. Г-жу Легра сопровождали другія благочестивыя женщины. Онѣ переѣзжали съ мѣста на мѣсто въ неудобныхъ повозкахъ, останавливались въ бѣдныхъ домахъ, мало заботясь о собственной пищѣ и помѣщеніи, и вообще хотѣли раздѣлить

ту нищету и тѣ лишения, которымъ старались пособить. Привезя съ собою большіе запасы бѣлья, лѣкарствъ, онѣ постоянно снабжали ими нуждающихся. Такъ онѣ ѣздили въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, посетивъ многія части Франціи. Г-жа Легра; пріѣхавъ въ село; гдѣ находилось приходское общество; собирала всѣхъ женщинъ, въ немъ участвовавшихъ, спрашивала объ ихъ трудахъ, наставляла ихъ, снабжала средствами, указывала, какъ ходить за больными. Она также собирала къ себѣ деревенскихъ дѣвушекъ, и учила ихъ закону Божію. Если въ деревнѣ уже существовало женское училище, она поощряла и одобряла наставницу, если же училища не было, она немедленно учреждала его и избирала наставницу, стараясь какъ обезпечить существованіе училища, такъ и способствовать успѣхамъ ученицъ.

Мы видимъ, что Г-жа Легра во время подобной грудной и многолѣтней

дѣтельности, объѣзжая деревни и мѣстечки, не разъ встрѣчала всякаго рода затрудненія; ей часто приходилось бороться съ разными препятствіями, иногда она дѣлалась предметомъ восторженной благодарности—вездѣ примѣръ ея одушевлялъ жителей, и не было такого мѣста, гдѣ бы она не находила ревностныхъ сотрудницъ. Не щадя силъ своихъ, мужественно служила она прокаженнымъ и чумнымъ, и, наконецъ, сама заболѣла отъ чрезмѣрныхъ трудовъ. Ея руководитель и наставникъ заботливо слѣдилъ за нею и старался умѣрить ея рвеніе. „Сохраниайте силы свои ради Бога и бѣдныхъ, писалъ онъ ей; діаволь искушаетъ ревностныя души, побуждая ихъ трудиться черезъ силу, и такимъ образомъ, лишая ихъ возможности дѣйствовать, на пользу ближняго. Духъ Божій кротко призываетъ насъ къ дѣламъ благоразумнымъ и возможнымъ, въ которыхъ мы можемъ постоянно и послѣдовательно унражнять свою дѣтельность:“

Приходскія женскія общины умножились подъ надзоромъ и руководствомъ Г-жи Легра. Прежде онѣ были учреждены только въ отдаленныхъ селахъ и мѣстечкахъ; теперь во многихъ городахъ устроились подобныя общества, и даже въ нѣкоторыхъ приходахъ Парижа. Самыя богатая и знатная обывательницы выражали желаніе участвовать въ нихъ. Онѣ обязывались носить больнымъ пищу и лекарства и ходить за ними въ качествѣ служанокъ. Въ началѣ всѣ были одушевлены искреннимъ желаніемъ помочь ближнему, и ревностно исполняли принятыя ими обязанности, но впоследствии между богатыми городскими приходжанками стало замѣтно большее охлажденіе. Многія изъ нихъ вступили легкомысленно, изъ подражанія другимъ, и были совершенно неспособны и неопытны; другимъ препятствовали мужья, или семейныя и общественныя обязанности. Многіе члены стали посылать вмѣсто себя служителей, — что далеко

не соответствовало ни нуждамъ больныхъ, ни намѣреніямъ учредителей.

Г-жа Лерга пришла къ тому убѣжденію, что во многихъ приходахъ необходимо участіе простыхъ, здоровыхъ сотрудницъ, которыя исключительно посвятили бы себя на служеніе бѣднымъ. Викентій, обходя деревни и села, перѣдко встрѣчалъ крестьянокъ, выразившихъ ему желаніе не вступать въ бракъ, но посвятить себя Богу. Нѣкоторыя изъ нихъ или не чувствовали расположенія къ иноческой жизни, или не имѣли средствъ вступить въ монастырь. Винцензъ сталъ прискивать способныхъ и усердныхъ женщинъ.—Сначала онъ избралъ двухъ крестьянокъ, и помѣстилъ ихъ въ двухъ приходахъ для служенія больнымъ.—Потомъ онъ старался прискивать еще другихъ, и, постепенно помѣщая ихъ, приволь къ тому убѣжденію, что ихъ сначала должно нѣсколько приготовить къ дѣлу предпринимаемаго имъ служенія, и что онѣ должны пред-

варительно упражняться въ молитвѣ и изучать законъ христіанскій, который одинъ можетъ поддержать ихъ на трудномъ поприщѣ безпрестаннаго самоотверженія.

Винцензъ, послѣ многихъ опытовъ, соединилъ нѣсколько крестьянскихъ дѣвушекъ, назвалъ ихъ *служанками бѣдныхъ*, и поручилъ ихъ Г-жѣ Легра. Она помѣстила ихъ въ своемъ домѣ. Въ самый день Благовѣщенія она произнесла обѣтъ совершеннаго посвященія своего на новое предпринимаемое ею дѣло, и равностно принялась за руководство духовныхъ дочерей своихъ.

Новая община развивалась съ быстротой и успѣхомъ, какого не ожидали сами учредители.—Вскорѣ служанки бѣдныхъ стали трудиться во всѣхъ приходахъ Парижа: постоянно ходили онѣ отъ больнаго къ больному, ревностно предупреждая всѣ ихъ нужды. Богатые жители столицы, тронутые ихъ самоотверженіемъ, поддерживали новое уч-

режденіе щедрыми пожертвованіями. Г-жа Легра безпрестанно поддерживала ревность сестеръ, напоминая имъ заповѣди и обѣщанія Спасителя. Она оставила множество письменныхъ наставленій къ нимъ: „Помните, говорила она, что мы служимъ Сыну Божию и что какъ ни ничтожны наши труды, они освящаются мыслью о Томъ, во имя Кого мы подвизаемся. Мы должны помнить, что бѣдные и больные—это чада Господа нашего, по этому будемъ съ кротостью и любовію служить имъ, какъ любимымъ господамъ своимъ. Будемъ съ уваженіемъ и осторожностью обращаться съ ними, станемъ заботливо предупреждать ихъ нужды, не боясь утомленія, и остерегаться малѣйшаго ропота и раздраженія противъ нихъ.“

Служительницы бѣдныхъ посылались по разнымъ приходамъ, и мы видимъ изъ ихъ переписки, что ихъ одушевляло искренное рвеніе къ добру и пользѣ чело-вѣчества. Г-жа Легра уговаривала ихъ

стараться о духовномъ преуспѣяніи больныхъ, возбуждать ихъ къ раскаянію, готовить ихъ къ христіанской смерти, или стараться, чтобы выздоравливающіе были расположены къ обращенію на путь истинный и исправленію своей жизни. Она написала нѣсколько размышленій объ этомъ предметѣ для собственнаго руководства, и кончаетъ ихъ слѣдующими словами: „Необходимо въ собственномъ своемъ сердцѣ испытать тѣ чувства, которыя я желаю внушить другимъ. Нужно, чтобы уста мои говорили отъ избытка сердца, а не по принужденію или обязанности,

Число сестеръ умножалось съ каждымъ годомъ, и вскорѣ домъ Г-жи Легра оказался слишкомъ тѣснымъ для новой общины. Она рѣшилась перебраться въ небольшую деревню въ окрестностяхъ Парижа. Здѣсь ей нравилась простота сельской жизни. Она постоянно напоминала духовнымъ дочерямъ о необходимости смиренія и трудолюбія, и не

позволяла имъ удаляться отъ первобытной бѣдности и простоты учрежденія. Здѣсь также занялась она обученіемъ крестьянскихъ дѣвочекъ, собирала ихъ по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, проповѣдывала имъ обязанности христіанской жизни и учила Катехизису. Домъ ея сдѣлался въ это время убѣжищемъ несчастныхъ, которыхъ война принудила искать спасенія въ окрестностяхъ столицы. Г-жа Легра охотно принимала ихъ, стараясь обезпечить ихъ вещественныя нужды и способствовать духовному просвѣщенію. Многія богатыя и благочестивыя жительницы столицы въ это время посѣщали новую общину, и удалялись въ нее на нѣкоторое время отъ городского шума и суеты. Нѣкоторыя изъ нихъ впоследствии вступили въ число усердныхъ труженицъ; другія, напримеръ Г-жа Мираміонъ, сами основали благотворительныя заведенія на пользу страждущихъ.

Съ развитіемъ общины, умножалось

рвеніе Г-жи Лерга, расширялось поле ея дѣятельности. Несчастное положеніе подкинутыхъ дѣтей обратило вниманіе Винченца и его усердной сотрудницы. Сначала они призрѣли 12 младенцевъ; но число ихъ ежегодно увеличивалось, вмѣстѣ съ средствами для ихъ содержанія. Нѣсколько сестеръ жили въ окрестностяхъ больницы *hôtel Dieu* и ходили туда служить больнымъ и помогать посѣтительницамъ. Другія посѣщали заключенныхъ каторжниковъ, помогали имъ въ нуждахъ и болѣзняхъ, проповѣдывали слово спасенія.

Изъ разныхъ городовъ Франціи обращались къ Г-жѣ Лерга и просили о присылкѣ сестеръ для служенія въ больницахъ и приходахъ. Г-жа Лерга сама отправлялась во многіе города; устраивала духовныхъ дочерей своихъ, учреждала общества городскихъ посѣтительницъ, и оставляла имъ письменные уставы и руководства.—Чума и другія прилипчивыя болѣзни не страшили рев-

ностныхъ труженицъ: не было тѣхъ несчастій и страданій, которыхъ бы не старались онѣ облегчить.

Частая, усердная молитва была источникомъ той силы и твердости, съ которою Г-жа Легра исполняла многотрудныя и разнообразныя свои обязанности. — Къ молитвѣ возбуждала она и духовныхъ дочерей своихъ, говоря имъ, что мысленное общеніе съ Богомъ укрѣпляетъ ихъ въ трудномъ подвигѣ. — Бѣдныя женщины, писала она, разсѣяанныя по городамъ и селамъ, отдаленныя отъ общества подругъ своихъ, находятся безъ руководства и опоры. Онѣ поставлены среди всѣхъ соблазновъ міра, всѣхъ безпокойствъ и развлеченій, при разнообразіи своихъ дѣлъ и отношеній. Могли ли бы онѣ исполнять усердно и постоянно дѣло своего призванія, и такъ предаваться трудамъ непріятнымъ и тягостнымъ, безъ Божіей помощи, безъ постояннаго обращенія къ Его милосердію, безъ оживляющей силы безпрестаннаго

совершанія истинны?“.

Улучшеніе дѣлъ общества, сношенія съ разными лицами, принимающими въ немъ участіе, принудили Г-жу Легра переѣхать въ городъ. Она сначала на-няла, а потомъ, при помощи благотвори-телей; купила домъ, въ которомъ во-селась община. Этотъ домъ сдѣлался настоящею колыбелью дѣятельности се-стеръ милосердія; отсюда посылались сестры въ больницы, тюрьмы и прихо-ды Парижа, во многіе города Франціи и даже въ другія государства; отсюда истекали обильныя милостыни; здѣсь перевязывались раны, раздавались нища и лекарства. Здѣсь примѣръ наставни-цы и уроки ея одушевляли сестеръ. Это было ихъ разсадникъ и училище. Бла-гочестивый утредитель общины напи-салъ для сестеръ уставъ, который строго соблюдается и до сихъ поръ. Мудрый уставъ этотъ много способствуетъ къ образованію сестеръ и приготовленію ихъ къ жизни полезной и дѣятельной,

среди соблазновъ міра сего, изъ котораго онѣ не должны удалиться.

„Монастырь сестеръ, говорилъ Винцензъ, это городскія улицы и палаты больницъ, келья ихъ—наемный уголъ, въ которомъ онѣ бываютъ только временно, домовая церковь ихъ—приходъ; ограда—послушаніе; крѣпкая стѣна—страхъ Божій; покрывало ихъ—святое цѣломудріе. Онѣ назвады ихъ служительницами бѣдныхъ, но по немногу имъ было присвоено обществомъ названіе *сестеръ милосердія*. Первое время онѣ могли только быть избираемы изъ класса бѣдныхъ дѣвицъ, приученныхъ къ тяжелой и трудной работѣ, но впоследствии мерѣдко принимались въ общину богатыхъ и знатныхъ женщины. Выборъ новыхъ сестеръ дѣлался съ большою осторожностью и предусмотрительностью. Г-жа Легра нѣжно любила своихъ духовныхъ дочерей: она сама учила, читать безграмотныхъ, старалась о воспитаніи всѣхъ сестеръ, преподавала имъ

законъ Божій, объясняла значеніе таинствъ. Разъ въ недѣлю были поученія для сестеръ и для приходящихъ слушательницъ. Г-жа Легра говорила всегда вразумительно и просто; теплота ея собственнаго чувства глубоко проникала въ сердца ея слушательницъ и увлекала ихъ къ добру.

Сестры могли приходять къ ней во всякое время; она радушно принимала ихъ и терпѣливо выслушивала. Съ отсутствующими сестрами Г-жа Легра вела постоянную переписку. Съ особенною осторожностью и снисходительною любовью обращалась она съ тѣми изъ сестеръ, которыми была недовольна, вразумляла ихъ наединѣ, и удаляла изъ общины лишь въ крайнихъ случаяхъ. Во время болѣзни она ходила за духовными дочерьми своими, какъ попечительная мать, и горько оплакивала тѣхъ, которыхъ теряла. Нерѣдко упадала она духомъ, когда видѣла, какъ много сестеръ умираетъ жертвою трудовъ и бо-

дѣней: но какъ ни было скорбно ея сердцу, она не переставала ободрять и поддерживать мужество остальныхъ сестеръ, „ Мужайтесь, милыя сестры, писала она однажды,—жизнь коротка, а награда будетъ вѣчная,—но она дается только тѣмъ, кто мужественно подвизался и не отступалъ во время битвы. Дай Богъ и намъ быть побѣдителями и заслужить награду!“

Г-жа Легра часто напоминала сестрамъ объ обязанности взаимнаго снисхожденія и любви. „ Любите другъ друга, писала она, какъ сестры, которыхъ соединилъ Иисусъ Христосъ; Онъ созвалъ васъ на одно святое дѣло—на дѣло Его служенія. Вы члены одного тѣла Его и одинъ духъ долженъ пребывать въ васъ. Безъ взаимной любви, продолжала она, Господь не будетъ съ нами и община наша не будетъ преуспѣвать въ любви и мирѣ.“ Она проситъ сестеръ уступать другъ другу, помнить примѣръ Спасителя, который не

искалъ воли Своей, но воли посланнаго Его, терпѣливо переносить грѣхи чужіе, взаимно прощать другъ друга, снисходительно судить о ближнемъ. Г-жа Легра называла настоятельную—сестрой служительницей, и говорила, что обязанность ея самая трудная, потому что она должна всѣмъ подавать примѣръ. Ея дѣло кротко обращаться съ сестрами, не позволять себѣ ни грубости, ни высокомерія. Она должна просить, — а не повелѣвать, учить не словомъ, а примѣромъ; дружелюбно смягчать чужія печали, снисходительно поддерживать духовныхъ дочерей своихъ. Ей не слѣдуетъ быть непреклонной, а снисходительной.—Мы, сестры служительницы, должны помнить, что на нашу долю падаютъ лишнія обязанности и труды: мы должны помогать сестрамъ, которымъ и безъ того тяжело намъ подчиняться; этому способствуютъ наши недостатки, естественное отвращеніе человеческой природы къ повиновенію, и

иушенія злаго духа.“ Мы выпишемъ еще другое мѣсто изъ сочиненій Г-жи Ледра, это обращеніе къ сестрамъ о важности и обязанностяхъ ихъ званія. „Привзаніе ваше въ общество милосердія есть великая милость, дарованная вамъ Богомъ для совершенствованія душъ вашихъ. По этому мнѣ бы хотѣлось поговорить съ вами о томъ, какъ вы должны понимать служеніе ваше. Оно самое низкое и вмѣстѣ съ тѣмъ самое возвышенное.“

„Вспомните, какъ смиренно, какъ ничтожно было начало нашего учрежденія. Нѣсколько крестьянскихъ дѣвушекъ пріѣхало въ Парижъ. Сначала ихъ посылали къ больнымъ съ лекарствомъ и кушаньемъ; потомъ онѣ соединились въ одинъ кружокъ, но ни что не измѣнилось въ ихъ платьѣ и образѣ жизни: все было просто, грубо и бѣдно, все было устроено по деревенски. Что можетъ быть ничтожнѣе этого въ глазахъ людей? Мы сначала не смѣли почти вы-

ходить на улицу. Какихъ затрудненій стоитъ намъ, уходъ за дѣтми, посѣщеніе заключенныхъ, служеніе больнымъ и бѣднымъ!—Трудно было находиться безпрестанно въ утомительной работѣ, питаться дурной и скудной пищей!—Не забывайте, что нѣтъ учрежденія смиреннѣе и бѣднѣе нашей общины. Если вы всегда будете о томъ помнить, то васъ не опечалитъ ни презрѣніе, ни униженіе, которое встрѣтитъ васъ въ мірѣ.“

„Наибольшимъ утѣшеніемъ будетъ для васъ мысль, что милосердіе Божіе указало вамъ на этотъ путь служенія Ему. Есть ли что нибудь выше того званія, въ которомъ вы безпрестанно призываетесь къ подражанію жизни Иисуса Христа. Подумайте о тѣхъ путяхъ, которыми Господь призвалъ васъ къ дѣламъ милосердія.—Могла ли хоть одна изъ васъ надѣяться имѣть случай носить ежедневно пищу хоть бы одному бѣдному? Кто могъ подумать о томъ,

чтобы снабжать лекарствами или облегчать страданія многихъ? Кто могъ надѣяться имѣть свободный доступъ къ страдальцамъ, благоувствовать имъ спасеніе, открывать имъ горестное состояніе душъ ихъ? Что касается до меня, то скажу, что я всегда желала такой дѣятельности, но никогда не надѣялась, что буду имѣть возможность предаться ей. А это ваше ежедневное призваніе! Какъ много должны мы благодарить Бога и тѣхъ, которые призываютъ насъ на святое дѣло!“

„ Конечно всякому христіанину повелѣно служить ближнему, но многихъ отвлекаютъ житейскія дѣла. Вы же, по особенной къ вамъ милости Божіей, находитесь въ положеніи, въ которомъ для васъ нѣтъ другаго дѣла. Хотя вы сами очень бѣдны и не располагаете собственными средствами,—однако вы дѣлаете добро, и приносите болѣе пользы, чѣмъ самыя богатыя и знатныя женщины. Что значитъ желаніе жертвовать

деньгами, въ сравненіи съ вѣстимною готовностью приносить Богу каждый часъ вашей жизни, посреди безпрестанныхъ лишеній и опасностей!“

„ Я не могу безъ удивленія думать о томъ, какъ возникла и учредилась наша община, какими путями Богъ привелъ насъ къ возможности безпрепятственно предаваться дѣламъ милосердія! Одинъ Богъ можетъ созидать все изъ ничего и благословляетъ самыя малыя начинанія.—Спаситель мой, Учитель и Наставникъ, распятый на крестѣ,—Тобою совершаются такія чудеса! Любовь Твоя проникаетъ сердца служителей Твоихъ и обращаетъ ихъ въ огонь святаго рвенія къ служенію Тебѣ! Огонь этотъ не пожираетъ, не истребляетъ,—онъ согрѣваетъ и укрѣпляетъ, онъ наполняетъ любовію къ Тебѣ и желаніемъ, чтобы все созданіе Твое имъ исполнилось,—чтобы всѣ познали силу могущества Твоего, чтобы любовь Твоя разлилась на

тесъ міръ, силою внушаемыхъ ею добрыхъ дѣлъ.“

„ Мысль о высотѣ нашего служенія должна побуждать насъ къ дѣламъ любви и къ благодарности. Званіе наше высоко, потому что оно даетъ намъ средства исполнить двѣ главныя заповѣди Божія. Оно заставляетъ насъ посвящать все наше время на дѣла милосердія, и стараться не только объ усердномъ облегченіи тѣлесныхъ недуговъ, но и о просвѣщеніи душъ страждущихъ, о возбужденіи любви къ Богу.—Господь показалъ намъ любовь свою, назначивъ намъ образъ жизни, спасительный для душъ нашихъ, помѣстивъ насъ въ обществѣ, среди котораго намъ легко слѣдовать наставленіямъ Евангельскимъ во всемъ ихъ совершенствѣ.“

„ Мы докажемъ любовь нашу къ своему служенію, если будемъ свято исполнять все дѣла, на насъ возложенныя, если будемъ отказываться отъ преимуществъ и соблазновъ, которыя

представляетъ міръ, если будемъ бдительны и осторожны во всѣхъ дѣлахъ своихъ, если будемъ переносить труды и бороться съ препятствіями, если не убоимся униженій, спокойно переносимъ клевету и злословіе и никогда сами не подавая къ нимъ повода, и, наконецъ, если будемъ чувствовать еще большую ревность къ Богу среди неудачъ, обидъ и презрѣнія.“

„ Мы должны предпочитать наше званіе всякому другому и въ немъ единственно искать средства къ нашему совершенствованію. По этому мы должны свято соблюдать правила, довольствоваться даже молитвенными подвигами, назначенными уставомъ; всякое желаніе превзойти или нарушить правило—есть уже дѣйствіе искуителя. Онъ вселяетъ въ насъ суетное желаніе усилить подвиги, чтобы внушить намъ презрѣніе къ обязанностямъ и добродѣтели, въ которыхъ мы имѣемъ возможность постоянно упражняться. Онъ заставляетъ насъ стре-

нится къ подвѣгамъ, которые не назначены намъ Богомъ, и уничтожать пользу добраго дѣла, на которое мы призваны. Такимъ образомъ, самое желаніе постричься въ инокини можетъ помѣшать нашимъ добрымъ дѣламъ. Строгіе подвиги изнуренія и молитвы доказали бы только недостатокъ любви и довѣрія къ нашему служенію. Мы должны слѣдовать уставу и довольствоваться исполненіемъ обязанностей нашего званія.“

.,. Исполненіе обязанностей нашихъ соединено съ препятствіями, которыя ставятъ искушитель. Иныя приходятъ извнѣ, причина другихъ—собственные наши недостатки. Сначала обязанности наши покажутся намъ слишкомъ утомительны, намъ будутъ казаться не въ мѣру трудныя отношенія къ сестрамъ, столкновенія съ ихъ привычками и недостатками, и безпрестанные переѣзды съ мѣста на мѣсто. Все это некажется еще тягостнѣе, чѣмъ оно есть на самохъ дѣлѣ. Къ

тому же, дѣйствительно, трудно переносить разлуку съ родными, съ родиной, переѣхну въ образъ жизни, приучаться ко всему, что кажется низкимъ и постыднымъ въ глазахъ міра, что такъ противоположно предметамъ его исканій и заботъ.—Все это будетъ тяжело.— Васъ, можетъ быть, будутъ смущать новыя неожиданныя препятствія и чувство собственной слабости. Но мужайтесь, сестры, это только легкія облака, которыя на время затмѣваютъ солнце и мѣшаютъ намъ видѣть и чувствовать, сколь благъ Господь, сколь блаженъ уповающій на Него.“

„Нѣкоторое усиліе и привычка нужны для всего. Не безъ труда оставляетъ дѣвушка семью свою и слѣдуетъ за любимымъ мужемъ, идя на радостную жизнь. Вы же идете на труды и подвиги, вы отрываетесь отъ собственной воли, берете крестъ, посвящаете себя на служеніе ближнему. Можетъ ли это дѣлаться безъ труда и усилія?—Препят-

ствія, которыя вы встрѣчаете на этомъ пути, посланы для испытанія и утвержденія вашей рѣшимости, вашего усердія. Возмите крестъ, который вручаетъ вамъ Іисусъ Христосъ, повелѣвающій вамъ слѣдовать за Нимъ! Убѣдитесь въ томъ, что постоянство ваше откроетъ вамъ обиліе благодати Божіей, сообщитъ вамъ силу преуспѣвать въ добродѣтели, исполнитъ васъ святой увѣренности, что труды и лишенія ваши не превзойдутъ мѣры вашихъ силъ и приведутъ васъ къ вѣчному блаженству.“

Не напрасны были старанія и угоки усердной наставницы. Она видѣла ревность духовныхъ дочерей своихъ, ихъ благіе, неустрашимые подвиги, среди бѣдствій войны, чумы и голода. Въ 1640 г. страшный голодъ опустошалъ Лотарингію. Сестры устремились на помощь несчастнымъ, дѣлали сборы, раздавали милостыню, принимали несчастныхъ сиротъ, предлагали имъ убѣжище и покровительство. Г-жа Дегра многимъ до-

ставила возможность добывать честнымъ образомъ хлѣбъ свой. Нѣкоторыя изъ прінятыхъ ею женщинъ удостоились вступить въ ея общину. Въ другихъ частяхъ Франціи открылась также война и голодъ. Сестры отправились въ Пикардію и Шампань, и тамъ служили больнымъ.—Многія были жертвою своего самоотверженія; имена многихъ доблестныхъ сестеръ сохранились въ преданіяхъ общины. Между прочимъ рассказываютъ объ одной умершей отъ утомленія сестрѣ, которая до послѣдняго издыханія трудилась, перевязывала раны несчастныхъ, подходящихъ къ ея кровати, и отошла ко Господу, совершая подвиги любви и состраданія.

Столица наполнилась разоренными голодными жителями изъ отдаленныхъ провинцій. Сестры милосердія удвоили дѣятельность свою: просили, собирали, въ продолженіи 6 мѣсяцевъ кормили ежедневно и бесплатно до 15 т. несчастныхъ. Между тѣмъ Вициенъ употреблялъ

всѣ усиля, чтобы помочь несчастнымъ. Онъ возбуждалъ богатыхъ жителей столицы къ пожертвованіямъ, посылалъ большіе запасы сѣмянъ и земледѣльческихъ орудій, отправлялъ священниковъ съ церковною утварью въ разоренныя церкви, устраивалъ больницы, куда назначались сестры и гдѣ онѣ неутомимо трудились и служили чумнымъ.

По требованію правительства сестры посылались на самое мѣсто войны, чтобы перевязывать раненныхъ и служить въ военныхъ больницахъ. Четыре сестры находились при осадѣ Дюнкирхена, двѣ изъ нихъ умерли жертвою своего усердія, другія двѣ сей часъ же вызвались заступить ихъ мѣсто.—, Не трогательно ли, писалъ Винцензъ, видѣть бѣдныхъ женщинъ, мужественно посвящающихъ себя на служеніе страждущимъ солдатамъ? Онѣ не боятся смерти и неусыпно трудятся, доставляютъ утѣшеніе и помощь 600 страдальцамъ.“

Не смотря на покровительство Аины

Австрійской; управлявшей дѣлами государства во время малолѣтства Лудовика XIV, и на участіе другихъ сильныхъ и богатыхъ лицъ, въ 1640 г., во время междоусобной войны, средства общины были такъ истощены, что сестрамъ почти нечѣмъ было прокормиться. Г-жа Легра, не унывая, взялась за новые труды: она, по примѣру Апостола, питалась трудами рукъ своихъ. Желая сберечь средства для содержанія больныхъ, сестры довольствовались самой грубой пищей, и ту вкушали только разъ въ день. Случалось, что начальница отдавала послѣднія деньги на покупку хлѣба и не знала, чѣмъ на другой день она прокормить дочерей своихъ.

Съ водвореніемъ спокойствія, явились новыя средства, открылось новое поле для дѣятельности сестеръ. Въ 1653 году, одинъ благочестивый человѣкъ отдалъ въ распоряженіе Вишценза значительную сумму денегъ. Послѣдній употребилъ ее на основаніе большой бо-

гадѣльни, и Г-жа Легра принимала участіе въ ея устройствѣ. Тутъ воспитывались дѣти, принимались безпріютные старики, призрѣвались неизлечимые и нищіе. Кромѣ того, Винцензъ обратилъ вниманіе на несчастное положеніе ума-лишенныхъ. Ихъ помѣстили въ особенную больницу подѣ надзоромъ сестеръ милосердія.

Не только изо веѣхъ городовъ Франціи обращались съ просьбою объ участіи и посѣщеніи сестеръ, но ихъ призывали и въ другія Государства. Такъ ихъ выписали въ Варшаву, гдѣ онѣ служили чумнымъ и основали многія благотворительныя заведенія.

Послѣ 25 лѣтняго существованія общины, Г-жа Легра рѣшилась просить благословенія Папы и окончательнаго утвержденія принятыхъ ею правилъ и устава. Стараніями Винценза община была утверждена въ 1655 году и ей дарованы были королевскія грамоты. Постояннымъ руководителемъ былъ на все-

гда назначенъ настоятель братства миссіонеровъ, основаннаго Винчензомъ. Такимъ образомъ, эти двѣ общины должны были всегда единодушно дѣйствовать, продолжая дѣятельность своихъ учредителей. Въ королевской грамотѣ означены всѣ услуги сестеръ, упомянуто объ ихъ заботливомъ служеніи въ больницахъ, о принятіи больныхъ, безпріютныхъ, беременныхъ женщинъ и покинутыхъ дѣтей, требующихъ воспитанія. Общинѣ обѣщано пособіе и покровительство правительства.

Доброе дѣло было окончено, и для ревностной труженицы наступило время покоя. Послѣднія десять лѣтъ силы ея значительно ослабли, и за четыре года до смерти она уже очень была больна и готовилась къ переходу въ лучшій міръ. Въ 1660 занемогла она послѣднею болѣзнию, долго страдала, приобщалась нѣсколько разъ, соборовалась, простилась съ смномъ, благословивъ его; наставляла духовныхъ дочерей своихъ, про-

сила ихъ исполнять свои обязанности и соблюдать правила. „ Заботьтесь о бѣдныхъ, говорила она имъ въ послѣдній разъ, живите въ согласіи и дружбѣ, любите другъ друга, подражайте любви Христовой.“ Тяжкимъ испытаніемъ для умирающей была разлука съ ея руководителемъ и наставникомъ. Онъ былъ также боленъ и не могъ посѣтить ее: она просила его хоть написась ей нѣсколько словъ, но онъ не исполнилъ ея желанія, а послалъ къ ней священника брата твоего, который передалъ ей, что Випцензъ вскорѣ надѣется встрѣтиться съ нею въ Небесномъ Царствіи, куда она вступаетъ первая.—Послѣдними словами Г-жи Легра были: „ Къ Тебѣ, Господи, возведу душу мою, Боже мой, на Тя уповахъ!“

Она умерла на 68 году отъ рожденія. Похоронили ее въ приходской церкви, возлѣ сестеръ, умершихъ прежде нея. Въ завѣщаніи своемъ она писала: „ Если будетъ сдѣлано какое нибудь

различіе между мною и сестрами, это какъ будто вы объявите меня недостойной умереть, какъ истинной сестрѣ милосердія, служительницѣ братьевъ Христовыхъ,—что считаю я вѣчной славой и блаженствомъ!“

Община быстро развивалась со времени ея основанія. Въ 1789 орденъ имѣлъ 426 благотворительныхъ учрежденій во Франціи и многіе дома въ Польшѣ, Австріи и Силезіи.—Въ это время избрана была настоятельница, съ замѣчательной силой воли, съ необыкновеннымъ присутвіемъ духа, которая способна была дѣйствовать на пользу общины, среди всѣхъ затрудненій смутнаго времени. Это была сестра *Дюло*. Она вступила 19 лѣтъ и 60 слѣдалась настоятельницей. Жизнь ея нерѣдко подвергалась опасности, но она объявила, что выйдетъ послѣдняя изъ общины, и когда она уже принуждена была удалиться, то продолжала съ участіемъ слѣдить за разсѣянными сестра-

ни. Она поддерживала ихъ совѣтами, одобряла тѣхъ, которые продолжали служить бѣднымъ, уговаривала не терять мужества и не ослабѣвать въ своемъ служеніи. Стараніями ея спасены были многія убѣжища бѣдности, и пріисканы средства открыть новыя заведенія посреди всѣхъ ужасовъ революціи.—Какъ только успокоились смуты, она размѣстила сестеръ въ открытыхъ ею домахъ и сама отправилась въ Парижъ, чтобы имѣть возможность собрать остальныхъ сестеръ и быть съ ними въ постоянныхъ сношеніяхъ.

И такъ, мы видимъ, что дѣятельность сестеръ почти не прерывалась, хотя домъ ихъ былъ опустошенъ и онѣ не смѣли носить платье ордена. Вскорѣ отсутствіе ихъ въ военныхъ и гражданскихъ больницахъ и вкравшіеся безпорядки пробудили сознание ихъ великихъ заслугъ и пользы, приносимой ими обществу. Въ 1801 декретомъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, было дано имъ за-

нное право существованія. Въ этомъ декретѣ значилось:

„Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, принявъ во вниманіе, во 1-хъ, что законы 1790 и 1794 годовъ, уничтожающіе монастыри, сохраняютъ благотворительнымъ учрежденіямъ право исполнять дѣла милосердія,—что уничтоженіе таковыхъ учрежденій было нарушеніемъ закона, и что служеніе больнымъ достойно исполняется только тѣми, которые чувствуютъ къ тому призваніе и дѣйствуютъ въ духѣ любви христіанской.

во 2-хъ.) Что изъ больницъ республики только тѣ хорошо содержатся, въ которыхъ сохранился прежній порядокъ, единственною цѣлью котораго было упражненіе въ духѣ безграницной любви и милосердія:

въ 3-хъ.) Взявъ во вниманіе, что въ этихъ учрежденіяхъ остались лишь престарѣлыя служительницы и что можно опасаться, какъ бы съ ихъ смертію не уничтожился орденъ, который есть слава

в часть нашего отечества;—повелеваетъ:

1.) Гражданкѣ Дюло, прежней настоятельницѣ сестеръ милосердія, дозволяется воспитывать дѣвицъ на служеніе больнымъ.

2.) Для этого сиротскій домъ на улицѣ rue de Bas отдается въ полное ея распоряженіе.

3.) Она можетъ соединиться съ тѣми, которыхъ считаетъ способными упрочить успѣхъ учрежденія, и избираетъ ученицъ по своему усмотрѣнію.

4.) Всѣ ученицы должны подчиняться уставамъ и правиламъ дома.

5.) Правительство назначаетъ 300 франковъ ежегоднаго жалованья тѣмъ, которые находятся въ крайней бѣдности.

6.) Суммы, необходимыя для покрытія издержекъ, будутъ выдаваться изъ казначейства съ тѣмъ, чтобы расходы не превышали 12,000 франковъ.

Замѣчательно, что декретъ, выражающій такое благоволеніе ордену, былъ выданъ въ то время, когда еще церкви

были закрыты и христіанская вѣра не была еще торжественнымъ образомъ восстановлена во Франціи. Менѣе чѣмъ въ три года, сестра Дюло собрала 200 новыхъ сестеръ.—Она умерла въ 1804 году,—76 лѣтъ отъ роду, послѣ 57 лѣтняго служенія больнымъ и бѣднымъ, посреди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ. Во время ея смерти, 250 пріютовъ и больницъ находилось подъ надзоромъ сестеръ, сто сестеръ присутствовали на ея похоронахъ,—число ихъ умножалось съ каждымъ годомъ.

Въ 1807 г. Наполеонъ I подписалъ декретъ, въ которомъ исчисляются всѣ заслуги сестеръ милосердія и повелѣвается собрать капитулъ ордена во дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ матери Императора.—Это торжественное собраніе, которое обезпечило существованіе всѣхъ благотворительныхъ монашескихъ орденовъ, было любопытнымъ явленіемъ, послѣ недавняго уничтоженія монастырей и сильнаго гоненія духовенства и религіи.

Первое собраніе началось торжественной обѣдой. Потомъ перешли въ приготовленную залу, гдѣ собраніе началось подъ предсѣдательствомъ Летиціи и кардинала Феша. Секретарь Летиціи, аббатъ Булонь, изложилъ цѣль собранія и пользу, которую приносятъ благотворительныя и религіозныя учрежденія и общины. Послѣ этого, присутствующіе представители женскихъ орденовъ и сестры милосердія, начальницы различныхъ благотворительныхъ учрежденій, излагали прошенія и вопросы. О спорныхъ предметахъ разсуждали въ частныхъ собраніяхъ у кардинала и у матери Императора, и наконецъ, послѣ трехъ торжественныхъ собраній, всѣ дѣла были рѣшены и окончены.—Капитулъ кончился торжественнымъ молебномъ, и всѣ разошлись по своимъ заведеніямъ съ радостными надеждами на будущее. Орденъ сестеръ милосердія особенно развился послѣ революціи. Въ 1815 г. сестры помѣстились въ теперешнемъ деи-

тральномъ домѣ rue du Bac, который былъ имъ отданъ Наполеономъ Бонапарте.

Въ послѣднее время община сестеръ милосердія быстро развилась и теперь представляетъ цифры, по истинѣ изумительныя. Всѣхъ посвященныхъ сестеръ 15,000; кромѣ того 400 послушницъ живутъ постоянно въ главномъ домѣ. Каждые два мѣсяца около 100 послушницъ надѣваются платьемъ ордена и вступаютъ въ рядъ сестеръ. Сестры служатъ въ Парижѣ въ трехъ военныхъ больницахъ, въ девяти гражданскихъ, въ двухъ больницахъ для неизлѣчимыхъ, въ воспитательномъ домѣ, во многихъ богадѣльняхъ и въ 12 богоугодныхъ заведеніяхъ. Въ каждомъ государствѣ Европы есть центральный домъ, maison provinciale, наблюдающій за дѣятельностію сестеръ въ своей области, но зависящій отъ главнаго дома. Въ Соединенныхъ Штатахъ считается до 600 сестеръ. Въ Мексикѣ и Бразиліи сестры имѣютъ по

дому. Въ 1859 г. было 100 сестеръ въ Итальянской арміи. Сестры милосердія немедленно отправляются всюду, куда бы ихъ ни потребовали, гдѣ только могутъ послужить страждущему человечеству.

Вотъ какъ распредѣляются должности въ этомъ огромномъ учрежденіи.—Во главѣ всѣхъ сестеръ стоитъ мать настоятельница: она избирается всѣми постриженными сестрами, которыя находятся не менѣе пяти лѣтъ въ орденѣ,—и также начальницами всѣхъ областныхъ домовъ, пріѣзжающими въ Парижъ для ея избранія.—Эта настоятельница столь многочисленнаго ордена ничѣмъ не отличается отъ прочихъ сестеръ, не пользуется ни какими преимуществами, обѣдаетъ вмѣстѣ съ сестрами и живетъ наравнѣ съ ними. Совѣтъ настоятельницы избирается точно такимъ же образомъ. Онъ состоитъ изъ помощницы, хозяйки, казначейши, на-

ставницы послушниц^(*) и главной секретарши, которая впрочемъ присутствуетъ при засѣданіяхъ совѣта, но не имѣетъ права голоса. Духовный начальникъ, или его помощникъ, всегда присутствуетъ при засѣданіи.—Мы сказали выше, что этотъ начальникъ всегда настоятель братства миссіонеровъ или назначенный имъ священникъ.—Онъ назначаетъ духовниковъ, и размѣщаетъ сестеръ по своему усмотрѣнію и по совѣту настоятельницы. Теперешній руководитель общины, отецъ Стефанъ, человекъ весьма уважаемый и благочестивый. Избраніе настоятельницы дѣлается изъ двухъ кандидатокъ, предложенныхъ духовнымъ начальникомъ. Начальницы областныхъ домовъ избираются по усмотрѣнію настоятельницы и по совѣту духовника; каждая начальница сама составляетъ свой совѣтъ. Когда дѣло идетъ

(*) Наставница послушницъ одна непосредственно назначается самимъ духовнымъ начальникомъ.

объ основаніи новаго учрежденія; то изъ главнаго дома посылается начальница со всею совѣтомъ, и онѣ избираются съ особенною осторожностію. Въ областные дома безпрестанно посылаются сестры изъ главнаго дома; такія перемѣщенія поддерживаютъ нравственный уровень отдаленныхъ заведеній, предохраняютъ ихъ отъ упадка или уклоненія, и обезпечиваютъ строгое сохраненіе устава. Пріѣхавшія сестры должны сообщать настоятельницамъ о всякомъ уклоненіи не только въ правилахъ, но даже въ малѣйшихъ обычаяхъ общины. Строгое соблюденіе устава упрочиваетъ существованіе и способствуетъ развитію общины; уставомъ сохраняется въ учрежденіи духъ его благочестиваго основателя.—Въ уставѣ выражаются потребности той среды, изъ которой возникла община: онъ есть плодъ глубокой омысленности учредителя. Если потребность исчезла; то община должна уничтожиться, и тогда объ ней нечего жалѣть,—

но покуда она существуетъ, не должна допускать постепеннаго нравственнаго распада. По мнѣнію отца Стефана, причина упадка монашескихъ орденовъ въ Италиі и Австріи скрывается въ безпрестанномъ нарушеніи устава. Всякое уклоненіе, дозволенное Папой, *dispense*, есть камень, вынутый изъ зданія, которое понемногу расшатывается и падаетъ. Что касается до сестеръ милосердія; то община, призванная трудиться во всѣхъ странахъ міра, среди самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ, должна съ одной стороны опираться на уставъ, съ другой на мужское братство, идущее тѣмъ же путемъ, стремящееся къ той же цѣли: и призванное сохранять мысль учредителя, — направлять рвеніе женщинъ, не давать имъ уклоняться отъ главной цѣли и теряться въ ненужныхъ и безцѣльныхъ трудахъ. Женщины, по отзыву отца Стефана, и въ этомъ отношеніи сходятся съ протестантскими настоятельницами, начальницами женскихъ Берлинскихъ

діакониссъ, способны усовершенствовать частныя стороны учрежденія, отлично исполнять дѣла ежедневнаго служенія. Но, за немногими исключеніями, онѣ не умѣютъ возводить дѣла къ общей цѣли; теряютъ изъ виду общую мысль, увлекаясь частнымъ;—ихъ воображеніе слишкомъ впечатлительно, и ихъ воля требуетъ направленія и руководства.

Замѣчательно служеніе сестеръ въ военной больницѣ, Val de Grâce, въ Парижѣ. Въ этой больницѣ содержатся отъ 800 до 1000 больныхъ, тутъ же школа для 600 подлѣкарей и для всѣхъ армейскихъ фельдшеровъ. Все это помѣщается въ старинномъ монастырѣ, основанномъ Анной Австрійской. Сестры весьма недавно служатъ въ этой больницѣ: онѣ были помѣщены туда волею Императора послѣ восточной войны и были встрѣчены явнымъ недоброжелательствомъ больничнаго начальства. Сестра-начальница съ 40 сестрами разиѣстались по палатамъ, посреди непріязненныхъ и непокорныхъ

фельдшеровъ, и въ продолженіи четырёхъ лѣтъ сестры боролись со всеми возможными злоупотребленіями, видѣли пьянство и воровство, терпѣли грубость и пренебреженіе. Кротою и послѣдовательно старались сестры объ исправленіи зла, и наконецъ одержали полную побѣду: всё отрасли больничнаго хозяйства перешли въ ихъ руки,—нравственный уровень больницы измѣнился,—не слышно стало ни брани, ни пьянства; расходы сократились и содержаніе большихъ значительно улучшилось.

Кромѣ больницъ благотворительныхъ учрежденій, сестры управляютъ домами милосердія въ округахъ Парижа. Въ каждомъ округѣ Приказъ Общественнаго Призрѣнія, зависящій отъ городского правленія, содержитъ богадѣльню, школу, и выдаетъ небольшое вспомошествованіе бѣднымъ. Все это находится подъ надзоромъ сестеръ и дѣйствуетъ съ помощію благотворительнаго общества Св. Винченна. Члены общества, сестры,

доктора округа собираются ежемѣсячно въобщихъ собраніяхъ, подъ предсѣдательствомъ приходскаго священника: здѣсь читаются отчеты, рѣшаются дѣла, обдумываются нужды бѣдныхъ,—къ учрежденіямъ, обезпеченнымъ правительствомъ, прибавляются новыя. Домъ милосердія 10 округа (*maison de secours du X, arrondissement faubourg S-t Germain*) находится подъ надзоромъ русской сестры милосердія. Тутъ соединяется нѣсколько небольшихъ учрежденій; все бѣдно и просто, но приноситъ практическую пользу.— 20 малолѣтнихъ дѣтей приводятся на цѣлый день и, покуда ихъ матери работаютъ, за ними присматриваютъ двѣ няньки; содержится 16 старухъ, у нихъ двѣ спальни и общая столовая, 60 сиротъ живутъ, учатся и работаютъ въ общей рабочей. Они и послѣ перваго причастія могутъ приходить въ рабочую до двадцати одного гда, и ежедневно читаютъ и обучаются въ продолженіи часа. Тутъ же, ежедневно обучаются 225 дѣтей, при-

ходящихъ, почти нишаго сссловія. Они собираются отъ 9 до 14½ и отъ 2 до 3½ ч. Сестры обучаютъ ихъ грамотѣ, арифметикѣ, священной исторіи, а въ послѣднемъ классѣ немного географіи и французской исторіи. Послѣ перваго причастія, родители отдають ихъ въ ученіе и они уже не ходятъ въ школу; каждый ребенокъ платитъ 20 франковъ въ годъ.

Вся жизнь этихъ учрежденій и дѣятельность всѣхъ 15000 сестеръ сосредоточивается въ центральномъ домѣ maison mère. Это—отечество сестеръ. Здѣсь поддерживается духъ учрежденія, здѣсь онѣ воспитываются, отсюда посылаются во всѣ страны міра. Домъ этотъ настоящій монастырь, съ длинными переходами, узкими лѣстницами, огромными трапезами, гдѣ могутъ помѣщаться до 900 человекъ. Посреди возвышаются каедры, съ которыхъ, во время обѣда и ужина, читаются сестрамъ житія святыхъ и другія духовныя книги. По двору бесѣ-

можно проходить сестры, въ своихъ сѣрыхъ и черныхъ платьяхъ, бѣлыхъ шапочкахъ и цосынкахъ. Чтобы имѣть понятіе о громадности учрежденія, надо заглянуть въ казначейство (сесопонат), гдѣ покупаются всѣ запасы не только для главнаго дома, но и для всѣхъ областныхъ домовъ, — которые выписываютъ оттуда все необходимое и платятъ изъ денегъ, получаемыхъ отъ правленія благотворительныхъ учреждений. Казначейство раздѣлено на двѣ части: въ одной покупаются и раздаются запасы, въ другой кроютъ, шьютъ платья и разносятъ по еладовымъ. Въ расходной 6 сестеръ и множество бѣлицъ получаютъ счета, вписавши ихъ, выдаютъ деньги, и проч. — Въ Канцеляріи (secretariat) главная секретарша и 20 сестеръ безпре-

Послушницы ходятъ въ черномъ, сестры зимой и лѣтомъ носятъ платье изъ толстаго сѣраго сукна, качество и форма одежды не измѣнялись съ самаго учрежденія ордена.

станно трудятся передъ своими конторками, 10 сестеръ занимаются французской перепиской, другимъ поручается переписка на иностранныхъ языкахъ, смотри по знанію ихъ и по требованіямъ.— Нѣкоторыя исключительно заняты вписаніемъ въ книгу отчетовъ областныхъ долговъ и протоколами засѣданій, присылаемыхъ оттуда;—другія вписываютъ только реестры вступающихъ, умирающихъ, и подобныя статистическія свѣденія общины. Въ обширной кухнѣ работаетъ сестра кухарка, 6 сестеръ и множество бѣлицъ.—Пища питательна и обильна; кухарка, дѣятельная и здоровая женщина, съ большимъ чувствомъ говоритъ, что труды ея не мѣшаютъ ей ходить каждый день въ церковь, что безъ этого подкрѣпленія она бы не вынесла трудовъ своихъ. Возлѣ кухни большая комната, куда приносятъ всю жестяную посуду и чистятъ ее два раза въ день. Это исполняютъ всѣ послушницы, какого бы онѣ ни были звана-

нія,—и вообще между ними не дѣлается ни какого различія. Въ домѣ нѣтъ ни одной служанки: всѣ работы безъ исключенія исполняются послушницами, (только для сада и внѣшнихъ порученій содержится работницъ.)

Вообще центральный домъ есть мѣсто воспитанія общины; по этому практическія занятія сестеръ, какъ то: хожденіе за больными, воспитаніе дѣтей и пр. здѣсь на второмъ планѣ, а все вниманіе обращено только на то, что способствуетъ образованію послушницъ, и сохраненію набожности и духа учрежденія.

Послушницы всѣ одѣты въ черное платье съ бѣлыми воротничками и бѣлой повязкой съ небольшимъ чернымъ чепчикомъ. Послушницъ считается до 400, изъ всевозможныхъ существующихъ націй. При вступленіи отъ нихъ вклада не требуется. Вступивъ въ общину, онѣ остаются 3 мѣсяца въ одномъ изъ областныхъ домовъ, и потомъ привѣжаютъ

сюда на шесть или десять мѣсяцевъ; здѣсь получаютъ духовное образованіе и участвуютъ во всѣхъ трудахъ и занятіяхъ общины. При вступленіи въ общину, онѣ уединяются на недѣлю; тоже самое повторяется передъ вступленіемъ въ бѣдлицы. Это уединеніе (retraite) заключается въ томъ, что бѣдлицы, и съими много другихъ сестеръ, приѣзжающихъ нарочно для этаго изъ всѣхъ кантоновъ Франціи, избавляются на недѣлю отъ всякаго служенія, только слѣдятъ за общими молитвами, а остальное время собираются всѣ вмѣстѣ въ большой, круглой залѣ, окруженной лавками, посреди которой вызвыщается распятіе. Здѣсь онѣ молча работаютъ и предаются богомыслию, молятся или слушаютъ духовное наставленіе. Послѣ такого недѣльнаго уединенія исповѣдываются и причащаются. Это уединеніе подкрѣпляетъ и освѣжаетъ сестеръ, утомленныхъ трудами и заботами. Каждая начальница отдѣльнаго дома должна еже-

годно удвѣяться такимъ образомъ, подъ руководствомъ духовнаго начальника. Главная наставница послушницъ учитъ ихъ ежедневно. Черезъ годъ по вступленіи, онѣ надѣваютъ платье ордена, и произносятъ обѣтъ, который возобновляется каждый годъ 25 Марта. Вотъ распределеніе часовъ въ главномъ домѣ. Встаютъ въ 4 часа, молятся, убираютъ кровати, одѣваются, идутъ въ церковь, слушаютъ обѣдню, и повторяютъ молитвы, назначенныя Винчензомъ. Изъ церкви возвращаются въ шесть часовъ, — завтракаютъ, (въ трапезѣ и спальняхъ строго соблюдается молчаніе). Послѣ завтрака всякая идетъ къ своему дѣлу до 12 часовъ, потомъ идутъ въ церковь для безмолвной исповѣди, за тѣмъ обѣдаютъ, молятся въ церкви, отдыхаютъ; отъ 2 до 3-хъ ч., читаютъ и работаютъ, а бѣллы слушаютъ урокъ или наставленія. Въ 3 часа всякая опять идетъ къ своему дѣлу до 5¹/₂, потомъ опять молитва, умиръ, часъ отдыха, вечерняя молитва,

въ 8¹/₂, расходятся, въ 10 ложатся спать. Во время отдыха замѣтна беззаботная веселость, однако и тутъ работа не прерывается: почти всѣ сестры вяжутъ, гуляя по саду.

Училище послушницъ, съ ихъ тремя наставницами и 15 помощницами, окружено какъ бы семейнымъ кружкомъ престарѣлыхъ и опытныхъ сестеръ. Молодыя вступающія женщины имѣютъ всегда передъ собой примѣры строгой, дѣятельной жизни, посвященной Богу. Надзирательницы разныхъ отдѣленій, сестра-секретарша и другія должностныя сестры составляютъ цвѣтъ общины. Примѣръ ихъ сильно дѣйствуетъ на молодой умъ, поставленный посреди строгой, правильной жизни и безпрестанныхъ занятій съ промежутками уединенія и молчанія.—Безпрерывность труда—одно изъ условій воспитанія послушницъ. Ни одна праздная минута не допускается въ ихъ жизни.—Отъ нихъ требуется безотвѣтное повиновеніе ко-

локолу, допускается полная свобода въ часы отдохновенія, и, вообще, стараются давать имъ какъ можно меньше приказаній и совѣтовъ. Но начальницы всегда готовы снисходительно ихъ выслушивать, выражаютъ къ нимъ материнскую любовь и руководятъ ихъ съ радушиемъ постоянствомъ. Послушница обязана безропотно повиноваться каждой сестрѣ, и ничего не предпринимать, даже самаго полезнаго, безъ позволенія. Попемиогу сестры приобрѣтаютъ новое настроеніе души, всѣ силы ихъ воли обращаются на исполненіе своего долга, или воли Божіей, для которой онѣ всѣмъ пожертвовали. Въ приѣмной комнатѣ и въ канцеляріи подъ распятіемъ написано: *возлюбить Бога!* въ этомъ заключается все ученіе учредителя.—Онъ не старался о томъ, чтобы развивать расположеніе къ созерцательной жизни, онъ проповѣдывалъ прежде всего служеніе большимъ и бѣднымъ, т. е. служеніе Богу въ лицѣ страждущей братин. Въ

больницахъ и богадѣльняхъ часы отдыха совершенно измѣняются, для удобства больничнаго служенія, и вообще дѣла служенія считаются даже обязательнѣе молитвеннаго правила; но молитва становится необходимостью, подкрѣпленіемъ, радостнымъ отдохновеніемъ отъ многотрудной жизни, и сестры добровольно не уклоняются отъ нея. Привычка къ покорности и отреченію развиваетъ въ нихъ добродушную простоту и дѣтскую веселость,—но не замѣтно, чтобы онѣ теряли способность къ мужественной, самостоятельной дѣятельности. Напротивъ,—онѣ призываются къ практической жизни, посылаются въ далекія страны, имъ поручаются трудныя дѣла управленія среди разнообразныхъ и неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Конечно, въ числѣ 15,000 сестеръ есть и обыкновенныя женщины, въ исполненіе обязанностей вкрадываются неизбѣжныя ошибки, но нельзя достаточно восхвалять общую дѣятельность ордена, и надо

признать, что люди безпристрастные или даже нерасположенные къ ордену—сознають пользу, приносимую сестрами, и съ умилениемъ говорятъ о той любви и уваженіи, какія онѣ умѣли внушить всѣмъ классамъ народа.

Святое милосердіе и мудрая предусмотрительность учредителей ордена много способствовали приобрѣтенію ими народнаго довѣрія. Они положили за правило трудиться на гользу бѣдныхъ, и даже запретили сестрамъ служить достаточнымъ больнымъ, хоть бы даже благотворителямъ общины. Они старались предупредить всякое разобщеніе съ народомъ, предписали сохраненіе народной одежды, обычаевъ, возможной простоты, старались о томъ, чтобы сестры посѣщали деревни и бѣдные приходы.—Они хотѣли, чтобы духовныя силы общины подирѣплялись и свѣжались видомъ страдавѣй и лишеній бѣднѣйшаго класса народа. Основныя правила общины отдаляли возможность из-

вѣженности, разслабленія и растлѣвающего вліянія роскоши и тщеславія, и возбудили къ нему благодарное сочувствіе трудящагося народа.

Кромѣ того, причины уваженія къ ордену лежатъ и внѣ его: въ народѣ и обществѣ, его окружающемъ, изъ цѣльной жизни которыхъ онъ возникъ и развился. Благотворительные латинскіе ордена держатся крѣпко на родной имъ почвѣ и касаются корнями своими всѣхъ ея слоевъ; всѣ сословія охраняютъ и поддерживаютъ ихъ, не смотря на умножающееся безвѣріе и равнодушіе.—Для однихъ эти ордена—драгоцѣнный обломокъ уважаемой старины; другіе видятъ въ нихъ противодѣйствіе современному злу; всѣ ими гордятся, признаютъ ихъ пользу, и почти безусловно уважаютъ.

Здѣсь естественно возникаетъ вопросъ: какъ бы оцѣнило Русское общество подобныя учрежденія? были ли бы они встрѣчены, съ сочувствіемъ поддержаны? Должно сознаться, что такимъ учреж-

деніямъ пришлое бы бороться со многими препятствіями, главный источникъ которыхъ заключается, кажется, въ особенностяхъ нашего общественнаго развитія,—развитія, которое привело за собою раздвоеніе народа и взаимное недобвѣріе двухъ сословій, и было поводомъ къ безконечнымъ недоразумѣніямъ между ними.

Мы видимъ въ Россіи съ одной стороны общество, въ которомъ выражается легкомысленное презрѣніе къ своей прошедшей жизни, и не только къ ея грубымъ формамъ, но и къ святымъ вѣрованіямъ, къ почтеннымъ и разумнымъ обычаямъ. Послѣдствіями скороснѣлаго и внѣшняго образованія были: равнодушіе къ истинѣ, презрѣніе къ нравственной цѣли и къ духовному подвигу, и лихорадочное желаніе отрѣшиться отъ всякихъ вѣрованій, налагающихъ нравственную отвѣтственность, и обязывающихъ бороться съ чувственными, низкими склонностями человѣческой природы.

Съ другой стороны, мы замѣчаемъ въ низшихъ классахъ народа упорное и часто слѣпое пристрастіе къ старинѣ, заботливое сохраненіе старыхъ обычаевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ суровое расположеніе къ аскетизму, привычку къ жертвамъ и пренебреженіе къ матеріальнымъ удобствамъ жизни. Въ народѣ, какъ мы видимъ, польза служенія страждущимъ не вполне сознается, и это происходитъ частію потому, что условія его жизни слишкомъ тягостны и суровы, и что, по этому, онъ не умѣетъ взяться за такое служеніе. Конечно, народъ оцѣнилъ бы труды ревностныхъ и образованныхъ женщинъ, готовыхъ послужить ему, помочь его страданіямъ, но на столько однако, на сколько былъ бы ему понятенъ языкъ этихъ женщинъ, сочувственны привычки и общія вѣрованія. Мы знаемъ, какая бездна лежитъ между обычаями и понятіями нашихъ свѣтскихъ, или мнимо образованныхъ женщинъ, и жизнью простаго народа,—

какъ мало обѣ стороны понимаютъ другъ друга, какъ трудны ихъ сношенія, съ какимъ снисходительнымъ недоумѣніемъ слушаетъ крестьянинъ ихъ рѣчь, какое недоуверіе онъ чувствуетъ къ ихъ образованію и ко всему, что изъ него истекаетъ. Это недоуверіе, къ несчатію, вполне оправдывается жалкими послѣдствіями этого бесплоднаго и виѣшняго образованія.

Итакъ, различіе нравственнаго уровня и разобщеніе съ народомъ—вотъ что мѣшаетъ у насъ развитію женской благотворительной дѣятельности, равно какъ и всякому полезному и доброму дѣлу въ Россіи. Женщина призвана бороться со зломъ и въ семьѣ, и въ обществѣ. Ея стараніями, ея самоотверженнымъ служеніемъ правдѣ могутъ возвыситься нравственныя требованія общества, водвориться въ немъ уваженіе къ истинѣ, къ духовнымъ подвигамъ, къ нравственному величію. Наконецъ, она можетъ много способствовать къ правильному народ-

ному и христіанскому воспитанію новаго поколѣнія,—и, такимъ образомъ, направивъ образованіе къ источникамъ народной жизни, приготовить возможность благотворно воздѣйствовать на народъ. Эти стремленія не должны однако препятствовать болѣе положительнымъ усиліямъ въ дѣлѣ общественной благотворительности.

Господь, призывающій на такое достохвальное и великое служеніе, даетъ силы преодолѣть всѣ препятствія, равнодушіе или недовѣріе не оскорбятъ насъ, когда мы признаемъ ихъ неизбѣжныя и, можно сказать, историческія причины. Наконецъ, всякое, даже самое несовершенное, но искреннее усиліе оказать помощь ближнему цѣною внутренней трудной борьбы съ самимъ собою, жертвою привычками и празднымъ самодовольствіемъ принесетъ великую, несомнѣнную пользу, подвинетъ правое дѣло,—приготовитъ путь тѣмъ изъ подвижницъ, которыхъ Господь призоветъ на Свою

жатву изъ среды усмиренныхъ, раскаившихся и обновившихся членовъ Православной Церкви.

ОБЩИНА СЕСТЕРЪ КАРЛА БОРОМЕЙСКАГО.

Примѣръ Викентія де Поля нашель многихъ подражателей. Лучшіе люди того времени чувствовали необходимость противодѣйствовать страшнымъ послѣдствіямъ войны, насилія, раззоренія. Вездѣ устраивались благотворительныя общины, во многихъ отношеніяхъ сходныя съ общиной сестеръ милосердія, по которыя однако не развивались съ такою быстротой, и дѣйствовали въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ.

Тридцатилѣтняя война раззорила Лотарингію; голодъ и болѣзни довели жителей до крайней степени отчаянія, когда явился человекъ, который призвалъ женщинъ на служеніе страждущимъ и

основалъ общину, существующую и до сихъ поръ. Средоточіемъ этой общины былъ городъ Нанси. Дѣятельность сестеръ распространяется по нѣмецкимъ провинціямъ, по Франціи и нѣкоторымъ городамъ католической Германіи. Въ ихъ учрежденіи сохранились многія преданія нѣмецкой жизни, и нѣмецкій католическій писатель, *Клеменць Брентано*, посвятилъ цѣлую книгу исторіи развитія и современной дѣятельности ея членовъ. Мы выпишемъ краткое извлеченіе изъ его занимательной, хотя нѣсколько односторонней книги.

Основателемъ общины былъ аббать *Епифаній Луисъ*, извѣстный богословъ и проповѣдникъ XVII вѣка, въ сочиненіяхъ котораго замѣтно много искренней теплоты, соединенной съ мистическимъ направленіемъ. Онъ собралъ нѣкоторыхъ благочестивыхъ женщинъ, приходившихъ бесплатно служить больнымъ въ городѣ Нанси, въ больницу *Св. Юліана*, соединилъ эту больницу съ другой—во имя

Св. Карла, устроилъ при ней помѣщеніе для сестеръ, уговоривъ ихъ жить вѣстѣ. Онъ назвалъ ихъ именемъ знаменитаго Епископа Медиоланскаго, извѣстнаго своимъ состраданіемъ и ревностнымъ служеніемъ страждущимъ во время страш-ной чумы.

Община была открыта въ 1652 г. въ день Маріи Магдалины. Луисъ написалъ уставъ, въ которомъ замѣтно глубокое сочувствіе къ страданіямъ человѣчества и большое знаніе человѣческаго сердца. Отъ этаго устава и до сихъ поръ не отступаютъ. Со временемъ средства общества умножились, и оно основало много новыхъ учрежденій въ другихъ городахъ Франціи и Германіи. Центральный домъ въ Нанси управляетъ 63 учрежденіями, въ которыхъ только шесть помѣщаются въ самомъ городѣ, а всѣ прочія находятся въ другихъ городахъ Франціи и Рейнской Пруссіи.

Дѣятельность сестеръ разнообразна: онѣ служатъ больнымъ, содержатъ мужч-

окія и женскія больницы, исправительныя дома поручаются также ихъ надзору. Онѣ воспитываютъ сиротъ, управляютъ воспитательными и сиротскими домами, и въ нѣкоторыхъ приходахъ завѣдываютъ приходскими училищами. Домъ умалишенныхъ, подъ названіемъ *Маровиль*, находится въ управленіи сестеръ. Въ этомъ домѣ замѣтно отражается вліяніе ихъ кроткаго обхожденія съ несчастными больными и умѣнье пользоваться особенными ихъ способностями, придумывать для нихъ занятія, что полезно на нихъ дѣйствуетъ и доставляетъ имъ видимое удовольствіе.

Кромѣ больницы Св. Юліана, большой богадѣльни и воспитательнаго дома мы находимъ еще подъ вѣденіемъ сестеръ Св. Карла тотъ домъ Св. Убѣжища, который былъ основанъ Елисаветою Дюбуа въ 1624 г. для кающихся женщинъ. Теперь туда принимаютъ всѣхъ страждущихъ приличивыми и нервными болѣзнями, недопускаемыхъ въ другія

больницы. Здѣсь также есть отдѣленіе исправительное: сюда принимаются несчастныя страдающія женщины, искушающія мученіями и болѣзнями порочную жизнь свою. Состраданіе и самоотверженіе сестеръ, заботливое ихъ служеніе отверженному человѣчеству по истинѣ изумительно: имъ приходится переносить раздражительность и брань этихъ несчастныхъ; но не рѣдко имъ удается однако обратить къ покаянію несчастную жертву искушеній и соблазновъ свѣта.

Сестры завѣдываютъ также высшими учебными заведеніями для воспитанія дѣвицъ, которыя по большей части основаны богатыми жителями разныхъ городовъ. Тамъ за весьма умѣренную плату дается дѣвцамъ нравственное христіанское воспитаніе и образованіе, сообразное тому положенію, которое должны онѣ занимать въ обществѣ.

Кромѣ всѣхъ этихъ заведеній, у сестеръ есть другое поле дѣятельности,

еда ли не самое трогательное и полезное. Это—небольшія общины сестеръ, которыя поселяются въ бѣдныхъ деревняхъ равно мѣстечкахъ, городскихъ приходахъ; тамъ онѣ содержатъ школы, ходятъ за больными. Эти общины называются Charité, или дома христіанскаго милосердія. Такія учрежденія—настоящіе расадники добрыхъ примѣровъ, благотворнаго вліянія и милосердыхъ дѣлъ, истинное сокровище для тѣхъ мѣстностей, гдѣ поселяются сестры. Обыкновенно онѣ занимаютъ небольшіе уединенные домики, окруженные садами. Тамъ открывается аптека для бесплатной раздачи лѣкарствъ, или для продажи по дешевымъ цѣнамъ. Эти аптеки извѣстны между прочимъ приготовленіемъ декокта изъ травяныхъ соковъ. Сестеръ обыкновенно пять или шесть:—одна въ аптекѣ, другая безвозмездно обучаетъ входящихъ дѣвочекъ, остальные посѣщаютъ больныхъ по домамъ. Трудно себѣ представить, какъ велика польза, которую приносятъ сестры,

какъ глубоко довѣріе и уваженіе; которое онѣ умѣли внушить къ себѣ. Онѣ приобрѣли ихъ, между прочимъ, радушіемъ своимъ, пониманіемъ нуждъ и потребностей бѣдныхъ людей, — пониманіемъ, приобретеннымъ цѣною собственныхъ добровольныхъ лишеній, опытомъ простой и скудной жизни.

Любопытно и поучительно взглянуть на теперешнее положеніе общины и прослѣдить, какъ она составляется, какъ воспитываются сестры и готовятся къ высокому и трудному своему поприщу. Домъ «Св. Карла» (*mutterhaus*) заключаетъ въ себѣ теперь больницу, бесплатную школу для дѣтей, капитулъ ордена, отдѣленіе для испытываемыхъ и убѣжище, или мѣсто покоя и отдохновенія, для престарѣлыхъ и больныхъ сестеръ.

Въ больницѣ содержатся 200 больныхъ мужчинъ и женщинъ; сестры служатъ имъ въ духѣ истенной христіанской любви. Въ больницѣ опрятность необыкновенная; больнымъ доставляются

всѣ средства къ излѣченію; всякое возможное нравственное утѣшеніе.

Въ школѣ обучаютъ 400 бѣдныхъ и дочерей городскихъ мѣщанъ, посылаемыхъ родителями: ихъ учатъ закону Божию, работамъ, грамотѣ и ариметикѣ. Ученіе раздѣлено на четыре класса. Дѣти слушаютъ каждый день обѣдню въ домово́й церкви общины.

При больницѣ находится отличная аптека, какъ для больныхъ, находящихся въ общинѣ, такъ и для бесплатной раздачи приходившимъ бѣднымъ. Этой общиной завѣдываютъ однѣ сестры; она же служитъ и училищемъ для тѣхъ изъ послушницъ, которыя готовятся въ аптекарши для другихъ больницъ или приходскихъ домовъ, зависящихъ отъ сестеръ.

Средствами больницы управляетъ коммиссія, назначенная отъ правительства: Настоятельница располагаетъ только тѣмъ, что принадлежитъ собственно общинѣ и внесено ею членами: Община

управляется настоятельницей, ея помощницей, казначейшей и наставницей послушницъ.

Настоятельница назначаетъ трехъ своихъ помощницъ; сама она избирается каждое трехлѣтіе большинствомъ голосовъ. По окончаніи трехъ лѣтъ, она возвращается въ среду сестеръ, и снова можетъ удостоиться избранія.

Мѣстный Епископъ назначаетъ духовное лицо, безъ участія и разрѣшенія котораго ничто не дѣлается въ общинѣ.

При больницѣ „Св. Карла“ есть отдѣленіе для престарѣлыхъ и больныхъ сестеръ, или для такихъ, которымъ нужно отдохновеніе. Здѣсь замужнія сестры тихо оканчиваютъ свое земное поприще; онѣ продолжаютъ служить общему дѣлу усердною молитвою, совѣтами заслуженной опытности, — онѣ радуются, видя молодыхъ сестеръ, ревностно продолжающихъ дѣло, которому посвятили всю жизнь свою.

Доступъ въ общину чрезвычайно тру-

день. Многіе домають, что къ столь многотрудному подвигу съ радостью призывается всякій, кто готовъ принести въ жертву свои, хотя бы уже ослабѣвшія силы, или посильную дѣятельность, что охотниковъ мало, и что самому несовершенному дѣятелю будутъ рады; но на дѣлѣ не такъ. Опытъ доказалъ, что величайшая осторожность необходима при выборѣ сестеръ. Призваніе ихъ трудно, задача жизни велика.—Онѣ должны исполнить довѣренное имъ обществомъ дѣло служенія больнымъ, стараться помогать нищимъ, воспитывать дѣтей, дѣйствовать примѣромъ на ближняго, свято исполнять обязанности, завѣщанныя благодѣтелями общины, поддержать довѣріе къ ней. Сестры, находясь безпрерывно въ сношеніяхъ съ людьми самаго разнообразнаго состоянія и званія, должны дѣйствовать достойно, твердо и вмѣстѣ кротко. Дѣятельность ихъ принадлежитъ обществу, и физическія и нравственныя силы должны быть соразмѣр-

ны съ предпринимаемымъ подвигомъ.

Сестеръ не принимаютъ моложе 18 и старше 24 лѣтъ. Онѣ должны быть безукоризненнаго поведенія, принадлежать къ честнымъ и пользующимся уваженіемъ семействамъ. Положеніе родителей должно быть независимо.—Въ общину не принимаются ни вдовы, ни разведенныя женщины, ни больныя, ни увѣчныя; не допускаются также бѣдныя сироты, воспитанницы сиротскихъ и воспитательныхъ домовъ, не принимаются дѣти нищихъ родителей, или дѣвицы, жившія въ услуженіи. Кромѣ того, при окончательномъ постриженіи требуется непременно денежный вкладъ, соразмѣрный съ средствами сестры.

Всѣ эти распоряженія сдѣланы съ тою цѣлью, чтобы ни кто не смотрѣлъ на общину, какъ на убѣжище отъ недостатка и бѣдности, или какъ на мѣсто, гдѣ труды найдутъ выгодное вознагражденіе. Сестра, соединяющая всѣ требуемыя условія, приписывается на трехъ-мѣ-

сячное испытаніе. Надо убѣдиться въ томъ, что ея здоровье, способности и внутреннее расположеніе дають ей право быть удостоенною посвященія на многотрудную жизнь, и потому она сперва вступаетъ въ ряды испытываемыхъ (*postulantes*). Здоровье—необходимое условіе дѣятельности сестеръ; необходимы физическія силы, чтобы день и ночь видѣть и испытывать всевозможныя физическія страданія, омывать смрадные раны,—касаться гнойныхъ язвъ, и дѣлать все это съ тѣмъ спокойнымъ и веселымъ духомъ, который внушаетъ больнымъ довѣріе, поддерживая въ нихъ бодрость,—съ тою тихою твердостью, которая ничего не упускаетъ и дѣйствуетъ безъ хлопотливости, безъ волненія, безъ раздраженной чувствительности. Слабонервныя женщины не способны къ такимъ подвигамъ. Надо большое умѣнье и смѣтливость, чтобы разумно предупреждать безпрестанныя требованія и просьбы больныхъ, поддерживать въ

нихъ снокойствіе и бодрость,—разсѣять раздражительность и волненія, облегчать страшныя муки, утѣшать умирающихъ, располагать сердца ихъ къ раскаянію и надеждѣ на Бога.

Сестры дѣйствуютъ посреди людей различныхъ убѣжденій;—онѣ имѣютъ сношеніе и съ невѣрующими, и съ ожесточенными людьми, вообще—съ находящимися на самыхъ различныхъ ступеняхъ общественной жизни. Онѣ должны заслужить уваженіе бѣдныхъ и знатныхъ,—и внутреннимъ достоинствомъ и внѣшними качествами должны служить, какъ смѣренныя работницы людей, почти отверженныхъ обществомъ.

Чтобы исполнить всѣ эти требованія труднаго призванія, надо чувствовать къ нему истинное расположеніе, такое расположеніе, которое не есть слѣдствіе минутнаго увлеченія, но голосъ Самаго Спасителя, призывающаго избранныхъ служителей своихъ на трудную брань и дарующаго имъ и силу, и орудія на побѣду.

Испытуемая поступаютъ подъ надзоръ наставницы, и спать съ нею въ одной комнатѣ. Другія монахини учатъ ихъ въ извѣстные часы. Обѣдаютъ онѣ всѣ вмѣстѣ, но за отдѣльными столами. Испытуемая носятъ собственное платье. Онѣ встаютъ лѣтомъ въ 4, а зимой въ 4¹/₂ часа, одѣваются, молятся и убираютъ кровати, завтракаютъ молокомъ съ хлѣбомъ или похлебкой. Замѣчательно, что употребленіе чаю и кофе не введено въ общину только потому, что не введено было сначала.

Община, которая не пренебрегаетъ никакимъ открытіемъ промышленности и науки, могущихъ служить къ пользѣ больныхъ и бѣдныхъ, или къ облегченію ихъ страданій, строго держится первобытной простоты. Послѣ завтрака, послушницы начинаютъ свои занятія подъ надзоромъ и руководствомъ наставницы.

На первыхъ дняхъ вновь-вступившей поручаются самыя трудныя и непріят-

ныя работы. Удивительно ли, что молодая дѣвушка, воспитанная среди достатка или даже роскоши, съ содроганіемъ становится—при первыхъ лучахъ солнца,—въ зимнее холодное утро, передъ огромнымъ каменнымъ корытомъ полоскать смрадное бѣлье, которое спускается изъ палаты черезъ отверстіе въ потолокъ, или принимается мыть и чистить всю больничную посуду. Отъ такихъ трудовъ какъ разъ остынетъ всякое ложное, внѣшнее увлеченіе; только настоящее призваніе можетъ устоять и вынести ихъ тяжесть. Черезъ такое испытаніе проходитъ каждая вступающая сестра. Здѣсь еще вѣтъ рѣчи о томъ, къ чему она чувствуетъ особенное расположеніе: прежде она должна пройти черезъ всѣ степени труда, испытать всѣ работы, и быть всегда готова къ немедленному и безпрекословному повиновенію. Этимъ условливается совершенство учрежденія. Каждая открывшаяся вакансія немедленно можетъ замѣститься,

потому что каждая сестра испытана во всякомъ дѣлѣ, отправляемомъ въ общинѣ, и способна руководить другихъ въ работѣ, въ которой сама участвовала. Съ самыхъ первыхъ дней мужество сестеръ подвергается трудному испытанію. Онѣ умываютъ приходящихъ больныхъ, снимаютъ съ нихъ и стираютъ ихъ бѣлье, перестилаютъ кровати, поднимаютъ больныхъ и переносятъ, держатъ во время страшныхъ операцій, стираютъ холодный потъ съ умирающихъ, слышатъ стоны ихъ, а иногда отчаянныя хулы и вопли. Но какъ ни трудны эти подвиги, — безпрестанная дѣятельность, чувство исполненія долга, сознаніе пользы, дѣтская ихъ покорность, соревнованіе и согласіе сестеръ, снисходительность старшихъ — поддерживаютъ въ нихъ бодрость и удивительно облегчаютъ ихъ трудный подвигъ.

При больницѣ находятся самыя различныя должности, и способности вступившей сестры испытываются въ самыхъ

разнообразныхъ занятіяхъ. Садоводство, надзоръ за церковью, присмотръ за бѣльемъ, шитье отъ простой рубашки до изящной церковной утвари, бинты, корпія—все проходитъ черезъ ея руки. На ихъ же обязанности прачешная, кухня, потомъ покупки, сохраненіе и выгодное распредѣленіе ежедневной провизіи и наконецъ приготовленіе къ трудному дѣлу начальствованія и надзора, способность къ которымъ приобрѣтается только первоначальнымъ повиновеніемъ. Всѣ упомянутыя нами должности исполняются однимъ и тѣмъ же образомъ во всѣхъ домахъ общины, и въ каждомъ занятіи испытываются силы и способности вступившей сестры.

Наставница между тѣмъ заботится о духовномъ образованіи испытуемыхъ. Она наставляетъ и учитъ ихъ тому, что можетъ утвердить ихъ въ вѣрѣ, внушить имъ чувства, которыя дѣлаются для нихъ источникомъ бодрости и силы, и того сердечнаго убѣжденія, той христіанской

любви, которыя вдохновляютъ ихъ на святую проповѣдь умирающему и невѣждѣ, на ревностное обученіе дѣтей.—Испытуемая приучается къ тѣмъ молитвамъ и церковному пѣнію, которыя предписываются правилами общины. Но имъ строго запрещено увлекаться расположеніемъ къ молитвеннымъ подвигамъ; все должно быть подчинено уставу; а тѣмъ, кто имѣетъ болѣе расположенія къ созерцательной жизни, чѣмъ къ дѣятельному труду, предоставляется выборъ другаго монастыря.

Если испытуемая показываетъ способность и усердіе къ трудамъ, которые ей поручаются, то она поступаетъ въ число послушницъ (*novices*). На нее надѣваютъ платье ордена и бѣлое покрывало,—бѣлица, или послушница, уже вступаетъ въ составъ общины, но ея постоянство подвергается новому испытанію.

Ее обыкновенно посылаютъ по распоряженію настоятельницы въ одинъ изъ домовъ общины, и тамъ поручается ей

должность, которая сообразна съ ея силами и съ особенными, подмѣченными въ ней способностями, но для которой еще не нужна большая опытность. Она живетъ съ старшими монахинями, раздѣляетъ ихъ молитвы и трапезу; и дѣйствуетъ подъ ихъ руководствомъ. Настоятельница всегда старается о томъ, чтобы соединять сестеръ, способныхъ дѣйствовать, помогать и воодушевлять другъ друга.—Заслуженныя сестры, которыя соединены такимъ образомъ вдали отъ главнаго средоточія общины, почти всегда женщины замѣчательныя, и соприкосновеніе съ ними много способствуетъ къ окончательному образованію и совершенствованію послушницы. Она, прислуживая больнымъ, видитъ, какъ старшая монахиня входитъ въ палату за докторомъ и подходитъ поочередно ко всѣмъ больнымъ. Тутъ она привыкаетъ передавать доктору свѣденія о состояніи больного и исполнять его предписанія. Отъ другой монахини учится она всему, что

касается до внѣшняго порядка больницы и до нравственнаго вліянія на больныхъ. Она пріучается ходить за ними, какъ дочь за своими родителями, и, конечно радуется, когда слышитъ слова любви и вѣры,—слова, вызванныя ея нѣжнымъ участіемъ изъ устъ, произносившихъ доселѣ лишь холу или ропоть. Прямѣрь старшихъ монахинь внушаетъ послушницѣ святое соревнованіе. Она видитъ, какъ радуются онѣ, когда удается имъ сдѣлать замѣтное улучшеніе въ порученномъ имъ отдѣленіи,—какія придумываютъ онѣ для этого средства. Помощники часто являются въ средѣ облагодѣтельствованныхъ ими больныхъ. Мастеровой или ремесленникъ, получившій тутъ изцѣленіе, предлагаетъ свои услуги,—и усердно пополняетъ или исправляетъ платье или утварь больницы. Какъ радуются сестры, когда онѣ могутъ прибавить что-нибудь къ удобствамъ или одеждѣ своихъ нищихъ, или когда можно показать посѣтителю чистое бѣлье,

предметъ ихъ неусыпныхъ попеченій и заботъ. Не забыты и маленькія радости и утѣшенія: цвѣтникъ тщательно содержится и сестры приносятъ больнымъ свѣжіе цвѣты, и радуются улыбкѣ и благодарности страдальцевъ, можетъ быть давно уже неслыхавшихъ словъ любви и участія; сердце ихъ смягчается подъ влияніемъ женскаго общества и они безпрекословно повинуются настоятельницамъ. Смотри по требованіямъ общины, или по особеннымъ способностямъ испытуемой, ее посылаютъ въ то или другое отдѣленіе. Ей поручается или надзоръ за больницей, или обученіе дѣтей, или кухня, огороды, прачешныя или аптека. Настоятельница старается употребить на общую пользу особенныя, замѣченныя ею, способности сестры: она выбираетъ самыхъ надежныхъ для основанія новыхъ учрежденій, или для замѣщенія откывшихся должностей. Не рѣдко, по этому случаю, покорность сестеръ подвергается трудному испытанію. Имъ при-

ходится вдругъ оставить занятія, которыми онѣ предавались съ особеннымъ рвеніемъ, разлучиться съ средой полюбившихъ ихъ сотрудницъ — съ сестрами и съ свѣтскими людьми, выразавшими имъ участіе, оставить милыхъ имъ сердцу ученицъ, родителей ихъ, успѣвшихъ полюбить ихъ,—и идти по повелѣнію начальства на новое дѣло, въ новую неизвѣстную среду. Конечно, такія перемѣны не дѣлаются безъ особенной необходимости: постоянно соблюдается общая польза, берегаются силы и здоровье сестеръ, освобождаемыхъ иногда отъ должностей, которыя имъ не подъ силу. Но возможность перемѣщенія ихъ содѣйствуетъ усовершенствованію учрежденія: настоятельница испытываетъ ихъ силы и соединяетъ постепенно въ тѣ кружки, которые способны согласно дѣйствовать, основывать новые дома или поднимать нравственный уровень уже существующихъ учреждений. Сестры, соединенныя на общее дѣло, часто другъ друга не знаютъ,

но выборъ ихъ дѣлается съ такою осторожностью, способности ихъ такъ применены къ поручаемому имъ дѣлу, что оно исполняется удачно, согласно, и сестры крѣпко привязываются другъ къ другу, дружно содѣйствуя общему дѣлу и развитію общины.

Нѣкоторые удивляются, что кромѣ самопожертвованія, посвященія всѣхъ силъ и способностей, еще требуется отъ вступающихъ денежный вкладъ;—но община не есть мѣсто приготовленія и воспитанія для наемныхъ сидѣлокъ: туда принимаются не съ цѣлію доставить сидѣлкѣ честный кусокъ хлѣба, а больницѣ хорошую служительницу. Община эта есть союзъ, добровольное соединеніе совершеннолѣтнихъ и самостоятельныхъ дѣвицъ, которыя, послѣ зрѣлаго испытанія, обязали себя обѣтомъ служить Христу и Его Церкви въ лицѣ страждущихъ, и путемъ этимъ достигнуть обѣщаннаго вѣчнаго блаженства. Сестры надѣются на небесную награду, но о жертвахъ онѣ не

думаютъ, не сознаютъ ихъ, а прямо стремятся къ цѣли своихъ желаній. Но чтобы ихъ не искушала гордая мысль о самопожертвованіи, имъ съ самаго начала показываютъ на дѣлѣ всѣ трудности званія; и если въ душѣ ихъ осталось еще предпочтеніе другой жизни, если намѣренія ихъ не тверды, если служеніе не есть единственное ихъ желаніе; то община прощается съ ними, и ласково отпускаетъ ихъ.

Но кто устоитъ, испытавъ всѣ труды, кто, пройдя всѣ должности, произноситъ св. обѣты, тотъ уже не жертвуетъ ничѣмъ. Жертвовать значитъ отдавать все, что есть лучшаго;—сестраже, постригающаяся для служенія ближнему, избираетъ, напротивъ того, ту жизнь, которая кажется ей самой счастливой, блаженство которой она испытала; разстается съ свѣтскою жизнью, неудовлетворявшею ее и съ условіями которой она не могла примириться.

Необходимость вклада объясняется еще тѣмъ, что въ общинѣ все должно приноситься на служеніе ближнему, и чле-

ны не только не ищутъ убѣжища отъ бѣдности, но обрекаются на добровольныя лишенія, лишь бы лучше послужить своей нищей братіи. И не смотря на трудность пріема, на значительность вкладовъ, число сестеръ не уменьшается. Вотъ уже 200 лѣтъ, какъ сестры трудятся на пользу человѣчества, и теперь ихъ считаютъ отъ 560 до 600. Всѣ сестры вступаютъ съ чувствомъ нѣжнаго участія и высокой христіанской любви къ несчастнымъ. И при всемъ томъ соблюдается строгая бережливость: ничто не должно быть безъ нужды истрачено изъ достоянія бѣдныхъ. Послушница замѣчаетъ всѣ эти труды и старается подражать имъ. До сихъ поръ ее пугали трудныя послушанія, но теперь она осязательно понимаетъ пользу своей личной дѣятельности. Она слѣдитъ за нитью собственной жизни въ этой высокой средѣ святыхъ дѣлъ милосердія. Святое званіе монахини дѣлается для нея предметомъ ревностнаго желанія; она исполняется святой любовью

къ Спасителю, и съ петерпѣніемъ желаетъ на вѣки связать себя святыми обѣтами.

Послушница служитъ три года въ больницѣ. Во все это время она находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ настоятельницей, которая часто посѣщаетъ всѣ отдѣленія общины и безпрестанно переписывается съ каждымъ домомъ. Это дѣлается съ возможной простотой и наименьшею тратою времени, и посѣщенія настоятельницы—радостное событіе для каждаго дома. Ей показываютъ все, исполненное въ ея отсутствіи; она передаетъ все, что случилось или что введено новаго въ другихъ отдѣленіяхъ, и внимательно слѣдитъ за успѣхами и трудами послушницъ.

Послушница имѣетъ право выйти изъ монастыря, но это случается весьма рѣдко. Когда она доказала всѣ способности быть достойной сестрой, она обращается опять къ настоятельницѣ съ просьбою о постриженіи. Тогда ее снова возвращаютъ въ главный домъ общины, и опять, въ продолженіи послѣднихъ 9 мѣ-

сяцевъ, поручаютъ ей самыя трудныя работы. Тутъ же она еще разъ упражняется въ молитвахъ и чтеніи. Если она достойно пройдетъ это послѣднее испытаніе, она получаетъ согласіе отъ настоятельницы. Но ни въ какомъ случаѣ послушница не можетъ постричься прежде 22-лѣтняго возраста.

Изъ числа желающихъ вступить въ общину едва ли принимается четвертая часть. Однѣ не соединяютъ требуемыхъ способностей, другія не имѣютъ достаточно силъ, иныя удаляются въ началѣ испытанія и вступаютъ въ другія монастыри. Испытуемая платятъ 24 франка въ мѣсяцъ за свое содержаніе и вносятъ 200 франковъ, когда надѣваютъ платье послушницъ. Монахини вносятъ при постриженіи не менѣе 1000 франковъ, богатые приносятъ гораздо болѣе, а нѣкоторыя жертвуютъ всѣмъ состояніемъ. Весьма многія вносятъ до 20,000 франковъ и болѣе. Вступающая въ общину непременно отказывается отъ имѣ-

нія родителей. Что бы она им принесла съ собою, много ли, мало ли, это ни сколько не измѣняетъ ея положенія: все принадлежитъ общинѣ, сама же она отказывается отъ всякой собственности, раздѣляя общее содержаніе сестеръ, и даетъ обѣтъ добровольной бѣдности. Не было примѣра, чтобы, при недостаткѣ всѣхъ требуемыхъ условій, вступленіе въ общину было облегчено ради богатства монахини, въ видахъ ея значительнаго вклада.

Послушница ожидаетъ съ нетерпѣніемъ минуту постриженія: это цѣль ея давнишнихъ стремленій, и она хочетъ совершенно посвятить себя Богу. Епископъ принимаетъ обѣты вѣчнаго служенія больнымъ и бѣднымъ, вѣчнаго цѣломудрія, послушанія и бѣдности. Онъ торжественно вручаетъ ей черное покрывало, освященное кольцо и образъ для ношенія на шеѣ. Потомъ она причащается Св. Тайнъ.

По церковному правилу обѣтъ связываетъ монахиню на всю ея жизнь, по граж-

данскій законъ чрезъ каждые пять лѣтъ даетъ ей право выйти изъ общины, и потому требуетъ возобновленія обѣта. Не было почти примѣра, чтобы монахини пользовались этимъ правомъ.

Постригшаяся монахиня поступаетъ на ежечастное служеніе ближнему, добровольно, во цвѣтъ лѣтъ и здоровья, будучи непорочна и тѣломъ и духомъ. Такія женщины всегда бываютъ одарены силою воли, и способности ихъ почти всегда замѣчательны; онѣ по большей части принадлежатъ къ числу достаточныхъ и богатыхъ семействъ. Онѣ вняли слову Спасителя, все принесли и все отдали во имя Христа, и пришли послужить Ему въ лицѣ страждущихъ,—пришли утѣшить тяжелыя скорби человечества. Бодро и радостно исполняя святое служеніе, онѣ спокойно ждутъ награды и мирно оставляютъ многотрудную, но богатую добромъ и свѣтлую жизнь свою.

ПОГРЪШНОСТИ.

НАПЕЧАТАНО:

ЧИТАЙ:

Стр. строк.

1.	2	конеч-	конечно
6.	4	считающаа	считающая
12,	13	сблизится съ Винценземъ.	сблизиться съ Винцензомъ
17.	8	Викентій	Винцензь
21.	7	Катехизису	Катихизису
24.	18	было	быль
27.	22	и мирѣ	и мирѣ
35.	20	трудныя	трудными
39.	9	трудились	трудились
57.	4	дѣда	дѣла
60.	8	долговъ	домовъ
83.	1	домають	думаютъ
93.	8	холу	хулу

49

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ
ЖЕНЩИНЫ.

IV.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS
54 EAST LAUREL STREET
CHICAGO, ILLINOIS 60607

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS
54 EAST LAUREL STREET
CHICAGO, ILLINOIS 60607

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЯ

ЖЕНЩИНЫ.

ОПИСАНІЕ

**НѢКОТОРЫХЪ ЖЕНСКИХЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЬ-
НЫХЪ ОБЩИНЪ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ.**

ТВЕРЬ.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1861 г.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. П. Б. Марта 3 дня 1861 г.

Цензоръ Архимандритъ Фотій.

Мы представили здѣсь бѣглый и весьма несовершенный обзоръ женскихъ благотворительныхъ общинъ, принадлежащихъ къ Римской церкви—и надѣмся, что трудъ нашъ не будетъ совершенно бесполезенъ, возбудивъ въ нѣкоторыхъ женщинахъ желаніе изучить замѣчательные примѣры женской благотворительной дѣятельности. При составленіи этой книги мы пользовались преимущественно сочиненіемъ 17-го вѣка *histoire des ordres monastiques et religieux*. Мы извлекли также нѣкоторыя свѣдѣнія изъ книгъ Бретано: *die barmhercigen chvestern in bezug auf armen und cranken pflege* изъ двухъ Англійскихъ сочиненій: *hospitals and sisterhoods* неизвѣстнаго автора и *sisters of Charity* by Mrs Jameson. Жизнь Г-жи

II.

Легра извлечена изъ біографіи, изданной въ 1679 году. Подробности о современномъ состояніи обществъ мы обязаны рукописнымъ запискамъ одной путешественницы.

БОЛЬНИЧНЫЯ СЕСТРЫ (Soeurs hospitalieres):
СЕСТРЫ СВ. АВГУСТИНА, СЛУЖАЩІЯ ВЪ
БОЛЬНИЦЪ hôtel Dieu.

Въ VII вѣкѣ въ первый разъ упоминается о мужскихъ и женскихъ общинахъ, члены которыхъ посвящали себя на служеніе больнымъ. Эти общины возникли вмѣстѣ съ устройствомъ первыхъ больницъ во Франціи. Описалъ ихъ *Кардиналъ Витри*, умершій въ половинѣ XIII вѣка. Онъ говоритъ, что издавна мы видимъ много иноковъ и инокинь, которые удаляются отъ міра и посвящаютъ себя на служеніе прокаженнымъ и больнымъ. Братства эти соблюдали правила *Св. Августина*, повиновались духовному главѣ и давали обѣтъ цѣломудрія и воз-

4560 Dup. An. 3, 5151

держанія. Мущины жили отдѣльно отъ женщинъ. Они встрѣчались только въ часы богослуженія, и на сколько это допускалось при безпрестанномъ уходѣ за больными и многочисленныхъ обязанностяхъ при больницѣ и бѣдныхъ. Въ большихъ больницахъ, гдѣ братство было многочисленно, они соединялись часто въ общихъ собраніяхъ, (*enchapitre*) чтобы исповѣдывать проступки и принять вразумленіе. Во время трапезы они соблюдали строгое молчаніе, и слушали чтеніе; то же дѣлалось при нѣкоторыхъ другихъ занятіяхъ.

Такіе ипоки служили во многихъ больницахъ, но кардиналъ Витри, выхваляя рвеніе больничныхъ сестеръ, въ особенности говоритъ о сестрахъ больницы „*hôtel Dieu*.“ Онѣ, пишетъ онъ, превозмогая естественное чувство отвращенія, сносятъ смраднѣйшій воздухъ, нечистоту и видъ отвратительныхъ болѣзней, словомъ, совершаютъ подвиги, передъ которыми блѣднѣютъ всѣ добровольныя

лишенія и изнуренія плоти.—Кто, смотря на монахинь, когда онѣ перевязываютъ и омываютъ раны, перестилаютъ кровати, ломаютъ ледъ на рѣчкѣ, протекающей по больничному двору, и стоя по колѣно въ водѣ, полощутъ смрадные лохмотья нищихъ, кто не сочтетъ ихъ такими жертвами, которыя отъ избытка любви къ ближнему, изъ ревностнаго желанія помочь ему, твердо идутъ на встрѣчу смерти, безпрестанно имъ угрожающей отъ тяжкихъ трудовъ и смрад-наго воздуха.

Больница *h^otel Dieu* (Божій домъ) самая древняя въ Парижѣ: она основана во время чумы, открывшейся въ 650 году. Епископъ Парижскій Ландри сначала помѣстилъ въ небольшомъ сараѣ, подлѣ церкви, нѣсколько безпріютныхъ больныхъ. Не далеко отсюда былъ женскій монастырь ордена Св. Августина. Епископъ предложилъ монахинямъ ходить за больными,—онѣ повиновались, и къ нимъ присоединились больничные

монахи. Больница находилась первоначально при церкви Св. Христофора, но въ 1097 году она перешла въ капитулъ ордена Богородицы (Notre Dame). Въ 1223 году былъ написанъ уставъ для братіи. Въ это время было 38 монаховъ, 25 монахинь и 30 человекъ мірянъ. Изъ монаховъ избирался настоятель, который въ свою очередь назначалъ настоятельницу для инокинь. Братія давали обѣтъ бѣдности, цѣломудрія, послушанія духовному начальнику и капитулу церкви Богородицы.

Лудовикъ Святой часто посѣщалъ больницу божьяго дома, и принявъ ее подъ свое особенное покровительство, въ 1250 году значительно расширилъ зданіе. Со временемъ, въ больницѣ остались однѣ монахини. Онѣ слѣдовали правиламъ Св. Августина.—Вступавшія монахини, сначала оставались 12 лѣтъ послушницами, потомъ это время было сокращено на половину. Какъ во всякомъ человѣческомъ учрежденіи, въ управленіи боль-

ницей вкрадывались злоупотребленія и ошибки, которыя отъ времени до времени исправлялись. Въ этой больницѣ сестры милосердія начали свои полезныя труды. Стараніями Г. Легри, Гуссо и Викентія де Поля сдѣланы были многія улучшенія въ управленіи больницы. Въ началѣ XVII вѣка Женевьева Банке примѣромъ и усердіемъ своимъ преобразовала общину. Банке была дочь Парижскаго ювелира и чувствовала такое состраданіе къ больнымъ, что оставивъ мѣръ, вступила въ число больничныхъ монахинь. Она возстановила прежнее общежитіе и безусловное послушаніе. Сдѣлавшись наставницею бѣлицъ, она старалась возбудить ихъ ревность и состраданіе къ больнымъ, учила ихъ ходить за ними и перевязывать раны. Она не позволяла духовнымъ дочерямъ своимъ жаловаться на утомленіе, и говорила, что только тотъ день не потерянъ, который весь проведенъ въ трудахъ на пользу ближняго.

Во время чумы, открывшейся въ Парижѣ, сестру Женевьеву призвали въ больницу Св. Лудовика, тамъ она устроила домовую церковь, воздвигла алтари въ каждой палатѣ; улучшила устройство больницъ и съ такою любовью ходила за зачумленными, что безстрашно лобызала ихъ раны. Когда чума прекратилась, она возвратилась въ *hotel Dieu*. Ей поручили аптеку, гдѣ, по ея мысли, приготовленіемъ лекарствъ занимались сами монахини. Потомъ ей поручили отдѣленіе родильницъ. Противъ воли она была избрана въ настоятельницы, и во время ея управленія придуманы были многія улучшенія: такъ она ввела употребленіе занавѣсей, которыми задерживаются постели больныхъ, что доставляетъ имъ необходимое иногда уединеніе. Женевьева Банке умерла 74 лѣтъ во время общей молитвы съ монахинями.

Свѣтскіе чиновники управляли дѣлами больницы. Въ 1717 году было сто монахинь и около 150 послушницъ. Кромя

того, больнымъ служили женщины, принимавшія на себя такое послушаніе на опредѣленный срокъ, — ихъ называли *soeurs donnes*. Въ больницѣ содержали наемныхъ служителей и служанокъ. Въ производимомъ обѣтѣ сестры обизывались каждый день своей жизни служить больнымъ, въ больницѣ *hotel Dieu* и всюду, куда бы ихъ ни посылали.

Сочинитель древней исторіи монашескихъ орденовъ, изъ которой мы почерпаемъ эти свѣдѣнія, говоритъ о необыкновенныхъ подвигахъ милосердія, совершаемыхъ въ больницѣ *hotel Dieu*. Сюда, рассказываетъ онъ, удаляются на трудное послушаніе жены царскаго рода; здѣсь можно не рѣдко встрѣтить самыхъ богатыхъ и знатныхъ женщинъ, исполняющихъ утомительное служеніе. Онѣ ходятъ за больными, не гнушаются никакими трудами, никакой работой. Между прочимъ онъ упоминаетъ о баронессѣ д'Орезонъ, изъ богатаго дома южной Франціи. Эта женщина осталась вдовой

18 лѣтъ, долго жила въ помѣстьѣ своемъ, гдѣ воспитывала дочь, и тамъ неутомимо служила больнымъ и бѣднымъ; потомъ же, когда дочь ея вышла замужъ, она основала монастырь въ Марьселѣ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ г-жа д'Орезонъ пошла въ Парижъ, надѣясь тамъ найти монастырь съ строжайшими правилами, въ которомъ она была бы неизвѣстна. Долго шла она, и дорогой, въ дальнихъ бѣдныхъ деревняхъ, отыскивала больныхъ, помогала имъ и служила, какъ работница. Въ Парижѣ ее ожидали униженія; встрѣтили ее съ недоувѣрчивостью, не приняли въ монастырь и она помѣстилась въ бѣдной нетопленной комнатѣ, питалась водой и хлѣбомъ, и каждый день ходила въ hotel Dieu, гдѣ усердно служила больнымъ. Тамъ занемогла она и умерла посреди больныхъ, за которыми такъ ревностно ходила.

Въ наше время кромя больницы hotel Dieu сестры ордена Св. Августина слу-

жать въ больницѣ Св. Лудовика, гдѣ помѣщается 825 кроватей и обширныя бани для больничныхъ и для приходящихъ больныхъ, которыхъ насчитывается до 9.000. Во время революціи, за немногими исключеніями, монахини оставались въ больницахъ, продолжали трудиться и кротко переносили обиды и гоненіе. Имъ поручены теперь больница милосердія *hospital de la charite* и другая больница Рибуазіеръ(*), въ которой распределение палатъ относительно изящества, чистоты и удобства хозяйственной части доведены до совершенства. Такимъ образомъ 4 больницы находятся подъ надзоромъ сестеръ Св. Августина.

Въ каждой больницѣ есть настоятельница; но всѣ Парижскія монахини Св. Августина считаютъ себя членами одной семьи.—Всѣхъ монахинь въ 1848 г. было 65 и 25 бѣлицъ. Монахини посѣща-

(*) *Hospital d' la Riboisierre* названный именемъ основательницы.

ютъ эти четыре больницы, но не иначе, какъ въ каретѣ, и кромѣ того никуда не отлучаются. Въ больницахъ онѣ только ходятъ за больными, но не завѣдываютъ хозяйственною частью. Имъ помогаютъ наемные служители, надъ которыми онѣ наблюдаютъ. Вообще *аву-стинки* не пользуются популярностью сестеръ милосердія; онѣ гордятся орде-номъ, въ который попасть довольно трудно, строго исполняютъ правила и не выходятъ изъ домовъ и больницъ своихъ. Отъ вступающей требуютъ вклада отъ 600 до 1000 франковъ, и допускаютъ только дочерей честныхъ родителей.— Послушаніе продолжается 4 года, послѣ чего послушница, съ согласія прочихъ монахинь, вступаетъ въ число ихъ. Ее принимаютъ или отвергаютъ по боль-шинству голосовъ. Воспитаніе послушницъ поручается опытной наставницѣ, и она немедленно удаляетъ ту, которая не подаетъ надежды сдѣлаться усердной сестрой. Замѣчательно, что не столько

боятся недостатковъ, сколько лѣности, слабости и неповиновенія. Первое время послѣ вступленія, послушницы почти всегда отличаются замѣчательнымъ усердіемъ: ихъ поддерживаетъ новость ихъ обязанностей и окружающей среды, и величіе предпринятаго служенія. Затрудненія начинаются на второй годъ, наступаетъ тяжкая борьба,—сожалѣніе, и живо ощущаются всѣ трудности служенія. Тутъ важны совѣты наставницы и ея руководство. Молитвы и частое принятіе таинствъ поддерживаютъ въ монахиняхъ святое настроеніе, необходимое для труднаго дѣла. „ Жизнь наша „ (говорятъ сестры) выше обыкновенной: „ мы должны отказываться отъ всего, „ что свѣтъ называетъ счастіемъ; по „ этому намъ нужно счастье другое, „ чудное, которое дается молитвой и „ таинствомъ причащенія.“ Постояннымъ начальникомъ монахинь бываетъ викарій Парижскаго Епископа: онъ посѣщаетъ больницы, поставляетъ мона-

хинь и ничего не предпринимается безъ его благословенія и совѣта.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о другихъ больничныхъ монахиняхъ, разсѣянныхъ по разнымъ городамъ Франціи. Въ 1328 году въ больницѣ Св. Велико-мученицы Екатерины, въ Парижѣ, служили также братья и сестры. Последнія въ скоромъ времени остались однѣ въ больницѣ, а должность настоятеля перешла къ начальнику *maître*, назначенному Парижскимъ Епископомъ. Сестры были совершенно подчинены этому начальнику. Онѣ должны были принимать въ назначенные дни всѣхъ бѣдныхъ женщинъ и дѣвушекъ, приходящихъ въ Парижъ, и также хоронить умершихъ преступниковъ, или окончившихъ жизнь насильственною смертью.

Въ 1259 г. Лудовикъ Святой устроилъ больницу въ городѣ Понтуазѣ, и помѣстилъ въ ней 30 монахинь подъ начальствомъ пріорши (*préieure*). Милосердіе этихъ добродѣтельныхъ женщинъ при-

влекало такое множество больныхъ, что число сестеръ вскорѣ оказалось недостаточнымъ. Король пожертвовалъ своимъ домомъ въ *Шампань*(*), съ окружающими его лѣсами, для содержанія достаточнаго числа монахинь. Онѣ слѣдовали уставу Св. Августина. Вотъ форма ихъ присяги: „ Я, сестра N обѣщаю, юсь всемогущему Богу и преславной Богородицѣ и Св. Николаю, покровителю нашей церкви, и всѣмъ святымъ, и вамъ, почтенной матери настоятельницѣ, жить въ цѣломудріи, бѣдности, и послушаніи, по правиламъ отца нашего Августина, по уставу этого дома, и быть во всю жизнь свою, изъ любви къ Іисусу Христу, служительницей больныхъ и бѣдныхъ. На сколько, ко это отъ меня зависитъ, буду это исполнять и соблюдать до самой смерти.“

Въ средніе вѣка были монахини, изъ

(*) *Champagne*-названіе провинціи.

вѣстные подѣ именемъ *soeurs grises*, названныя такъ по цвѣту своего платья. Однѣ изъ нихъ ходили по больницамъ и бѣднымъ, и жили подаяніемъ, другія имѣли постоянные доходы и принимали къ себѣ больныхъ и странныхъ. Монахини эти причислялись къ ордену Св. Франциска, потомъ приняли уставъ Св. Августина. Статутъ ихъ былъ утвержденъ въ 1463 году. Въ немъ подробно означены условія ихъ приема, порядокъ занятій и обязанности въ отношеніи къ больнымъ. Онѣ должны были вставать въ полночь къ заутрени, и молиться до двухъ часовъ; потомъ онѣ отдыхали до пяти, шли къ часамъ и обѣдни, и послѣ того работали вмѣстѣ до обѣда. Отъ обѣда до трехъ часовъ возвращались къ трудамъ своимъ, потомъ слушали вечерню и трудились до ужина. Когда ихъ посылали изъ монастыря къ больнымъ, онѣ отправлялись всегда по двѣ, должны были не разлучаться и идти прямо къ дѣлу, избѣгая всякихъ разгово-

воровъ; имъ было запрещено оставаться болѣе трехъ дней въ одномъ и томъ же домѣ, куда ихъ призывали для ухода за больными. Безъ особеннаго позволенія онѣ не могли вкушать пищи внѣ стѣнъ монастырскихъ.

Сестры собирались въ общемъ собраніи нѣсколько разъ въ годъ, и въ присутствіи духовнаго начальника признавались въ своихъ проступкахъ.

Больничныя сестры Св. Марты служатъ въ больницахъ Бургундіи. Первоначально онѣ принадлежали къ ордену Бегиннокъ. Больница города Бонъ (Beaune) была основана канцлеромъ Филиппа Добраго, помѣстившимъ туда шесть Бегиннокъ изъ города Мельхена. Здѣсь кромѣ бесплатнаго помѣщенія для больныхъ всѣхъ націй есть удобныя квартиры для достаточныхъ больныхъ, преимущественно для мѣстнаго дворянства; въ каждой квартирѣ по три комнаты. Больные платятъ за свое содержаніе, и обыкновенно въ концѣ леченія вносятъ

въ больницу небольшое денежное пожертвованіе. Рѣка Буржуазъ протекаетъ черезъ дворъ больницы и вода проведена во всѣ ея отдѣленія.

Въ городѣ Шалонѣ есть великолѣпная больница, основанная въ 1528 году. Здѣсь палаты содержатся необыкновенно чисто; зимой ихъ окуриваютъ, а лѣтомъ онѣ украшены цвѣтами. Сестры Св. Марты даютъ обѣтъ послушанія на время служенія въ больницѣ, но могутъ и выходить изъ общины по желанію.

Почти во всѣхъ городахъ Франціи съ учрежденіемъ больницъ являлись монашескіе ордена больничныхъ сестеръ. Мѣстное начальство вездѣ признавало за ними великую пользу, и благое ихъ вліяніе на состояніе больницъ, и потому всѣчески старалось замѣнить монахинями наемныхъ служанокъ и сидѣлокъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтская власть постоянно боролась съ духовною, которая хотѣла ввести въ общины строгія монастырскія правила и заключеніе (*cloture*).

Настоятельницы и сами монахини почти всегда старались о томъ же; строгое правило удовлетворяло аскетическому направленію удаляющихся отъ міра сестеръ и облегчало монастырское управленіе. Но вмѣстѣ оно было весьма неудобно при служеніи больнымъ.

Въ XVI и XVII вѣкѣ были сдѣланы многія попытки устроить общины, въ которыхъ монашеское послушаніе и совершенное отрѣшеніе отъ міра соединялись бы съ жизнью, не отчужденной отъ общества и съ нѣкоторой свободой. Наконецъ Викентію де Полю удалось основать ту благотворительную общину, которая помогла ему занять такое почетное мѣсто въ исторіи благотворительности и замѣнила многіе больничные ордена. Исторія сестеръ милосердія будетъ предметомъ отдѣльнаго изученія.

ОРДЕНЬ БЕГИНОКЪ.

Такъ уже въ XI вѣкѣ назывались женщины, которыя, не постригаясь въ монахини, жили отдѣльно, или небольшими обществами, подъ надзоромъ настоятельницы; давали обѣщаніе вести жизнь цѣломудренную, благочестивую и благотворительную. Нѣкоторые производятъ ихъ названіе отъ имени Св. Беги, жившей во Франціи въ VII вѣкѣ. Въ лѣтописяхъ VIII вѣка уже упоминается о первыхъ женскихъ общинахъ, которыя обрекали себя на подобную благочестивую жизнь, но онѣ со временемъ исчезли, или расселились по монастырямъ. Одинъ изъ первыхъ учредителей подоб-

наго общества женщинъ, занимавшихъ средину между монахинями и мірянами, былъ священникъ изъ Люттиха, благочестивый Ламбертъ Косноязычный (*le bégue*) Онъ былъ оклеветанъ и призванъ въ Римъ, но возвратившись оттуда оправданнымъ, въ 1180 году въ Люттихѣ онъ устроилъ общину благочестивыхъ женщинъ, соединилъ ихъ въ отдѣльномъ домѣ (*béguinerie*), и сдѣлался начальникомъ и руководителемъ ихъ.

Бегинки обязывались къ благочестивой жизни, цѣломудрію и послушанію. Обѣщаніе давалось тайно, обыкновенно на исповѣди, и обязывало только на опредѣленное время. Нѣкоторыя Бегинки жили отдѣльно въ своихъ домахъ, или у родственниковъ, питались трудами и сохраняли право свободно передавать свое имущество; другія жили небольшими обществами, и хотя при жизни располагали своимъ имѣніемъ, но при смерти обязывались все завѣщать общинѣ. Бегинки состояли подъ надзоромъ

и руководством мѣстнаго духовенства, и къ намъ перешли письменныя распоряженія Епископовъ о ихъ управленіи.

Въ лѣтописяхъ XIII вѣка часто упоминается объ орденѣ Бегинокъ. Матей, монахъ монастыря Св. Албана въ Англіи писалъ изъ Германіи въ 1251 году: „здѣсь теперь безчисленное множество женщинъ, произнесшихъ обѣтъ отрѣченія; ихъ считаютъ до 1.000.“

Въ Бельгіи и Франціи, общества Бегинокъ быстро распространялись. Лудовикъ Святой купилъ для нихъ домъ въ Парижѣ и соединилъ 400 Бегинокъ, жившихъ до тѣхъ поръ отдѣльно. Самый извѣстный покровитель Бегинокъ былъ рыцарь Филиппъ (Philippe de Montnirais) жившій въ 1280 г. О немъ писалъ современникъ, что возвратившись съ разныхъ дальнихъ хожденій на богомолье, онъ съ такимъ увлеченіемъ и чувствомъ говорилъ о подвигахъ благочестивыхъ людей, встрѣченныхъ имъ, и такъ умѣлъ передавать бесѣды ихъ, что возбуждалъ

въ сердцахъ слушателей святое соревнованіе и горячее желаніе христіанскаго совершенства. Изъ отцовскаго имѣнія онъ оставилъ себѣ только необходимое для жизни и основалъ множество монастырей и обществъ Бегинокъ.

Послѣднихъ онъ собралъ до 5.000, разсѣянныхъ по разнымъ областямъ и наставилъ на служеніе Христу. Дома были построены не для монашескаго заключенія Бегинокъ, но для доставленія приличнаго помѣщенія бѣднѣйшихъ изъ нихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ духовное начальство для избѣжанія нарѣканій и злоупотребленій запрещало Бегинкамъ жить отдѣльно.

Во время крестовыхъ походовъ такое множество женщинъ оставалось безъ защиты и подвергалось оскорбленіямъ и насилію, что у нихъ естественно являлось желаніе соединиться и стать подъ защиту Церкви.—Онѣ искали убѣжища въ обществахъ Бегинокъ. Тамъ, подъ покровительствомъ и управленіемъ Епи-

скопа, онѣ находили и безопасность, и всѣ преимущества монашеской жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ не отрекаясь отъ міра, не связывая себя ненарушимыми обѣтами. Такимъ образомъ, это учрежденіе спасало множество женщинъ отъ нужды, позора и грѣха, и предлагало имъ трудолюбивую, благотворительную и всѣми уважаемую жизнь. Онѣ зависѣли отъ Епископовъ, были избавлены отъ податей и налоговъ, и съ нѣкоторыми ограниченіями могли заниматься ремесломъ и рукодѣліемъ. Имъ также не запрещались невинныя удовольствія, но начальницы должны были наблюдать за порядкомъ, и не допускать того, что противорѣчило постановленіямъ Церкви и пользѣ бѣдныхъ.

Бегинки кормились и одѣвались трудами рукъ своихъ, но къ нимъ на помощь безпрестанно являлись благотворители. Лица царскаго рода и богатые граждане жертвовали въ пользу Бегиньмокъ значительными вкладами и достав-

ляли имъ средства посвящать свое время молитвѣ и служенію больнымъ, пилигримамъ и всякимъ страждущимъ.

Съ основаніемъ первыхъ домовъ для Бегинокъ (*béguineries*), явились при нихъ и больницы, въ которыхъ заботливо содержали больныхъ и съ любовью служили имъ. Бегинки посѣщали также больныхъ по домамъ, молились съ умирающими, омывали тѣла умершихъ, и дѣйствовали съ особенною ревностью и пользою во время чумы, когда всѣ другіе, одержимые молодужнымъ страхомъ, покидали несчастныхъ. Бегинки содержали также училища, брали къ себѣ сиротъ на воспитаніе и всячески помогали и служили ближнему. Общество подвергалось однако многимъ преслѣдованіямъ: монастыри завидовали ихъ богатству; наследники и родственники тѣхъ изъ Бегинокъ, которые оставляли общинѣ свое имѣніе, заводили споры и безконечные процессы.

Уставъ ордена былъ почти вездѣ одинъ

и тотъ же. Сестры имѣли право выходить изъ общества и вступать въ бракъ. Онѣ исключались изъ общины за несоблюденіе устава, и въ такомъ случаѣ изгонялись со стыдомъ, и нерѣдко лишались имѣнія. Онѣ сначала носили голубыя и коричневыя платья; но потомъ принято было черное платье и бѣлое покрывало.

Сначала сестры жили въ отдѣльныхъ домикахъ по три или по двѣ вмѣстѣ. Дома эти отличались бѣлымъ крестомъ на воротахъ, и строились обыкновенно около церкви, а потомъ отдѣлялись оградой отъ прочихъ улицъ. Въ Нидерландахъ образовались цѣлые городки изъ такихъ маленькихъ чистыхъ домиковъ, окруженныхъ садами. Между ними обыкновенно возвышалось одно большое зданіе—это была больница, куда кромѣ Бегиннокъ принимали и другихъ больныхъ.

Епископъ назначалъ настоятельницу, но она не имѣла полной власти игуменьи, а наблюдала только за общимъ

порядкомъ и внѣшнимъ спокойствіемъ. Начальницѣ помогали опытныя сестры, называемыя *discretas*. Онѣ составляли совѣтъ и вмѣстѣ рѣшали приемъ сестеръ. Начальница избиралась совѣтомъ гражданскихъ чиновниковъ съ утвержденіемъ отъ Епископа. Вообще положеніе общества Бегиннокъ въ срединѣ между свѣтскими и духовными учрежденіями причиняло беспрестанные споры между духовною и свѣтскою властью.

Бѣдные и больные содержались на сборныя деньги. Во многихъ общинахъ занимались тканьемъ и другими ремеслами. Богатые употребляли свое имѣніе на украшеніе домовъ, на содержаніе Бегиннокъ и вспомошествованія бѣднымъ. Бегинки должны были начинать день общей молитвой и ранней обѣдней, въ назначенные часы онѣ опять собирались для молитвы, и кромѣ того имъ предписывалось келейное правило. Прочимъ временемъ онѣ располагали по собственному усмотрѣнію.

Въ Нидерландахъ общества Бегиннокъ были очень богаты, имѣніе ихъ дѣлилось на больничное и церковное: первымъ располагала настоятельница, и употреблялось оно на содержаніе больницъ, внутреннее управленіе и ремонтровку зданій. Вторымъ, Бегинки распоряжались только съ участіемъ гражданскаго совѣта и духовнаго начальства. До самой революціи Бегинки сохранили въ Бельгіи большія дома и значительныя помѣстья. Во многихъ городахъ онѣ занимали цѣлые отдѣльные кварталы, въ которыхъ и теперь еще не рѣдко встрѣчаются уже обѣднѣвшіе Бегинки. Въ Гентѣ ихъ теперь еще считаютъ до 900, онѣ занимаются служеніемъ больнымъ, обученіемъ дѣтей, и каждая содержится собственными средствами. Можно теперь встрѣтить ихъ въ Мельхенѣ. Въ Брюсселѣ былъ цѣлый богатый кварталъ, занимаемый Бегинками; теперь черезъ него проведены двѣ улицы, и въ немъ живутъ еще многія Бегинки.

ЖЕНСКІЯ ОБЩИНЫ ВО ИМЯ СВ. УРСУЛЫ.

Сестры этаго ордена посвятили себя милосердію и преимущественно воспитанію дѣтей.—Онѣ уже въ началѣ 16 вѣка принимали къ себѣ нищихъ дѣвочекъ и обучали ихъ; уже тогда онѣ, просвѣтлѣнныя любовью къ христіанству, понимали необходимость этихъ учрежденій, польза которыхъ признана теперь всѣми образованными обществами. Сестры Св. Урсулы живутъ или общинами, или отдѣльно; послѣднія не произносятъ обѣтовъ и слѣдуютъ третьему и среднему ордену tiers-ordre, что составляетъ нѣчто среднее между монашескою и свѣтскою жизнью. Первою мыслью основа-

тельницы этого ордена было жить въ мірѣ и обязываться исполнять дѣла милосердія. Впослѣдствіи сестры составили общество и теперь существуетъ болѣе 350 монастырей этого ордена, съ различными благотворительными учрежденіями.

Анджела де Брешія первая основала этотъ орденъ. Она родилась въ Десензано, на озерѣ Гарда, рано лишилась родителей; ее воспитывалъ благочестивый дядя, который не мѣшалъ ей вмѣстѣ со старшею сестрою подвизаться въ благочестіи; онѣ проводили время въ молитвѣ и въ размышленіяхъ о Богѣ. Великимъ испытаніемъ для Анджелы была смерть этой старшей сестры, которую она очень любила и на которую смотрѣла какъ на опору и на наставницу. Ей казалось, что горе это послано ей Богомъ, чтобы призвать ее къ исключительному для Него служенію, и рѣшилась удалиться отъ міра. Сначала она присоединилась къ ордену Св. Франциска, потомъ приняла правила Св. Авгу-

стина. Она посѣтила Святыя мѣста, была въ Римѣ, наконецъ въ 1537 году она, возвратившись въ Брешию, принялась за давно задуманное ею великое дѣло. Ей было тогда 26 лѣтъ. Давно искала она лучшаго средства противодѣйствовать страшной испорченности нравовъ и невѣжеству, ее окружающему. Она замѣтила сильно распространяющееся въ то время недовѣріе и ненависть къ монашескимъ орденамъ; это побудило ее учредить общину сестеръ, которыя, продолжая жить въ мірѣ, въ кругу родныхъ, старались бы объ обращеніи заблудшихъ, о проповѣдываніи слова Божія и подавали бы примѣръ святой и благочестивой жизни. Онѣ обязывались отыскивать огорченныхъ, утѣшать и наставлять ихъ, ходить за больными, словомъ дѣлать всякое добро и пользу ближнему.—Анжела предвидѣла возможность необходимыхъ измѣненій устава и монашескаго устройства ордена, къ которому впрочемъ въ послѣдствіи

причислялись члены, жившіе и въ свѣтѣ. Семьдесятъ три сестры вступили въ новый орденъ и посвятили себя славѣ Божіей и труду въ пользу ближняго. Андже́ла была избрана настоятельницей и уговорила сестеръ поручить это новое учрежденіе покровительству Св. Урсулы, которая, по преданіямъ западной Церкви, была наставницею благочестивыхъ дѣвъ и поощряла ихъ принять мученическую смерть.—Вліяніе благочестивыхъ женщинъ на окружающее ихъ общество было благотворно и поразительно. Въраоживлялась, и во всѣхъ сословіяхъ стало замѣтно желаніе помочь несчастнымъ и просвѣтить невѣжественныхъ. Знаменитый кардиналъ Карлъ Беромейскій чрезвычайно уважалъ этотъ орденъ и выписалъ изъ Брешиѣ сестеръ для основанія такого же ордена въ Миланѣ. Въ 1571 орденъ былъ основанъ во Франціи въ городѣ Авиньонѣ стараніями Г-жи де Бременъ. Она уговорила 25 дѣвицъ посвятить себя на помощь ближнему и на

обученіе маленькихъ дѣвочекъ. Сначала онѣ жили порознь, но потомъ соединились и жили въ монастырѣ. Въ Парижѣ благочестивая вдова Г-жа С. Бевъ, которая давно исключительно занималась дѣлами милосердія, взялась учредить орденъ Св. Урсулы для обученія бѣдныхъ дѣтей. Вскорѣ въ одномъ Парижѣ считалось 80 монастырей ордена. Въ Бордо возникло до 100 монастырей во имя Св. Урсулы; тамъ, какъ и во многихъ другихъ областяхъ, орденъ считалъ и монахинь и свѣтскихъ членовъ сотрудниками, которыя, работая подъ руководствомъ монахинь, исполняли различныя дѣла милосердія. Онѣ обязывались посѣщать больныхъ, бывать въ тюрьмахъ и больницахъ, наблюдать тамъ за исполненіемъ церковныхъ требъ, чтобы заключенные и больные готовились къ Святому Причастію, и чтобы находившіеся между ними дѣти обучались грамотѣ, закону Божьему и привыкали къ работѣ. Настоятельница выбирала опыт-

ную монахиню, которая руководила этими свѣтскими членами общины. Желающія вступить въ число ихъ, подвергались трехъ—мѣсячному испытанію, потомъ обращались къ духовному начальнику, вступали съ его благословенія и обязывались исполнять особенное молитвенное правило.

Въ монастырѣ Св. Урсулы въ городѣ Тулузѣ сестры ввели такія строгія правила, что духовенство принуждено было смягчить ихъ для сохраненія силъ и здоровья монахинь—и для того, чтобы не было имъ препятствія къ исполненію дѣлъ милосердія и воспитанія дѣтей. Тогда сестры просили замѣнить строгое, отмѣненное, правило новыми трудами въ дѣлѣ воспитанія. Получивъ согласіе, онѣ открыли пять новыхъ классовъ, въ которыхъ сестры по-очередно, непрерывно обучали приходящихъ дѣтей. Кроме того по праздникамъ и воскресеньямъ сестры наставляли и учили грамотѣ бѣдныхъ служащихъ и работницъ.

Одной изъ самыхъ замѣчательныхъ монахинь ордена Св. Урсулы была Франциска Ксентоежь (Xaintonge), которая основала монастырь въ городѣ Дижонѣ. Она съ раннихъ лѣтъ хотѣла посвятить себя на дѣло просвѣщенія ближняго и еще болѣе утвердилась въ этомъ намѣреніи при содѣйствіи благочестивой тетки, настоятельницы монастыря Урселинокъ въ Бургундскомъ графствѣ. Франциска открыла свое намѣреніе подругѣ, и онѣ стали вмѣстѣ обучать маленькихъ дѣвочекъ и велически помогать бѣднымъ. Ихъ труды встрѣтили сначала сильное сопротивленіе. Отецъ Франциски созвалъ ученыхъ и спрашивалъ—, „обученіе дѣвочекъ не есть ли дѣло, внушенное діаволомъ.“ (Si instruire les femmes n'est pas une oeuvre du démon.) Къ двумъ подругамъ, вскорѣ присоединились другія; онѣ собирались у Франциски, которая продолжала жить съ своими родителями. Но вскорѣ явились новыя препятствія. Г-жа Ксентонжъ, видя, что благотвори-

тельные труды дочери ея возбуждаютъ неблагосклонное сужденіе сосѣдей, запретила подругамъ собираться у нея въ домъ. Тогда дѣвицы наняли небольшую бѣдную комнатку, рѣшились переселиться туда и тамъ продолжать труды свои.

Онѣ вступили въ эту комнату послѣ обѣдни въ самый день Рождества Христова. У нихъ не было никакихъ средствъ къ существованію: всѣ бывшія у нихъ деньги были заплачены за помѣщеніе; родные и близкіе осуждали и преслѣдовали ихъ. Наконецъ отецъ Франциски сжалился надъ нею, и послалъ ей нѣсколько денегъ, а впослѣдствіи она стала получать небольшія подаванія и отъ постороннихъ людей. Подруги все отдавали бѣднымъ, радовались своимъ лишеніямъ и часто довольствовались водой и хлѣбомъ.

Въ 1607 г., польза, приносимая дѣвицами, была признана и горожанами и духовенствомъ. — Францискъ позволено было основать монастырь, — въ которомъ

обучали бы дѣвочекъ. Число сестеръ быстро умножалось; онѣ выписали уставъ Анджелы де Брешіи и ввели его въ общину. Сначала много было затрудненій, не было ни удобнаго помѣщенія, ни достаточныхъ средствъ; но мало по малу все устроилось, и наконецъ чрезъ 12 лѣтъ послѣ перваго помѣщенія сестеръ въ бѣдной комнаткѣ, онѣ торжественно перешли въ новый большой, купленный ими домъ. Онѣ шли туда крестнымъ ходомъ, при звонѣ колоколовъ, при крикахъ народа, который устилалъ ихъ путь цвѣтами. Однако и послѣ этого бывали еще тяжелыя минуты. Прежніе благотворители, видя новое обширное помѣщеніе сестеръ, подумали, что община вполнѣ обезпечена и остановили свои вклады. Но тутъ сестры получили значительную сумму денегъ отъ одной богатой благотворительницы, и такимъ образомъ существованіе монастыря было обезпечено. По просьбѣ Франциски онъ былъ причисленъ къ монастырямъ орде-

на С. Урсулы. Сестры производили обѣты бѣдности, цѣломудрія и послушанія, и обязывались обучать маленькихъ дѣвочекъ.

Франциска основала послѣ этого многіе монастыри того же ордена; въ 1640 году въ Дижонѣ и его окрестностяхъ было 36 монастырей, которые управлялись Дижонскою обительюю.

Мы упомянули о теткѣ Франциски, которая основала монастырь въ городѣ Бургундскаго графства Доль. Она была родомъ изъ Дижона, гдѣ въ молодости любила заниматься дѣтьми и собирать ихъ въ церкви для ученія христіанскому катихизису.

Тридцати шести лѣтъ она основала монастырь, въ которомъ въ продолженіи 26 лѣтъ занималась обученіемъ дѣвочекъ. Она особенно обращала вниманіе на тѣхъ изъ дѣтей, которыя по своимъ тѣлеснымъ или умственнымъ недостаткамъ не возбуждали участія другихъ наставницъ или даже внушали имъ

отвращеніе. Она говорила сестрамъ, что главное ихъ дѣло: воспитаніе дѣтей и что никакое послушаніе, никакая церковная служба не должны мѣшать точному исполненію этого дѣла. Вотъ распредѣленіе часовъ въ Дольской обители,—тотъ же порядокъ соблюдался почти во всѣхъ монастыряхъ ордена: во всякое время года онѣ вставали непременно въ 4 часа, молились въ своихъ кельяхъ, потомъ соединялись въ домовой церкви для общей молитвы, затѣмъ шли къ обѣднѣ. Въ 7¹/₂ часовъ начинались уроки дѣтей и продолжались до десяти; тутъ наступало время размышленія (examen de conscience), потомъ обѣдъ, послѣ этого часъ отдыха и чтеніе Похвалы Богородицѣ, потомъ всѣ работали въ молчаніи. Въ два часа опять начинались классы, потомъ молитвы, духовное чтеніе и всеношная. Послѣ ужина слѣдовалъ отдыхъ и молитва всѣмъ святымъ, еще не много времени посвящалось чтенію, потомъ наступало время

размышленія о проступкахъ, сдѣланныхъ въ продолженіи дня,—или тайная исповѣдь. Въ девять часовъ всѣ расходились по кельямъ. Во всѣ воскресные и праздничные дни были открыты классы для работницъ и служанокъ; ихъ учили вмѣстѣ или порознь, какъ находили удобнѣе.

Орденъ Св. Урсулы, возстановленный послѣ революціи декретомъ Наполеона, считаетъ множество монастырей во Франціи, и во всѣхъ западныхъ государствахъ. Въ Римѣ и прочихъ городахъ Италіи множество монастырей во имя Св. Урсулы; въ правилахъ ихъ обозначено, что главная обязанность сестеръ безвозмездное обученіе бѣдныхъ дѣвочекъ, и усердная молитва о благѣ Церкви и процвѣтаніи ея іерархіи.

МОНАСТЫРЬ ВО ИМЯ УБѢЖИЩА НАШЕГО ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ.

(Notre Dame du refuge)

Цѣль этаго ордена—принимать порочныхъ женщинъ, которыя или добровольно покидаютъ грѣшную жизнь, или осуждены закономъ на заключеніе въ монастырь. Во Франціи было много монастырей во имя Маріи Магдалины и Маріи Египетской, гдѣ принимали такихъ женщинъ, но тамъ заключеніе было всегда по принужденію:—несчастныя грѣшницы жили подъ надзоромъ монахинь какого бы то ни было ордена, которыя отличались отъ нихъ и платьемъ

и образомъ жизни. Здѣсь же, напротивъ того, честныя и благочестивыя женщины, принимали въ среду свою всякую несчастную, если только въ ней замѣчалось раскаяніе и склонность къ монашеской жизни. Между тѣми и другими соблюдалось совершенное равенство.— У нихъ была одна пища, одно платье и, можно сказать, одна душа.— Такое равенство признавалось лучшимъ средствомъ къ обращенію: оно благотворно дѣйствовало на женщинъ, еще нераскаявшихся, и поддерживало въ добромъ дѣлѣ тѣхъ, которыя уже вступили въ среду монахинь.

Монастырь Святаго убѣжища былъ основанъ Елизаветою Дюбуа въ половинѣ XVI вѣка. Она была единственною дочерью достаточныхъ родителей, которые, казалось, сильно ее любили. Но проявленіе въ Елисаветѣ необыкновенной пажности въ самые дѣтскіе годы, огорчило ихъ. Они старались внушить ей любовь къ свѣтскимъ удовольствіямъ,

запрещали молитвенные подвиги и чтение духовных книг; но все это только воспламеняло ее набожность. Съ 14 лѣтнаго возраста началось противъ нее настоящее преслѣдованіе. Красота Елисаветы, чудный голосъ, свѣтлый умъ, ругались за ее успѣхи въ обществѣ и обѣщали ей блистательную будущность, — но она отклоняла мысль о супружеской жизни, — искала подкрѣпленія и утѣшенія въ молитвѣ. Напрасно возили ее на шумныя соборья, принуждали читать романы и слушать пустые разговоры, напрасно прибѣгали къ угрозамъ, обидамъ, наказаніямъ. Болѣзнь, въ которую впала Елисавета, не избавила ее отъ гоненій; родители объявили ей наконецъ, что они выбрали для нея мужа, и не тронулись ни горькими слезами, ни просьбами бѣдной дѣвушки. Избранный женихъ занималъ важное мѣсто въ городѣ, но онъ былъ старый вдовецъ; суроваго нрава. Елисавета не могла полюбить его. Она просила свиданія съ

нишъ, и объявила ему, что ее силою выдаютъ за него замужъ, и умоляла о защитѣ. Однако старикъ не только не сжалился надъ несчастной, но даже хлопоталъ о скорѣйшемъ заключеніи брака. Большую дѣвушку подняли съ кровати, чтобы вести къ брачному налою.

Для Елисаветы начались новыя испытанія. Казалось, что мужъ искалъ союза съ нею только для того, чтобы отомстить ей за сопротивленіе. Онъ оказывалъ ей явное пренебреженіе и всячески оскорблялъ ее. Не было такихъ мелкихъ униженій и обидъ, которымъ бы она не подвергалась. Кромѣ того въ домѣ мужа она нашла взрослыхъ падчерицъ и старыхъ ихъ служителей, которые были недовольны этимъ бракомъ и теперь всячески старались ей мстить. Жизнь Елисаветы была нѣсколько разъ въ опасности—то отъ грубаго обращенія съ нею мужа, то отъ злости окружающихъ его людей. Но какъ ни ужасны были ея страданія, все переносила

она съ терпѣніемъ и никогда не жаловалась на мужа. Когда онъ впалъ въ тяжкую болѣзнь, она съ необыкновеннымъ усердіемъ и преданностью ходила за нимъ, исполняла при немъ обязанности служанки, не смотря ни на то, что онъ не переставалъ сердиться и жаловаться на нее. Такимъ покорнымъ и ревностнымъ исполненіемъ своего долга, она развила въ себѣ необыкновенную кротость нрава, и приобрѣла то душевное спокойствіе, тотъ чудный внутренній міръ, который есть послѣдствіе нравственной борьбы и побѣды.

Послушаніе ея простиралось до того, что она безъ разрѣшенія мужа не позволяла себѣ и тѣхъ молитвенныхъ подвиговъ, въ которыхъ еще до свадьбы своей находила единственное утѣшеніе. Святое чувство любви, которымъ было исполнено сердце Елисаветы, выражалось съ особенною силой въ заботахъ ея о душевной пользѣ мужа. Она такъ много, такъ усердно просила Бога о его обра-

щеніи, что молитва ея была услышана: сердце его смягчилось, онъ совершенно измѣнился, сталъ кротокъ, милосердъ къ бѣднымъ и умеръ въ искреннихъ чувствахъ кающагося христіанина.

Елисавета 23 лѣтъ осталась вдовой съ тремя дочерями. Она старалась возвратиться къ строгой уединенной жизни, отказалась отъ роскоши и нарядовъ, которые носила только изъ уваженія мужу;—но испытанія ея не кончились. Снова преслѣдуемая докучливымъ сватовствомъ, она подвергалась разнымъ семейнымъ непріятностямъ, и наконецъ впала въ страшную нервическую болѣзнь. Припадки этой страшной и ужасной болѣзни современники приписывали навожденію дьявола.

Послѣ долгихъ и тяжелыхъ страданій Елисавета получила чудное и внезапное исцѣленіе, и рѣшилась слѣдовать давнимъ внушеніямъ сердца: посвятить себя Богу. Долго обдумывала она выборъ монастыря, куда могла бы удалиться;

но Господь внушилъ ей мысль привести къ престолу Его милосердія заблудшихъ овецъ стада Его, и она въ душѣ своей произнесла обѣтъ принимать всѣхъ грѣшныхъ женщинъ, желающихъ обратиться къ добру. Вскорѣ представился случай исполнить это намѣреніе. Одна благочестивая дѣвица жившая въ Нанси, гдѣ поселилась и Елисавета, пришла къ ней и съ сожалѣніемъ рассказала, про двухъ, встрѣтившихся ей на улицѣ, несчастныхъ женщинъ, которыя рассказали ей о своей порочной жизни и горестномъ положеніи. Онѣ сознавались, что давно сожалеютъ о грѣхахъ своихъ и готовы обратиться къ добру, но невозможность найти убѣжище и средства къ пропитанію заставляла ихъ продолжать прежнюю беспорядочную жизнь. Сердце Елисаветы было глубоко тронуту этимъ разсказомъ. „ Не будемъ ли мы отвѣчать предъ Богомъ за этихъ несчастныхъ, воскликнула она! Надо принять ихъ и заняться ими.“ Она сейчасъ же отыска-

ла этихъ несчастныхъ, съ любовью приняла ихъ, приласкала, угостила обѣдомъ и не обращая вниманія на неминуемыя насмѣшки и осужденія, положила на благое провидѣніе и поселила ихъ у себя. Другія порочныя женщины, узнавъ о томъ, пришли къ Елисаветѣ Дюбуа и просили у нее убѣжища. Ихъ собралось до 20, всѣ были приняты съ любовью, не смотря на то, что эти несчастныя были неопрятны, покрыты рубищемъ и, огрубѣвъ среди вѣчной жизни, внушали почти невольное отвращеніе. Но не отталкивающую наружность видѣла Елисавета, — а кровь Спасителя, пролитую за грѣхи всѣхъ людей, — и чувствовала къ нимъ такое состраданіе, что готова была пожертвовать для нихъ жизнью.

Она убѣдила дочерей своихъ служить несчастнымъ. Старшая, которой было 15 лѣтъ, наблюдала за приготовленіемъ имъ пищи; вторая служила имъ за столомъ, третья читала имъ въ слухъ.

Въ началѣ много нападали на это учрежденіе и осуждали Г-жу Дюбуа, но явились и благочестивые люди, которые выразили ей сочувствіе. Епископъ послалъ опытнаго Священника для наставленія несчастныхъ, и наконецъ положено было избрать достойнѣйшихъ изъ этихъ новыхъ Магдалинъ, соединить ихъ съ благочестивыми женщинами, готовыми посвятить себя дѣлу обращенія грѣшницъ, и, такимъ образомъ, основать монастырь, который сдѣлался бы убожищемъ всѣхъ несчастныхъ, желающихъ оставить порочную жизнь. Г-жа Дюбуа съ тремя дочерьми своими вступила въ число монахинь. Въ это время въ гор. Нанси былъ уже женскій монастырь, куда заключались порочныя женщины, и гдѣ содержали ихъ за годовую плату. Этотъ монастырь былъ преобразованъ и отданъ въ управленіе Г-жи Дюбуа.— Новый орденъ былъ утвержденъ буллой Папы Урбана VIII, и ему назначенъ былъ духовный начальникъ. Вскорѣ гра-

жданское и духовное начальство многихъ городовъ Франціи выразило желаніе устроить подобныя убѣжища. Мать Елисавета основала въ Авиньонѣ монастырь, и оставила въ немъ старшую дочь свою, которая вскорѣ избрана была въ настоятельница. Въ послѣдствіи Елисавета основала многіе другіе монастыри,—долго еще руководила сестеръ своихъ и подавала имъ примѣръ любви и смиренія, и скончалась 56 лѣтъ въ 1649 году.

Въ монастырѣ ордена Св. Убѣжища женщины раздѣляются на три разряда. Во первыхъ благочестивыя честныя инокини, которыя добровольно посвятили себя на святое дѣло обращенія порочныхъ женщинъ, и обязались къ тому обѣтомъ; во вторыхъ монахини изъ кающихся, которыя внушили довѣріе искренностью своего раскаянія, и потому удостоились постриженія, и живутъ на равнѣ съ благочестивыми ихъ наставницами,—и наконецъ женщины находя-

щіяся въ монастырѣ на покаяніи, или добровольно вступившія, или заключенныя по распоряженію правительства, въ которыхъ незамѣтно расположенія къ монашеской жизни, и которыя живутъ подъ надзоромъ монахинь. Правило почти для всѣхъ одно и тоже, но послѣднія не проносятъ обѣтовъ и не носятъ одежды монахинь.

Г-жа Дюбуа ограничила число благочестивыхъ наставницъ третьею частью живущихъ въ монастырѣ, потому что она боялась, какъ бы число кающихся не уменьшилось постепенно и какъ бы монастырь не измѣнилъ первоначальному назначенію. Это случалось во многихъ монастыряхъ, въ которыхъ инокини постепенно заступали мѣсто преступныхъ женщинъ и ограничивались одними молитвенными упражненіями, отдаляя отъ себя подвигъ труднаго первоначальнаго служенія. Выборъ настоятельницы и главныхъ ея помощницъ совершенно зависѣлъ отъ пачальника, по-

тому что нельзя было допустить свободное избраніе тайъ, гдѣ большинство состояло изъ женщинъ, отверженныхъ обществомъ. Самъ же духовный начальникъ избирался внутреннимъ и внѣшнимъ совѣтомъ, но не иначе какъ съ утвержденіемъ Епископа. Совѣтъ составлень изъ лицъ духовнаго званія и изъ мірянъ, принимающихъ участіе въ дѣлахъ общины.

МОНАСТЫРЬ ОРДЕНА МИЛОСЕРДІЯ БѢГОРОДИЦЫ.

Въ немъ также принимали кающихся женщинъ, но онѣ не могли просить постриженія. Монастырь этотъ былъ основанъ благочестивымъ священникомъ Едомъ, который ходилъ по деревнямъ и приходамъ, ревностно проповѣдуя имя Христова. Мѣжду тѣми, на которыхъ онъ подѣйствовалъ своею проповѣдью, были женщины жившія доселѣ въ грѣхахъ и безпорядочной жизни. Онѣ пришли къ

нему прося принять ихъ, и указать имъ какое нибудь убѣжище, прибавляя, что нужда заставляетъ ихъ продолжать свою прежнюю грѣшную жизнь. Священникъ Едъ подалъ имъ милостыню, но, не зная куда ихъ пріютить, поручилъ несчастныхъ покровительству нѣкоторыхъ благочестивыхъ людей.

Въ числѣ женщинъ, принявшихъ на себя эту обязанность, была одна ревностная, милосердая, но совершенно неученая и весьма бѣдная. Она взяла къ себѣ несчастныхъ, пріютила ихъ, учила ихъ работать, наставляла какъ умѣла, питала милостынею, которую сама собирала для нихъ. Однажды она стояла у воротъ своего жилища, когда по улицѣ прошли отецъ Едъ и нѣсколько духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, пзвѣстныхъ въ городѣ и славящихся своею набожностью. Она закричала имъ: „Куда вы это отправляетесь, опять по церквамъ, къ образамъ прикладываться,—и послѣ этого вы думаете, что вы очень рели-

гіозны; да, это не мудро; а вотъ постарайтесь лучше о томъ, чтобы устроить приютъ для бѣдныхъ женщинъ, которыя погибають отъ недостатка въ средствахъ и покровителяхъ.“ (*)

Грубая, но горячая и искренняя рѣчь ея сначала возбудила всеобщій хохотъ, но она глубоко запала въ сердце Еда. На возвратномъ пути, женщина стала опять просить о своихъ бѣдныхъ, и сей часъ же все общество взялось обдумывать средства помочь имъ.

Положено было нанять домъ. Одинъ обѣщаль платить за наемъ, другой взялся доставить домашнія принадлежности, третій готовъ былъ жертвовать хлѣбомъ. Все было приведено въ исполненіе, и

(*) Vous allez a l'église manger des images apres quoi vous croyez être bien devots, — ce n'est pas là que gît le lievre, mais bien à travailler a fonder une maison pour ces pauvres filles, qui se perdent faute de moyens et de conduite. (Histoire des ordres monastiques et religieux.)

бѣдныхъ женщинъ помѣстили въ домъ подѣ надзоромъ благочестивыхъ наставницъ. Но въ послѣдствіи наставницы эти стали отказываться отъ труднаго дѣла, и рѣшено было поручить управление домою монахинямъ. Сначала обратившись къ сестрамъ Святаго убѣжища; потомъ возникъ другой подобный орденъ. Монахини обязывались посвятить жизнь свою руководству женщинъ, желающихъ измѣнить свой образъ жизни и покаяться въ прежнихъ заблужденіяхъ. По правиламъ ордена женщины находящіяся здѣсь на покаяніи (*les pénitentes*) жили совершенно отдѣльно и не могли быть приняты въ число монахинь, какъ ни велико было ихъ расположеніе къ монашеской жизни, и какъ ни искренно покаяніе. Имъ только позволено было искать постриженія въ другихъ монастыряхъ.—Прочихъ женщинъ, по неправоленіи, возвращали роднымъ, или старались доставить имъ возможность вести честный образъ жизни.

МОНАСТЫРИ ВО ИМЯ ДОБРАГО ЦАСТЫРЯ.

Монастыри эти имѣютъ также цѣлью обращеніе заблудшихъ женщинъ. Они существуютъ съ 1650 года. Первою основательницею ихъ была Г-жа Комбе. Она принадлежала къ семейству кальвинистовъ, жила въ свѣтѣ; была за мужемъ, но не могла помириться съ тяжелымъ правомъ мужа, оставила его и векорѣ овдовѣла. Въ это время, хотя она рѣшилась не вступать во вторичный бракъ, но любила еще свѣтскія удовольствія. Въ сердцѣ ея начинало пробуждаться желаніе иной жизни. Она отдалялась отъ религіозныхъ убѣжденій родныхъ своего мужа, которые не удовлетворяли требованіямъ ея восторженной души, — и присоединилась къ Римской церкви. — Послѣ этого она провела нѣкоторое время въ женскомъ монасты-

рѣ, потомъ возвратилась въ Парижъ, жила въ уединенномъ домѣ, обрекла себя на труды и лишения. Оставивъ прежніе наряды, она носила рубище, возбуждавшее насмѣшки прохожихъ, постилась и изнуряла свое тѣло.

Хозяинъ того дома, въ которомъ Г-жа Комбе нанимала не большую комнату, былъ тронутъ ея благочестіемъ. Онъ пришелъ къ ней однажды и просилъ ее переговорить съ женой его, которая много его огорчала своимъ поведеніемъ.— Г-жѣ Комбе удалось возбудить раскаяніе въ сердцѣ этой женщины. Вскорѣ другое обстоятельство показалось ей вторичнымъ указаніемъ ея призванія. Къ ней пришла одна старушка и рассказала ей, что однажды, во время молитвеннаго бдѣнія, она увидѣла Спасителя принимающаго грѣшниковъ; они стекались къ нему со всѣхъ сторонъ, и между ними она узнала Г-жу Комбе, которая вела за собой множество другихъ женщинъ и указывала на нихъ Спасителю.

Вскорѣ дѣйствительно Г-жа Комбе посвятила себя на взысканіе погибающихъ душъ,—на приближеніе ихъ къ подножію престола милосердія Божія. Первая принятая ею грѣшница была неопытная дѣвушка, которая, выслушавъ трогательную проповѣдь о покаяніи, пала къ ногамъ священника и призналась ему въ своей безчестной жизни. Священникъ былъ знакомъ съ Г-жею Комбе. Онъ привелъ къ ней дѣвушку, которая съ радостью была принята ею и поселилась у ней. Вскорѣ къ нимъ стали присоединяться другія женщины, которыя отрекались отъ суеты и удовольствій міра, обрекали себя молитвѣ и уединенію, и обязывались призывать къ подобной жизни всѣхъ заблудшихъ женщинъ, выразившихъ желаніе раскаяться и начать новую жизнь.

Много несчастныхъ воспользовались предложеніемъ Г-жи Комбе и ея сотрудницъ. Община образовалась безъ всякихъ средствъ; у учредительницы не было

ишья; она была иностранка и почти никого не знала въ Парижѣ. Но пособія являлись неожиданно. Въ одно время, когда умножившаяся община рѣшительно не знала, куда помѣститься, какой—то благотворитель предложилъ денегъ на наемъ дома. Другой разъ всѣ средства также были истощены, и Гжа Комбе не знала, чѣмъ прокормить сестеръ своихъ на слѣдующій день; она пошла въ церковь и стала усердно молиться, чтобы Господь добрый Пастырь не оставилъ малое стадо Свое, — и вдругъ къ ней подошелъ неизвѣстный и подалъ ей кошелекъ съ деньгами.

Вскорѣ правительство признало пользу убѣжища для порочныхъ женщинъ, гдѣ онѣ пріучались къ правильной и трудолюбивой жизни. Ей дали домъ, оказали помощь. Многія частныя лица, тронутыя ея усердіемъ, помогали ей богатыми милостынями.

Члены общины Добраго Пастыря раздѣлялись на два разряда. Къ одному

принадлежали благочестивыя женщины, посвятившія себя дѣлу обращенія грѣшницъ. Онѣ назывались сестрами. Другія назывались кающимися (*repitentes*). Последнихъ принимали безъ различія происхожденія и возраста, — за исключеніемъ беременныхъ женщинъ или больныхъ приличными болѣзнями. Всякое денежное вознагражденіе за приемъ кающейся строго воспрещалось. Въ сестры же вступали не моложе 23 лѣтъ, послѣ двухлѣтняго испытанія. Новая сестра принималась или исключалась по большинству голосовъ. Получивъ согласіе большинства сестеръ, она торжественно присоединялась къ общинѣ принятіемъ Св. Таинъ послѣ трехдневнаго уединенія.

По окончаніи обѣдни, новая сестра обнимала всѣхъ сестеръ и кающихся, потомъ служила послѣднимъ за столомъ и цѣловала ноги у каждой въ знакъ того, что она вступаетъ въ общину именно съ тѣмъ, чтобы служить ей. Кромѣ небольшого различія въ одеждѣ, между

сестрами, наставницами и кающимися соблюдалось совершенное равенство.

Еще при жизни Г-жи Комбе въ главныхъ городахъ Франціи основались монастыри во имя Добраго Пастыря. Къ ней прѣзжали за совѣтами и паставленіями, и она посылала сестеръ для устройства новыхъ общинъ. Г-жа Комбе отличалась необыкновеннымъ умѣньемъ убѣждать несчастныхъ и назначать имъ занятія, къ которымъ онѣ были способны. Иногда она умѣла голосомъ суроваго убѣжденія остановить колеблющуюся, и возвратить ее на путь добродѣтели. Однажды она остановила удаляющуюся сестру, и, взявъ ее за руку, строго сказала: „Ты отсюда не выйдешь сестра,—мы увидимъ—кто одержитъ надъ тобой побѣду: Богъ или дьяволъ!“— Но чаще всего она дѣйствовала въ духѣ кротости, убѣжденія и любви. Послѣ довольно продолжительнаго испытанія, вступавшія на покаяніе женщины удалялись на время и пребывали въ мо-

литвѣ и молчаніи. Сестры наставляли ихъ, старались узнавать расположеніе ихъ души и причину вступленія въ общину. Онѣ описывали имъ будущую жизнь въ общинѣ, не скрывали ничего, что въ ней будетъ труднаго, но ободряли ихъ надеждою на милосердіе Божіе, необходимою искупить покаяніемъ прежнюю жизнь и надеждою на прощеніе и награду вѣчную. Для соблюденія взаимнаго уваженія и святаго согласія Г-жа Комбе требовала совершеннаго равенства между членами общества, безъ различія прежней нищеты и богатства. Сама она отличалась необыкновеннымъ милосердіемъ ко всѣмъ бѣднымъ, раздавала то, что находила излишнимъ для общины, никогда не заботилась о накопленіи доходовъ для монастыря, потому что твердо уповала на милосердіе и помощь Божію. Г-жа Комбе не долго наслаждалась цвѣтущимъ положеніемъ общины: она умерла 36-ти лѣтъ, послѣ двухъ-лѣтней тяжкой болѣзни.

СЕСТРЫ БОЖІЯ ПРОВЕДѢНІЯ.

Община эта учреждена съ цѣлью доставить пріютъ беззащитнымъ дѣвицамъ, и преимущественно тѣмъ, которыя по дурному примѣру или крайней бѣдности находятся въ опасности впасть въ порокъ, а также для того, чтобы обучать маленькихъ дѣвочекъ: рукодѣлію, закону Божьему и грамотѣ. Сестры обязывались обѣтомъ: 1.) подражать Спасителю, идти за Нимъ, подобно тѣмъ святымъ женамъ, которыя послѣдовали Ему во время Его земной жизни и служили Ему; 2.) стараться духомъ любви Христовой обращать къ Нему всѣхъ женщинъ, проповѣдуя имъ Царствіе Его, и исполнять

Евангельское учение добрыми дѣлами, наставленіями, братскою любовью къ ближнему. Общество это основало училище или Семинарію для бѣдныхъ дѣвушекъ. Главной оковательницей была Г-жа Полаліонъ, которая подъ руководствомъ Викентія де Поля, учредила также общину *Христiанскаго союза*, члены котораго обязались посвятить жизнь на пользу ближняго. Г-жа Полаліонъ была богатая вдова, занимающая мѣсто наставницы дѣтей при Герцогинѣ Орлеанской.—Она оставила дворъ, гдѣ впрочемъ жила всегда въ большомъ уединеніи, и, послѣ свадьбы своей единственной дочери, посвятила себя дѣлу милосердія.—Она особенно старалась объ исправленіи и спасеніи бѣдныхъ дѣвушекъ, находящихся среди всѣхъ соблазновъ столицы, и погибавшихъ не рѣдко отъ неопытности и крайней бѣдности. Викентій де-Поль былъ ея руководителемъ. Она сблизилась съ Г-жей Дегра; ѣздяла съ нею по деревнямъ для посѣщенія

приходскихъ обществъ. Г-жа Полаліонъ, одѣтая крестьянкой, ходила по деревнямъ, посѣщала бѣдныя хижины, разносила лекарства, бѣлье, проповѣдывала женщинамъ христіанское ученіе, учила крестьянскихъ дѣвочекъ.—

Общество Христіанскаго союза особенно развилось послѣ смерти Викентія де—Поля и Г-жи Полаліонъ. Священникъ Ваггере исполнилъ уже въ 1662 году ихъ благочестивыя предназначенія. Община эта принесла ощутительную пользу.—Въ ней обучали приходящихъ дѣтей, помогали больнымъ и бѣднымъ, принимали сиротъ и заботились о томъ, чтобы по окончаніи ихъ воспитанія доставлять имъ мѣсто и средства зарабатывать хлѣбъ свой. Здѣсь воспитывались хорошія служанки и честныя работницы, и онѣ въ продолженіе всей своей жизни находили убѣжище въ стѣнахъ монастырскихъ.

СЕСТРЫ СВ. ІОСИФА.

Одинъ добродѣтельный священникъ, посланный для проповѣди (en mission) въ отдаленную часть Франціи, встрѣтилъ нѣсколькихъ женщинъ, желающихъ посвятить себя Богу, но не имѣющихъ достаточно средствъ для вступленія въ монастырь. Священникъ доложилъ мѣстному епископу, прося дать имъ возможность жить и трудиться вмѣстѣ. Онѣ собрались въ домъ одной благочестивой вдовы, которая ревностно трудилась вмѣстѣ съ ними. Имъ же поручено было управленіе сиротскаго дома, и польза, которую они принесли, убѣдила духовное начальство утвердить новую общину

и стараться о ея развитіи. Сестры Св. Іосифа обязывались трудиться въ дѣлахъ милосердія и помощи ближнимъ, онѣ ходили за больными, управляли убѣжищами порочныхъ женщинъ, завѣдывали сиротскими домами, учреждали школы для маленькихъ дѣвочекъ. Онѣ обязывались ежедневно посѣщать больныхъ и заключенныхъ, располагать ихъ къ терпѣнію и покаянію, молиться о нихъ, собирать для нихъ милостыню, носить имъ лекарства и пищу. Въ каждомъ домѣ общины была аптека съ необходимыми лекарствами. Сестры Св. Іосифа должны были особенно стараться спасти отъ порока бѣдныхъ дѣвушекъ и доставлять имъ и убѣжище и работу.

Сестры Св. Іосифа имѣли дозволеніе мѣстнаго Епископа и духовнаго начальника устроить въ отдаленныхъ деревняхъ небольшія общины изъ четырехъ или пяти лицъ. Здѣсь крестьянскія женщины могли совершать дѣла милосердія и вести уединенную и непорочную

жизнь.—Эти общины находились подъ надзоромъ настоятельницы ближайшаго монастыря Св. Іосифа. Къ ордену причислялись еще члены изъ мірянъ. Эти члены, по уставу, должны были соби- раться однажды въ мѣсяцъ, чтобы раз- суждать о пользѣ ближняго и о взаим- номъ усовершенствованіи въ христіан- скихъ добродѣтеляхъ.—Надъ этими об- ществами начальствовали опытные се- стры, избранныя настоятельницей.

Сестры этого ордена трудились такъ же въ больницѣ la Flèche, получившей большую извѣстность въ слѣдствіе под- виговъ Анны, принцесы d'Енне, которая оставила свѣтъ, отказалась отъ богат- ства и знатности, и, скрывая свое проис- хожденіе, долго трудилась съ бѣдными монахинями. Въ послѣдствіи она основа- ла больницы и школы въ городѣ Боже, учредила тамъ приходскія благотвори- тельныя общины, обеспечила устроенную ею больницу ежегоднымъ вкладомъ 8.000 франковъ, и сама работала въ ней, какъ

послѣдняя служанка. Тамъ она мела комнаты, топила печки, перестилала постели и, вмѣстѣ съ тѣмъ безпрестанно заботилась о доставленіи развлеченія или хоть минутнаго удовольствія бѣднымъ больнымъ. Она приносила имъ цвѣты, пѣвчихъ птицъ, придумывала для нихъ безвредныя лакомства и переносила добродушно и кротко раздражительность нѣкоторыхъ изъ нихъ—, „Какая у насъ усердная служанка“—восклицали часто бѣдныя незнавшія объ знатномъ ея происхожденіи.—Анна радовалась такимъ похваламъ, и преимущественно трудилась около строптивыхъ больныхъ, которыхъ своимъ терпѣніемъ и добродушіемъ обращала къ кротости. Она умерла въ 1679 послѣ многотрудной и добродѣтельной жизни.

Другое учрежденіе во имя Святаго Іосифа имѣло цѣлю призрѣніе сиротъ.— Основательницей его была благочестивая Марія ле Етанжъ (l'Étange), которая давно уже принимала къ себѣ въ домъ бѣд-

ныхъ сиротокъ, содержала и учила ихъ съ помощію другихъ добрыхъ женщинъ.—Со временемъ онѣ купили домъ для помѣщенія дѣвочекъ. Епископъ города Бордо посовѣтывалъ имъ устроить монастырь, гдѣ воспитывались бы сироты, ввелъ въ него общежитіе, принялъ подъ свое покровительство и написалъ для него уставъ. Сестры учили дѣтей грамотѣ и работамъ. По недостатку средствъ, онѣ воспитываютъ также за извѣстную плату дѣтей достаточныхъ родителей. Сестры отказываются отъ всякой собственности и обязываются трудиться для воспитанія сиротъ въ правилахъ Христіанскаго закона. Такія монастыри возникли во многихъ городахъ Франціи.

Съ

**БРАТЯ И СЕСТРЫ ХРИСТИАНСКИХЪ УЧИ-
ЛИЩЪ, ОСНОВАННЫХЪ ВО ИМЯ МЛАДЕНЦА
ІЕСУСА.**

Благочестивый священникъ Баре, въ 1678 г., живо сознавая недостатокъ воспитанія народа, и почитая его источникомъ всякихъ заблужденій и пороковъ, уговорилъ нѣкоторыхъ благочестивыхъ жепщинъ посвятить себя исключительно на дѣло воспитанія дѣвочекъ, и самъ устроилъ подобное братство для обученія мальчиковъ. Члены этихъ общинъ не произносили обѣтовъ, но общались стараться о собственномъ усовершенствованіи, для лучшаго исполненія святаго своего подвига. Они должны были уст-

ройвать школы для бѣдныхъ дѣтей, но въ то же время обучать и тѣхъ взрослыхъ, которымъ Господь внушилъ прибѣгнуть къ нимъ.—Женщины принимали однѣхъ дѣвочекъ, мужчины—мальчиковъ. Членамъ запрещено было ходить по домамъ для проповѣдыванія, но они должны были, по приказанію настоятеля, немедленно отправляться въ деревни и села, гдѣ нужно было устраивать училища и наставлять крестьянъ закону Божьему, подражая такимъ образомъ Спасителю, который ходилъ по всѣмъ, проповѣдуя Царствіе Небесное. Члены общества обязывались не принимать денежныхъ вознагражденій и подарковъ отъ родителей и дѣтей, какъ отъ бѣдныхъ, такъ и богатыхъ; тѣмъ менѣе дозволялось имъ самимъ просить вознагражденій. По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ братья проповѣдывали открыто для всѣхъ желающихъ;—сестры точно также учили закону Божию слушательницъ, всѣхъ возрастовъ и званій. Въ городахъ, гдѣ на-

ходилась община, настоятель посѣщалъ разъ въ недѣлю всѣ подчиненныя ему школы, и по крайней мѣрѣ однажды въ мѣсяцъ бывалъ въ тѣхъ изъ школъ, которыя находились въ окрестныхъ деревняхъ и селеніяхъ; онъ строго наблюдалъ за ходомъ ученія и поведеніемъ наставниковъ. Хотя члены общины не давали обѣтовъ бѣдности, однако ни чѣмъ не располагали безъ позволенія настоятеля; имъ было строго запрещено изнуреніе тѣла, но въ день вступленія они каждый годъ должны были совершать особенное молитвенное послушаніе въ память посвященія себя на пользу ближняго. Два раза въ недѣлю они, громко въ присутствіи всей общины, приносили покаяніе въ грѣхахъ.

Община сестеръ христіанскихъ училищъ имѣла въ 1807 году 22 дома, она пережила революцію и во время возстановленія монашескихъ орденовъ получила отъ правительства ежегодное денежное пособіе въ 8000 франковъ.

Мужское братство вскорѣ послѣ своего основанія распалась, но изъ него возникло другое общество, которое приняло нѣсколько большіе размѣры. Послѣдователемъ священника Баре былъ Г. Ласаль. Родственница его Г-жа Мальфьеръ первая внушила ему мысль устроить братство, для обученія бѣдныхъ дѣтей. Она просила его учредить въ Г. Реймсѣ школу для мальчиковъ. Ласаль поручилъ это дѣло опытному священнику, котораго онъ пригласилъ жить у себя въ домѣ. Къ нимъ присоединились многіе другіе учителя и сотрудники, они стали жить вмѣстѣ. Ласаль написалъ уставъ для новаго общества, но вскорѣ возникли несогласія и начались преслѣдованія. Ласаль, убѣжденный въ пользу начатаго дѣла, рѣшился посвятить все свое имѣніе на основаніе училищъ. Онъ обратился за совѣтами къ почтенному Баре, который убѣдилъ его сначала отказать отъ доходнаго мѣста (конониката:), раздѣлить все имѣніе бѣднымъ

и послѣ того уже начать дѣло, съ твердымъ упованіемъ на благословеніе Спасителя.—Ласаль, не смотря на сильное сопротивленіе своихъ родственниковъ; послѣдовалъ совѣту.

Бѣдныя стали получать щедрія подаванія, отъ неизвѣстнаго благодѣтеля.— Нищимъ ученикамъ раздавались деньги и хлѣбъ. Для привлеченія бѣдныхъ дѣтей къ наукѣ, въ училищѣ готовили простой, но сытный обѣдъ, который Ласаль раздѣлялъ вмѣстѣ съ ними. Онъ вполне обрекъ себя на добровольную нищету, собралъ сотрудниковъ, которые обязались на три года заниматься исключительно обученіемъ дѣтей, и давали обѣтъ во все это время соблюдать цѣломудріе, послушаніе и бѣдность. Общество подвергалось сначала преслѣдованію и было утверждено Папскою властью, уже послѣ смерти учредителя въ 1725 году.

Это общество развилось въ 18-мъ вѣкѣ, братья были извѣстны подъ именемъ

frères ignorantins, названіе выражавшее презрѣніе къ нимъ философовъ того времени, направленію которыхъ братство старалось противодѣйствовать. Не смотря на односторонность ихъ ученія, братья не усыпно и самоотверженно трудящіеся о распространеніи грамотности принесли несомнѣнную пользу. Правительство поручило имъ надзоръ надъ исправительными и сумасшедшими домами. Въ началѣ Французской революціи, во время уничтоженія монашескихъ орденовъ, считалось 1000 братьевъ и 121 училище.—

Наполеонъ призвалъ разсѣянное братство. Въ 1808 г. изданъ былъ декретъ, въ которомъ восхвалялись труды общества,—и объявлено было о его восстановленіи. Въ 1825 г. орденъ имѣлъ 210 училищъ, изъ которыхъ 192 во Франціи, а прочія въ другихъ частяхъ свѣта.— Братія считалось 1,400, а обучаемыхъ дѣтей 64,000.—

Мы позволили себѣ это отступленіе и

говорили объ общинѣ исключительно составленной изъ мужчинъ: ибо первая мысль о ней была внушена женщиной, о которой мы скажемъ нѣсколько словъ. Г-жа Мальфіеръ была жена знатнаго чиновника въ г. Реймсѣ. Она славилась своею красотою, увлекалась любовью къ свѣту, расточительность ея не имѣла предѣловъ, и угрожала мужу раззореніемъ. Пристрастіе къ нарядамъ было такъ велико, что она придумала куклу на пружинахъ, на которой безпрестанно пробовала свои новыя платья. Балы и праздники въ ея домѣ смѣнялись одинъ другимъ. Однажды бѣдный странникъ подошелъ къ ея подъѣзду, прося у кучера позволенія провести ночь въ какомънибудь углу богатаго дома: Г-жа Мальфіеръ, увидавъ неопрятнаго нищаго, велѣла сей часъ же прогнать его. Кучеръ не рѣшился исполнить приказаніе жестокой барыни;—онъ отвелъ нищаго въ конюшню и уложилъ на солому, недалеко отъ щетольскихъ коней своей госпожи:

На другой день нашли странника мертвымъ, доложили объ этомъ хозяйкѣ дома. Хозяйка такъ разсердилась, что перепугала всю прислугу, необузданнымъ выраженіемъ своего гнѣва. Велѣно было немедленно прогнать непокорнаго кучера, который допустилъ присутствіе страданія и смерти въ веселомъ домѣ ея. Однако мертваго надо было похоронить. Служители рѣшились просить у Г-жи Мальфіеръ покровъ для нищаго. Она съ гнѣвомъ бросила имъ скатерть, и не велѣла больше напоминать о немъ.—

Вечеромъ она сидѣла за роскошнымъ ужиномъ съ своими гостями, передъ ней ставили изысканныя блюда, которыми славилась ея кухня; вдругъ взоры ея съ ужасомъ остановились на скатерти. „Да это, закричала она, та, что я вамъ дала сегодня утромъ для покровъ страннику. Прочь съ этимъ саваномъ! Какъ онъ сюда попалъ?“—

„Мы не знаемъ, отвѣчали въ недоумѣніи служители; не понимаемъ, какъ это

могло случиться, но это видно та самая скатерть, въ которую мы сегодня утромъ одѣли при похоронахъ бѣднаго странника.“ Отвѣтъ этотъ поразилъ Г-жу Мальфіеръ,—кровь остановилась въ ея жилахъ, она не могла выговорить ни слова и вышла изъ за-стола. Гости разошлись въ недоумѣніи.

Было ли обстоятельство это столь поразившее Г жу Мальфіеръ, послѣдствіемъ ошибки соображенія, или обмана, мы не беремъ рѣшить.—Какъ бы то ни было, съ этой минуты началось обращеніе свѣтской женщины, и чудо совершилось въ ея сердцѣ. Это было то распутье, на которомъ ожидалъ ее милосердый Спаситель. Она услышала голосъ, призывающій ее къ раскаянію.

Съ ужасомъ стала она размышлять о своей безумной жизни. Гордый духъ ея былъ подавленъ сознаніемъ грѣховъ. Сердце, доселѣ столь жестокое, смягчилось и излилось горячими слезами. Она обратилась къ Богу и столь же горячо

и совершенно предалась Ему, какъ до-
сель увлекалась свѣтомъ и его суетами.

Первымъ дѣломъ ея, послѣ обращенія,
было смиренное признаніе въ прежнихъ
ошибкахъ предъ служителями своими.
Она, до сихъ поръ гордая и надмѣная,
теперь просила прощенія у каждаго,—
до послѣдней служанки, за дурной при-
мѣръ, который подавала всѣмъ имъ.

Въ домѣ Г-жи Мальфіеръ прекратились
шумныя собранія,—и водворилась та-
кая тишина, какъ будто въ немъ опла-
кивали покойника. Для того, чтобы ра-
зомъ показать разрывъ съ свѣтомъ и
прежнею жизнью, она придумала сред-
ство, которое должно было возбудить
осужденіе и насмѣшки со всего города.
Въ воскресенье она, надѣвая прежнее на-
рядное платье, чтобы идти къ обѣднѣ,
вдругъ вспомнила о томъ, какъ еще не-
давно занималась она своимъ воскрес-
нымъ нарядомъ, какъ радовалась когда
ей удавалось удивить присутствующихъ
и отвлечь ихъ вниманіе отъ богослуже-

вія;—какъ украшала она свое тѣло на подобіе идола; забывала куда пришла и при какомъ таинствѣ присутствуетъ! За все это ей хотѣлось вынести презрѣніе и насмѣшки, и тѣмъ самымъ искупить лесть и вниманіе, которыми она прежде такъ дорожила. Она покрыла свои пышные наряды грубымъ передникомъ, взяла палку и пошла пѣшкомъ къ обѣдни. Тамъ она стала на колѣни, обливаясь слезами. Всѣ присутствующіе смотрѣли на нее съ удивленіемъ и наконецъ рѣшили, что она помѣшалась.

Г-нъ Мольфіеръ огорчился этимъ поступкомъ жены своей, и просилъ ее не искать открытаго униженія. Онъ впрочемъ не противился ея желанію удалиться отъ свѣта и по ея просьбѣ согласился основать училище въ окрестностяхъ Реймса. Онъ препятствовалъ только тому что ему казалось неблагоразумнымъ, дичинымъ и несогласнымъ съ его достоинствомъ и положеніемъ въ обществѣ. Жена во всемъ повиновалась ему и довольна;

ствовалась тѣмъ, что отвыкала отъ всякой роскоши, а имущество раздавала бѣднымъ. Она приучала себя къ простой пищѣ, одеждѣ, къ малому отдыху и непродолжительному сну; много молилась и усердно помогала всѣмъ нуждающимся, съ которыми обращалась какъ нѣжная мать.

Послѣ смерти мужа, случившейся черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Г-жа Мальфіеръ опять возвратилась къ мысли искупить прежніе грѣхи свои всенароднымъ покаяніемъ. Болѣе всего ее мучило воспоминаніе безумнаго пристрастія къ нарядамъ и украшеніямъ тѣла. Ей казалось, что именно въ этомъ должно заключаться ее наказаніе, что ей должно искать униженія въ томъ, въ чемъ она искала прежде похвалы. Въ насмѣшку надъ цвѣтными и разнообразными нарядами она придумала одежду изъ пестрыхъ лохмотьевъ; на мѣсто длиннаго шлейфа изъ чернаго бархата, кокой тогда носили богатые барыни, она покрылась чернымъ холстомъ

и отправилась къ обѣднѣ. По улицамъ за нею бѣгали съ насмѣшками и криками; всѣ смотрѣли на нее какъ на сумасшедшую. Одни жалѣли о ней, другіе смѣялись и осуждали. Она ничего не отвѣчала, но непрерывно молилась; съ горячими слезами повторяла канонъ покаянія, и въ то время когда на нее сыпались обидныя слова, смотрѣла на распятіе, которое держала въ рукахъ. Однажды, когда она стояла у воротъ церкви съ нищими, въ своемъ странномъ нарядѣ, прохожій подалъ ей нѣсколько грошей. Она со смиреніемъ приняла ихъ, но окружающія ее нищія стали бранить ее и говорили, что она отнимаетъ у нихъ подавнѣе и отъ брани перешли къ побоямъ. Г-жа Мальфіеръ радовалась новому униженію.

Пятнадцать лѣтъ прѣжила такимъ образомъ эта любительница смиренія и бѣдности. Втайнѣ она совершала другіе, почти невѣроятные подвиги изнуренія плоти. Все богатство свое она раздала

нищимъ, претерпѣвая отъ нихъ неблагодарности. Нищіе, видя, какъ она чуждается похвалы, прибѣгали къ брани и требованіямъ. Она вкушала самую грубую пищу, спала на голой землѣ, комнату ей замѣнялъ холодный нетопленный уголь. При первыхъ лучахъ солнца, она отпраплялась въ ближайшую церковь; тамъ долго молилась на колѣняхъ, потомъ шла въ больницу Св. Магдалины и усердно служила больнымъ. Передъ посѣтителями притворялась юродивой, но сильно дѣйствовала на душевное состояніе Сольныхъ и имѣла особый даръ увѣщевать ихъ, возбуждать въ нихъ раскаяніе и готовить къ христіанской смерти.

Въ 1693 году въ Реймсѣ открылась необыкновенно прилицивая и зловредная скорлатина, тутъ усилилась дѣятельность Г-жи Мальфіеръ. Больница наполнилась страдальцами, Г-жа Мальфіеръ неутомимо служила имъ, пока сама не подверглась той же болѣзни. Съ начала она боролась съ недугомъ, и продолжала тру-

даться, но видя, что нѣтъ надежды на излеченіе и что силы ея слабѣютъ, она простилась съ больными.—Она со слезами разставалась съ ними, какъ мать, покидающая своихъ дѣтей; просила прощенья у каждаго больного за упущенія или за невольныя оскорбленія. Она говорила имъ: „Богу не угодно оставить насъ долѣе вмѣстѣ,—помолимся о томъ, чтобы намъ встрѣтиться на небесахъ.“— Съ трудомъ дошла она до своего жилища. Священникъ и начальница больницы, узнавъ о ея положеніи, поспѣшили къ ней съ помощію духовною и тѣлесною. Они нашли ее въ одиночествѣ и въ нищетѣ; въ убогой комнатѣ ничего не было, кромѣ соломы, на которой она лежала, съ распростертыми руками и глазами обращенными къ небу. Видъ этой бѣдности такъ поразилъ посѣтителей, что они не могли выговорить ни слова. Больная встрѣтила ихъ словами благодарности. Душевное спокойствіе ея и радость были такъ велики, что священный

трешеть наполнилъ сердца присутствующихъ. Они дѣйствительно сознавали, что Госнодь призываетъ вѣрную рабу и что она чувствуетъ Его блаженное присутствие.—Принявъ Св. Причастіе, она воскликнула; „Боже мой, иду къ Тебѣ“— и съ этими словами скончалась,

Послѣ ея смерти народъ толпился въ ея комнатѣ; всякій хотѣлъ взять что нибудь на память, но ничего не было кромѣ бѣднаго рубища и ея волосъ;—тѣхъ самыхъ волосъ, которые она въ бывшее время такъ любила украшать. Эти волосы жители раздѣляли между собою, какъ драгоценнѣйшее воспоминаніе.

Въ теченіи послѣднихъ 15-ти лѣтъ, никто, кромѣ самыхъ близкихъ друзей Г-жи Мальфіеръ, не зналъ о томъ, какъ велики были ея подвиги, какъ высоко смиреніе. Между этими друзьями былъ почтенный Баре, основатель жепскаго общества Христіанскихъ училищъ. Она всячески помогала ему. Основала школу въ деревнѣ не подалеку отъ Реймса, для

бесплатнаго обученія дѣтей. Такое же училище основала въ Реймсѣ послѣ смерти мужа. Г. Ніель изъ Ліона былъ также усерднымъ ея помощникомъ. Она его послала къ Ла Салю. Г-нъ Ніель и Ла Саль, — одушевленные примѣромъ благочестивой женщины, учредили братство Христіанскихъ училищъ.

ОРДЕНЪ СВ. ЖЕНЕВЬЕВЫ, ИЗВѢСТНЫЙ ТАКЖЕ ПОДЪ ИМЕНЕМЪ МИРАМІОНИТОВЪ.

Община эта была основана въ 1636 году дѣвицею Блоссе. Г-жа Мираміонъ присоединила къ этой общинѣ свой монастырь, пожертвовала большимъ имѣніемъ на его обезпеченіе. Она написала уставъ для сестеръ, почему и имя ея сохранилось въ названіи общины.

Марія де Рубель родилась отъ богатыхъ родителей въ Парижѣ въ 1629 г. Девяти лѣтъ она лишилась матери. Ничѣмъ не замѣнимая утрата сильно подѣйствовала на ея дѣтское сердце, и съ этихъ поръ она стала чуждаться свѣтскихъ удовольствій; была задумчива, любила молиться и искала уединенія. Напрасно

отецъ и тетка старались развлекать ее, устраивали домашніе праздники, возили ее на балы и въ собранія. Марія помнила уроки матери, подчинилась вліянію благочестивой наставницы и не увлекалась свѣтской суетой. Она любила ухаживать за больными служителями. Однажды, когда ей было только 12 лѣтъ, въ домѣ ея отца былъ шумный праздникъ. Начинались танцы, но молодой хозяйки не было среди гостей. Ее стали искать и нашли въ бѣдной отдаленной комнаткѣ, у постели умирающаго конюха. Онъ умеръ на ея гудкахъ, потомъ она неохотно явилась въ гостинную. Вскорѣ лишилась она отца, онъ умеръ во время непродолжительнаго отсутствія ея изъ дому. Марія возвратилась круглой сиротой, она бодро принялась за воспитаніе меньшихъ братьевъ, хотя ей самой было только четырнадцать лѣтъ. Въ эти почти дѣтскіе годы, она уже исполняла въ семействѣ обязанности матери.

Шестнадцати лѣтъ Марія по совѣту

родственниковъ вышла за мужъ за Г-на Мираміонъ. По обычаямъ того времени мало заботились о сердечныхъ влеченіяхъ молодыхъ супруговъ; однако они искренно полюбили другъ друга. Молодой мужъ вполне раздѣлялъ убѣжденія жены, цѣнилъ ея нравственныя достоинства—Но онъ умеръ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, оставивъ ее беременною. Шестнадцати лѣтняя вдова вскорѣ сдѣлалась матерью. Первые два года она провела въ совершенномъ уединеніи и твердо рѣшилась отказаться отъ свѣта. Богатство, знатность и красота Мираміонъ привлекали къ ней общее вниманіе. Между сонскателями ея руки былъ Бюсси Рабитянъ (Bussi Rabutin) родственникъ Г-жи Севинье, извѣстный по уму и удалству. Онъ плѣнился красотой и богатствомъ Маріи, и, получивъ отказъ на сдѣланное имъ предложеніе, рѣшился ее похитить. Марію увезли въ то время, когда она съ родственницей своей отпра-влялась на богомолье. Ее долго возили

по неизвѣстнымъ ей дорогамъ, и послѣ двухъ-дневнаго путешествія привезли въ замокъ похитителя. Марія во все это время молилась, просила Бога сохранить ей рассудокъ и хладнокровіе, и не вкушала пищи. Бюсси Рабитанъ былъ увѣренъ въ томъ, что успеетъ склонить молодую вдову, и что на нее подѣйствуетъ и страхъ и прелесть романческаго приключенія и влюбленная отважность похитителя. Но Г-жа Мираміонъ показала такое мужество и присутствіе духа, что смутила его. Видя ея упорное сопротивленіе, онъ самъ испугался дурныхъ послѣдствій своего поступка и возвратилъ ей свободу. Родственники Марія хотѣли преслѣдовать его законнымъ порядкомъ, но она великодушно простила своего похитителя, взявъ съ него честное слово въ томъ, что онъ не станетъ искать свиданія съ нею.

Послѣ этого событія Марія была при смерти больна. Съ возвращеніемъ силъ, она возобновила обѣтъ-посвятить себя

Богу. Однажды, въ праздникъ рождества, раздумывая о томъ, что бы ей, по примѣру волхвовъ, принести въ даръ младенцу Иисусу—она почувствовала будто тайный голосъ говорилъ ей: Отдай Ему все твое сердце, ничего не отдѣляя. Послѣ такого внушенія необыкновенное спокойствіе наполнило ея сердце. Деятнадцати лѣтъ она присоединилась къ Г-жѣ Легра, помогала ей въ посѣщеніи приходскихъ обществъ и провела нѣсколько времени въ домѣ сестеръ милосердія, послѣ чего рѣшилась постричься въ монастырь, избравъ самый строгій орденъ Кармелитокъ. Духовникъ отклонилъ ее отъ этого намѣренія, представляя обязанности въ отношеніи къ дочери и необходимость заняться ея воспитаніемъ. Г-жа Мираміонъ ревностно принялась за исполненіе этой обязанности, стала внимательно наблюдать за развитіемъ въ дочери христіанскихъ добродѣтелей, особенно старалась о томъ, чтобы пробудить въ своей дочери участіе къ страданіямъ и лишеніямъ,

ближняго. Когда ей нужно было купить нарядъ, она старалась предоставить ей возможность сберечь часть назначенныхъ на покупку денегъ и отдать ихъ бѣднымъ. — Съ раннихъ лѣтъ пріучала посѣщать нищихъ. Заботливою матерью не было упущено изъ виду и все то, что могло укрѣпить физическія силы слабаго ребенка и способствовать къ образованію и развитію ея способностей. Между тѣмъ Г-жа Мираміонъ продолжала трудиться на пользу бѣдныхъ, она никогда не забывала о ихъ трудахъ и лишеніяхъ, и съ смущеннымъ сердцемъ, сравнивала ихъ положеніе съ спокойствіемъ и удобствами собственной жизни. Она всякій день принимала двадцать маленькихъ сиротъ, кормила ихъ и назначила имъ опытную наставницу, которая обучала ихъ закону Божьему, грамотѣ и работѣ. Сама Г-жа Мираміонъ часто бесѣдовала съ этими дѣтьми, каждое утро посѣщала больныхъ по домамъ, а послѣ обѣда отправлялась по больницамъ. Кромѣ того, она часто

объѣзжала окрестныя селенія,—хлопотала объ устройствѣ сельскихъ школъ,— бесѣдовала съ бѣдными крестьянками и наставляла ихъ.

Духовникъ, видя ея дѣятельность и готовность взяться за множество разнообразныхъ дѣлъ милосердія, возложилъ на нее трудное послушаніе. Онъ посовѣтывалъ ей цѣлый годъ провести въ совершенномъ уединеніи, и отказаться на это время отъ благотворительной дѣятельности.—„Разсѣянность вредна, даже въ дѣлахъ милосердія, говорилъ онъ, вамъ необходимо уединеніе, всмотритесь въ собственную душу, помолитесь Богу изъ глубины сердца, привыкайте жить въ Его присутствіи. Моисей уединялся на горѣ сорокъ дней прежде чѣмъ говорилъ съ народомъ.—Пусть молитвы, чтеніе и богомысліе наполняютъ день вашъ, приготовьте обильные запасы благодати Божіей, и потомъ возвращайтесь къ трудамъ и искушеніямъ свѣта.“ Г-жа Мираміонъ повиновалась; какъ ни трудно

ей было отказаться отъ увлекающей ее дѣятельности, однако она цѣлый годъ занялась исключительно, кромѣ воспитанія дочери, дѣломъ собственнаго совершенствованія.—Въ это время она писала въ своемъ дневникѣ: “ Я стану дѣйствовать во всякомъ дѣлѣ, касающемся временной жизни, сообразно съ духомъ Христовымъ, стану молиться ревностно день и ночь о дочери.—Я должна внушать ей любовь къ труду, къ усилямъ, не смотря на ея молодость; должна наполнять ея душу, полезными и благими мыслями. Стараться о ея счастіи, воспитывать ее какъ членъ Христовой церкви, и посвящать ее каждый день Богу, должно быть постоянною заботою моею. Съ служителями буду обращаться добродушно и просто,—особенно стараться о возбужденіи набожности женщинъ; стану чаще молиться вмѣстѣ съ ними.”—

Съ братьями буду говорить о христіанскихъ добродѣтеляхъ; когда представится необходимость осудить и наставить,

буду стараться исполнить это съ смиреніемъ и осторожностію. Стану соблюдать строгій порядокъ въ дѣлахъ, за все платити безъ отлагательствъ, гдѣ можно сберегать соблюдать строгую бережливость особенно во всемъ, что касается личныхъ расходовъ моихъ и дочери. Сколько возможно буду стараться помогать бѣднымъ и побуждать братьевъ дѣлать тоже самое; буду дѣйствовать убѣжденіями, а не приказаніями—и всякую оказанную мнѣ услугу буду принимать за дѣло христіанскаго милосердія. Хочу не искать удобствъ и наслажденій, но жить въ рою,—жить для любви Христовой.—Радоваться противорѣчіямъ, презрѣнію, печалямъ и благодарить за нихъ Бога;—любить смиреніе, стремиться къ Богу чрезъ познаніе Его созданій.“

Г-жа Мираміонъ выдержала наложенный на нее искусь; по окончаніи срока съ новымъ рвеніемъ возвратилась къ своимъ занятіямъ. Ее избрали завѣдывать деньгами общества, для бѣдныхъ ея при-

хода. Это происходило во время междоусобной войны; число нищихъ умножилось въ Парижѣ; для Г-жи Мирамюнь открылось широкое поле дѣятельности. Она каждый день кормила 2,000 нищихъ, кромѣ того много помогала такиѣ бѣднымъ, которые стыдились просить открыто милостыню. Число ихъ постоянно умножалось, средства для вспомоствованія истощались, и она рѣшилась продать за 24,000 Франковъ свое жемчужное ожерелье, и вслѣдъ за тѣмъ роскошное столовое серебро. Съ 20-лѣтняго возраста она отказалась отъ дорогихъ нарядовъ и носила лишь черныя и сѣрыя шерстяныя платья. На деньги, вырученныя за жемчугъ и серебро, она посылала Священниковъ для проповѣди и раздачи милостыни въ раззоренныя провинціи, учреждала школы, помогала больнымъ и бѣднымъ. Она сама привыкла ходить за больными, перевязывать ихъ раны, пускать кровь, составлять лекарства; въ домѣ ея была

комната наводненная всѣмъ, что могло
наскоро понадобится больнымъ и пи-
щимъ.

Послѣ того какъ Г-жа Мирамонъ вы-
дала дочь замужъ, она еще ревностнѣе
посвятила себя на добрыя дѣла. Въ 1660
г. она собрала въ свой домъ монахинь
изъ разоренныхъ монастырей и содер-
жала ихъ у себя до тѣхъ поръ, покуда
ей не удалось помѣстять ихъ въ новыя
или возобновленные обители.—Она так-
же, вмѣстѣ съ ревностными и богатыми
сотрудницами, заботилась объ устрой-
ствѣ миссій для обращенія язычниковъ,
снабжала отъѣзжающихъ Епископовъ и
Священниковъ богатыми запасами книгъ,
лекарствъ и церковной утвари.

Въ это время она задумала устрой-
ство женской общины, члены которой
должны были ѣздить по деревнямъ,
устроить тамъ школы, ходить за боль-
ными, воспитывать учительницъ для
школъ, наставлять деревенскихъ деви-
цъ. Эта община сначала состояла

възъ шести женщинъ, вскорѣ они соединились съ сестрами Св. Женевьевы, которыя посвящали себя на такую же благую дѣятельность. Новая община получила благословеніе Епископовъ и Королевскія грамоты; ей назначенъ былъ духовный руководитель. Г-жа Мираміонъ пожертвовала 60,000 франковъ на основаніе обществъ. Сумма эта вскорѣ умножилась богатыми взносами вступающихъ сестеръ. Сама Г-жа Мираміонъ, ограничила свой доходъ пенсіей 1,500 франковъ, которая ей выплачивалась до самой смерти; но она не располагала и этими деньгами, — отдавала ихъ въ казну общины, а сама довольствовалась общиннъ содержаніемъ, соблюдая правило общенатія и совершеннаго равенства, не смотря ни на слабое здоровье, ни на прежнія привычки роскоши. По приказанію духовнаго начальства она приняла на себя званіе настоятельницы и правила общиною до самой смерти.

Въ 1673 году войско, переходившее

черезъ городъ Меленъ (Melun), занесло туда прилипчивыя болѣзни.—Жители, боясь заразы, не смѣли подходить къ несчастнымъ больнымъ. Болѣе 100 чело-вѣкъ умирало ежедневно безъ всякой помощи, часто даже на улицѣ. Слухъ объ этихъ страданіяхъ такъ тронулъ Г-жу Мираміонъ, что она рѣшилась отпра-виться въ городъ, въ которомъ свирѣп-ствовала зараза, вмѣстѣ съ сестрами ми-лосердія, медиками и фельдшерами. Сво-имъ примѣромъ она одушевила тѣхъ, ко-торые, подъ вліяніемъ малодушнаго стра-ха, пренебрегали обязанностью повече-нія о больныхъ;—уговорила мѣстное на-чальство назначить домъ для больницы, снабдила его всѣмъ нужнымъ изъ свое-го сосѣдняго замка, помѣстила въ боль-ницѣ сестеръ милосердія, и сама пере-вязывала раны несчастныхъ, уговаривала ихъ терпѣливо сносить жестокія стра-данія, покориться волѣ Божіей и вну-шала больнымъ неограниченную любовь и довѣріе къ себѣ. Во время страшнаго го-

лада 1694 г. и послѣдовавшихъ за нимъ болѣзней, она дѣйствовала съ такимъ же рвеніемъ и мужествомъ въ больницахъ Парижа. Въ это время въ одномъ *hôtel Dieu* было около 6,000 больныхъ. Монахини, не зная куда помѣстить ихъ, клали въ одну кровать по два и по три человѣка, отъ этого болѣзнь страшно усиливалась. Г-жа Мираміонъ неутомимо хлопотала о принятіи рѣшительныхъ мѣръ, для облегченія этихъ страданій. Больница Св. Лудовика была отдана наконецъ въ ея распоряженіе. Она снабдила ее всѣмъ нужнымъ, приготовила необходимое число кроватей, и все что могло способствовать къ облегченію больныхъ, перевезла наконецъ туда часть несчастнаго населенія *hôtel Dieu*.

Король поручалъ ей раздачу милостыни; она мудро располагала этими средствами, побуждала кромѣ того многихъ богатыхъ людей къ щедрымъ подаваніямъ и тѣмъ доставила правленію городской больницы и воспитательнаго дома

средства къ существованію въ голодныя и дорогіе годы. Она устроила пріютъ для порочныхъ несчастныхъ женщинъ и вмѣстѣ съ двумя сотрудницами обезпечила его суммой 30,000 франковъ. Пріютъ этотъ былъ извѣстенъ подъ именемъ больницы Св. Пелаген.

Г-жа Мираміонъ устроила также отдѣльный домъ, въ который могли удаляться, для уединенія и молитвы, женщины жившія въ свѣтѣ. Такое же помѣщеніе было устроено для деревенскихъ жительницъ, которымъ предлагался на нѣсколько дней пріютъ для отдохновенія души и тѣла: здѣсь онѣ могли безпрепятственно молиться, слушать ежедневныя поученія и говѣть подъ руководствомъ опытныхъ духовниковъ. Изъ благотворительныхъ учрежденій Г-жи Мираміонъ, назовемъ еще нѣкоторыя. Рабочіе дома для бѣдныхъ дѣвицъ, — здѣсь имъ доставлялась работа и даже ночной пріютъ для безсемейныхъ; въ концѣ недѣли выплачивалъ

деньги, и ежедневно, во время работы, читали имъ духовныя книги и наставляли закону Божію. Она основала болѣе ста школъ для бѣдныхъ дѣтей и отправила на свой счетъ 200 миссій. Когда всѣ ея средства оказывались недостаточными, тогда она смиренно просила у другихъ, призывая эти просьбы за самый трудный подвигъ. Въ голодный годъ, она успѣла собрать такимъ образомъ до 50,000 франковъ, и спасла отъ гибели сотни бѣдныхъ женщинъ, которыя искали убѣжища въ городской больницѣ, и которыхъ Правительство не хотѣло болѣе содержать за veinѣніемъ средствъ.

Наступило время покоя для дѣятельной служительницы Христовой. Въ 1696 г. она опасно занемогла. Братья, дочь, племянница и сестры монахини окружали ее: своими попеченіями; она выражала къ нимъ нѣжную привязанность. Последнія слова ея были: „Господи! приимию смерть и разрушеніе тѣла моего;

пусть оно возвратится ко праху и тлѣ-
нію. А ты стремись, душа моя, и сое-
динись съ Богомъ твоимъ!“ Многочи-
сленная толпа нищихъ окружала гробъ
ея и проводила ея тѣло до могилы.

Въ заключеніе мы выпишемъ настав-
ленія, написанныя для сестеръ Св. Же-
невьевы, они извлечены изъ Француз-
скаго сочиненія 1696 года.

Наставленіе сестрамъ Св. Женевьевы,
относящееся въ особенности до боль-
ныхъ сестеръ.

Къ милосердію призываетесь вы во
всякое время, но особенно необходимо
оно посреди печали и болѣзни.

Въ такое время любовь Христова при-
влекаетъ насъ къ братьямъ нашимъ во
Христѣ;—тогда то обращаются къ намъ
божественныя слова Спасителя: „ Бла-
жени милостивіи, яко тѣи помилованы
будутъ.“ „ Возлюби Господа Бога тво-
его, всѣмъ сердцемъ твоимъ и всѣмъ по-
мышленіемъ твоимъ.“ Сія есть первая

заповѣдь и другая, подобная ей, „возлюбиши ближняго своего, какъ самаго себя.“ Маттея XXII 37. 38. 39. Петра пос. I. III 8. I къ Коринѣ. XII 25. 26. 27 и Іоанна III 17. 18.

Время болѣзни должно быть временемъ совершенствованія. Страждущій чувствуетъ необходимость духовной помощи. Человѣческія немощи воспитываютъ его, доказывая ея пользу и утѣшеніе.—Рука Божья простерлась надъ больнымъ,—быть можетъ, для того, чтобы испытать его вѣру, или возбудить милосердіе брата, ибо по словамъ Апос. Іоанна. „Аще кто речеть, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть, ибо не любяй брата своего, его же видѣ, Бога, его же не видѣ, какъ можетъ любити.“

Надо стараться о томъ, чтобы доставлять больному все необходимое, должно служить ему въ духѣ Евангельскомъ. (Маттея XXV, 34. 35. 36.)

Всячески должно стараться о томъ, чтобы служеніе наше больному было

ему пріятно и утѣшительно.—Въ его присутствіи разговоры должны быть и назидательны и радушно веселы. Служащія сестры должны съ готовностію читать больному священное писаніе, или духовную книгу, одобренную начальникомъ, ежели больной того пожелаетъ, но не должно читать ни очень громко, ни слишкомъ продолжительно, дабы не утомить его.

Не должно никогда оказывать пренебреженія къ страданіямъ больного или возбуждать въ немъ нетерпѣніе и раздражительность.

Недостатки и грѣхи больныхъ не должны быть предметомъ разговоровъ; объ нихъ можно говорить только съ настоятельницей, когда предвидишь возможность исправить больного.

Прежде всего мы должны выражать нашу любовь къ больнымъ, попеченіями о ихъ душахъ. Сестры должны усердно молиться о ихъ спасеніи и просить лишь, принимающихъ участіе въ больницѣ,

такъ же молить Господа о возвращеніи больнымъ здоровья, о призваніи ихъ къ вѣчной славѣ и о дарованіи имъ возможности покаряться во всемъ Его волю.

Больнымъ должно говорить съ самаго начала болѣзни о необходимости призвать духовника и очиститься покаяніемъ.

Ежели большой выздоравливаетъ, то прислуживающая ему сестра должна вмѣстѣ съ нимъ молиться и благодарить Бога.

Ежели болѣзнь усиливается и предвидится близость смерти, больного слѣдуетъ осторожно предупредить и приготовить къ Святому Причастію; не дѣлать этого изъ ошибочнаго страха;—перепугать больного значитъ сомнѣваться въ благодатномъ дѣйствіи таинства. Спаситель сказалъ: „*Хлѣбъ, еіо же азъ дамъ вамъ, плоть моя есть, юже азъ дамъ за животъ міра. Ядый мою плоть и пій мойю кровь иматъ животъ вѣчный, и азъ воскрешу ея въ послѣдній день.*“ И Давидъ въ пророческомъ духѣ восклицаетъ:

*Уготовалъ еси предо мною трапезу, со-
противъ стужающихъ мнѣ.*“ А Св. Ио-
аннъ Златоустъ пишетъ: трапеза эта
есть сила души, основаніе нашего упо-
ванія, спасеніе наше, свѣтъ и жизнь.“
Приобщившись ею, мы свободно всту-
паемъ въ небесныя чертоги.“

Можноли бояться дѣйствія Святаго При-
частія!—должно бояться лишь одного,—
отдалять его до тѣхъ поръ, когда уже
поздно приступать къ нему, или когда
больной не будетъ испытывать благодат-
ныхъ его дѣйствій.

Съ радостію и страхомъ должно гото-
виться къ причащенію больного, помня
чувства благочестиваго Сотника, и Зак-
хея, въ ту минуту, когда Спаситель ска-
залъ ему: „Нынѣ спасеніе дому сему.“

Съ ослабленіемъ силъ больного, долж-
на усиливаться молитва, служащія сест-
ры должны обращаться съ совѣтами и
наставленіями къ отходящей душѣ и
побуждать ее къ покорному упованію и
вѣрѣ во Христа.

Эти наставленія должны произноситься тихо, внятно, съ промежутками молчанія. Иногда можно предлагать пѣкоторые вопросы о душевномъ состояніи больного и просить его выразить знакомъ свое согласіе или сознаніе.

Въ такія минуты слова Св. Писанія пичѣмъ не могутъ быть замѣлимы. Хорошо читать слова Спасителя, объясняя тѣ случаи, въ которыхъ онѣ были произносимы Христомъ, Апостолами и Пророками. Должно также читать молитвы, назначенныя Церковью и сочиненныя тѣми святыми, которые выразили наибольшую любовь ко Христу, въ минуту разлученія съ тѣломъ.

Когда наступятъ предсмертныя страданія, должно просить у Бога прощенія, отпушенія грѣховъ, совершенной любви и вѣчной славы, дарованныхъ намъ благодатною силою искупленія и праведностью Христа. Къ нему должны быть обращены послѣднія слова и мысли умирающаго, и для этого больному хорошо

показывать распятіе, укрѣпляя его та-
кимъ образомъ напоминаніемъ страданія
и смерти Спасителя за насъ.“

Послѣ этого въ правилахъ слѣдуютъ
молитвы и избранныя мѣста изъ Писа-
нія для чтенія больнымъ и умирающимъ.
Больные призываются къ чтенію Еван-
гелія; изъ въ особенности указывается
на описаніе смерти и страданій Спаси-
теля и на слѣдующія мѣста: Матеев
VIII. IX Луки IV. V. XV. XVIII. Юан-
на V. IX. XIII. Дѣянія VII. XII. XIV.
Къ Римл. VIII. 1. Коринф. XV. 2. Ко-
ринф. IV. Коллосамъ, Евреямъ. Іакова
V. Откровеніе III. Псалмы XXIII.
XXXVIII, X и проч.—

Жизнь Спасителя должна служить
предметомъ ежедневнаго изученія сестеръ.
Всякая изъ нихъ должна по мѣрѣ силъ
стараться подражать Христу, изучать
его милосердіе, терпѣніе, страданія и
смерть. Сестры не должны любить ни
міра, ни того, что отъ міра, потому что
духъ міра во враждѣ съ духомъ Хрис-

та. Во всякомъ предприимаемомъ ими дѣлѣ онѣ должны обращаться къ примѣру Христа.

Онѣ должны прилежно внимать слову Божию, потому что кто слушаетъ слово Божіе и не исполняетъ его, тотъ дастъ отвѣтъ въ день суда.

Сестры должны безпрестанно восхвалять Бога въ духѣ и истинѣ, дѣлами вѣры и искренняго милосердія.

Онѣ должны забывать совершенно о себѣ и думать только о славѣ Божіей и о пользѣ ближняго.

Каждый день должны онѣ молиться: о народѣ, о благодетеляхъ, о врагахъ и обо всемъ человѣчествѣ. Каждый мѣсяцъ назначаются двѣ особенныя службы для всего міра.

Ежедневно должны онѣ размышлять о любви Христовой. Волю свою должны, всю безъ изъятія, предать Богу, ничего не желать, какъ бы хорошо оно ни казалось, изъ того, что не дано имъ Богомъ: искать только воли Божіей и лю-

бить Его всѣмъ сердцемъ.

Не унывать въ испытаніяхъ. Но всѣ горести приносить къ подножію креста Господня: Онъ или облегчитъ тяжкое время, или дастъ силу сносить его.

Во всякомъ дѣлѣ, во всякомъ сомнѣніи говорить,, Господи! чего хочешь отъ меня, какъ должна я поступать? и когда уяснится обязанность, и воля Божія, тогда свято и точно ее исполнить.

ОРДЕНЪ ПОСЪЩЕНІЯ БОГОРОДИЦЫ.

Ordre de la Visitation.

Орденъ этотъ основанъ Г-жею де Шанталь, духовной дочерью извѣстнаго Франциска да Саля (писателя богослова, причисленнаго западной Церковью къ лику Святыхъ). Къ ней обращены многія сочиненія Франциска, письма его и книга о набожной жизни (*introduction à la vie dévote*), въ которой онъ называетъ Г-жу Шанталь именемъ Филотеи.

Начало жизни Г-жи Шанталь прошло среди семейнаго счастья, — съ любимымъ мужемъ, въ семейныхъ заботахъ и попеченіяхъ о многочисленной и цвѣтущей семьѣ. У нея было шестеро дѣтей. Дѣти почти постоянно жили въ деревнѣ,

въ прекрасномъ замкѣ. Но вдругъ все измѣнилось. Г-нъ Шанталь былъ нечаянно убитъ на охотѣ, вдова его вскорѣ лишилась трехъ дѣтей. Послѣ столь горестныхъ утратъ всѣ мысли молодой 28 лѣтней вдовы устремились къ небу, вся дѣятельность ея сосредоточилась на томъ, чтобы и дѣтей, и себя самую приготовить къ вѣчности.

Сначала она поселилась у свекра, во всемъ повиновалась ему, не смотря на грубое обращеніе служанки, пользовавшейся довѣріемъ старика, и на многія домашнія непріятности, кеторыя она сносила терпѣливо, воздавая добромъ за зло.

Въ 1604 Г-жа Шанталь поѣхала на нѣкоторое время въ Дижонъ къ отцу, съ тѣмъ, чтобы послушать извѣстнаго проповѣдника Франциска де Саля, пріѣхавшаго туда на время поста.—Францискъ сильно на нее подѣйствовалъ. Вскорѣ онъ самъ замѣтилъ усердную слушательницу и узнавъ, что она сестра

его друга—Епископа, предвидѣлъ, что въ ней найдетъ онъ ту усердную сотрудницу, которую давно искалъ, для основанія новаго женскаго ордена. Г-жа Шанталь послѣ знакомства съ Францискомъ совершенно подчинилась его руководству; прощаясь съ нею онъ далъ ей правило жизни и сказалъ, что все болѣе убѣждается въ ея призваніи трудиться съ нимъ вмѣстѣ на пользу бѣдныхъ. Послѣ этого они долго были въ перепискѣ. Францискъ, убѣдившись въ совершенномъ ея повиновеніи, приступилъ къ устройству общины. Г-жа Шанталь разсталась съ семьей, поручила сына попеченіямъ дѣда, выдала дочь замужъ, а съ двумя меньшими дѣтьми переселилась въ городокъ Анниси, гдѣ учреждалась новая община.

Цѣль учредителя состояла въ устройствѣ общины, въ которой не было бы пренудительнаго заключенія, и въ которой ухаживали бы за больными, и посѣщали ихъ; гдѣ бы запрещались тѣ

изнуренія плоти непои́рнымъ постомъ и самобіеніемъ, къ которымъ въ это время неблагоразумные духовники побуждали монахинь, въ нѣкоторыхъ обителяхъ Франціи. Францискъ хотѣлъ даже, чтобы сестры носили платья обыкновеннаго покроя, но только чернаго или сѣраго цвѣта. Вообще мысли Франциска сходились съ мыслями Викентія де Поля, но учрежденная имъ община измѣнила первоначальному назначенію. Духовное начальство потребовало заключенія монахинь, ввело обѣты и подчинило ихъ мѣстному Епископу. Однако въ одно время монастыри этого ордена такъ умножились, что въ 1714 году было 160 монастырей и 6000 сестръ. Число ихъ теперь весьма уменьшилось.

Мы назовемъ еще нѣкоторыя благотворительныя женскія общины, доселѣ существующія во Франціи.

БОЛЬНИЧНЫЯ СЕСТРЫ СВ. ДУХА.

Общество основано въ 1612 для вос-

питанія дѣвиць и служенія больнымъ.— Оно пережило революцію; монастыри этого общества существуютъ до сихъ поръ въ Бретани.

ОБЩЕСТВО СЕСТЕРЪ ХРИСТИАНСКАГО УЧЕНІЯ.

Основано въ 1615. Въ 1807 г. орденъ этотъ былъ возстановленъ и имѣлъ 94 дома, сестеръ считалось 170. Теперь всѣхъ сестеръ 400 и 198 домовъ, въ которыхъ воспитываются 15,000 дѣтей.— Правительство даетъ имъ ежегодное вспоможеніе 2,000 франковъ. Центральный домъ находится въ Нанси.

ОБЩЕСТВО ПОДЪ ИМЕНИЕМЪ БОЛЬНИЧНЫЯ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ БОГОРОДИЦЫ.

Основано въ 1624 бѣдной пастушкой, которая проводила время трудовъ и уединенія въ непрерывной молитвѣ. Она хотѣла основать женскія больницы и успѣла въ этомъ въ Парижѣ, Ла Рошель, Тулузѣ, Безіерѣ и другихъ мѣстахъ.

СЕСТРЫ СВЯТАГО МАВРІКІЯ.

Общество основано въ 1650 г., центральный домъ въ городѣ Шартръ, въ тамошнемъ округѣ; ему принадлежитъ 22 дома. Члены этого общества помогаютъ переселенцамъ и получаютъ за это отъ правительства, вспоможеніе въ 5,000 франковъ. У нихъ 16 сестеръ въ Мартыникѣ, 12 въ Гуаделупѣ, и 7 въ Французской Гуанѣ.

СЕСТРЫ СВЯТАГО АЛЕКСІЯ.

Общество основано въ 1650 въ городѣ Лиможъ, для служенія больнымъ и обученія дѣвочекъ; число Членовъ общества весьма умножилось въ послѣднее время. Правительство даетъ обществу 4,000 франковъ ежегоднаго вспоможенія.

ДОЧЕРИ СВЯТАГО ООЖИ.

Эта община была основана въ 1660 г. въ Бретани, въ г. Ламбанъ архіепископомъ Оомою де Вильневъ. Члены общества сначала трудились въ одной городской больницѣ, но потомъ монастыри ихъ распространились по всей Бретани. Они пріѣхали въ Парижъ и основали дѣтскія школы. Сестры слѣдовали правиламъ Св. Августина. Въ 1807 г. ихъ было 283; у нихъ было 32 дома, и онѣ ухаживали за больными по домамъ и въ больницахъ; правительство назначило 6000 франковъ ежегодно.

Въ 1679 Г-жа Тюларъ основала общину *сестеръ милосердія* въ городѣ *Есронъ*. Члены общины не произносили обѣтовъ, сохраняли собственность и даже не имѣли позволенія отдавать ее общинѣ. Послушаніе испытываемыхъ продолжается пять лѣтъ. Сестры учатъ бѣд-

ныхъ дѣтей, посѣщаютъ бѣдныхъ, служатъ въ больницахъ. Во время революціи у общества было 89 домовъ. Съ уничтоженіемъ ордена безпорядокъ водворился въ больницахъ и всѣ почувствовали необходимость служенія членовъ ордена. Вскорѣ по возстановленіи сноскоиствія, всѣ дома, принадлежавшія обществу, снова наполнились. Въ настоящее время у общества 168 домовъ въ епархіи г. Мовса и 6 въ другихъ мѣстностяхъ. Изъ числа домовъ 25 обращены въ больницы, а прочіе въ школы и убѣжища. Въ 1855 году сестеръ было 711. Число ихъ умножается съ каждымъ днемъ. Центральный домъ находится въ городѣ Евронъ (Европ); сестры всѣхъ областныхъ домовъ удаляются туда на недѣльное уединеніе.

ОРДЕНЪ МИЛОСТИВАГО СПАСА.

Орденъ Милостиваго Спаса былъ основанъ въ городѣ Каенъ въ 1720, года для служенія больнымъ и умалишен-

нымъ женщинамъ. Орденъ не былъ уничтоженъ во время революціи,—для того, чтобы не лишить пріюта и крова несчастныхъ, призрѣваемыхъ сестрами. Теперь этотъ орденъ одинъ изъ самыхъ многочисленныхъ и полезныхъ. Сестры во 1-хъ призрѣваютъ умалишенныхъ, помѣщаютъ ихъ по разряду и степени болѣзни, и ничего не упускаютъ изъ того, что можетъ способствовать къ нравственной и физической пользѣ больныхъ; во 2-хъ сестры содержатъ даровыя аптеки и посѣщаютъ бѣдныхъ,—въ 3-хъ имѣютъ заведенія для глухонѣмыхъ; въ 4-хъ, имѣютъ свои училища.

СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ ЖУАНВИЛЬ.

Имѣли въ 1807 г.—20 домовъ въ округѣ г. Шартръ.

ДОЧЕРИ ПРЕМУДРОСТИ.

Луисъ де Григнїонъ повторилъ въ 18 вѣкѣ то, что Викентій де Поль сдѣлалъ въ 17. Онъ, подобно своему славному

предшественнику, основалъ двѣ общины: одну — священниковъ миссіонеровъ — съ цѣлью пробуждать рвеніе къ вѣрѣ и рапространять знаніе Священнаго Писанія; другую, — общину женщинъ, которыя посвящали жизнь свою на служеніе бѣдныхъ. Г-жа Трише была основательницею женской общины; она дѣйствовала успѣшно, и въ провинціи Венде (Vendee) учредила до 20 домовъ. Труды сестеръ ограничивалаеь этою мѣстностію и центральный домъ (maison mère) находился въ маленькомъ городѣ Св. Лаврентія (S-t Laurent sur Jaone). Онъ былъ сожженъ во время революціи, и возобновленъ съ водвореніемъ порядка. Сестеръ, вслѣдъ за тѣмъ, призвали въ морскую больницу города Бреста, наполненную больными и ранеными. Имъ были поручены также больницы города Тулона, потомъ ихъ пригласили въ Булонь (Boulogne), Шербуръ, (Sherbourg), Нантъ (Nantes) и Антверпенъ. — Миссіонеры продолжаютъ сестрамъ и наставляютъ ихъ.

Въ настоящее время сестры принимаютъ участіе въ 100 разныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ.—Сестеръ считается всего до 1000 и кромѣ того каждый годъ вступаетъ отъ 40 до 50.

СЕСТРЫ СВЯТАГО ТАИНСТВА.

(Soeurs du S-t Sacrement) Орденъ основанъ въ 1773 г., имѣеть 11 домовъ; въ городѣ Евере 160, въ Страсбургѣ у нихъ домъ основанный въ 1807. Въ этомъ домѣ считаютъ до 400 сестеръ и еще довольно много въ другихъ городахъ Франціи.

Къ этому ордену принадлежатъ Сестры Св. Юсефа, которыя учреждаютъ въ колоніяхъ школы и больницы; у нихъ 24 дома, на островѣ Бурбонъ, 16 въ Сенегалии, 11 въ Французской Гуанѣ, семь въ Индіи и проч.

ОРДЕНЪ СВЯТАГО ІУСТА.

(Les dames d' S-t Iust) содержитъ 14 больницъ въ округѣ г. Валенцъ (Valence)

и 16 въ окрестностяхъ Авиніона;—ему поручены военные госпитали во многихъ городахъ.

ОБЩИНА СВЯЩЕННАГО СЕРДЦА.

(Sacré Coeur) посвящается воспитанію достаточныхъ дѣвиць.

ОБЩИНА УРСЕЛЕМЪ.

(Urselemes d'Chavagnes) основана въ 1805 году въ Венде, для служенія больнымъ и воспитанія бѣдныхъ дѣвочекъ. У общества 26 домовъ и до 300 сестеръ. Подобный орденъ былъ основанъ, почти въ одно время, въ г. Пуатье во имя Св. Андрея.

СЕСТРЫ МЛАДЕНЧЕСТВА СПАСИТЕЛЯ.

Основано въ 1807 въ Метцѣ,—дѣятельность ихъ посвящена больницамъ и школамъ; у нихъ 25 домовъ и 180 сестеръ.

Въ 1820 году былъ основанъ орденъ

благой помощи (*dames du bon Secour*) для посѣщенія и служенія въ домахъ больныхъ всѣхъ сословій; членовъ ордена призываютъ въ достаточные дома, гдѣ они служатъ за опредѣленную плату.— Они отдають строгій отчетъ настоятельницамъ въ своихъ занятіяхъ. Въ центральномъ домѣ находится больница для больныхъ сестеръ, въ которой послушницы привыкають ходить за больными, учатся перевязывать раны и приготавливать нѣкоторыя лѣкарства. Община находится подъ руководствомъ священника, назначеннаго Парижскимъ Архіепископомъ; у ней до шести домовъ, и домовая церковь ихъ отличается роскошью и изяществомъ.

ОРДЕНЪ МАЛЫХЪ СЕСТЕРЪ БѢДНЫХЪ.

(*Petites soeurs des pauvres*).

Мы заключимъ обзоръ женскихъ благотворительныхъ орденовъ исторіей общины, которая возникла во Франціи

въ продолженіи послѣдняго двѣнадцати-
лѣтія:—Мы здѣсь увидимъ назидательный
примѣръ того, какую пользу могутъ
принести женщины одушевленные любо-
вію къ челоуѣчеству и твердой вѣрой
въ Бога, что было имъ возможно безъ
всякихъ денежныхъ средствъ, внѣ всѣхъ
условій богатства и вліянія.

Двадцать лѣтъ тому назадъ, въ С.
Серванѣ, небольшомъ приморскомъ го-
родѣ Бретани, жилъ священникъ Ле
Пальеръ. Его сильно озабочивало поло-
женіе безпріютныхъ престарѣлыхъ бѣд-
ныхъ, его окружавшихъ, и онъ задумалъ
устроить для нихъ убѣжище.
Средствъ у него не было, но онъ твердо
уповалъ на Бога, и былъ вполнѣ
увѣренъ, что наступитъ время, когда
онъ встрѣтится съ людьми, способными
помочь ему и выполнить его намѣреніе.
Дѣйствительно, онъ вскорѣ встрѣтилъ
такую сотрудницу.—Сотрудница эта бы-
ла бѣдная швея, Марья Августина.
Марья Августина въ первый разъ при-

шла къ нему исповѣдаться и открыла свое давнишнее желаніе трудиться на пользу ближняго. Священникъ одобрилъ ея намѣреніе, познакомилъ съ другой благочестивой сиротой Маріей Терезой и посовѣтовалъ имъ помогать и поощрять другъ друга въ благочестіи, въ изученіи закона Христова, и спокойномъ продолженіи трудовъ своихъ, твердо надѣясь, что Господь призоветъ обѣихъ къ своему особенному служенію, когда наступитъ назначенное имъ время. Обѣ женщины исполнили совѣтъ духовника. Онѣ продолжали работать отдѣльно, а по воскресеньямъ встрѣчались въ церкви. Послѣ обѣдни онѣ отправлялись на берегъ моря, и тамъ, сидя въ небольшой пещерѣ, молились и бесѣдовали другъ съ другомъ. Онѣ старались о взаимномъ исправленіи своихъ недостатковъ, и изучали жизнь Св. подвижницъ, особенно тѣхъ, которыя посвятили себя на пользу ближнихъ.

Два года жили онѣ такимъ образомъ;

наконецъ Ле Пальеръ сказалъ имъ, что наступило для нихъ желанное время подвига. Онъ поручилъ имъ бѣдную слѣпую старуху.—Благочестивая женщина, жившая также своими трудами, захотѣла присоединиться къ нимъ. Ее звали Иоанною Юганъ; она жила въ подвалѣ, и долготѣнною бережливостію успѣла скопить 600 франковъ.—Къ ней въ подвалъ помѣстились двѣ швеи и слѣпая. Съ тѣхъ поръ всѣ досуги трехъ женщинъ, всѣ заработанныя ими деньги, были употребляемы на уходъ и содержаніе старухи слѣпой и другой нищей, которую онѣ также призрѣли. Заработанныхъ денегъ едва доставало на настоящий хлѣбъ, но благотворительныя работницы, полагаясь во всемъ на Бога, не заботились о завтрашнемъ днѣ и старались лишь помогать другъ другу и преуспѣвать въ любви Божіей. Вскорѣ нашлась третья благотворительница,—которая во время тяжелой болѣзни просила, чтобы ее перенесли въ подвалъ

къ Юаннѣ. Она дала обѣщаніе тутъ остаться и работать для бѣдныхъ, ежели получить исцѣленіе и дѣйствительно это было ею исполнено.

Начинающаяся община помѣщалась, такимъ образомъ, десять мѣсяцевъ въ подвалѣ; потомъ, послѣ долгихъ совѣщаній и усердныхъ молитвъ, рѣшено было избрать другое болѣе удобное помѣщеніе. Была нанята не дорогая, но весьма неудобная квартира, въ которой прежде помѣщался трактиръ. Здѣсь было мѣста достаточно для 12 кроватей; въ скоромъ времени нашлось столько же нищихъ. Онѣ получали не большое пособіе отъ правительства; но пособіе это было такъ недостаточно, что, не смотря на труды сестеръ, нищимъ надо было позволять просить подаванія. Такъ какъ отъ этого происходили безпорядки, то сестры рѣшились взять на себя трудную обязанность просить милостыню.

Сестры стали смиренно обходить улицы города, объясняя цѣль своихъ тру-

довъ и смиренно принимая всякое по-
даяніе. Не смотря на то, что онѣ воз-
буждали нѣкоторое участіе многихъ, не
рѣдко встрѣчали недовѣріе и осужденіе.
Ихъ считали слишкомъ неучеными и
неопытными для такого дѣла, совѣто-
вали присоединиться къ существующему
ордену и обратиться къ извѣстнымъ ду-
ховнымъ начальникамъ,—но Ле Паль-
еръ поддерживалъ сестеръ и былъ твер-
до увѣренъ, что тутъ началось дѣло по-
лезное и новое, и что Богъ благосло-
витъ предпріятіе.

Нерѣдко сестры подвергались посмѣ-
лнню, особенно когда онѣ съ своими
корзинками обходили городъ.

Даже родные, которые впоследствии
присоединились къ нимъ, не рѣшались
въ то время разговаривать съ ними въ
присутствіи постороннихъ. Сестра Фи-
лицата, одна изъ сотрудницъ общины,
молясь, въ то время объ указаніи ей
особеннаго пути спасенія и служенія
ближнему, всегда прибавляла слѣдую-

ція слова: „ только не съ малыми сестрами бѣдныхъ“; другая взирая на труды сестеръ, со страхомъ прибавляла: „ вѣтъ, я къ этому не способна; Господь этого отъ меня не потребуеть.“

Въ продолженіе четырехъ лѣтъ число сестеръ почти не увеличивалось; но однажды бѣдная женщина рѣшилась придти къ нимъ на помощь и такъ была поражена блаженствомъ и мпромъ, которыя царствовали въ этой Христовой семьѣ, что рѣшилась къ ней присоединиться. Другой разъ двѣ швеи пришли помочь сестрамъ штопать бѣлье.—Одна изъ сестеръ просила милостыню въ ихъ сосѣдствѣ и рассказала имъ о своемъ учрежденіи; швеи были безъ работы и предложили свою помощь.—Кончивъ работу, онѣ ушли, обѣщаясь скоро возвратиться и дѣйствительно въ непродолжительномъ времени и та и другая вступили въ общину.

Число бѣдныхъ умножалось съ каждымъ днемъ, въ жилищѣ не доставало

мѣста, и сестры твердо рѣшились на покупку дома. Для этого Ле Пальеръ продалъ свои золотые часы и столовое серебро. Иоанна отдала свои 600 франковъ, и прочія сестры—все, что у нихъ было. Для дополненія суммы онѣ положились на Бога и купили домъ; въ продолженіе года успѣли заплатить по контракту 20,000 франковъ. Сестры переселились въ новый домъ.—Ле Пальеръ написалъ уставъ для новой общины малыхъ сестеръ бѣдныхъ. Сестры произнесли обѣты цѣломудрія, послушанія, бѣдности и страннопріимства. Бѣдныхъ было принято до 50 человекъ; число сестеръ также умножилось, но для содержанія этой семьи не было другихъ средствъ, кромѣ трудовъ и милостыни. Нерѣдко едва доставало денегъ и запасовъ, для прокормленія нищихъ. Сестры обѣдали ихъ остатками, а иногда довольствовались однимъ хлѣбомъ. Въ самыя тяжкія минуты нужды и лишеній являлась неожиданно помощь. Душев-

ная подѣла бѣдныхъ была предметомъ ихъ ревностныхъ стараній. Сестры попеченіями и любовью смягчали сердца, ожесточенныя грѣхомъ и лишеніями, внушали имъ вѣру въ Бога и надежду на Его милосердіе.

Успѣхъ и благія послѣдствія этихъ трудовъ внушили сестрамъ желаніе, распространить поприще своей дѣятельности. Онѣ рѣшились построить новый домъ въ окрестностяхъ города и начали это предпріятіе, не имѣя ни какихъ средствъ.—Стали рыть фундаментъ, и средства по немногу являлись.—Сначала работники предложили бесплатные труды; подрядчики согласились жертвовать матеріаломъ; потомъ нашлись и деньги. Ле Пальеръ получилъ наслѣдство отъ прежняго жителя С. Сервана. Этотъ человекъ, за два мѣсяца передъ смертью своею, посѣтилъ родной городъ и узналъ, что старая тетка, которая прежде вела весьма безпорядочную жизнь, предавалась пьянству и была всѣми оста-

влена, теперь находится въ новой общинѣ, и совершенно исправилась. Онъ носѣтилъ ее, убѣдился въ происшедшей перемѣнѣ, а чрезъ нѣсколько времени написалъ духовную и оставилъ Ле Пальеру 7,600 франковъ. Академія назначила Іоаннѣ Юганъ награду въ 3,000,— все это пошло на новую постройку.

Труды сестеръ вскорѣ распространились за предѣлы С. Сервана. Марія Августина сначала отправилась въ городъ Ренъ, отыскивая бѣдныхъ и домъ для помѣщенія. Она была встрѣчена съ сочувствіемъ; сейчасъ же предложили ей помощь для основанія новаго дома. Въ новомъ домѣ она оставила четырехъ сестеръ, а сама возвратилась въ С. Серванъ. Вскорѣ третій домъ былъ основанъ такимъ же образомъ въ г. Динанъ. Марія Августина получила званіе главной настоятельницы.

Въ концѣ 46 года, община считала 16 сестеръ и три дома. Въ это время рѣшено было открыть новый домъ въ г.

Туръ, куда призывала сестеръ молодая благочестивая дѣвушка, глубоко тронутая ихъ самоотверженіемъ и трудами. Сестры явились на зовъ ея, помѣстились въ бѣдной хижинѣ и приняли 12 нищихъ. Потомъ перешли въ другой домъ побольше, а въ 1848 г. купили большое зданіе за 80,000 франковъ съ садомъ и домовою церковью и помѣстили туда 150 бѣдныхъ. Казалось, что будетъ невозможно покрыть расходы этой покупки и содержать такое множество бѣдныхъ, однако все было улажено. Правда, что помѣщеніе въ Турѣ было одно изъ самыхъ затруднительныхъ, по малочисленности сестеръ и по отдаленности центрального дома.—Уходъ за множествомъ бѣдныхъ такъ утомилъ сестеръ, что двѣ изъ нихъ совершенно потеряли здоровье, во время пребыванія въ Турѣ. Однако онѣ, по обыкновенію своему, рано выходили съ своими корзинками, собирали хлѣбъ, мясо, зелень и даже всякіе остатки, потомъ приня-

мались дома служить бѣднымъ,—и дѣлали это такъ бодро и весело, что лучи радости и довольства пробиваясь въ это убѣжище, гдѣ толпились всѣ виды человѣческихъ страданій. Бѣдные видѣли въ сестрахъ истинную любовь Христову; сестры служили Христу въ лицѣ меньшей братіи и все исполнялось ими въ радостномъ согласіи.

Въ 48 году труды сестеръ были описаны въ газетахъ и прочтены въ національномъ собраніи. Двѣнадцать женщинъ обратились къ общинѣ съ просьбою принять ихъ;—почти всѣ 12 были бѣдныя швей. Съ увеличеніемъ числа сестеръ, оказалась возможность основать новые дома. Братство Викентія де Поля предложило имъ пріѣхать въ Парижъ.—Онѣ отправились и помѣстились въ пріютѣ для престарѣлыхъ, называемомъ „домомъ Назарета.“ Сестры не смутились шумомъ и суетой столицы. Съ планомъ города въ рукахъ, онѣ обходили многолюдныя улицы и пріиски-

вали дешевую и здоровую квартиру. Здѣсь ихъ ожидали такія же лишенія и страданія, какъ и при самомъ началѣ ихъ учрежденія въ С. Серванѣ. Настоятельница должна была наконецъ возвратиться въ главный домъ и оставить только одну сестру въ Парижѣ. Тутъ открылась холера. Оставленная сестра занялась покуда служеніемъ больнымъ, а послѣ пятимѣсячныхъ стараній, наконецъ удалось ей открыть домъ въ Парижѣ. Между тѣмъ Ле Пальеръ посѣтилъ городъ Нанси вмѣстѣ съ сестрой Терезой. Тамъ, испросивъ позволеніе мѣстнаго начальства для учрежденія дома, онъ простился съ сестрой, вручилъ ей 20 франковъ и сказалъ: „да благословитъ тебя Господь,—начинай, я возвращусь чрезъ три мѣсяца и надѣюсь, что найду тебя окруженную старыми и бѣдными, и что для меня тутъ также найдется уголокъ.“ Сестра сейчасъ отправилась нанимать квартиру; хозяинъ удивлялся, видя, что у нее не было даже

стула и что въ комнату принесли одну солому. Черезъ три мѣсяца Ле Пальеръ дѣйствительно возвратился, нашелъ 40 бѣдныхъ и все нужное для ихъ содержанія.

Здѣсь торговки на рынкѣ встрѣтили сестеръ, пришедшихъ просить милостыню, съ особеннымъ участіемъ. Корзинки немедленно наполнились, и сестеръ просили приходить по извѣстнымъ днямъ; одна торговка хвалила учрежденіе, другая говорила, что и ей быть можетъ придется искать тамъ убѣжища въ старости.

Вообще особенность этого учрежденія заключалась въ участіи, которое оно внушало бѣднымъ. Конечно, взносы богатыхъ и значительныхъ пожертвованій помогали успѣху дѣла, но оно содержится преимущественно помощью и сочувствіемъ самыхъ бѣдныхъ людей. Вездѣ, гдѣ только сестры обращались къ мелочнымъ торговцамъ и бѣднымъ работникамъ, онѣ не получали отказа. Купцы,

мясники и лавочники г. Бордо безвозмездно снабжали домъ ихъ. Въ С. Серванѣ матросы устроили между собой еженедѣльный копѣечный сборъ и приносили сестрамъ собранныя деньги. Въ другихъ городахъ, солдаты сберегали часть хлѣба и порціи мяса и клали въ корзинки сестеръ. Въ Руанѣ участіе къ сестрамъ выразилось съ особенною силою.

Туда пріѣхала настоятельница по просьбѣ одного Священника, и сейчасъ же рѣшила, что въ такомъ многолюдномъ городѣ слѣдуетъ откѣрыть пріютъ для 200 бѣдныхъ. Ее не остановили возраженія о трудностяхъ такого громаднаго предпріятія. Она не ошиблась въ своихъ надеждахъ; нигдѣ средства не доставались такъ легко.—Появленіе сестеръ на рынкѣ было встрѣчено самыми шумными выраженіями сочувствія, всякій спѣшилъ вручить имъ приготовленное приношеніе. Имъ подарили осла, навьюченнаго корзинками, и каждый разъ,

какъ только осель являлся на улицахъ, въ корзины съдвигались запасы хлѣба и всего нужнаго для бѣдныхъ. Иногда давали даже холста и платя. — Однажды осель споткнулся и собранные запасы повалились въ грязь. Случившіеся тутъ работники помогли сестрѣ, а лавочники сложились и съ избыткомъ вознаградили сестру за все испорченное. Одинъ фабрикантъ благодарилъ сестеръ за доброе ихъ вліяніе на работниковъ, которые со времени ихъ пріѣзда не толковали о политикѣ, но занимались добрыми дѣлами.

Достопамятнымъ событіемъ въ Руанѣ было освященіе домовою церкви общины. Де Пальеръ по этому случаю въ первый разъ пріѣхалъ сюда и народъ выражалъ къ нему трогательную благодарность: всѣ толпились принять его благословеніе. Фабрикантъ, которому Священникъ выражалъ благодарность, за значительное пожертвованіе, со слезами на глазахъ отвѣчалъ: „Я узналъ

Христа чрезъ сестеръ, теперь мое сердце вкушаетъ блаженство и покой.—Я вѣрую, и люблю Христа, котораго прежде не зналъ.“

Одинъ богатый человекъ пришелъ въ общину и неохотно пожертвовалъ ей 25 франковъ. Но его тронула надпись на кружкѣ: „*Блаженъ разумѣвалъ на нища и убога;*“ а потомъ онъ былъ такъ пораженъ видомъ дома, усердіемъ сестеръ, впечатлѣніемъ спокойнаго блаженства, которымъ все было проникнуто, что на другой же день онъ прислалъ общинѣ сто франковъ. Сдѣлавшись въ послѣдствіи благотворителемъ общины, онъ не переставалъ благодарить настоятельницу за то, что она открыла ему двери неба, научивъ любить бѣдныхъ.

Мужество сестеръ не остывало; онѣ, казалось, искушали Провидѣніе своею спокойною увѣренностію въ Его помощи. Такъ одно время парижскій домъ

терпѣлъ страшные недостатки, а по этому число призрѣваемыхъ бѣдныхъ уменьшалось. Ле Пальеръ пріѣхалъ на помощь сестрамъ, помолился и велѣлъ принимать какъ можно болѣе бѣдныхъ. Настоятельница повиновалась и въ продолженіи двухъ недѣль приняла 30 новыхъ нищихъ. Съ тѣхъ поръ средства стали проявляться и дѣла дома поправились. Потомъ національная гвардія просила устроить убѣжище для нищихъ 10 округа и предложила 14000 франковъ, съ уговоромъ располагать извѣстнымъ числомъ кроватей, за положенную плату.

Казалось бы, что здѣсь, гдѣ учрежденіе было заранѣе обезпечено средствами, можно было открыть домъ съ нѣкоторою пышностью, но сестры не измѣнили обычной простотѣ своей. Двѣ изъ нихъ пошли привести въ порядокъ и чистить новую квартиру, въ которой не было никакой домашней уборки. Явился нищій, и его сей часъ же по-

мѣстили въ гостинной.—Потомъ пришелъ Ле Пальеръ, помолился вмѣстѣ съ сестрами о томъ, чтобы домъ скоро наполнился, чтобы въ немъ жили благочестиво въ страхѣ Божіемъ, и сказалъ сестрамъ краткое поученіе. Къ ночи для нищаго отыскалась кровать, а сестрамъ послали солому. Черезъ 7 мѣсяцевъ все было устроено, и въ домѣ помѣстились 150 нищихъ, а Архіерей торжественно освятилъ домашнюю церковь.

Такимъ образомъ община быстро распространилась, по всѣмъ городамъ Франціи, и число сестеръ умножалось съ каждымъ годомъ. Въ 1859 году ихъ считалось до 1,000. Центральный домъ въ Бретани окруженъ полями, огородами, лугами и всѣми принадлежностями деревенскаго хозяйства. Сюда принимали сестеръ на испытаніе и отдыхъ. Здѣсь новыя сестры оставались на 6 мѣсяцевъ до рѣшительнаго вступленія. Приюта для бѣдныхъ тутъ нѣтъ, сестры учатся

хозяйству, работают у себя дома и въ полѣ. Это мѣсто служитъ мѣстою ихъ воспитанія и приготовленія къ трудному служенію. Въ общину принимаютъ женщинъ всѣхъ сословій, безъ исключенія. — Въ Парижѣ сестры бѣдныхъ устроили недавно новое убѣжище для престарѣлыхъ нищихъ. Онѣ содержатъ тутъ 250 стариковъ и старухъ. Какъ съ самаго начала учрежденія, такъ и до сихъ поръ онѣ содержатся ежедневною милостынею. Каждое утро сестры собираютъ по домамъ все, чтобы имъ ни подали, и возвращаются съ большими запасами черстваго хлѣба, изъ котораго дѣлаютъ сухари, а разными остатками и подавнiями питаютъ и себя и бѣдныхъ. Платье и прочая принадлежность нищихъ вся собрана изъ остатковъ, и все сборное, розное, но все опрятно, и внимательно перешито; всякій лоскутокъ употребленъ съ пользою. Сестры также одѣты какъ нищiе въ черныхъ платьяхъ и бѣлыхъ чепцахъ, разнаго покрою,

очевидно поданныхъ Христа ради. Онѣ съ трогательною заботливостію ухаживаютъ за своими стариками, какъ служанки, исполняютъ непріятныя и трудныя работы.

Цѣль общины составляетъ служеніе престарѣлымъ. Сестры обязываются къ этому особеннымъ обѣтомъ. Необыкновенное развитіе общины доказываетъ ея необходимость; оно служитъ выраженіемъ религіозной и существенной потребности самаго бѣднаго и необразованнаго сословія. Въ немъ выразилось противодѣйствіе одному изъ самыхъ жалкихъ явленій современной Французской жизни: усиливающемуся равнодушію и пренебреженію къ безпомощной старости, замѣченному въ рабочихъ классахъ. Въ общинѣ выражается борьба и заключается нѣкоторое врачевство этому безнравственному явленію. Замѣчательно также то, что это единственная община, въ которой нѣтъ особеннаго духовнаго начальника. Въ главномъ домѣ

есть домашняя церковь и священникъ, въ остальныхъ домахъ сестры должны исповѣдываться у приходскаго священника, тѣмъ и ограничивается его участіе въ дѣлахъ общины.

Съ чувствомъ искренняго умиленія перечитывали мы разсказы о благотворительныхъ подвигахъ, которыми прославились наши западныя сестры. Мы представили здѣсь несовершенный обзоръ ихъ трудовъ. Можно было бы наполнить цѣлые томы описаніемъ ихъ многосторонней и обширной дѣятельности. Онѣ старались облегчать всѣ виды человѣческихъ страданій. Лучшие люди трудились въ благотворительныхъ общинахъ, находили въ нихъ возможность приложить къ дѣлу самыя разнообразныя способности, старались противодѣйствовать общественному злу, — врачевать отъ послѣдствій насилія и безпорядка. Начало Христіанской любви боролось съ остатками язычества. Оно еще дол-

го не проникало и теперь не вполне проникло въ общественную жизнь, но оно издавно заявило свое присутствіе въ жизни и дѣятельности людей, исключительно посвящающихъ себя на служеніе Богу и ближнему.

Но наше искреннее уваженіе къ заслугамъ этихъ людей не должно затмѣвать понятія объ истинѣ, не должно доводить до суевѣрнаго поклоненія, до признанія началъ противныхъ духу православнаго ученія. Намъ не слѣдуетъ забывать ошибокъ той среды, того общества, которому онѣ принадлежали, — и которое отдѣлилось отъ единства Церкви. Ложныя начала Римскаго ученія не должны увлекать насъ, хотя онѣ дѣйствительно способствовали до нѣкоторой степени развитію внѣшней стороны благотворительныхъ учрежденій и придали имъ соблазнительный блескъ и силу. Эти начала были — средоточіе духовной власти въ лицѣ Папы. Слѣпое повиновеніе ему, забвеніе личной само-

стоятельности и совѣсти передъ властью духовнаго руководителя, и наконецъ опредѣленіе взаимныхъ юридическихъ отношеній между Богомъ и человѣкомъ, признаніе возможности спасенія внѣ благодати Божіей силою собственныхъ заслугъ,—ученіе столь возмутительное для христіанской души, столь несогласное съ его смиреннымъ упованіемъ, крайнимъ выраженіемъ котораго есть продажа индульгенцій и труды для облегченія душъ въ чистилищѣ (*).

Тѣ же начала, которыя дѣйствовали на внѣшнее развитіе благотворительныхъ учрежденій, потрясали по немногу ту церковь, которая приняла эти начала въ ущербъ единства и истины. Онѣ были причиною страннаго поражающаго насъ явленія. Римская церковь не столько благотворно дѣйствовала на общество, сколько, стоя внѣ его, втяги-

(*) On dit aux soeurs novices de S-t Vincent d'offrir le sacrifice de leur dégoût a laver la vaisselle pour les âmes du purgatoire.

вала въ себя его лучшіе соки, призы-
вала подъ свое знамя его лучшихъ лю-
дей. Общественная благотворительность,
святая обязанность воспитанія дѣтей и
служенія ближнему исполнялась исклю-
чительно монашескими орденами. Обще-
ство, довольствуясь сочувствіемъ къ не-
му и помощью, предавалось заботамъ о
своемъ матеріальномъ благосостояніи.
Такъ нигдѣ благотворительные монаше-
скіе ордена не развились съ такой си-
лой, какъ во Франціи; а между тѣмъ
нигдѣ упадокъ такъ не чувствителенъ,
нигдѣ такъ исключительно не цѣнятъ и
гонятся за матеріальными благами.

Но сознаніе тѣхъ ошибокъ, которыми
Провидѣніе испытываетъ и наказываетъ
человѣческую гордость, не должно умень-
шать въ глазахъ нашихъ заслуги вели-
кихъ подвижниковъ, самоотверженно тру-
дившихся на пользу и спасеніе братьевъ
во имя Христа. Мы не должны смѣши-
вать руководящую ихъ вѣру и упованіе
съ ложными понятіями о Папской власти,

новыхъ догматахъ и продажныхъ трудахъ. Мы видимъ и знаемъ, что западныя сестры наши дѣйствительно опередили насъ въ дѣлахъ милосердія, подали намъ высокіе примѣры самоотверженныхъ подвиговъ, которые мы должны изучить, которые могутъ насъ вдохновлять.

Кромѣ пользы—обличенія нашей лѣности, опытность западныхъ сестеръ нашихъ можетъ быть для насъ обильнымъ источникомъ самыхъ полезныхъ уроковъ. Исторія начала и развитія благотворительныхъ общинъ, во многихъ отношеніяхъ поучительна для насъ. Такъ мы видимъ, что учредители весьма мало хлопотали объ обезпеченіи своихъ учрежденій внѣшними средствами для существованія. Они помышляли только о пользѣ, которую можно было принести человѣчеству, старались усилить труды на пользу ближняго и не заботились о нуждахъ завтрашняго дня. Такимъ образомъ они приложили къ дѣлу Евангельское ученіе о той святой

и благоразумной безопасности, которая ни когда ни кого не разорить; потому что къ ней способны только люди, совершенно отрѣшившіеся отъ мелкихъ потребностей матеріальной жизни, и для которыхъ не существуетъ соблазнъ роскоши и нѣги. Эта святая безопасность не только не лишала благотворительныя общины матеріальныхъ средствъ, но скорѣе умножала ихъ. Чѣмъ опаснѣе была дѣятельность, чѣмъ безкорыстнѣе труды, чѣмъ самоотверженнѣе подвиги, тѣмъ болѣе внушали они сочувствія окружающему ихъ обществу и тѣмъ сильнѣе имъ поддерживались.

Мы замѣчаемъ также, что благотворительныя общины не сосредоточивали свою дѣятельность въ столицахъ и большихъ городахъ, — онѣ спѣшили разносить по селамъ и вѣсямъ слова проповѣди, въ нихъ распространяли просвѣщеніе, искали бѣднаго трудящагося сельскаго народонаселенія и старались облегчить его страданія.

Всякая начинающаяся община немедленно распространялась туда, гдѣ польза ея была наиболѣе ощутительна. Далѣе она дробилась на небольшіе кружки, а центральный домъ только по немногу, по мѣрѣ развитія своихъ отдѣленій и вѣтвей, получалъ силу и значеніе. Наконецъ большая часть общинъ возникала почти незамѣтно, развивалась постепенно, и прибѣгала къ помощи и участию общества, доказавъ пользу свою долгими трудами, въ сферѣ тѣсной, смиренной, но положительной пользы. Точно также уставъ возникалъ изъ самой жизни общины, былъ плодомъ опытности учредителей, и почти всегда исполнялся на дѣлѣ прежде, чѣмъ являлся въ опредѣленныхъ написанныхъ формахъ.

Но самый полезный, самый назидательный примѣръ, данный намъ нашими западными сестрами, есть безъ сомнѣнія примѣръ ихъ самоотверженныхъ личныхъ трудовъ, и заключается въ ихъ взглядѣ на благотворительность, на ко-

тору ю онѣ смотрѣли, какъ на строгое, святое и трудное служеніе, не смѣшивая его съ пустотой и суетой своей свѣтской жизни. Въ благотворительныхъ общинахъ, въ трудахъ свѣтскихъ женщинъ, принимающихъ въ нихъ участіе мы не замѣчаемъ побужденій свѣтскаго тщеславія и предлоговъ къ хлопотливой суетѣ. Направленіе этихъ женщинъ было иногда ошибочно, стремленіе ложно, повиновеніе слѣпо; но труды были искренни, жертвы велики, и истекали изъ самой глубины потрясеннаго духа, и потому они оставили слѣды. Въ больницы приходили служить женщины, которыя еще жили въ свѣтѣ, участвовали въ его малодушныхъ развлеченіяхъ, увлекались, быть можетъ, его темными сторонами. Но все же были минуты въ ихъ жизни, когда онѣ смиренно преклоняясь предъ нищетой и страданіями, служа лично и усердно брату во Христѣ, сознавали ложь и пустоту своей свѣтской жизни, и совершенно отъ нее отрѣшались.

Безъ такого строгаго разграниченія добра и зла, служенія Богу и мамонѣ, свѣтской суеты и святыхъ трудныхъ дѣлъ милосердія, всѣ усилія будутъ напрасны, всѣ старанія безплодны. Средства, полученныя чрезъ увеличеніе предметовъ къ развлеченіямъ и роскоши, вырванныя всѣми тщеславными и низкими побужденіями человѣческой души; ничего не принесутъ.хлопотливныя заботы,—плодъ изнѣженнаго и празднаго досуга, предпринятія безъ строгаго сознанія труднаго дѣла, безъ горячей любви, безъ искреннаго уваженія къ страданіямъ ближняго, только усиливаютъ раздвоеніе сословій и возбуждаютъ или недоувѣріе, или снисходительное недоумѣніе того нищаго, который самъ съ крестнымъ знаменіемъ подастъ другому часть своего скуднаго, насущнаго хлѣба.—Конечно, не всѣ призваны къ исключительнымъ дѣламъ благотворительности. Не многіе, изъ среды нашего суетнаго и малодушнаго общества, ока-

жуются достойными быть призванными на новые святые подвиги благотворительности. Но каждая женщина может воспитать въ душѣ своей сознание важности и святости дѣлъ милосердія, и всячески сохранять это сознание отъ суеты и соблазновъ свѣта, сберегать въ недоступной глубинѣ души своей уваженіе къ страданіямъ брата и къ трудамъ его, сожалѣніе о собственной суетности и о томъ малодушіи, о той непомѣрной роскоши, которая лишаютъ насъ и нравственной силы и вещественныхъ средствъ, нужныхъ для подвиговъ милосердія. Каждая женщина можетъ по немногу бороться съ этой суетой, съ этой роскошью,—и когда уяснится сознание нашихъ обязанностей, когда созрѣетъ сѣмя,—тогда, но не прежде, быть можетъ и мы лѣнивые работники одиннадцатаго часа удостоимся призванія,—и намъ укажется мѣсто на нивѣ Господней.

ПОГРЪШНОСТИ.

НАПЕЧАТАНО:

ЧИТАЙ:

Стр. строк.

2.	9	encha pitre	en charitre
5.	11	Парижсгаго	Парижскаго
6.	24	монахипь	монахинь
8.	6	въ Марьселъ	въ Марсели
9.	14	доведены	доведено
11.	2	слаботти	слабости
13.	8	объшаюсь	объщаюсь
24.	5	изгонялясь	изгонялись
30.	17	Баромейскій	Баромейскій
33.	9	Урселинокъ	Урсулинокъ
43.	6	ни на то	на то
—	13	миръ	миръ
46.	8	у нее	у нея
72.	2	распалась	распалось
—	23	коноппиката	капонниката

II

Стр.	строк.		
73.	10	ка наукѣ	къ наукѣ
—	15	обязывались на три года	обязывались три года
74.	1	ignorantins	ignorantins
77.	11	соображенія	воображенія
78.	17	со всего города	всего города
80.	23	кою	какой
82.	19	скорлатина	скарлатина
89.	2	путшествіе	путешествіе
95.	1	междоусобной	междоусобной
97.	9	обзпеченіе	обезпеченіе
108.	12	Дѣянія	Дѣяній
—	14	Коллосамъ	Колоссянамъ
109.	18	для всего міра	о всемъ мірѣ
110.	5	время	бремя
111.	3	да Саля	де Саля
—	16	шестеро	семеро
112.	14	непріятности, кеторыя	непріятности, которыя
115.	20	Ларошель	Ларошели
—	21	Безіеръ	Безьерѣ
116.	4	въ тамошнемъ округѣ;	въ тамошнемъ округѣ

III

Стр.	строк.		
116.	9	Мартыникѣ	Мартиникѣ
—	10	Гуанѣ	Гвіанѣ
117.	13	назначило	назначило имѣ
118.	22	въ 1720, года	въ 1720 году
120.	7	бѣдныхъ	бѣднымъ
—	9	Венде	Вандеѣ
—	11	ограничивалась	ограничивались
—	14	sur Jaone	sur Saone
121.	17	дома, на островѣ	дома на островѣ
—	18	Гуанѣ	Гвіанѣ
122.	9	Венде	Вандеѣ
123.	2	посѣщенія	посѣщенія
—	3	больныхъ	больнымъ
—	11	приготавлиють	приготовляють
126.	22	третья	четвертая

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ
ЖЕНЩИНЫ.

V.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЯ

ЖЕНЩИНЫ.

Елизавета Фрай

ТВЕРЬ.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1861 г.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. П. Б. Марта 3 дня 1861 года.

Цензоръ Архимандритъ Макарій.

ЕЛИЗАВЕТА ФРАЙ.

ГЛАВА I.

Елизавета родилась въ Англіи, въ графствѣ Норфолькъ, въ семьѣ одного зажиточнаго и вліятельнаго члена секты квакеровъ, или „друзей“ (*). Не смотря на исключительность и строгость правилъ и нравовъ этой секты, семейство Гурне находилось въ постоянныхъ сношеніяхъ съ людьми самыхъ разнообразныхъ убѣжденій. Г-нъ Гурне и жена его любили литературу, сочувствовали наукѣ, встрѣчались съ писателями и уче-

(*) Можно прочесть подробности о сектѣ друзей, или квакеровъ, въ православномъ обзорѣннѣ 1860 г. № 8 и 10.

456С Нур Ех. 3.5.51

ными. Въ это время, въ концѣ 18 вѣка, блистательныя способности нерѣдко соединялись съ безвѣріемъ: ученые хвастали шаткостью своихъ религіозныхъ убѣжденій, или равнодушіемъ къ великимъ истинамъ христіанскаго ученія.

Впрочемъ Г-жа Гурне была женщина набожная; она читала дѣтямъ Библию, внушала имъ необходимость молитвы. Внимательно слѣдя за нравственнымъ развитіемъ своихъ дѣтей, она посвяла въ ихъ сердца тѣ драгоценныя сѣмена, которыя, спустя много лѣтъ послѣ ея смерти, принесли желанныя плоды. Семейство Гурне обитало въ прелестномъ помѣстьѣ Еригамъ. Вотъ какъ Елизавета сама рассказываетъ о своемъ дѣтствѣ:

Кажется, я могу припомнить кое-что, бывшее со мною еще до трехлѣтняго возраста; но пятилѣтнія воспоминанія мои, начиная съ того времени, какъ мы переѣхали въ Еригамъ, особенно вѣзались въ моей памяти. Я помню всѣ красоты нашей мѣстности: деревья, цвѣты, жур-

чанье чистыхъ ручейковъ, ферму, деревенскую школу, бѣдныхъ поселанъ и ихъ хижины. Помню безрукую Бетси и нашего стараго садовника, который жилъ близъ пруда и любилъ ловить рыбу. Здѣсь зародилась во мнѣ лѣбовь къ деревенской жизни и красотамъ природы; здѣсь пріучилась я обращать вниманіе на пужды и лишенія бѣдныхъ. Я вѣжио любила мать свою, и живо помню наши разговоры и прогулки. Какъ теперь слышу ея разсказъ объ изгнаніи Адама и Еввы изъ рая. Мнѣ казалось, что рай походилъ на нашъ прекрасный садъ . . . Одна мать, кажется, понимала меня и мои физическія и нравственныя страданія; прочіе считали меня глупой и упрямой дѣвочкой. Чувство робости и страха возникало во мнѣ вслѣдствіе нервической слабости: я была задумчива, часто плакала, очень дурно училась, по причинѣ какой-то бо-лѣзненной вялости души и тѣла. Меня часто называли глупенькой и упрямой,

что, конечно, способствовало къ уничтоженію во мнѣ всякаго прилежанія и къ притупленію моихъ умственныхъ способностей; я считала себя хуже всѣхъ. Что касается до упрямства, то я дѣйствительно заслуживала упрекъ за него, любила противорѣчить и неохотно уступала. Съ раннихъ лѣтъ привязанности мои были сильны; я такъ любила всѣхъ въ нашей семьѣ, что по цѣлымъ часамъ плакала, воображая возможность ихъ смерти. Съ матерью я была почти неразлучна: когда она засыпала, я съ болѣзненнымъ страхомъ наблюдала за ней, подходила къ кровати, сердце мое сжималось при мысли, что она, можетъ быть, перестала дышать. Всѣ радости моего дѣтства омрачались чувствомъ страха, и религіозныя убѣжденія зарождали во мнѣ одни мрачныя и суровыя образы. Съ какою осторожностію должно передавать дѣтямъ религіозныя истины, чтобы не вселить въ нихъ чувства отвращенія и недовѣрія къ драгоценнѣйшимъ

дарамъ Божиимъ. Объясняйте имъ, какъ радостно служить Богу; говорите имъ о милосердіи и любви Спасителя—и довольно. Къ чему также слишкомъ утомлять дѣтей ученіемъ? раннія и усиленные занятія вредны для здоровья, мѣшаютъ послѣдующимъ занятіямъ и внушаютъ отвращеніе къ наукѣ.

Какъ важно вліяніе благоразумной матери, которая вѣрно направляетъ стремленія своихъ дѣтей, разумно развиваетъ ихъ вкусъ, и приучаетъ къ полезнымъ занятіямъ! Я до сихъ поръ помню грядку, на которую матушка пересаживала полевые цвѣты; съ какимъ восторгомъ я помогала ей; и какое удовольствіе въ послѣдствіи доставляли мнѣ цвѣты! Мнѣ и послѣ неудалось заняться ботаникой, но во время частыхъ путешествій я съ истинной радостію собирала и рассматривала попадавшіеся мнѣ цвѣты. Матушка собирала раковины, кораллы, минераллы и другія подобныя рѣдкости. Могу сказать, что и въ зрѣлыя лѣта,

среди тяжелыхъ испытаній и трудныхъ обязанностей, наблюденія за явленіями природы и собраніе особенно рѣдкихъ ея произведеній доставляли мнѣ истинное удовольствіе и полезное отдохновеніе, хотя я никогда не успѣвала научно заняться Естественной Исторіей.

Мать моя, по мѣрѣ силъ и знаній своихъ, воспитывала насъ въ страхѣ Божіемъ и христіанской любви.—Она была усердная послѣдовательница Христа; но разумъ ея не былъ совершенно просвѣщенъ основательнымъ знаніемъ Священнаго Писанія. Она учила насъ тому, что знала сама; я и теперь помню этѣ торжественныя минуты, когда мы въ молчаніи сидѣли возлѣ нея послѣ обычнаго чтенія Евангелія или псалмовъ,—передъ отходомъ ко сну. Молитвы матери, конечно, не были напрасны.

Когда она умерла, мнѣ было 12 лѣтъ; и теперь тяжело вспомнить ужасное время ея болѣзни и смерти.

Г-жа Гурце оставила семь дочерей;

онѣ были богато одарены природой, хороши собой, съ живымъ и самобытно-оригинальнымъ характеромъ, но, что было въ нихъ всего замѣчательнѣе, это горячая искренность сердца и чистота мысли. Ихъ убѣжденія были еще не тверды, вѣрованія не ясны. Онѣ знали только инстинктивное сочувствіе къ добру и красотѣ христіанскаго ученія. Строгость квакерскихъ принциповъ до нѣкоторой степени охраняла ихъ отъ опасныхъ увлеченій свѣта. Впрочемъ мы видимъ, что семья г. Гурне нѣсколько отступала отъ обычной суровости сектаторскихъ нравовъ; такъ напримѣръ: въ ея семейномъ кругу допускались музыка и танцы. Елизавета очень много пѣла, охотно танцевала, но болѣзненные припадки не позволяли ей часто предаваться этимъ удовольствіямъ. Она имѣла пріятное лицо, стройный станъ и густыя волосы, довершавшіе ея прелестный образъ, далеко впрочемъ уступавшій цвѣтущей красотѣ ея сестеръ.

Между тѣмъ характеръ Елизаветы развивался, и все въ немъ согласовалось съ требованіями ея будущей дѣятельности. Сосредоточенность и скромность перешли въ мужественную рѣшительность, которая умѣрялась осторожностью. Упрямство дѣтскаго возраста обратилось въ твердость, съ помощію которой она принесла столько пользы своимъ ближнимъ. То, что называли въ ребенкѣ хитростью, развилось въ ней до пронизательной дальновидности, соединенной съ умѣньемъ дѣйствовать на окружающихъ. Ея пренебреженіе къ кругу обыкновенныхъ знаній соединялось съ оригинальностью мысли и самостоятельностью сужденія; она всегда обнаруживала болѣе геніальности и быстроты, чѣмъ прилежанія и разсудительности.

Общество друзей, или квакеровъ, изрѣдка посѣщало Еригамъ, и тамъ бывали ихъ митинги или общественныя молитвы и проповѣдь. Такъ какъ у квакеровъ нѣтъ Священническаго сословія, то молитвы и проповѣди произ-

носятся избранными членами общества (ministers), за которыми признаются особые дары Св. Духа. Эти министеры избираются равно изъ мужчинъ и изъ женщинъ. Сначала Елизавета, подъ предлогомъ слабаго здоровья, рѣдко посѣщала митинги, но съ 17-лѣтняго возраста она стала бывать въ нихъ по совѣту дяди своего, строгаго квакера, который сильно подѣйствовалъ на ея убѣжденія. Съ этого времени замѣтно въ ней сильное стремленіе къ нравственному усовершенствованію. Въ дневникѣ ея безпрестанно встрѣчаются слова: добродѣтель, истина, она ищетъ Бога и находитъ Его въ твореніи, не будучи знакома съ ученіемъ о немъ Божественнаго откровенія.

„Я люблю въ природѣ созерцать Создателя, писала Елизавета,—въ этомъ вся моя вѣра; набожности во мнѣ нѣтъ вовсе. Когда люблюсь красотой природы, я не могу не возвышаться до Источника этой красоты. Это созерцаніе укрѣпляетъ меня; я твердо вѣрю, что незри-

мая сила все ведетъ къ лучшему, и потому никакія испытанія не сломятъ меня.“

„Я стараюсь быть ласкова со всѣми уже потому, что пріятно чувствовать себя доброй. У меня много недостатковъ, но я надѣюсь исправить ихъ.“

„Въ лѣнивомъ расположеніи духа я склонна къ праздности и разсѣянности, но стараюсь преодолѣть себя. Увижу, до какой степени это удастся мнѣ. Пользуясь здоровьемъ,—этимъ неизреченнымъ благомъ, я тѣмъ болѣе должна быть добродѣтельна. Пусть будетъ для меня урокомъ все, мною выстраданное; постараюсь всегда поспѣшать на помощь и утѣшеніе больнымъ. Какъ бесполезна была я прошлаго года во время болѣзни, но Господь облегчилъ и подкрѣпилъ меня. Если бы я была набожна, я бы упала на колѣни и благодарила Его за всѣ милости ко мнѣ, за всѣ радости моей жизни.“

„Сегодня будутъ гости къ обѣду; развѣ нѣтъ во мнѣ особеннаго желанія по-

нравиться и обратить на себя вниманіе? Какой недостатокъ! Удастся ли провести хоть одинъ день, не сдѣлавъ глупости;—это былъ бы первый такой день въ моей жизни!“

„Слабая разумомъ, какъ мыльный пузырь, лишенная душевной и тѣлесной красоты, я съ каждымъ днемъ падаю въ собственномъ мнѣніи. Мнѣ семнадцать лѣтъ, и если какой нибудь счастливый, благодатный случай не поддержитъ меня, моль и ржавчина истребятъ всѣ мои способности: онѣ потеряютъ блескъ и силу, и придетъ время, когда эти дары будутъ для меня источникомъ не блаженства, а проклятія. Страшный день!“

Справедливо трепетала она при мысли о томъ страшномъ днѣ, когда все существующее во времени и пространствѣ исчезнетъ для нея на вѣки, и глубоко сознавала недостатокъ своего духовнаго просвѣщенія. Но благодатный случай былъ близокъ. Это была встрѣча съ строгимъ и горячимъ квакеромъ Севери.

Сестры Елизаветы рассказывали, въ какомъ веселомъ и шаловливомъ расположеніи духа онѣ отправились на молитвенное собраніе, какъ развлекались рядами.

Но вотъ заговорилъ Севери; звучный голосъ сначала поразилъ ихъ; Елизавета, вслушавшись въ его слова, вдругъ залилась слезами. Послѣ проповѣди она настоятельно просила позволенія съ нимъ обѣдать, была на вечерней молитвѣ и проповѣди, и, возвращаясь домой, проплакала всю дорогу.

На другой день Севери пріѣхалъ въ Еригамъ, долго говорилъ съ Елизаветой, и сказалъ ей, что она будетъ призвана на великое служеніе. Это сильно на нее подѣйствовало. Вотъ какъ она описываетъ встрѣчу съ Севери.

«Кажется, слабый свѣтъ озарилъ мою душу,—я будто чувствую вѣру. Не есть ли это только слѣдствіе возбужденнаго воображенія? Боюсь, не изгладится-ли впечатлѣніе! Тещерь боюсь, а прежде мнѣ

показалось бы невѣроятнымъ, чтобы простой квакеръ могъ на меня такъ по-дѣйствовать!“

„Надѣюсь, что испытанное мною сегодня надолго останется во мнѣ. Я почувствовала, что есть Богъ; стала набожна; мысли мои теперь далеки отъ той суеты, которая постоянно омрачала ихъ. Послѣ я долго говорила съ Севери. Его бесѣда дѣйствовала на мои чувства, была какъ освѣжающій дождикъ на давно засохшую землю. Сердце мое смирилось, но не знаетъ больше тоски. Хочу и надѣюсь сдѣлаться истинно добродѣтельной, оставивъ мудрованіе, не предаваясь безумной восторженности, но обладая той вѣрой, которая одна производитъ добрыя дѣла.“

Въ слѣдующее Воскресенье она писала: „Какая разница между сегодняшнимъ впечатлѣніемъ и тѣмъ, которое испытала я въ незабвенный для меня день. Сегодня я замѣтила въ себѣ прежнее невѣріе. При такомъ настроеніи

мнѣ уже труднѣе дѣйствовать. Прежде я смиренно и покойно предавалась внутреннему чувству, и потому вѣрила; теперь же, чѣмъ болѣе разсуждаю, тѣмъ болѣе усиливаются сомнѣнія. Мой умъ равно склоненъ къ крайностямъ, могу впасть въ скептицизмъ или въ религиозную восторженность. Мудрованіе и сомнѣніе приведутъ къ безвѣрію; отдавшись же одному внутреннему чувству, могу увлечься до фанатизма.“

Надѣюсь избѣгнуть и того, и другаго. Истинная вѣра есть величайшее изъ всѣхъ благъ: она укрѣпляется въ испытаніяхъ и болѣе всего побуждаетъ къ добродѣтели. Лучше крайне-восторженная вѣра, чѣмъ совершенное безвѣріе.

Во время этого возбужденнаго душевнаго состоянія, Елизавета захотѣла посетить Лондонъ, и видѣть ту суетную свѣтскую жизнь, которая такъ увлекаетъ многихъ. Ей предстоялъ выборъ, и она пожелала сама испытать то, что противулагалось новымъ ея убѣжденіямъ.

Надо замѣтить, что дѣло шло не о выборѣ между той или другой формой почитанія Христіанской вѣры; но между суетною свѣтскою жизнью и религіозною, облеченною въ строгія начала кватеризма; возможность вѣрованія въ иныхъ формахъ ей и не представлялась; она не имѣла и понятія о другихъ вѣроисповѣданіяхъ.

Вотъ что писала она объ этомъ времени спустя тридцать лѣтъ:

„ Это былъ рѣшительный поворотъ въ моей жизни. Я принимала участіе во многихъ свѣтскихъ удовольствіяхъ, но рѣшилась отказаться отъ нихъ. Онѣ возбуждали въ душѣ моей все дурное, вредили мнѣ, и я чувствовала, какъ, принимая въ нихъ участіе, я сама служу тому, что признаю дурнымъ, что вредитъ моимъ ближнимъ и сбиваетъ ихъ съ путей цѣломудрія и правды. Я сознала грѣховную суету удовольствій, которыя только изнѣживаютъ и развращаютъ душу. Истинныя отдохновенія

должны быть невинны и подчинены закону Господню. Разумъ мой постигъ тогда необходимость вѣры; я убѣдилась, что она есть единственная руководительница, опора и отрада въ жизни, единственное средство снискать надежду на другую лучшую жизнь. Разумъ мой раскрылся къ пониманію истины, хотя Евангеліе, — это радостное благовѣствованіе еще слабо, весьма слабо понималось мною. Я была, какъ прозрѣвающій слѣпой, смутно различающій всѣ предметы. Я видѣла людей, приобрѣла полезное знаніе ихъ характеровъ. Но эти столкновения могли бы быть для меня опасны, если бы невидимая, едва признаваемая мною, рука Господня не вела и не хранила меня въ это трудное время. Можно ли сомнѣваться въ томъ, что Духъ Его открылъ мнѣ язвы собственнаго сердца и злыя стороны всего, что меня окружало. Онъ внушалъ мнѣ ненависть къ злу и святую жажду праведной жизни во Христѣ и Имъ

дарованнаго спасенія.“

Мы сожалѣемъ, что размѣры нашего труда не позволяютъ намъ привести письмо Севери, писанное имъ въ то время къ Елизаветѣ. Онъ сильно побуждаетъ къ дѣятельности, къ совершенному разрыву съ суетою свѣта, и краснорѣчиво описываетъ блаженство вѣры и совершенствованія во Христѣ. «Милое дитя, — говоритъ Севери въ концѣ своего письма, — сердце мое исполнено участіемъ къ тебѣ; хотѣлось бы взять тебя за руку, и повести къ небесному Отцу, хотѣлось бы вмѣстѣ съ тобой подыматься шагъ за шагомъ, все выше, какъ бы по лѣстницѣ, ведущей къ небесному совершенству. Но я самъ такъ несовершенъ, что могу только вмѣстѣ съ собой поручить тебя той милосердой рукѣ, которая все-сильна сдѣлать для насъ даже гораздо болѣе, чѣмъ мы надѣемся или просимъ.»

По возвращеніи въ Еригамъ Елизавета принялась устроить свою жизнь и занятія, согласно съ своими новыми убѣж-

деніями. Она старалась удовлетворить требованіямъ совѣсти и подвизаться на пути ко спасенію. Прежде она часто видала сонъ, сильно поражавшій ее. Ей казалось, что морскія волны уносятъ ее и готовы поглотить. Она испытывала смертный ужасъ и не однократно рассказывала объ этомъ сестрамъ. Тотъ же сонъ возобновился послѣ ея обращенія, или лучше сказать, послѣ признанія ею истины христіанскаго закона. На этотъ разъ волны подошли по прежнему, но не унесли ее; она уже стояла у вѣрной пристани.

„Сегодня, писала она, я одна; мнѣ удобно взглянуть на себя и установить правила своей жизни. Теперь главный предметъ моихъ мыслей есть ученіе Христа, оно одно наполняетъ у меня умъ и сердце; но вѣра моя еще не стоитъ на твердомъ основаніи. Другое чувство, наполняющее сердце, есть расположеніе и привязанность ко многимъ. Я сознаю въ себѣ однако большой недостатокъ

милосердія, недостатокъ смиренія, недостатокъ дѣятельности; кажется, что я расположена къ добру, страсти не много смущаютъ меня; но мнѣ хотѣлось бы привести въ порядокъ жизнь свою. Много времени теряется и много дѣлается зла по недостатку предначертаннаго плана дѣйствій. Я буду исполнять слѣдующія правила:

1. Не теряй времени, и считай за потерянное то время, которое ты ежедневно посвящаешь отдохновенію, или какойнибудь забавѣ; но приучайся быть всегда чѣмънибудь полезнымъ занятою.

2. Никогда не позволяй себѣ ни малѣйшаго уклоненія отъ правды.

3. Не говори ничего дурнаго о ближнемъ, о которомъ ты можешь сказать хоть чтонибудь хорошее. Не довольствуйся тѣмъ, что снисходительно говоришь о ближнемъ; но старайся чувствовать къ нему снисхожденіе и любовь.

4. Не будь ни съ кѣмъ раздражительна и неласкова.

5. Никогда не позволяй себѣ роскоши, безъ которой можно обойтись.

6. Все дѣлай съ разсудкомъ: если прямой путь чрезмѣрно труденъ, довѣрься той силѣ, которая одна можетъ помочь тебѣ. Упражняй свои способности, на сколько это тебѣ возможно.

„Сегодня я довольна своимъ днемъ; у меня былъ хорошій французскій урокъ, много читала изъ Эпиктета, видѣла бѣднаго Боба, наслаждалась тихой красотой природы; съ каждымъ весеннимъ днемъ разливаются въ ней новыя красоты, я еще больше прежняго люблю деревню: она полезна душѣ; послѣ Лондонской жизни, еще болѣе цѣню уединеніе и покой. Могла ли бы я повѣрить, шесть мѣсяцевъ тому назадъ, что во мнѣ совершится такая переменна, и переменна къ лучшему. Сердце мое возвышается къ Всемогущему съ благодарностью за то, что глаза мои хоть нѣсколько видятъ свѣтъ истины, и что душа моя познаетъ блаженство вѣры.—

Надѣюсь, что буду способна отдать всю себя съ радостнымъ сердцемъ на служеніе Всемогушему, если это будетъ угодно Ему.“

„ Я провела утро съ бѣднымъ Бобомъ; онъ умираетъ. Я прочла ему главу изъ Евангелія, въ которой говорится о смерти, и потомъ долго съ нимъ сидѣла. Бѣдный! Я до сихъ поръ не видала смерти, не наблюдала за ея признаками: какое грустное зрѣлище! Какъ должна быть отрадна, сказала я ему, надежда на вѣчно блаженное безсмертіе! Милосердый Отецъ, благослови его и прими къ Себѣ. Хотя жестка душа моя, хотя нѣтъ въ ней молитвеннаго духа, но надѣюсь, что Ты не отвергнешь моего желанія молиться. Боже мой, да будетъ воля Твоя, а не наша. Благодарю Тебя, что Ты допустилъ меня почувствовать вѣру, надежду и любовь къ Тебѣ. Ты начало и конецъ всего. Тебя можно постигнуть лишь силою Духа, посылаемаго Тобою на просвѣщеніе сердець нашихъ.“

Такъ она молилась. Вѣрованія ея были неясны, убѣжденія еще нетверды; но всей душой желала она исполнить волю Небеснаго Отца и принять на себя служеніе Ему. И по мѣрѣ того, какъ усиливалось это желаніе, увеличивались ея работы и попеченія о благѣ ближняго. Ей хотѣлось со всѣми подѣлиться богатыми дарами вѣры.

„Мнѣ бы хотѣлось, писала она, нѣсколько усилить предположенныя мною Воскресныя вечернія чтенія. Хочу собирать бѣдныхъ дѣтей и читать имъ Евангеліе и духовныя книги. Я начала съ Бетси, и надѣюсь, что мало помалу увеличится число слушателей. Я думаю, что эти чтенія могутъ быть полезны, но не должно торопиться. Нравственность народа много бы улучшилась, если бы больше и лучше читалось имъ Священное Писаніе. Труды мои не достаточны; ничто не доставляетъ мнѣ столько удовольствія, какъ поучать и

наставлять самыхъ бѣдныхъ и простыхъ людей.“

Послѣ молитвы, возвращаясь домой, я была поражена зрѣлищемъ, которое меня глубоко тронуло. Отецъ мой бросился въ воду за утопающимъ мальчикомъ и спасъ его. Съ какимъ необыкновеннымъ присутствіемъ духа онъ это сдѣлалъ и какъ я была тронута! Бѣдное дитя! Я взяла его къ себѣ.“

Лѣтомъ Г. Гурне отправился съ своимъ семействомъ на Югъ Англіи. Елизавета восхищалась чудными видами, наслаждалась путешествіемъ, рассматривала съ восторгомъ памятники исторіи и искусства. Въ это время она познакомилась съ одной своей родственницей, женщиной замѣчательной по уму и красотѣ, которая рано отказалась отъ свѣта, вступила въ общество квакеровъ и строго соблюдала ихъ правила и обычаи. У нея Елизавета видѣла многихъ ревностныхъ квакеровъ; всѣ они обратили на нее особенное вниманіе, поощряли къ

дѣятельности и твердости.

По возвращеніи домой Елизавета принялась за прежніе труды; она посѣщала бѣдныхъ и особенно больныхъ, читала имъ Библію, учила дѣтей. Ея школа, имѣвшая въ началѣ только одного ученика, такъ умножилась, что уже не могла помѣститься въ домѣ. Ей предоставили старую пустую прачешную. Въ школѣ было 70 учениковъ, и она обучала ихъ одна, безъ всякаго помощника; тогда не было ни тѣхъ безчисленныхъ книгъ, ни таблицъ, ни картинокъ, которыми теперь такъ упростили обученіе дѣтей. Тѣмъ, которые лишены дара управлять умами другихъ, покажется невѣроятнымъ ея умѣнье подчинить себѣ волю столько, почти дикихъ дѣтей, и сосредоточить ихъ вниманіе. Елизавета помогала также тѣмъ, которые стыдились просить милостыню. Она открывала нужды бѣдныхъ сосѣдей, посѣщала ихъ. Часто обѣзжала она окрестности верхомъ въ красивомъ нарядѣ, заѣзжала къ

несчастливымъ и бѣднымъ семействамъ и приносила имъ или дѣйствительную помощь, или слово утѣшенія.

Понемногу Елизавета стала отвыкать отъ разноцвѣтныхъ нарядовъ, и начала носить одни темныя платья, и потомъ надѣла бѣлый платокъ, чепчикъ и платье особеннаго покроя, какъ носятъ жены и дочери квакеровъ. Она давно ссочувствовала убѣжденіямъ этого общества, и теперь рѣшительно присоединилась къ нему. Это рѣшеніе еще болѣе расположило ее въ пользу Г-на Фрай, который тогда же просилъ ея руки.

Изъ дневника ея, писаннаго въ это время замѣтно, что въ душѣ ея происходила борьба. Она боится, что супружеская жизнь отдалитъ ее отъ цѣли, къ которой она должна стремиться. Она предвидитъ, что избранная ею дѣятельность будетъ не совмѣстна съ обязанностями жены и матери. „Молюсь о томъ, вѣнцетъ она, чтобъ вѣрно исполнить свои обязанности къ мужу и дѣтямъ,

если буду замужемъ; хотѣлось бы, чтобъ въ такомъ случаѣ, всѣ дѣла мои сосредоточились въ семейномъ кругу. Если же призваніе мое будетъ внѣ предѣловъ семейной жизни, лучше оставаться одинокой. Но все это должно быть предоставлено высшей Волѣ, и я съ вѣрою и смиреніемъ молюсь о помощи и о соблюденіи воли Его отнынѣ и до вѣка.“

ГЛАВА II.

Черезъ нѣсколько времени Елизвета приняла предложеніе Г-на Фрай. Предстоящее супружество не представляло ничего такого, чаго она не могла бы оцѣнить и одобрить.

Открывавшіеся новые пути жизни согласовались съ ея убѣжденіями, съ ея призваніемъ и еще болѣе сближали ее съ обществомъ квакеровъ. Положеніе Г. Фрай обѣщало средства къ приобрь-

тенію вліяння и служенію пользѣ ближнихъ. Союзъ былъ благословленъ въ собраніи квакеровъ,—и хотя мы видимъ, что въ день, назначенный для свадьбы, она просыпается съ глубокимъ чувствомъ страха и потомъ съ грустью прощается къ каждому камню роднаго дома, однако черезъ нѣсколько дней она весело описываетъ пріѣздъ свой въ семью мужа, радушную встрѣчу и нѣжныя ласки родныхъ его.

Г. Фрай имѣлъ богатый торговый домъ въ Лондонѣ и поселился тамъ. Семейство его принадлежало къ строгимъ стариннымъ квакерамъ и Елизавета, рѣзко отличавшаяся отъ прочихъ членовъ родной семьи своимъ подчиненіемъ квакерскимъ правиламъ,—здѣсь считалась почти свѣтской женщиной. Ей бывало иногда трудно примирять несходныя убѣжденія своихъ милыхъ родныхъ съ привычками родственниковъ мужа, къ которымъ она привязалась отъ всего сердца. Свидѣтельствомъ внутренней борьбы

ея на пути духовнаго преуспѣванія служить слѣдующее письмо къ одному почтенному квакеру.

«Я помню, что ты привѣтствовалъ меня, какъ сопутницу въ лучшую жизнь; помню, какъ это подкрѣпило меня тогда; но не знаю, — тоже ли бы ты сказалъ мнѣ теперь. Однако надѣюсь, что я не совсѣмъ оставлена Богомъ, — что не вовсе умерла для добрыхъ дѣлъ. Хотя теперь я нахожу мало хорошаго въ сердцѣ своемъ; но могу утѣшать себя мыслию, что я не властна надъ состояніемъ души своей, — что мнѣ надо успокоиться и ждать лучшаго. Однако я боюсь, что во мнѣ недостаетъ бдительности. Я такъ озабочена дѣлами преходящаго міра, что духовный взоръ мой не различаетъ всего, относящагося къ міру иному, вѣчному. Иногда желаніе добра во мнѣ сильно; но это продолжается не долго. Часто, и особенно во время молитвы, я вспоминаю слова Спасителя къ Симону: „Какъ не возмоглъ еси единого часа по-

бдѣти со Мною.» По временамъ я боюсь удалиться отъ истины въ важныхъ вопросахъ. Есть какая то сила, затмѣвающая разумъ, которая облекается въ свѣтлую ризу ангела. Въ молодости своей я много встрѣчалась съ деистами, защищала ихъ мнѣнія, и теперь чувствую ихъ вліяніе. Если высшая сила не озаритъ мой слабый умъ, то я вѣчно буду сомнѣваться во всемъ. О! какъ ничтожны всѣ наши радости, когда угасаетъ въ насъ свѣтлый лучъ вѣры! Но я помню слова твои, — что та душа еще жива для всего добраго, которая исполнена любовью къ спутникамъ своимъ въ Сіонѣ. Итакъ, еще не считаю себя мертвою къ добру, пока сердце мое влечетъ меня къ нѣкоторымъ изъ людей, которые, по мнѣнію моему, подвизаются на пути къ желанной цѣли. И покуда я такъ искренно привязана къ ученику, кажется, не могу быть во враждѣ съ учителемъ.“

Во время пребыванія въ Лондонѣ Ели-

завета грустить о деревнѣ съ ея свободой и воздухомъ. Мы видимъ ее занятою прїѣздами Квкеровъ изъ дальнихъ частей Англїи и приготовленїями къ годовому собранїю ихъ. Она старается радушно принимать гостей мужа.—Прежде Елизавета была любящей и послушной дочерью, теперь она ревностно исполняетъ обязанности жены, а впереди ожидали ее новыя заботы и радости матери.

Въ дѣлахъ общества и церкви она была проницательна, и весьма хладнокровна,—дома же прежде всего являлась женщиной любящей. Никто не умѣлъ лучше ея обходиться съ маленькими дѣтьми; въ звукѣ ея голоса, въ ея улыбкѣ и прїемахъ было веселое, теплое радушіе, которое привлекало и успокаивало дѣтей.

Изъ ея дневника замѣтно, какъ женственная слабость соединялась у нея съ силою характера. Первый ребенокъ у ней родился въ 1801 году.

„Едва достало у меня времени и силы

описать послѣднее событіе. Можетъ быть, я ошибаюсь, но кажется, я не испытала той великой радости, о которой мнѣ такъ много говорили. Когда шужь въ первый разъ принесъ мнѣ младенца, я была слишкомъ слаба и душой и тѣломъ. Однако скоро онъ сдѣлался для меня источникомъ тихой радости, а потомъ предметомъ заботливости, доходящей до малодушія. При каждомъ его крикѣ я готова была заплакать; но надѣюсь, что бодрость духа возвратится ко мнѣ вмѣстѣ съ тѣлесными силами.

Моя чрезмѣрная заботливость происходитъ отъ болѣзненного состоянія, отъ душевной слабости, отъ временнаго безсилія разума, который могъ бы побѣдить во мнѣ эти естественныя чувства, причиняющія мнѣ столько горя.

Вѣра и разсужденіе могли бы привести меня къ убѣжденію, что мой милый малютка находится подъ защитою и покровительствомъ Мудраго Провидѣнія, которое допускаетъ къ нему маленькіе

недуги конечно для доброй, хотя неизвѣстной мнѣ цѣли. Какъ сильно желаю я, со всею покорностью предоставить бѣдное дитя мое волѣ Божіей! О, если бы я больше полагалась во всемъ на Всемогущую руку! Но прежде всего во мнѣ есть желаніе исполнять обязанности свои; хотя на дѣлѣ я способна къ уклоненіямъ и расположена къ лѣности.

Послѣ рожденія втораго младенца она писала: „Сердце мое было исполнено радостью и благодарностью, когда милая моя дочка родилась прекрасной и здоровой. Чувства мои не выразимы для слова. Велико было милосердіе Божіе, во мнѣ было такъ много душевнаго спокѣйствія, такъ много крѣпости и силы!“

Послѣ болѣзни послѣдовало не долгое, но радостное пребываніе въ Еригамѣ, въ семейномъ кругу. Потомъ смерть сестры. Г-жа Фрай оплакиваетъ ее и жалѣетъ, что сердце ея не испытываетъ при этомъ событіи глубокаго и отраднаго чувства вѣры въ вѣчную жизнь.

что оно не пробуждаетъ въ душѣ ея религіознаго настроенія, и недовольно назидательно дѣйствуетъ на нее.

Послѣ смерти свекрови Елизавета ближе сходитя съ свекромъ, старается утѣшить и развлечь его. Она вмѣстѣ съ дѣтьми часто посѣщаетъ помѣстье Плашетъ, гдѣ старый Фрай жилъ съ единственною дочерью.

Во время пребыванія въ Лондонѣ, Елизавета много заботилась о бѣдныхъ, посѣщая ихъ въ темныхъ и смрадныхъ закоулкахъ. Мы видимъ, что она помогаетъ Ланкастеру, который учреждалъ въ то время училище по изобрѣтенной имъ системѣ обученія.

Между тѣмъ въ Бригамѣ происходили перемѣны, — сестры выходили замужъ. Семейство Фрай при этомъ посѣщаетъ стараго Гурне; и Елизавета трогательно описываетъ эти радостныя событія, очаровательную картину счастья семи сестеръ, удовольствіе отца, участіе старыхъ слугъ дома. Въ новыхъ родствен-

какихъ Елизавета Фрай нашла просвѣщенныхъ друзей и будущихъ сотрудниковъ.

Въ дневникѣ Елизаветы 1807 года мы находимъ слѣдующіе вопросы въ строгій разборъ ея собственной жизни:

„Честно ли и правдиво поступала ты сегодня въ исполненіи своихъ обязанностей къ Создателю и ближнимъ? Не умышлено ли ты, не уклонялась ли?

Не упустила ли ты во время необходимаго отдыха отъ дневныхъ хлопотъ размыслить, — кому ты точно работаешь себѣ или Богу-Творцу твоему. Когда тебя смущали искушенія или испытанія, старалась ли ты твердо опираться на все—избавляющую силу; искала ли ты Христа, Который все можетъ для тебя сдѣлать?

Старалась ли ты вѣрно исполнить свои различныя обязанности? Была ли ты гнѣвной, любящей, покорной женою, особенно когда дѣло шло о твоихъ желаніяхъ или удовольствіяхъ? Была ли ты

любвицей, но твердой матерью? Требо-
вала ли строгаго и точнаго послушанія
со стороны дѣтей, и вмѣстѣ съ тѣмъ
была ли разборчива и осторожна въ
своихъ приказаніяхъ? Была ли ты ла-
сковой и справедливой госпожой? Ука-
зывала ли ты на недостатки служеб-
ней, когда это могло быть тебѣ или
имъ полезно; не надобѣдала ли имъ пона-
драсну,—не занимала ли ихъ для себя
пустяками? Дѣлала ли ты каждому то,
чего желала бы себѣ?“

Въ 1808 г. у Фрай родился пятый
ребенокъ. Вскорѣ послѣ этого вся семья
оплакивала милую молодую невѣстку,
жену старшаго брата Елизаветы, сва-
дьбу котораго еще такъ недавно они
весело праздновали. Сестры посѣщали
овдовѣвшаго брата и тамъ часто встрѣ-
чали одного образованнаго и ревност-
наго Священника. Онъ снабжалъ ихъ
книгами и совѣтами, возбуждая въ нихъ
религіозные интересы. До сихъ поръ
одна Елизавета рѣшительно признала

убѣжденія квакеровъ; другіе колебались и мало помалу большая часть семьи присоединилась къ Англиканской церкви. Елизавета сожалѣла о ихъ удаленіи, однако, несмотря на то, духовная связь семьи никогда не ослабѣвала.

Черезъ нѣсколько времени скончался старый Г. Фрай. Онъ умеръ на рукахъ невѣстки, которая его нѣжно любила и всегда съ удовольствіемъ вспоминала о томъ, что ей суждено было утѣшать его въ послѣдніе годы жизни и облегчить ему трудный переходъ къ вѣчности. Послѣ смерти Г. Фрай все семейство переселилось въ помѣстье Плашеть.

ГЛАВА III.

Это была пріятная перемена для Елизаветы, которая такъ любила деревню. Теперь опять возвратилась она къ образу жизни и занятіямъ молодости. Она

обладала рѣдкою способностью забывать на время заботы и серьезныя мысли и вполне предаваться невинному удовольствію. Занимаясь цвѣтами и садомъ вмѣстѣ съ дѣтьми, она не пренебрегала и другими дѣлами. Однако при всемъ разнообразіи ея занятій въ нихъ всегда было единство стремленій.

Она хотѣла служить Богу не однимъ только исполненіемъ всѣдневныхъ обязанностей. Но приносила Ему также жертву хвалы, подѣ влияніемъ того духовнаго настроенія, съ которымъ созерцала красоту Его твореній и наслаждалась ею. Лице ея прояснялось, глаза сіяли мыслию, когда она объясняла дѣтямъ величіе небесныхъ свѣтилъ, организацію насѣкомаго, составъ и красоту цвѣтка.

Въ послѣдствіи созерцаніе вышнихъ даровъ жизни служило для нея отдохновеніемъ среди разнообразныхъ трудовъ. Послѣ тяжелой внутренней борьбы, послѣ многихъ испытаній, она съ благодарностью обращалась къ даровавшимъ

благамъ,—и находила въ томъ обновленіе вѣры, крѣпость и утѣшеніе.

Вскорѣ послѣ рожденія шестого ребенка она неспѣшила къ постели умирающаго отца. Онъ скончался съ чувствомъ глубокаго смиренія и твердой вѣры. Его ласковое, кѣйное прощаніе было великимъ утѣшеніемъ для дѣтей. Онъ ободрялъ каждого изъ нихъ пути избраннымъ имъ путемъ, и выразилъ радостное для нихъ признаніе, что ихъ стремленіе къ добру сильно на него дѣйствовало, много поощряло и поддерживало въ дѣлѣ нравственнаго усовершенствованія.

Г. Фрай писала: „я вошла въ комнату скорѣ послѣ его смерти, сердце мое было переполнено любви и смиренной благодарности, какъ къ отшедшему, такъ и къ оставшимся. Я не могла удержаться отъ молитвы и принесла хвалу Богу. Миѣ казалось, что въ душѣ моей не было скорби, а была только необыкновенная сила.“

Дальше она говоритъ: «Это было торжественное время; я еще ничего подобнаго не испытывала, все было тутъ исполнено любовью, миромъ и радостью. Сначала меня смущали опасенія за милыхъ дѣтей, но любовь влекла меня сюда, къ своимъ; могла ли я ихъ оставить въ минуту испытанія? Много было между нами дѣльныхъ, оживленныхъ бесѣдъ. Сердца наши возгорѣлись новымъ, сильнѣйшимъ желаніемъ посвятить себя на служеніе Тому, Кто явилъ такое милосердіе нашему возлюбленному отцу. Что воздадимъ мы за всѣ эти блага!»

Со смертію отца началась новая глава въ жизни Г. Фрай; она была избрана проповѣдницей. Здѣсь не мѣсто развивать особенности вѣрованій Квакерскихъ, — оспаривать или защищать ихъ. Конечно, новое положеніе Г. Фрай, бывшее слѣдствіемъ атого избранія, облегло будущую полезную ея дѣятельность; но съ другой стороны, оно не разъ возбуждало въ ея душѣ недоумѣ-

нiя и трудную борьбу.

При свиданiи съ семьей она еще сильнѣе сознаетъ трудность новаго призванiя, боится, чтобы забота о состоянiи души и о дѣлахъ новаго служенiя какъ нибудь не помѣшала внимательному исполненiю всендневныхъ обязанностей ея въ отношенiи къ мужу, дѣтямъ, служителямъ, бѣднымъ. Она молится, чтобы Богъ допустилъ ей вступить на открывающiйся путь смиренiя, не переставая и въ домашней жизни творить добро; она проситъ Бога, чтобы ей поведенiемъ своимъ не отклонять ближняго отъ тѣхъ началъ, которымъ сама служитъ.

«Сколько произошло перемѣнъ въ теченiи послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ! писала Г-жа Фрай. Рожденiе ребенка, потеря доброй няни, смерть возлюбленнаго отца! Мои уста отверзлись въ молитвенныхъ собранiяхъ! Какъ милостивъ былъ Господь среди всѣхъ этихъ событiй! Я прошла черезъ сѣнь смертную, но печаль и ужасъ были не продолжительны.

«О, сколько чувствовала я любви и мира!»
„Тяжело было, писать она въ другомъ мѣстѣ, знать о страданіяхъ отца, горька была разлука съ нимъ; но какимъ добрымъ помощникомъ, какимъ снисходительнымъ совѣтникомъ и другомъ былъ мнѣ мужъ среди моихъ тяжелыхъ испытаній!“

Въ концѣ года Елизавета посѣтила старшаго брата Фрай, подружилась съ его женою и еще болѣе сблизилась съ незамужней сестрой Г-на Фрай. Сходство убѣжденій и единство вѣрованій тѣсно соединяли этихъ трехъ женщинъ.—По возвращеніи въ Лондонъ она пишетъ:

«Мужъ привезъ извѣстіе о моемъ окончательномъ избраніи. Доброе мнѣніе единовѣрцевъ лестно для меня; но положеніе это имѣетъ и преимущества и лишенія. Впрочемъ, мы стоимъ или падаемъ не по одобренію или осужденію человѣческому; желаю престо идти за Слассителемъ и во всемъ исполнять его волю!»

Между тѣмъ Г-жа Фрай приводила въ

исполненіе предположенныя ею вспоможенія соединимъ бѣднымъ. Съ помощію усерднаго приходскаго Священника и одной благочестивой дѣвушки, заботившейся о распространеніи Ланкастерской метода обученія, она основала школу для 70 дѣвочекъ. Эта школа существуетъ и до сихъ поръ.

Много заботилась Г-жа Фрай о вспомоществованіи больнымъ и нуждающимся. Въ ея домѣ была комната съ аптекой и огромнымъ запасомъ всякаго теплаго платья. Въ голодный годъ она снабжала бѣдныхъ нищей. Много также помогала она сосѣдней колоніи бѣдныхъ Ирландцевъ, которые жили въ ужасной нищетѣ и неопрятности, неутомимо посѣщала ихъ грязныя жилища, слушала ихъ длинныя, грустныя жалобы и старалась ихъ утѣшить и наставить. Многихъ она научила къ чистотѣ и порядку; многихъ убѣждала посылать дѣтей въ училище. Дѣти были въ помощиваніи въ дѣланіи благотворительности; она съ

младенчества приучила ихъ къ этому, поручая имъ добрыя дѣла и требуя отъ нихъ строгаго отчета. Много раздавала она духовныхъ книгъ; облегчая тѣлесныя нужды, она всегда старалась удовлетворять и духовнымъ. Такъ Византита распространила новое тогда открытіе осповриживанія, и сама принимала есиу соседнимъ бѣднымъ дѣтямъ. Цыгане нередко останавливались въ окрестностяхъ ея похѣтя; она доставляла имъ лѣкарства, платье, стараясь преподавать имъ Слово Божіе и исправлять ихъ нравственность.

Но среди семейныхъ радостей и полезной дѣятельности на нее находили однако же минуты глубокаго унынія; надовѣрія къ себѣ, внутренней борьбы.

Расположеніе къ этому усиливалось необыкновенною впечатлительностію и слабымъ здоровьемъ; но главное причиною, конечно, было сильное опасеніе оскорбить чѣмъ нибудь. Того, Кого столько любила, Кому всецѣло отдавала

посвятить жизнь свою.

Въ 1811 году мы увидѣли Г-жу Фрай участвующаго въ засѣданіяхъ Библейскаго общества; тутъ были представители различныхъ религіозныхъ мнѣній, но всѣ они единодушно трудились надъ распространеніемъ Слова Божія и вмѣстѣ горячо молились объ успѣхѣ дѣла. Здѣсь Г-жа Фрай сблизилась со многими ревностными христіанами, не принадлежащими къ обществу „друзей,“ и съ тѣхъ поръ въ особенности она стала чувствовать глубокое расположеніе ко всякому, кто искренно любилъ Спасителя, къ какому бы вѣроисповѣданію онъ ни принадлежалъ.

Дѣто въ Плашетѣ прошло въ хлопотахъ: гостили родные, много посѣщалось больныхъ и бѣдныхъ, домашнія заботы верѣдко заставляли Г-жу Фрай вздыхать объ отдыхѣ, и просить подкрѣпленія и силы на борьбу съ раздражительностью, происшедшею отъ слабости нервовъ и разнообразія дѣлъ.

По переѣздѣ въ Лондонъ Елизавета учреждаетъ семейныя чтенія Библии и уговариваетъ молодыхъ людей, служащихъ въ конторѣ мужа, присутствовать на этихъ чтеніяхъ. Недовѣріе и неохота, съ которыми приступали къ этимъ чтеніямъ,—равнодушіе даже людей близкихъ къ дѣлу, казавшемуся ей такою святою обязанностію, огорчало ее, но она устивала.» Я твердо надѣюсь, что это будетъ полезно, (писала она). О! да способствуетъ этотъ обычай къ нашему усовершенствованію; да не будетъ онъ однимъ внѣшнимъ и сухимъ обрядомъ; но да оживятся и обратятся къ Тебѣ сердца наши, а я, раба Твоя, пусть буду вѣрной благовѣстницей Слова Твоего между сими собранными; пусть буду орудіемъ приближенія ихъ къ Тебѣ!“

Въ это время у Г-жи Фрай было восемь человѣкъ дѣтей, но дѣятельность ея не уменьшалась. Въ дневникѣ 1813 года мы читаемъ:

«Вчера мы провели нѣсколько часовъ

въ тюрьмѣ Ньюгата (Newgate) съ бѣдными заключенными. Мы старались облегчить ихъ нужды. Добрая Анна принесла молитву, за ней и я, хотя неготовилась къ тому. Мы услышали рыданія и замѣтили, что многіе были тронуты; но пока мы молились, продолжалось торжественное молчаніе. Какое поразительное зрѣлище: всѣ несчастныя женщины на колѣняхъ и притомъ въ столь ужасномъ положеніи!»...

Такъ просто, почти мимоходомъ, упоминаетъ Г-жа Фрай о началѣ своихъ великихъ трудовъ. Такъ заронилось семя, но оно долго не прозябало, и только черезъ четыре года Елизавета рѣшительно взялась за главное дѣло своей жизни. Во время перваго посѣщенія Ньюгата тамъ въ четырехъ комнатахъ толпилось до 300 заключенныхъ женщинъ и дѣтей. Ихъ помѣщали туда безъ всякаго разбора преступленій, безъ различія возрастовъ. Тутъ же онѣ стряпали и старали бѣлье; спали всѣ вмѣстѣ, по-

крывались грязными лохмотьями. У них не было опредѣленныхъ занятій, и надзоръ за ними поручался сторожу и его сыну. Когда входилъ посѣтитель, онѣ съ крикомъ требовали милостыни, и на полученные деньги сейчасъ же покупали водки. Онѣ пьянствовали открыто, произносили скверныя слова, имъ не было запрещено принимать товарищей и сообщаться съ ними. Не смотря на военный караулъ, непокорность заключенныхъ была до такой степени допущена Начальствомъ, что Смотритель не охотно впустилъ Г-жу Фрай и ея спутницу, и просилъ ихъ снять съ себя часы, на что онѣ впрочемъ не согласились. Грустное зрѣлище глубоко врѣзалось въ воображеніе Г-жи Фрай, но на этотъ разъ она ограничилась доставленіемъ имъ необходимой одежды. Все ея семейство помогало ей въ этомъ дѣлѣ, и дѣти ея до сихъ поръ сохранили о томъ отрадное воспоминаніе. Она же среди домашнихъ занятій и удовольствій по-

стоянно помышляла о Ньюгатскихъ заключенныхъ и въ продолженіи четырехъ лѣтъ носила въ душѣ своей мысль, возбуждавшую и поддерживавшую ея труды для улучшенія быта заключенныхъ, труды столь благословенные Господомъ, столь угодные Спасителю, сказавшему, «что Онъ радуется болѣе объ одномъ кающемся грѣшникѣ, чѣмъ о 99 праведникахъ.»

Но въ продолженіи этихъ лѣтъ Г-жу Фрай посѣтили тяжкія испытанія: ей угрожала близкая смерть многихъ милыхъ сердцу, разлука съ старшими дѣтьми, потеря состоянія. Всѣми этими печалями угодно было Богу испытать ея сердце, очистить избранный сосудъ. Въра ея не ослабѣвала, святое мужество не уменьшалось, вездѣ и во всемъ старалась она угождать Господу.

Изъ дневника ея видно, какъ много заботилась она о служителяхъ, какъ искренно оплакивала ихъ ошибки!.. Въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ: „я теперь

настоящая Марса, я убѣдилась, какъ вездѣ нужна бдительность; даже въ исполненіи самыхъ простыхъ, обыденныхъ обязанностей есть своего рода искушеніе: такъ, можно увлечься устройствомъ кухни и прачешной до того, что позабудешь все прочее.“

Не справедливо было бы предположить, что хозяйственные заботы пріятно занимали Г-жу Фрай; однако она свято исполняла необходимое, точно вела счеты и домашнія дѣла. Въ домѣ она любила гостепріимство и довольство, въ отношеніи къ служителямъ была склонна къ слишкомъ большому снисхожденію, дѣтямъ совѣтывала быть болѣе дѣятельными и твердыми въ управленіи домомъ.

Днемъ и ночью заботилась она о дѣтяхъ въ ихъ младенчествѣ; но только въ послѣдствіи стала она признавать пользу постояннаго наблюденія за умственнымъ развитіемъ ребенка, по той причинѣ, что ея собственное образова-

ніе было неполно и недокончено. Она имѣла необыкновенную способность принимать участіе въ играхъ дѣтей, развивать въ нихъ любовь къ здоровымъ и невиннымъ упражненіямъ. Дѣти съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаютъ воскресныя прогулки, разговоры послѣ молитвенныхъ собраній и бѣдныхъ сосѣдей и посѣтителей, обыкновенно приглашаемыхъ по этимъ днямъ къ обѣду.

Смерть брата много огорчила Г-жу Фрай, но-вскорѣ ее постигло еще болѣе тяжкое испытаніе, она лишилась маленькой дочери—милой, кроткой Бетси. Вотъ что она писала вскорѣ послѣ ея смерти: «Не хлѣбомъ единымъ живъ будетъ человекъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ.» „Такъ, въ настоящемъ моемъ горѣ меня питаетъ и оживляетъ всесильное слово, исходящее отъ Бога, другаго утѣшенія я не имѣю. Однако чувствую на себѣ милосердіе Божіе; Онъ поддержалъ мою слабость; услышалъ мои молитвы, и

какъ ни тяжелъ ударъ, я еще могу оцѣнить любовь наказующей руки. Дочь моя теперь избавлена отъ искушеній міра; ей открытъ входъ въ небесные чертоги; она омыта отъ первороднаго грѣха кровію Спасителя.“

„Небесный мой Отецъ даетъ мнѣ силы найти утѣшеніе и благодарить Его за неизрѣченныя милости къ моей маленькой любимицѣ. Она жила такой безмятежной, радостной жизнью, и отошла такъ тихо, рано исполнившись любовью къ Богу. Благодарю Его и за то, что мы удостоились выслушать выраженія этой дѣтской, чистой любви. Мы вмѣстѣ съ мужемъ испили эту горькую чашу, въ тѣсномъ единствѣ и согласіи мыслей. Тяжело было обоимъ, но насъ утѣшала мысль, что мы другъ другу помогали и поддерживали вѣрою въ Господа. Милыя дѣти сочувствовали нашему общему горю; служители, родственники, всѣ выражали любовь къ нашему младенцу.“

„Молитва моя услышана, тяжкая борьба утихла; но какъ ужасно было разставаться съ этимъ милымъ тѣломъ! Мы вѣримъ, что душа уже оставила земной домъ свой; но самое тѣло младенцевъ, ихъ милое личико, такъ дороги для родителей, что есть какое-то ужасное, — почти физическое страданіе при разлучѣннѣ съ ними. Одни родители могутъ это понять. Можетъ быть, мои нервы ослабли, но ужасно было разставаться съ этимъ тѣломъ, тѣмъ болѣе, что оно, казалось, могло бы еще остаться, чтобы по крайней мѣрѣ напоминать намъ нашего милаго, нѣжнаго, прекраснаго агнца. Я была больна; но Богъ помогъ мнѣ одержать побѣду; силою Господа Иисуса Христа смерть потеряла свое жало. Онъ же благовременно укрѣпилъ мое сердце. Не смотря на прежній страхъ смерти, я могла молиться, передъ выходомъ изъ дому и возлѣ могилы, благодаря за милости, оказанныя ей и мнѣ и всѣмъ намъ. Сегодня утромъ съ усно-

военной душой и крѣпкою вѣрою въ нашего единого Помощника я въ лонѣ своей семьи молилась о томъ, чтобы съ новой силой приняться за прежнія обязанности, чтобы испытаніе не прошло для меня даромъ и было полезно душамъ нашимъ.

ГЛАВА IV.

Наконецъ начались труды Г-жи Фрай въ тюрьмѣ Ньюгатъ. Мы читаемъ въ ея дневникѣ слѣдующее:

„Я недавно была очень занята устройствомъ школы въ Ньюгатѣ для дѣтей заключенныхъ и для молодыхъ преступниковъ. Это доставило мнѣ много отрады и успокоенія. За то какъ разстроили меня заботы о несчастной, казненной сегодня. Свиданіе съ нею потрясло мои чувства и нервы, и привело къ смиряющему сознанію ужасныхъ послѣд-

ствій грѣха. Несчастливая умертвила собственнаго младенца. Но все таки невыразимо страшно подумать, что у нея *отнимаютъ жизнь!* Это обстоятельство сильно меня разстроило. До чего могутъ довести грѣхъ и нравственная распущенность! Какъ можетъ зачерствѣть сердце, лишиться самыхъ нѣжныхъ и естественныхъ чувствъ! Какъ много должны мы молиться и бодрствовать, чтобы не падать постепенно, не черствѣть по немногу и не сдѣлаться способными на всякія преступленія. Сегодня утромъ я молилась о несчастныхъ грѣшникахъ, и о томъ, чтобы семья наша была охранена отъ зла, царствующаго въ мірѣ.“

Ужасное положеніе Англійскихъ тюремъ, за 40 лѣтъ тому назадъ, теперь кажется почти невѣроятнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что духъ безвѣрія, распространенный въ концѣ прошлаго столѣтія, препятствовалъ всякому нравственному и религіозному совершенствованію. Къ тому же событія Французской револю-

цим, послѣдующія войны, паденія и возстанія государствъ, такъ сильно увлекли вниманіе Англичанъ и истощили ихъ казну, что домашнія улучшенія были позабыты. Howard(*) и труды его были преданы забвенію; акты парламента сдѣлались мертвой буквой, все, ими учрежденное, открыто нарушалось. Старыя городскія ворота, феодальныя замки съ подземными и сырыми кельями обращались въ городскія тюрьмы;—онѣ наполнялись преступниками безъ всякаго разбора; тяжелыя цѣпи и оковы лишали ихъ возможности бѣгства. Тутъ можно было встрѣтить всякія болѣзни; тутъ, среди страшной неопрятности, мужчины и женщины предавались вмѣстѣ пьянству, ссорамъ и хуленіямъ. Многолюдство тем-

(*) Howard, другъ несчастныхъ и бѣдныхъ, род. въ 1726 г. Сочиненіями своими много способствовалъ къ улучшенію быта заключенныхъ, положенія тюремъ въ Англіи. Умеръ 1790 г. Надъ могилою его воздвигнутъ памятникъ въ соборѣ Св. Павла.

ницъ усиливало зло, такъ что преступленія умножились и число подсудимыхъ въ продолженіи двухъ послѣднихъ годовъ болѣе чѣмъ удвоилось. Правственная зараза, распространенная ужаснымъ состояніемъ тюремъ, уже начинала обращать на себя общественное вниманіе; все сознавали необходимость новаго порядка и строжайшихъ правилъ. Уже были предприняты нѣкоторыя улучшенія, но все это было весьма неудовлетворительно. Женщины предавались совершенной праздности и всякому безпутству. Это было отребье городского и деревенскаго народонаселенія, съ отвратительными слабостями. Не только религіозныя истины были имъ недоступны, но они не имѣли понятія о самыхъ простыхъ обязанностяхъ вседневной жизни.

Почтенныя мужья сестеръ Г-жи Фрай, Иоръ и Букетонъ (*) съ нѣкоторыми изъ

(*) Букетонъ много трудился также надъ уничтоженіемъ торговли неграми.

своихъ друзей устраивали въ это время общество для исправленія малолѣтнихъ преступниковъ, которые толпами бродили по Лондону. Это заставило ихъ заглянуть во многія тюрьмы и обратило вниманіе на ихъ устройство. Вѣроятно, что вліяніе и совѣты этихъ почтенныхъ людей поддержали въ Г-жѣ Фрай участіе къ Ньюгатскимъ преступницамъ. Посѣщенія ея возобновились въ 1816 году.

Во второе свое посѣщеніе она пожелала остаться одна съ преступницами въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Она прочла имъ притчу о вертоградѣ и 20 главу отъ Маттея, говорила о работникахъ 11 часа, и о томъ, что Христось низшелъ призвать къ покаянію грѣшниковъ, даже такихъ, которые во всю жизнь свою удалялись отъ Него и безумно провели большую часть своей жизни. Нѣкоторые спросили ее: кто такой Христось? другіе говорили, что имъ едва ли можно спастись. Дѣти были.

почти наги и истощены отъ недостатка движенія, воздуха и здоровой пищи. Г-жа Фрай обратилась въ особенности къ матерямъ и объясняла имъ, какъ опасно для дѣтей вліяніе такой порочной среды. Она предложила имъ устроить школу, и послѣднія сей часъ же приняли это предложеніе со слезами благодарности. Елизавета велѣла имъ обдумать планъ этой школы и объявила, что не возметса за это дѣло безъ ихъ усерднаго содѣйствія. Она предоставила имъ самимъ выборъ наставницы изъ ихъ же среды. На слѣдующій разъ она нашла, что выборъ уже сдѣланъ; ей указали на молодую женщину, заключенную очень недавно за кражу часовъ. Выборъ оказался во всѣхъ отношеніяхъ удаченъ; Марія Коннеръ была первымъ плодомъ въ этомъ христіанскомъ вертоградѣ. Она ревностно исполняла возложенную на нее обязанность, не нарушивъ ни одного правила. Черезъ полтора года она получила полное прощеніе,

но не воспользовалась свободой, потому что у нея открылась чахотка. Терпѣніе и спокойствіе ея во время болѣзни были замѣчательны, и она отошла къ Господу въ твердомъ и смиренномъ упованіи.

Предложеніе Г-жи Фрай объ открытіи школы было принято тюремнымъ Начальствомъ: ей предоставили пустую комнату. Тутъ Г-жа Фрай съ одной сотрудницей и съ избранной наставницей открыли школу для дѣтей и женщинъ не старше 25 лѣтъ. Комната была такъ мала, что многимъ желающимъ пришлось отказать. Сотрудница Г-жи Фрай была поражена дикимъ видомъ и неистовымъ крикомъ женщинъ, мимо которыхъ онѣ проходили. Нѣкоторыя изъ заключенныхъ, поразившихъ ихъ тогда своимъ безчинствомъ, впослѣдствіи исправились и по выходѣ изъ тюрьмы сдѣлались порядочными жепщинами.

Вскорѣ другія сотрудницы присоединились къ Г-жѣ Фрай и ея помощни-

цамъ; нѣскольکو недѣль онѣ по очередно посѣщали новое училище.

„Во время этихъ ежедневныхъ посѣщеній, пишетъ Г-жа Фрай, были мы нерѣдко свидѣтельницами сценъ, о которыхъ и рассказать трудно, каковы напр. пляска, переодѣванье, сквернословіе, пьянство, игра въ карты, драка. Посѣтительницы думали, что необходимо ввести нѣкоторыя правила для возстановленія порядка, но это казалось невозможнымъ. Сношенія съ этими несчастными показали однако мужественнымъ посѣтительницамъ, что есть надежда на ихъ исправленіе, или, по крайней мѣрѣ, возможность благотворнаго на нихъ вліянія. Несчастныя женщины поняли, что исправленіе ихъ могло бы имъ принести много облегченія, и усердно просили помочь имъ въ этомъ. Но въ то время, какъ съ одной стороны, въ самой средѣ преступницъ явилось такое поощреніе, съ другой—всячески отговаривали посѣтительницъ отъ пред-

принятаго ими дѣла. И начальство тюрьмы, и друзья посѣтительницъ смотрѣли на надежду ввести порядокъ и трудолюбіе въ Ньюгатъ, какъ на несбыточную мечту. Даже люди, сочувствующіе начатому дѣлу, говорили о непреодолимыхъ препятствіяхъ къ его выполнению. Но Г-жа Фрай не поколебалась, не смотря на всеобщее сопротивленіе; съ вѣрою и надеждою на Бога взялась она за свой тяжелый и по истинѣ христіанскій подвигъ.

„Мои заботы о Ньюгатѣ, писала она, въ послѣднее время были сопряжены съ такимъ чувствомъ наслажденія и мира, какого, мнѣ кажется, я никогда не испытывала. Передъ нами очевидно открывается возможность ввести порядокъ въ жизнь этихъ несчастныхъ. Начальство готово помогать намъ; словомъ— все доказываетъ, что пришло время взяться за это дѣло. Уже теперь заключенныя учтивы, ласковы,—тогда какъ прежде онѣ были похожи на дикихъ

звѣрей. Отъ избытка сердца говорю я: по истинѣ это есть дѣло Твоего милосердія, Господи, и чудны дѣла Твоя! Провидѣніе такъ очевидно намъ помогаетъ. О, если только изъ этихъ начинаній произойдетъ добро, да воздадимъ мы всѣ хвалу и благодарность Богу,— восхвалимъ Его со смиреннымъ сердцемъ и уничиженнымъ духомъ!“

Въ апрѣлѣ 1817 года, жена одного Священника и нѣсколько почтенныхъ квакерскихъ женъ учредили общество для улучшенія положенія преступницъ Ньюгатской тюрьмы. Цѣлью общества было: заботиться о назиданіи, запятіяхъ и одеждѣ этихъ несчастныхъ. Предполагалось ознакомить ихъ съ Священнымъ Писаніемъ, пріучить къ порядку, трудолюбію и трезвости, смягчить ихъ нравы, и приготовить ихъ къ правильной и честной жизни. Тюремное начальство съ недоувѣріемъ смотрѣло на предпріятыя улучшенія и считало ихъ не возможными. Но не смотря на то, оно

не только не иѣшало, но даже всячески помогало обществу. Добровольное согласіе заключенныхъ подчиниться предполагаемому уставу — казалось дѣломъ несбыточнымъ. Однако, когда Г-жа Фрай собрала ихъ и спросила: „будутъ ли они повиноваться правиламъ?“ — указала имъ на необходимость и пользу такого повиновенія, всѣ единодушно согласились, обѣщаясь строго соблюдать все, что будетъ предписано.

И такъ, эта первая цѣль была достигнута; теперь надобно было опредѣлить ихъ занятія, дать имъ работу. Одной изъ членовъ общества пришла мысль снабдить *Ботанибе*(^{*}), чулками и платьями, сдѣланными въ тюрьмахъ. Она обратилась къ торговому дому Дикке и комп., который дѣлалъ большія поставки такого товара въ колоніи и прямо сооб-

(^{*}) *Botany-bay* — такъ называется колонія ссыльныхъ, на восточномъ берегу Новой Голландіи. Туда ежегодно пересылается до 3000 мужчинъ и 600 женщинъ.

щела имъ, что желаетъ лишить ихъ этой торговли и просить совѣта. Они отвѣчали немедленно, что конечно не будутъ противиться доброму дѣлу; но напротивъ желаютъ ему содѣйствовать, и потому просятъ не затрудняться заказами, такъ какъ сами за это берутся и постоянно будутъ доставлять работу.

И такъ, занятіе было найдено, не доставало мѣста. Шерифы прислали своихъ плотниковъ. Пустая прачешная скоро превратилась въ мастерскую. Туда собрали всѣхъ уже осужденныхъ женщинъ, и Г-жа Фрай стала говорить имъ; она представила имъ довольство и удобства, которыя приносятъ за собой трудолюбіе и трезвость,—удовольствія и преимущества порядочной жизни; наконецъ душевный миръ и наслажденіе, которое доставляетъ добродѣтель. Она сравнила выгоды честной жизни съ грустнымъ опытомъ ихъ прежняго существованія и его тяжелыми послѣдствіями; напомнила, какъ великъ ихъ

грѣхъ передъ Господомъ, и обратилась къ нимъ съ вопросомъ: „не горьки ли плоды грѣха и въ этой жизни? Не приводятъ ли они къ ужаснымъ страданіямъ и конечной гибели?“ Потомъ Г-жа Фрай объяснила причины врсутствія своего и своихъ сотрудницъ въ Ньюгатъ. Она сказала, что онѣ оставили дома и семейства свои и пришли къ тѣмъ, которыхъ всѣ чуждаются, пришли съ горячимъ сердечнымъ желаніемъ спасти ближняго отъ гибели; и передать имъ тѣ знанія, которыя, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ и воспитанію, онѣ имѣли счастье получить еще въ дѣтствѣ. Къ этому она прибавила, что посѣтительницы не имѣютъ притязанія на власть, или начальство надъ заключенными, что никто изъ нихъ не хочетъ повелѣвать и не требуетъ подчиненія, но всѣ должны только дѣйствовать сообща,—что, наконецъ, ни одно правило не будетъ принято, ни одна наставница не будетъ избрана безъ ихъ

полнаго и единодушнаго согласія. Для
этого каждое правило должно быть про-
читано и утверждено собраніемъ голо-
совъ, вслѣдствіе чего всѣхъ просятъ сво-
бодно высказывать какое-либо возраже-
ніе или несогласіе.

Послѣ этой рѣчи прочтены были слѣ-
дующія правила:

1. Начальница будетъ избрана для над-
зора надъ всѣми женщинами.

2. Всѣ женщины будутъ заняты шить-
емъ, вязаньемъ, или другой работой.

3. Всѣмъ будетъ запрещено просить
милостыню, божиться, играть въ карты,
ссориться; запрещаются также неприлич-
ные разговоры, сказки, дурныя книги,
неприличные слова и ругательства. Вся-
кое отступленіе отъ этихъ правилъ до-
носится начальницѣ.

4. У воротъ будетъ выбранная изъ
нихъ женщина, которая должна донла-
дывать о приходѣ родныхъ или знако-
мыхъ, и наблюдать, чтобъ вызванныя
ими женщины отдавали работу масте-

ннѣ, принимали бы гостей своихъ у рѣшотки, и не тратили по пустому времени.

5. Женщины будутъ раздѣлены на отдѣленія, — въ каждомъ не болѣе 12, — и въ каждомъ отдѣленіи будетъ наставница.

6. Наставницы избираются изъ грамотныхъ и самыхъ порядочныхъ женщинъ, для наблюденія за работами и поведеніемъ заключенныхъ.

7. Наставницы, кромѣ наблюденія за женщинами своего отдѣленія, должны передавать замѣченныя ими нарушенія правилъ другимъ наставницамъ, а послѣднія начальницѣ.

8. Если наставница нарушаетъ уставъ, то сейчасъ же смѣняется.

9. Наставницы должны наблюдать, чтобы женщины сядились за работу съ умытыми руками и лицами и вели себя въ это время смирно.

10. Въ 9 часовъ, по удару колокола, женщины собираются въ мастерскую

и слушаютъ чтеніе изъ Священнаго Писанія, которое читаетъ одна изъ посѣтительницъ или начальница. Потомъ наставницы ведутъ женщинъ каждая въ свое отдѣленіе.

11, Вечеромъ въ 6-ть часовъ женщины должны опять собираться на чтеніе, и тогда наставницы передаютъ работы начальницѣ на храненіе.

12. Начальница должна вести подробный отчетъ о работахъ и поведеніи женщинъ.

По прочтеніи каждаго правила женщины подымали руки въ знакъ одобренія. Точно также предлагались и избирались наставницы. Когда все было исполнено, одна изъ посѣтительницъ прочла 21 главу отъ Матѳея, — притчу о вѣсохшей смоковницѣ. Потомъ, по обычаю квакеровъ, наступило время молитвеннаго молчанія, послѣ чего наставницы въ большомъ порядкѣ разошлись по палатамъ съ женщинами своихъ отдѣленій.

Общество хотѣло первый мѣсяцъ ве-

сти дѣло тайно. По окончаніи этого еромъ, опытъ превзошелъ ожиданія, и рѣшено было обратиться къ Лондонской корпораціи.

Для обезпеченія существованія училища предположено было ввести его въ систему тюремъ. Краткое письмо съ описаніемъ сдѣланныхъ улучшеній было отправлено къ Шерифамъ.

На другой день полученъ былъ отвѣтъ и предложено свиданіе въ Ньюгатъ.

Туда явились Лордъ-Меръ, Шерифы и Алдерманы(*). Собрали заключенныхъ, посѣтительницъ просили не нарушать принятаго порядка; одни изъ нихъ прочли главу изъ Библии. Потомъ всѣ женщины разошлись къ своимъ занятіямъ. Ихъ вниманіе во время чтенія, ихъ порядочные и покойные приемы, ихъ опрятное платье, отсутствіе шума, безпорядка, брани, послушаніе и почтительность,

(*) Названіе равныхъ должностныхъ лицъ, составляющихъ городское начальство.

ихъ довольство, замѣтное въ обращеніи съ посѣтителями;—все возбуждало въ послѣднихъ восторгъ и изумленіе,

Многіе изъ нихъ были въ Ньюгатѣ за нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и помнили тяжелое впечатлѣніе, произведенное картиной крайнихъ послѣдствій вѣщеты и порока.

Признавая важность достигнутыхъ преобразованій, Начальство сейчасъ же приняло всѣ нововведенія, разрѣшило посѣтельницамъ краткимъ заключеніемъ наказывать самыхъ необузданныхъ; приняло на себя часть издержекъ. Натальницѣ и членамъ общества выразили глубокую благодарность и просили благословенія Божія на начатое дѣло.

Спустя шесть мѣсяцевъ послѣ учрежденія школы и мастерской, заключенные, находящіеся еще подъ судомъ, просили посѣтельницамъ устроить также и для нихъ, общія совершенное послушаніе. Тѣ же порядки и тѣ же самыя правила предложены заключеннымъ и

были приняты ими. Опыт и здѣсь удася, но не въ тѣхъ же раамѣрахъ. Здѣсь труднѣе было учредить работы, потому что арестантки, надѣясь получить скорое освобожденіе, менѣе расположены были съ охотой приняться за трудъ; къ тому же и время и мысли ихъ заняты были приготовленіемъ къ суду и допросу. Посѣтительницы замѣтили, что тамъ, гдѣ по какой нибудь причинѣ не работаютъ, нравственнаго исправленія или нѣтъ, или оно ничтожно; что усиливается оно соразмѣрно съ увеличеніемъ труда и наиболѣе ощутительно тамъ, гдѣ трудятся постоянно и исправно.

До избранія начальницы и ея совершеннаго вступленія въ должность, нѣкоторыя посѣтительницы поочередно проводили цѣлые дни въ Тюрьмѣ, — и послѣ этого долго еще одна или двѣ ортавались тамъ по нѣскольму часовъ ежедневно.

Для покрытія расходовъ нужны были

деньги, для чего была открыта поди-ска. Родные Г-жи Фрай поощряли ее и щедро ей помогали. Многие оказывали ей содѣйствіе, кто чѣмъ могъ: вліяніемъ, совѣтами, деньгами. Такъ Г-жа Фрай трудилась въ продолженіе цѣлой зимы, весной она возвратилась въ Плашетъ, гдѣ ожидала возвращенія старшихъ дочерей. Прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онѣ разстались съ нею и жили у однихъ почтенныхъ родственниковъ.

„Вы возвращаетесь домой, писала она имъ, но вспомните, милые дѣти, что многое для васъ измѣнилось; отъ васъ теперь требуется постоянство и дѣятельность,—у васъ не будетъ гувернантки, вы должны вставать рано, стараться о своемъ само—воспитаніи и исполнять другія дѣла, которыя будутъ вамъ поручены. Я надѣюсь, что вы будете моими помощницами. Вспомните, что, если вы хотите быть полезны мнѣ и доброму вашему отцу, вамъ придется строго на-

блюдать за собою и обращать взоры на Того, Который одинъ можетъ подкрѣпить васъ въ исполненіи вашихъ обязанностей. Я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что ни въ какомъ дѣлѣ не можетъ быть удачи и успѣха, если оно не дѣлается отъ души для Господа. Не могу выразить, какъ сильно желаю я вамъ, мои милые, идти по прямому пути, и какъ много и болѣе всего я молюсь, чтобъ вы слѣдовали заповѣдямъ Его и были приняты въ славу Его. Дома все готово для васъ: ваши комнаты, учебныя, спальни—совершенно въ вашемъ распоряженіи. Здѣсь будете вы утѣшать меня добрыми примѣрами. Это очень важно.“

„Я одна дома съ 9 дѣтьми, писала Г-жа Фрай,—какая сильная и важная отвѣтственность! Иногда мнѣ кажется, что она выше силъ моихъ; въ другое время, дѣти для меня великій источникъ счастья. Заботы объ ихъ благополучіи и добромъ поведеніи не должны мѣшать

моей радости о благополучіи моего милаго новаго семейства. Сколько счастья видѣть въ дѣтяхъ начатки добра, но какъ тяжело замѣчать въ нихъ появленіе порока. Милосердный Боже, пребывай съ ними; благослови ихъ, утверди въ добродѣтели, уменьши, ослаби въ сердцахъ ихъ расположеніе къ грѣху!“

Въ началѣ зимы семейство Г-жи Фрай возвратилось въ Лондонъ. „Господь благословляетъ наши попеченія о тюрьмахъ,—писала она въ это время. Какъ подвигается работа, какъ смягчаются, покарются сердца и начальствующихъ и несчастныхъ заключенныхъ. Хвала и благодареніе Начинателю и Помощнику всякаго добраго дѣла! Наше предпріятіе идетъ выше ожиданія. Но есть для сердца другія огорченія: милыя дѣти, кажется, не довольно проникнуты религіозными чувствами. Я часто думаю . . . О, если бы мои домашнія дѣла такъ же удачно шли, какъ идутъ общественныя! Нѣкоторые изъ друзей сильно бо-

ялся за меня; находить, что я предпринимаю слишком многое. . . . Но что же мнѣ дѣлать, какъ не слѣдовать указанію Божию? Мнѣ кажется, я и дома работаю. Тотъ, Кому все извѣстно, Кто испытываетъ сердца, видитъ мою вѣру, мой мысля и желанія. Ему извѣстно, какъ стремится къ Нему душа моя, какъ тяжела, не выразио тяжела для меня внутренняя душевная борьба. Смирренно надѣюсь и вѣрую, что Тотъ, Кто слышитъ наши молитвы и отвѣчаетъ имъ, вземлетъ плачу моего сердца, моимъ глубокимъ мольбамъ о всѣхъ: о мужѣ, дѣтяхъ, братьяхъ, сестрахъ, о всѣхъ домашнихъ и о заключенныхъ, — всѣхъ поручаю я благословенію Божию. Молитвы мои, произносимыя съ вѣрою въ могущество и благость Искупителя, будутъ услышаны Имъ, и Тотъ, Кто доселѣ былъ со мною, и впредь не оставитъ меня. Аминь. Аминь, повторяетъ мое горестное, мое недостойное и въ то же время блаженное сердце; блаженное

потому, что среди всѣхъ заботъ и печалей, я много и неизречно радуюсь о Господѣ Спасителѣ, Искушителѣ, надеждѣ и славѣ моей.“

Трудно себѣ представить, какъ многочисленны и разнообразны были въ это время занятія Г-жи Фрай. Она получала множество писемъ отъ лицъ, желающихъ узнать подробно о сдѣланныхъ ею тюремныхъ улучшеніяхъ.

Учреждались многія другія общества посѣщенія заключенныхъ. Должностныя лица также требовали отъ нея свѣдѣній по этому предмету. Люди вліятельные, государственные, хотѣли сами судить о сдѣланныхъ улучшеніяхъ и посѣщали Ньюгать. Г-жѣ Фрай безпрестанно приходилось сопровождать ихъ. Бѣдные, видя ея вліяніе, дѣятельность и усердіе, полагали, что средства ея не уступали ея рвенію и безпрестанно обращались къ ней за помощію. Надобно было обдумать отвѣты на письма, прискаты средства помочь бѣднымъ, озаботиться о

судьбѣ многихъ заключенныхъ. Двѣ дочери Г-жи Фрай помогали ей во всѣхъ ея письменныхъ занятіяхъ.

Дѣятельность Г-жи Фрай стала уже общественною: постоянная ея забота о тюремныхъ арестантахъ, усилія къ облегченію ихъ судьбы, обнаружили недостатки уголовного законодательства Англіи. Ея стараніями общество обратило вниманіе какъ на необходимость измѣненія его, такъ и на улучшенія содержанія тюремъ. Послѣ большихъ усилій съ ея стороны, и послѣ многихъ преній въ Парламентѣ, та и другая цѣль были достигнуты, и защитники стараго порядка должны были уступить. Современники Г-жи Фрай оцѣнили пользу ея трудовъ. Все Англійское Общество,—люди всѣхъ сословій и партій,—выражали ей благодарность и сочувствіе, внушенные ея мужествомъ, постоянствомъ и самоотверженіемъ. Публичныя заявленія одобренія, вниманіе знатныхъ людей и членовъ королевской фамиліи

нерѣдко даже смущали ее.

„Мои тюремныя дѣла, писала она, да и сама я, сдѣлались чѣмъ то въ родѣ зрѣлища. Это можетъ быть и полезно, распространяя участіе къ вопросу, разсѣвая предубѣжденія и знакомя другихъ съ обществомъ „друзей.“ Мнѣ необходимо идти прямо, но осторожно, не наводя никакого нареканія на чистое и благородное дѣло. Хочу всегда пребывать въ страхѣ Божіемъ, а не человѣческомъ,—не смущаться ни похвалою, ни осужденіемъ, но идти со взоромъ, обращеннымъ къ Великому Хранителю душъ нашихъ.“

Отправленіе ссыльныхъ въ Ботаническія также обратило вниманіе Г-жи Фрай и ея сотрудницъ. Много было предпринято для улучшенія нравственнаго и физическаго состоянія несчастныхъ во время продолжительнаго морскаго путешествія, которое до того времени сопровождалось великими лишеніями, страданіями и нравственною порчею. Улуч-

шенія эти постепенно принимались правительствомъ. Съ неутомимою дѣятельностью старалась Г-жа Фрай объ отправкѣ первыми тѣхъ ссыльныхъ, съ которыми она сблизилась, доставляя имъ работу, и успѣвши ввести нѣкоторый порядокъ и удобство въ ихъ помѣщеніи на кораблѣ. Она устроила тамъ временную школу; снабдила несчастныхъ платьемъ, и часто посѣщала ихъ во время продолжительной стоянки въ пристани. Передъ самымъ отъѣздомъ, она прощалась съ ссыльными на палубѣ; долго говорила съ ними, читала имъ въ послѣдній разъ Священное Писаніе и молилась вмѣстѣ съ ними. Несчастные со слезами и благословеніями прощались съ нею.

Мы приведемъ здѣсь нѣсколько строкъ извѣстнаго современнаго ей публициста Сиднея Смита, въ которыхъ выражается сочувствіе общества къ трудамъ Г-жи Фрай. «Наша столица представляетъ теперь зрѣлище самое утѣшительное, торжественное, христіанское. Святая жен-

ища вопієть къ Богу вѣстѣ съ несчастными заключенными; она утѣшаетъ ихъ словомъ; воодушевляетъ взоромъ любви и состраданія; они благодарятъ, благословляютъ ее; ибо она первая обратила на нихъ вниманіе, была ласкова съ ними, говорила имъ о Богѣ. Вотъ зрѣлище, которое сокрушаетъ суету міра, напоминая намъ, какъ скоротечны часы жизни, и какъ должны мы добрыми дѣлами приготавливать себя къ великому переходу. Настала пора помогать, творить милостыню; молиться и утѣшать. Настала пора встать и пойти во слѣдъ этой благословенной женщины, пойти на дѣло Спасителя нашего къ недужнымъ, страждущимъ, плѣннымъ; пора потрудиться въ самыхъ темныхъ, въ самыхъ сокровенныхъ убѣжищахъ человѣческаго грѣха и страданія.»

Отъ общественной дѣятельности Г-жи Фрай мы переходимъ къ ея домашнимъ занятіямъ.

«Я была въ большомъ недоумѣніи, пи-

сада она изъ деревни въ 1818 году, о судьбѣ моихъ сыновей. Послѣ долгихъ колебаній рѣшилась продлить ихъ пребываніе въ школахъ. Господи, направь путь ихъ на благое, даруй имъ конецъ благій во веѣхъ дѣлахъ ихъ. Какъ бы ни угодно было Тебѣ, Господи, устроить ихъ жизнь,—въ богатствѣ, или бѣдности, только спаси души ихъ; научи ихъ идти путями Твоими; вложи въ уста ихъ хваленіе Твое. Велико было милосердіе Твое къ рабѣ Твоей! Ты указалъ ей куда идти, когда она не находила дороги; Ты возставилъ ея силы въ молодости; Ты помогъ ей въ слабости и даровалъ силы побороть духовныхъ враговъ ея; Ты исправилъ пути ея, изъ мрака сдѣлалъ свѣтъ; Ты содѣйствовалъ ей преодолѣть страхъ человѣческій, позволивъ проповѣдать слово Твое и показать дивныя дѣла Твои сынамъ человѣческимъ,—даже князьямъ и сильнымъ міра сего,—а также бѣднымъ, отверженнымъ, немощнымъ,—и тѣмъ исполнилъ желаніе и

предчувствіе юности ея. Продолжай, Господи,—усиль вѣру и знаніе рабы Твоей, избавь ее отъ сѣтей вражінхъ, не дай ей пасть, или забыться отъ похвалы и суеты міра; не допусти ее чрезъ мѣру унывать отъ осужденія—даже добрыхъ людей; но дай ей участвовать въ служеніи Твоемъ на всякомъ мѣстѣ и на всякій часъ; пусть она во всякомъ сообществѣ и мѣстѣ воздаеть хвалу Тебѣ красотой праведной жизни. Да не разлучитъ ее отъ Тебя ни глубина, ни высота, ни смерть, ни жизнь. Помоги ей всегда и непрерывно прославлять Имя Твое. Будь руководителемъ ея возлюбленныхъ дѣтей, пребывая ихъ хранителемъ, искупителемъ и Богомъ. Настави ихъ на путь тамъ, гдѣ она не возможетъ указать его. Аминь, глаголетъ недостойный духъ мой, уничиженный, но не уничтоженный, огорченный, но не отчаявшійся, унымый, но не оставленный и не рѣдко ликующій въ обилии благодати и радости Господней.»

ГЛАВА V.

Въ 1819 году Г-жа Фрай отправилась съ братомъ въ Шотландію по дѣламъ квакерскаго общества, а также чтобы осмотрѣть тамошнія тюрьмы; она нашла ихъ въ ужасномъ положеніи и обнародовала факты, которые теперь уже кажутся невѣроятными. Въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ содержались умалишенные. Г-жа Фрай обратила особенное вниманіе на ихъ жалкое положеніе; эти несчастные всегда возбуждали ея состраданіе. Она всячески старалась направить общественное мнѣніе въ ихъ пользу, — чтобы доставить имъ всѣ средства къ успокоенію, къ излѣченію, и ласково обращалась съ ними, считая безуміе самымъ тяжкимъ послѣ грѣха человѣческимъ недугомъ.

Обнародованіе злоупотребленій, замѣченныхъ путешественниками, вызвало

сильныя, но напрасныя возраженія. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія политическія страсти и народное чувство были сильно возбуждены въ Англіи; вездѣ еще замѣтно было равнодушіе къ вопросамъ нравственности и благотворительности. Но разсвѣтъ новаго дня уже чувствовался. Многіе готовы были привѣтствовать дѣло милосердія и помогать ему. Многіе, смотрѣвшіе доселѣ съ недоувѣрчивостію на перемѣны, въ которыхъ не признавали пользы, готовы были наконецъ сознать, что прежнія учрежденія отжили свой вѣкъ, что теперь, при развитіи просвѣщенія, при умноженіи народонаселенія, при общественныхъ измѣненіяхъ, прежнія мѣры, принимаемыя въ эпоху мрака и невѣжества, стали не возможны и не выдерживаютъ распространяющагося свѣта науки. Но усиливающееся вліяніе вѣры дѣйствовало еще сильнѣе вопросовъ современности и пользы. Христіанство громко возвышало свой голосъ и возвѣщало, что цѣль наказа-

нія есть исправленіе, а не мщеніе, что законъ долженъ быть страшенъ для злыхъ, а похваля награждаетъ добродѣтельныхъ, и словами Божественнаго Учителя оно восклицало: «И я не осуждаю тебя,—поди и не грѣши болѣе.»

Вскорѣ послѣ приѣзда въ Брайтонъ, куда Г-жа Фрай поѣхала лѣчиться, она была обрадована письмомъ отъ Ньюгатскихъ заключенныхъ. Онѣ выражали ей любовь свою и благодарность. Мы выписываемъ отвѣтъ ей. Отвѣтъ этотъ обращенъ въ особенности къ тѣмъ, которые вскорѣ должны были отправиться въ ссылку.

«Хотя угодно было Всевышнему послать мнѣ болѣзнь, удалить отъ васъ, но я съ нѣжнымъ участіемъ мысленно слѣжу за вами и искренно желаю вамъ добра. Я очень хорошо знаю, что вы заслуживаете искренняго сожалѣнія и дружескаго состраданія; много было у васъ и искушеній, и печали, и особенно жалки вы тѣмъ, что предались духовному

врагу, поддавшись его искушенію. Но какъ ни грустно ваше положеніе, все же вы можете надѣяться и много надѣяться на Бога, если покаетесь, оставите порочныя привычки и обратитесь къ жизни въ Богѣ. Вспомните, что Христосъ пришелъ въ міръ спасти грѣшниковъ, и что по словамъ Апостола: „Онъ можетъ спасти послѣдняго, приходящаго къ Богу: для него то Онъ и живъ вѣчно, чтобъ быть посредникомъ нашимъ.“ И такъ убѣждаю васъ, пока еще не слишкомъ поздно, идите ко Христу, ищите Его всѣмъ сердцемъ, покарайтесь Ему и святымъ Его заповѣдямъ. Онъ знаетъ всѣ мысли ваши и желанія, готовъ принять васъ, полюбить васъ, излѣчить вашу склонность къ грѣху. О Христѣ сказано, что Онъ другъ грѣшникамъ,—и конечно тѣ изъ нихъ будутъ друзьями Его, которые взираютъ на Него и Его слушаютъ. Онъ поможетъ имъ оставить путь неправды и творить только угодное Ему. Помните притчу о блудномъ сынѣ: онъ

былъ еще далеко,—но отецъ издали его увидѣлъ, пожалѣлъ о немъ, и пошелъ къ нему навстрѣчу. Такъ будетъ и съ вами. Нѣкоторые изъ васъ еще далеки отъ всего добраго; но если только есть въ васъ желаніе исправиться, Господь съ великимъ состраданіемъ встрѣтитъ васъ и поможетъ вамъ;—сдѣлаетъ для васъ болѣе, чѣмъ вы просили или думали. Я васъ очень люблю и много забочусь о вашей пользѣ. И вамъ, и близкимъ вашимъ, и намъ самимъ, желающимъ служить вашему спасенію, должно сердцемъ искать Господа и выражать свою любовь къ Нему покаяніемъ, добрыми дѣлами и хорошимъ поведеніемъ. Я была очень огорчена, услышавъ о происшедшемъ у васъ маленькомъ безпорядкѣ, но была обрадована письмомъ самихъ замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ и совершенно прощаю имъ. Умоляю васъ нереносить терпѣливо, что бы ни случилось неприятнаго или даже обиднаго; потому что, поступая иначе, вы много

вредите несчастнымъ заключеннымъ всего государства; Вы подадите поводъ утверждать, что наши предпріятія не удались, и намъ не позволять помогать другимъ заключеннымъ. Я надѣюсь увидѣть васъ, прежде отплытія бѣдныхъ ссыльныхъ. Но если я уже не застану ихъ; то молю Бога о томъ, чтобы Онъ сохранялъ ихъ и надъ морской бездной и на чужой сторонѣ. Какъ утѣшительно будетъ и для меня и для всѣхъ, принимающихъ въ васъ участіе, — узнать хорошее о васъ. Прошу васъ, остерегайтесь двухъ искушеній: во первыхъ того, которое привело въ тюрьму большую часть изъ васъ — это пьянства, и во вторыхъ слишкомъ вольнаго обращенія съ мужчинами. Сколько женщинъ погибло отъ этихъ двухъ пороковъ! И такъ, будьте осторожны, бдительны и подавайте добрый примѣръ скромнаго и трезваго поведенія. Молю Бога, чтобы вы преуспѣвали въ этомъ и во всѣхъ добродѣтеляхъ христіанскихъ: я буду

всегда вашинъ другомъ.“

Сближеніе съ заключенными привело Г-жу Фрай къ изученію судьбы ихъ въ ссылкѣ и ознакомило съ законами колоній. Она почувствовала, что труды ея будутъ напрасны, если правительство не распространитъ своихъ попеченій о ссыльныхъ, не обезпечитъ ихъ нуждъ, и не поможетъ ихъ исправленію. Къ чему могло послужить возбужденіе въ нихъ чувства вѣры и любви къ добру, развитіе нравственности, пріученіе къ порядку и опрятности, при тѣхъ лишеніяхъ, которыя ссыльные испытывали въ колоніяхъ, гдѣ цѣною нравственнаго униженія они покупали насущный хлѣбъ. Приобрѣтенныя ими хорошія привычки лишь усиливали ихъ страданія, Все это подтвердилось письмомъ Священника изъ колоніи и убѣдило Г-жу Фрай усердно стараться объ улучшеніи положенія ссыльныхъ. Она неутомимо возбуждала участіе общества къ этому вопросу, на многіе грустные факты обращала взи-

маніе правительственныхъ лицъ, не давала заснуть общественному мнѣнію, и успокоилась только тогда, когда желанная цѣль была достигнута.

Между тѣмъ дѣло посѣщенія тюремъ быстро подвигалось. Вездѣ являлись усердныя женщины, готовыя идти по стопамъ Г-жи Фрай. Для устройства отдѣльнаго и удобнаго помѣщенія, для введенія между арестантами обязательнаго труда, для правильнаго обученія и нравственнаго вліянія надобно было измѣнить совершенно тюремное управленіе и построить новыя помѣстительныя тюрьмы. Г-жа Фрай получала со всѣхъ сторонъ письма съ просьбами о содѣйствіи и совѣтахъ. Переписка эта такъ усилилась, что для сообщенія нужныхъ свѣденій устроенъ былъ отдѣльный комитетъ. Г-жа Фрай рѣшилась сама посѣтить главныя тюрьмы Англій и поѣхала въ сопровожденіи мужа и двухъ дочерей.

Во время путешествія она вниматель-

по осматривала тюрьмы. Начальники, Смотрители и мѣстные чиновники: сопровождали ее; она всѣхъ спрашивала и придумывала возможные улучшения въ существующихъ тюрьмахъ. Вездѣ учреждала она общества посѣщенія заключенныхъ; вездѣ увлекала къ этому дѣлу своимъ примѣромъ и краснорѣчіемъ. Гдѣ не устраивалось общества, тамъ отыскивала она одну или двухъ женщинъ, которыя принимали на себя эту благую обязанность. Г-жа Фрай имѣла особенный даръ примѣнять къ дѣлу способности всякаго и одушевлять на доброе дѣло. Ей почти всегда удавалось убѣдить тѣхъ, которыхъ она мысленно избирала орудіемъ добраго дѣла. Путешествіе это было весьма полезно, — оно увеличило и ея опытность и сочувствіе общества къ вопросу. Занятія ея не мѣшали ей часто писать къ дѣтямъ, говорить имъ о своихъ впечатлѣніяхъ отъ природы, — собирать для нихъ раковины и другія рѣдкости. По возвращеніи Г-жа Фрай была

обридована извѣстемъ, что дѣятельность ея нашла подражаніе и въ другихъ государствахъ. Многія почтенныя женщины сообщили ей подробности о своихъ опытахъ и просили ея совѣтовъ. Мы встрѣчаемъ между прочимъ имена двухъ русскихъ женщинъ; (*) **ИМПЕРАТРИЦА** Марія также выражала Г-жѣ Фрай свое сочувствіе и старалась о приложеніи къ Петербургскимъ тюрьмамъ предложенныхъ ею улучшеній.

Между тѣмъ важныя событія совершались въ семейномъ кругу Г-жи Фрай; она лишилась доброй сестры, ея вѣрной помощницы и друга. Двѣ старшія дочери вышли замужъ и оставили общество друзей, къ которому не принадлежали ихъ мужья. Черезъ годъ послѣ этаго у Г-жи Фрай родился 11-й ребенокъ, въ одно время съ старшимъ внукомъ. Г-жа Фрай оглядываясь на свою пройденную жизнь, писала: «Кажется я испытала во

(*) Княг. Мещерская и Т. Б. Потемкина.

всей полнотѣ семейное счастье и узнала нѣкоторыя изъ самыхъ трудныхъ и тяжелыхъ его испытаній. Я знала полноту всеобщей, неизрѣченной радости о Господѣ. Я была на краю гибели. Я испытала похвалу и униженіе. И чему научилъ меня опытъ жизни? Тому, что Господь долготерпѣливъ и многостытливъ, что Онъ никогда не оставлялъ меня, и что ничто не отвратитъ меня отъ любви къ Нему.»

Оправившись отъ продолжительной болѣзни, Г-жа Фрай возвратилась къ полезной дѣятельности и трудамъ своимъ. Вниманіе ея было наиболѣе направлено на улучшеніе въ положеніи ссыльных во время морскаго путешествія и на водвореніе ихъ на мѣстѣ ссылки. Ея стараніями тамъ устроены были заблаговременно жилища и школы. Адмиралтейское начальство поощряло ее и помогало ей. Къ чести того общества, среди котораго она дѣйствовала, скажемъ, что всѣ ея труды встрѣчали сочувствіе

большинства; предложенія выслушивались почтительно, — и не рѣдко встрѣчала она щедрую помощь и горячее участіе. Конечно, этому способствовала и личность ея, замѣчательная во многихъ отношеніяхъ. Присутствіе и вліяніе ея много подвигали дѣло. Г-жа Фрай имѣла необыкновенный даръ провицательности: она умѣла пробудить способности всякаго и обратить ихъ именно на то дѣло, которому они могли наиболѣе послужить. Много было сдѣлано ею удачныхъ выборовъ и назначеній, начиная отъ учителей для школъ Плашета и сотрудниковъ библейскаго общества, до важныхъ должностныхъ лицъ, выдвинутыхъ ея вліяніемъ или указанныхъ ею правительству.

Въ 24 году она писала: „Не смотря на большую слабость, я присутствовала въ собраніи Британскаго женскаго общества для преобразованія женскихъ тюремъ. Я сама удивилась всему тому, что уже сдѣлано. Сколько тюремъ те-

перь находится подъ присмотромъ постоянныхъ и усердныхъ посѣтительницъ; сколько предпринято для исправленія и поддержанія заключенныхъ! Чудно, какъ слабое существо могло начать такое дѣло. Конечно, мое участіе къ отверженнымъ и оставленнымъ было сильно, но въ то же время я была завалена семейными дѣлами. Семейное чувство во мнѣ такъ сильно, что если бы Господь не призвалъ меня на другое служеніе, въ пемъ было бы для меня искушеніе и опасность.“

Стараніями Г-жи Фрай женское общество учредило во многихъ городахъ убѣжища для освобождаемыхъ преступницъ. Первые пріюты были открыты въ Дублинѣ и Ливерпулѣ. Подобное же учрежденіе открыто было въ Лондонѣ стараніями одной женщины, которую Г-жа Фрай убѣдила заняться этимъ добрымъ дѣломъ. Въ началѣ у нея достало помѣщенія только для четырехъ, а теперь помѣщается въ домѣ до 50 женщинъ.

Ньюгатское общество приступило также къ учрежденію исправительныхъ школъ для покинутыхъ дѣвочекъ, которыя по малолѣтству не могли быть принимаемы въ существующіе пріюты и наполняли улицы Лондона, приучаясь къ самой порочной жизни. Сирь Робертъ Пиль, тогдашній государственный секретарь, вполне одобрилъ эти учрежденія и содѣйствовалъ ихъ основанію.

Въ это время Г-жа Фрай много страдала отъ разстройства здоровья. Она ѣздила лечиться въ Брайтонъ. Тамъ, подъ вліяніемъ собственныхъ страданій, она предалась мысли о лишеніяхъ и нуждахъ бѣдныхъ. Послѣдствіемъ было учрежденіе общества *посѣщенія бѣдныхъ*. Это общество имѣло двоякую цѣль: помогать бѣднымъ и приучать ихъ къ благоразумной предусмотрительности, — заставить рабочихъ сберегать небольшую часть получаемыхъ денегъ на обезпеченіе будущихъ нуждъ. Посѣтители взя-

лись разузнавать особенныя нужды и обстоятельства бѣдныхъ, Для этого была сдѣлана подписка, чтобы доставить имъ пособіе во время болѣзни и несчастій,—и чтобы, для поощренія бережливости, прибавлять къ ихъ экономическимъ деньгамъ небольшія суммы въ видѣ премій. Общество это оказалось весьма полезнымъ и чрезъ нѣсколько лѣтъ замѣтно было улучшеніе въ положеніи и характерѣ посѣщаемыхъ бѣдныхъ. Г-жа Фрай заботилась объ устройствѣ подобныхъ обществъ и въ другихъ городахъ Англіи.

Во время болѣзни своей Г-жа Фрай проводила цѣлое утро у открытаго окошка и дышала морскимъ воздухомъ. Здѣсь вниманіе ея въ первый разъ обратилось на караульнаго морскаго солдата, который ходилъ взадъ и впередъ по берегу. Она во время прогулки заговорила съ нимъ. Солдатъ отвѣчалъ, что разговаривать запрещено. Г-жа Фрай изъ боязни, чтобы нарушеніе этого пра-

вила не вовлекло его въ неприятности, отдала ему свою карточку для доставленія полковнику съ просьбой посѣтить ее. Начальникъ береговой стражи немедленно къ ней явился и заговорилъ съ нею о лишеніяхъ и трудностяхъ ихъ службы. Въѣсть съ начальниками другихъ сосѣднихъ стражей, онъ убѣдилъ Г-жу Фрай, чѣмъ нибудь способствовать нравственному улучшенію подвластныхъ имъ солдатъ. Сейчасъ же было приступлено къ пріисканію средствъ снабдить ихъ библіями и полезными книгами. Г-жа Фрай обратилась къ Библейскому Обществу. Ей поручено было пріятное для нея дѣло раздачи книгъ. И тутъ положено было начало тѣхъ книгохранилищъ, которыя въ началѣ были устроены для береговой стражи, и потомъ распространились по всей арміи.

Послѣ возвращенія изъ Брайтона, Г-жа Фрай, окруженная семьей своей, жила на большой фермѣ, на живописномъ островѣ посреди Темзы, куда вся

семья любила переселяться на нѣсколько недѣль во время лѣтняго пребыванія въ Плашетѣ. Эти дни покоя и счастья, такъ живо описанные дочерью Г-жи Фрай, представляютъ весьма отрадную картину чистыхъ, христіанскихъ семейныхъ радостей, картину, на которой отраднo остановиться.

Какою свѣжестью вѣетъ изъ этого маленькаго домика, гдѣ всѣ бывали вмѣстѣ, катались въ лодкѣ, удили, жили на воздухѣ, наслаждались чудными видами! „Кто изъ насъ, пишетъ дочь Г-жи Фрай, забудетъ эти чудные вечера, — захожденіе солнца, плескъ веселъ, оживленные кружки смѣющихся дѣтей, — радость родителей и веселый взоръ ихъ, выражавшій счастье. Какъ радовалась Г-жа Фрай общему веселью! Какое принимала участіе во всѣхъ мелочныхъ событіяхъ нашей жизни! Съ какою охотою предпринимала съ нами прогулки! Какъ ободряла ту душевную, искреннюю веселость, которая истекаетъ изъ исти-

ны и красоты. Свадьба старшаго сына была также счастливымъ семейнымъ событіемъ. Благочестивая мать, описывая веселую группу дѣтей и внуковъ, говоритъ: „Наши родственныя связи еще болѣе укрѣпились. Кажется, что въ душѣ моей нѣтъ болѣе мѣста никакимъ желаніямъ. Все имѣю; въ изобиліи, но объ одномъ прошу Тебя, Господи,—дай полноту благодати Твоей, излей Духъ Твой въ сердца наши, дабы мы умѣли возблагодарить Тебя за незаслуженные, неизреченные, безчисленные дары Твои!“

Г-жа Фрай тогда же познакомилась съ Г-жею Моръ, которая выразила ей горячее сочувствіе.—Эта христіанка труженица въ это время посвящала себя дѣлу воспитанія дѣтей; ей помогалъ извѣстный Вильберфорсъ, истинный благодѣтель челоуѣчества. Вильберфорсъ сопутствовалъ Г-жѣ Фрай во время посѣщенія корабля, отправлявшагося съ ссыльными. Свидѣтель живо описалъ собраніе трехъ сотъ женщинъ, окружаю-

шихъ двѣ чистыя личности—двухъ лучшихъ представителей современнаго намъ христіанскаго человѣколюбія. Они оба— Вильберфорсъ и Г-жа Фрай поочередно читали молитвы и съ глубокимъ чувствомъ говорили съ бѣдными ссыльными, молились за нихъ. Трудно себѣ представить силу и красоту ихъ словъ и голоса,—напряженное вниманіе, слезы, сдержанныя рыданія бѣдныхъ женщинъ показывали, какъ тронуты были ихъ сердца. Но что особенно поразило смущающихъ, это чтеніе 106 псалма. Г-жа Фрай произнесла его съ такимъ чувствомъ, съ такой силой, что чтеніе казалось объясненіемъ псалма; казалось, что вдохновенный псалмопѣвецъ предвидѣлъ всю картину, всѣ обстоятельства, среди которыхъ раздастся его священная пѣснь. Сколько сердець пробудилъ могущественный голосъ этой женщины,—сколько разшевелилъ онъ спящихъ способностей!,—воскликаетъ свидѣтель этого зрѣлища.

ГЛАВА VI.

Во время путешествія по Ирландіи, предпринятаго Г-жею Фрай съ братомъ по дѣламъ квакерскихъ обществъ, она видѣла безпрестанныя выраженія уваженія къ ней и довѣрія. Она вездѣ посѣщала тюрьмы, больницы и была не рѣдко сама утомлена посѣщеніями и новыми знакомствами.

„Друзья мои, писала она, боятся моего величія. Я этому не удивляюсь; они не видятъ, какъ глубоко во мнѣ чувство моего ничтожества и сознаніе моей слабости въ тѣ минуты, когда я слышу эти похвалы. Похвала болѣе меня смиряетъ, чѣмъ что нибудь другое.“

Болѣзнь сестры вызвала Г-жу Фрай въ Еригамъ. Вотъ что писала она оттуда:

„Всякій разъ, какъ я нахожусь въ

обществѣ сестеръ и братьевъ, я чувствую, какъ много они лучше меня. Я смиряюсь сознаниемъ своего несовершенства. Я, вызванная проповѣдывать имя Господне, я, столь много говорящая другимъ о праведности, приношу ли, подобно имъ, духовные плоды? Что будетъ со мною и домою моимъ? Помогите мнѣ, Господи! Не отвергни рабы Твоей, молящейся за мужа и дѣтей. Дай всѣмъ намъ, какими угодно Тебѣ путями, дойти до познанія благодатной правды во Христѣ.“

Г-жа Фрай осталась въ Еригамѣ до смерти сестры,—доброй, благочестивой, сострадательной Рахили, съ которой она въ дѣтствѣ раздѣляла первые игры и уроки.

Въ 28 году Г-жа Фрай опять присутствовала при весьма многочисленномъ и блистательномъ собраніи женскаго общества. Она много говорила о нужныхъ улучшеніяхъ. При этомъ она испытывала смущеніе и нѣкоторое недовѣріе

къ себѣ. Однако, пишетъ она, общее впечатлѣніе было удовлетворительно; добро сдѣлано; но общественная дѣятельность—страшное дѣло. Какъ предпочтительна участь тѣхъ, кто можетъ втайнѣ дѣлать добро! Но если самъ Господь зоветъ къ общественному дѣлу, значитъ, оно достойно и честно, представляя при томъ и болѣе средствъ къ полезной и обширной дѣятельности. Не должно однако искать ее, хотя Господь и хранитъ усердно исполняющихъ свое призваніе. Въ этомъ служеніи необходима бдительность, нуженъ смиренный духъ, не смущаемый ни преувеличенной похвалою ближняго, ни несправедливымъ осужденіемъ и клеветой. Должно вполнѣ предаться волѣ Того, Который или благословитъ, или осудитъ наши начинанія по усмотрѣнію Своему.“

Изъ замѣтокъ, найденныхъ въ бумагахъ Г-жи Фрай, мы видимъ, что въ рѣчи своей она упоминала о тѣхъ измѣненіяхъ въ тюремномъ управленіи и по-

ложеніи ссыльныхъ, на которыя всегда было обращено ея вниманіе. Она кончила трогательнымъ воззваніемъ къ знатынымъ, талантливымъ и богатымъ женщинамъ, которыя ее окружали. Она напомнила имъ, что въ отечествѣ ихъ пороки усиливаются; что за это всѣ подлежатъ отвѣтственности, и что къ отвращенію зла всѣ призваны содѣйствовать. Самыя нѣжныя, слабыя женщины—должны соединять вліяніе воспитательницъ, наставницъ, матерей и власть хозяйки дома, чтобы направлять, поощрять на все доброе,—останавливать и укрощать зло. Она упомянула объ обществахъ для посѣщенія бѣдныхъ, о бібліотекахъ для нихъ, о необходимости воспитанія,—и кончила просьбою не терять мужества и постоянно оставаться твердыми, не смотря на всѣ препятствія, помня, что дѣло это не наше, но что мы должны слѣдовать за Всемогушимъ, на Котораго надѣемся, Который призвалъ насъ словами Апостола:

«Быть твердыми, непоколебимыми, все болѣе утверждаясь въ дѣлѣ Господнемъ, зная, что трудъ нашъ не напрасенъ предъ Господомъ».

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого собранія, семейство Г-жи Фрай переселилось въ прекрасную усадьбу Плашетъ. Тутъ праздновали свадьбу третьей дочери. Событіе это особенно радовало сердце матери, потому что женихъ принадлежалъ къ обществу квакеровъ. Собралась вся семья. Погода была чудесная. Веселыя группы родныхъ и дѣтей двигались по прекраснымъ садамъ, посреди цвѣтовъ и яркой зелени. Казалось, все тутъ было соединено: и внутренняя семейная связь, и внѣшнее довольство, и красота. Кто-то замѣтилъ Г-жѣ Фрай полноту земнаго ея счастья. Она отвѣчала, „я замѣтила, что большое внѣшнее счастье предшествуетъ часто великимъ испытаніямъ. И старая пѣсня говоритъ, что чѣмъ выше счастье, тѣмъ ближе горе“ Пред-

чувствіе скоро сбылось. Въ продолженіе осени перевороты въ дѣлахъ многихъ торговыхъ домовъ внушили Г-жѣ Фрай опасенія за дѣла мужа. Дѣйствительно, въ непродолжительномъ времени объявлено было банкротство торговаго дома, съ которымъ Г-нъ Фрай былъ въ компаніи. Ударъ былъ тяжелъ, но Г-жу Фрай поддерживала твердая вѣра. Мы видимъ однако изъ письма ея къ дочери, какъ тяжело было испытаніе.

„Наконецъ рѣшаюсь взяться за перо, милая дочь моя. Мнѣ писать трудно; но ты такъ близка ко мнѣ, тебѣ надобно знать все, что я чувствую. Я смотрю на случившееся, какъ на одно изъ величайшихъ несчастій, могущихъ постигнуть насъ. Оно ведетъ за собой столько всякихъ затрудненій, столько огорченія, униженія и печали. Трудно выразить ту сердечную скорбь, которую я испытала; но, благодаря Бога, отчаяніе продолжалось не долго. Я старалась не останавливаться мыслями на тягостныхъ послѣд-

ствіяхъ нашего несчастія. Но есть мелочныя обстоятельства, которыя меня уничтожаютъ; прощаніе съ старыми служителями, разлука съ нашей школой, съ нашими бѣдными, необходимость оставить нашу милую деревню. Живо, живо чувствую эти огорченія. Есть у меня и утѣшеніе: меня укрѣпляетъ вѣра въ неисповѣдимыя судьбы Провидѣнія, и я повторяю: да будетъ воля Твоя. Какъ дорого мнѣ участіе родныхъ, служителей, друзей, какъ утѣшительна ихъ привязанность..“

Все семейство еще разъ соединилось въ Плашетѣ. Солнце такъ же ярко свѣтило; все было такъ же прекрасно, тѣ же милыя лица встрѣчались; но не было прежней беззаботной радости. Дѣти Г-жи Фрай не забудутъ выраженія ея лица въ это время. На немъ отражалось и глубокое горе, и чудный покой. Грустно и кротко улыбалась она при разговорахъ о прежнемъ и о возможномъ улучшеніи ихъ обстоятельствъ. Она уди-

вляла всѣхъ здравыми сужденіями, такъ ясно толковала о дѣлахъ, которыми мало занималась и предлагала самые практическіе совѣты. Она имѣла необыкновенный даръ почти инстинктивно приходитъ къ вѣрному заключенію, придумывать лучшій исходъ дѣла, за подробностями котораго однако не слѣдила. Во время отъѣзда изъ Плашета главной заботой ея было устроить судьбу бѣдныхъ, упрочить существованіе школъ. До нѣкоторой степени ей это удалось. Но кромѣ постигшаго несчастія, она имѣла въ это время много другихъ огорченій, болѣзней, затрудненій, близко принимаемыхъ къ сердцу; наконецъ тяжело было для нея удаленіе дѣтей изъ общества друзей, охлажденіе къ нему даже мужа.

Постояннымъ утѣшеніемъ среди всѣхъ этихъ испытаній былъ успѣхъ начатаго ею дѣла. Въ Берлинѣ учредилось *общество посѣщенія тюремъ*. Докторъ Юліусъ сообщилъ ей оттуда объ изданіи своихъ лекцій объ улучшеніи тюремныхъ поста-

новлений и о нравственномъ исправленіи заключенныхъ. Въ этой книгѣ находились любопытныя свѣденія о числѣ преступленій въ различныхъ государствахъ, и о вліяніи христіанскаго воспитанія на общественную нравственность.

Изъ Парижа она получила интересныя письма о трудахъ благотворительныхъ лицъ. Ей также передали подробности о дѣятельности благотворительныхъ обществъ во Франціи и особенно о сестрахъ милосердія. Г-жа Фрай много думала о возможности подобныхъ учрежденій въ Англіи. Часто упоминала она о необходимости дѣятельныхъ подвижниковъ милосердія. Говорила, что всякій обязанъ участвовать лично въ дѣлѣ воспитанія пеимущаго, въ служеніи ему во время его болѣзни, и что никакое свѣтское положеніе, никакія семейныя заботы не должны мѣшать исполненію этаго долга. Много надѣялась она, сильно желала, чтобы соотечественницы ея поняли свою отвѣтственность въ

этомъ дѣлѣ и не довольствовались подписками, или приношеніями избытковъ, или даже лепты своей на устройство школъ и больницъ,—но чтобы онѣ жертвовали тѣмъ, что драгоцѣннѣе денегъ,—временемъ, личнымъ участіемъ, прикосновеніемъ человѣка съ человѣкомъ, души съ душой., Какую пользу могли бы принести благоустроенныя учрежденія Англіи, (писала она), если бы ихъ посѣщали, если бы въ нихъ начальствовали и дѣйствовали люди, посвятившіе себя на безкорыстное служеніе, согрѣтые непосредственнымъ чувствомъ состраданія и той теплотой, тѣмъ усердіемъ, которое до нѣкоторой степени искупаетъ заблужденія Латинской ереси!“

Г-жа Фрай занималась въ это время составленіемъ небольшой книжечки, которая въ послѣдствіи разошлась тысячами экземпляровъ. Это было собраніе текстовъ на каждый день года. Она убѣдилась въ необходимости доставить даже наиболѣе занятымъ людямъ воз-

возможность каждое утро затвердить хоть нѣсколько словъ Писанія. Со временемъ она имѣла случай убѣдиться въ пользу ея маленькихъ книжечекъ. Ей случилось узнать, что умирающая няня, указывая на книжечку, говорила Священнику: «вотъ что спасло меня отъ погибели. Книжку эту я нашла на улицѣ; съ тѣхъ поръ читая ее каждый день, я возненавидѣла грѣхъ,—и не боюсь смерти.» Куда не проникали эти книжечки, начиная отъ царскихъ дворцовъ до темницы заточеннаго!

Въ 30 году совершилось то измѣненіе въ уголовномъ законодательствѣ Англій, котораго столько желали Г-жа Фрай и ея сотрудники. Доселѣ, всякій обличенный въ поддѣлкѣ ассигнацій, или казенныхъ бумагъ, подвергался смертной казни. Неопытный и малодушный, увлеченный на дѣло, котораго послѣдствій и важности онъ не угадывалъ, подлежалъ одинаковому наказанію съ убійцей. Законъ этотъ былъ отмѣненъ,

не смотря на сильное сопротивленіе и на просьбы о поддержаніи закона, подписаннаго тысячею банкировъ. Итакъ, дѣло подвигалось, но много еще оставалось недоконченнаго. Вездѣ возникали улучшенія, множество тюремъ перестраивалось; всюду вводился порядокъ и обязательный трудъ; назначались честныя женщины для наблюденія за арестантами. Въ тюрьмѣ Іармутъ, трудами и усиліями бѣдной работницы Сары Мартинъ, достигнуты были необыкновенные результаты. Эта бѣдная женщина подавала высокій примѣръ благотворительности: она доказала, что можно сдѣлать съ постояннымъ чувствомъ милосердія, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

Прошло теперь то возбужденное любопытство, съ которымъ встрѣчали первыя посѣщенія Г-жи Фрай въ Ньюгатъ и устройство женскаго общества посѣтительницъ. Утихло негодованіе, вызванное открытыми страданіями и зло-

употребленіями. Но въ обществѣ осталась твердая, мужественная рѣшимость продолжать улучшенія. Люди всѣхъ партій и сословіи становились въ ряды трудящихся, или поддерживающихъ постепенныя разумныя реформы.

Г-жѣ Фрай выражалось сочувствіе и уваженіе, усиливавшіяся съ каждымъ годомъ. Она пользовалась всякимъ случаемъ проводить свои мысли, высказывать полезныя истины. Въ 30 году она посѣщаетъ молодую 10-ти лѣтнюю принцессу, нынѣ Королеву Викторію; представляетъ ей сочиненіе, написанное противъ невольничества, и даетъ ей полезныя совѣты. Черезъ нѣсколько дней она находится въ кругу королевской семьи, въ многочисленномъ собраніи и долго бесѣдуетъ съ супругою тогдашняго Короля.

„Это было, пишетъ она, важное событіе въ моей общественной жизни,— и кажется, можетъ имѣть полезныя послѣдствія. Послѣ этого свиданія, я,

какъ всегда въ этихъ случаяхъ, испытывала недоумѣнiе, страхъ и заботу о томъ,—не опасны ли для меня подобныя столкновенiя съ великими мiра сего; хорошо ли мнѣ искать этихъ встрѣчъ,—и какъ будутъ судить объ этомъ постороннiе. Но на другой день сомнѣнiя мои успокоились. Мнѣ кажется, что все это было мнѣ указано Богомъ,—Котораго и молю о дарованiи полезныхъ послѣдствiй. На дняхъ я была глубоко тронута прощанiемъ съ преступницами, отъѣзжающими въ ссылку. Меня окружили несчастныя, отверженныя женщины. Я навѣки прощалась съ ними; сколько онѣ пролили слезъ, выразили теплыхъ чувствъ! Черезъ нѣсколько дней я находилась въ блестящемъ собранiи; окружена была богатыми и знатными. Меня поразили эти противоположности; жизнь моя исполнена ими. Я должна бы извлечь изъ нихъ полезныя уроки. Дай Богъ, чтобы удалось принести пользу и себѣ и другимъ.“

Въ семействѣ Г-жи Фрай было еще двѣ свадьбы. По этому случаю мы находимъ слѣдующія размышленія въ ея дневникѣ. Полезно и желательно, чтобы молодые люди рано заводились семействомъ; особенно для мужчинъ—это вѣрнѣйшее средство къ нравственной религіозной жизни. Важенъ выборъ и единство убѣжденій вѣры, религіозныхъ привычекъ и воспитанія. Но нахожу, что родителямъ не слѣдуетъ льстить и управлять склонностью дѣтей; они должны только требовать соединенія съ вѣрующими семействами, но далѣе этого власть ихъ не должна простираться; браки были бы счастливѣе и нравственнѣе, если бы предоставляли выборъ молодымъ людямъ, и уважали ихъ любовь и сердечную склонность. Нынѣшнее время отражается на нашемъ семействѣ, и на всѣхъ: холера, возбужденіе политическихъ страстей, всеобщій духъ неповиновенія въ низшихъ классахъ, религіозныя несогласія. Все это очень важ-

но, но я не раздѣляю общаго страха,— не думаю, чтобы мы были особенно близки къ какому нибудь необыкновенному перевороту. Многіе ожидаютъ втораго пришествія. Во всякомъ случаѣ, для каждаго отдѣльно скоро наступитъ конецъ, и такъ да постараемся быть готовыми къ великому дню.“

Семейство Г-жи Фрай значительно уменьшилось, пребываніе въ Лондонѣ представляло много неудобствъ. Вмѣстѣ съ мужемъ и дѣтьми она отправилась на островъ Жерсе. Прекрасный воздухъ, красота природы, дружный, тѣсный кругъ близкихъ знакомыхъ, гостепріимное добродушіе жителей, прсвѣщенные занятія вмѣстѣ съ пріятною жизнію и искреннимъ милосердіемъ,—все это увеличивало прелесть пребыванія на островѣ. Вся семья въ обществѣ нѣкоторыхъ друзей проводила долгіе часы на воздухѣ въ живописныхъ и уединенныхъ частяхъ острова. Тамъ гуляли, рисовали, посѣщали бѣдныя хижины, раздавали

книги, и Г-жа Фрай наслаждалась чудными видами и разнообразіемъ цвѣтовъ. Важнѣйшія занятія также не были забыты; она изучала положеніе больницы рабочаго дома, дома умалишенныхъ и тюрьмы. Такъ какъ островъ управлялся особенными законами; то улучшения, принятыя въ прочихъ тюрьмахъ Англіи, сюда не провикали. Г-жа Фрай изложила свои замѣчанія въ печатномъ письмѣ къ мѣстнымъ властямъ. Необходимыя улучшения требовали средствъ. Какъ достать ихъ?—Эта мысль съ тѣхъ поръ постоянно занимала Г-жу Фрай. Она также изучала и другіе острова этого маленькаго архипелага, устроила общество бѣдныхъ. По свидѣтельству жителей, ея посѣщенія были истиннымъ благословеніемъ для острововъ, и она принесла имъ огромную пользу.

Болѣзнь замужней дочери ускорила возвращеніе семьи. Г-жа Фрай провела нѣкоторое время съ нею,—потомъ предпріяла небольшое путешествіе по дѣ-

ламъ квакерскаго общества. Во время пребыванія на островѣ Вайтѣ учреждены были первыя библіотеки для солдатъ береговой стражи. Дѣло это она задумала во время болѣзни въ Брайтонѣ. Вскорѣ польза отъ этихъ библіотекъ была еознана Правительствомъ. Морское управленіе и Государственное Казначейство помогли Г-жѣ Фрай. Ей выдано было 200 фунт. стер., а подписка значительно дополнила эту сумму. Кромѣ того издатели и общества присылали книги. Выборъ покупаемыхъ книгъ былъ порученъ извѣстнымъ и почтеннымъ людямъ. Въ короткое время собрано было до 25,896 томовъ. Въ 36 году Г-жа Фрай получила печатную вѣдомость комитета, учрежденнаго для распространенія чтенія; въ этой вѣдомости значилось 52,464 тома, и 21,000 пользовались ими. Такимъ образомъ солдаты имѣли всѣ средства къ религіозному и духовному развитію. Такъ счастливо окончилось это доброе дѣло.

Въ концѣ 35 года Г-жа Фрай съ двумя своими сотрудницами была вызвана Комитетомъ, составленнымъ изъ выборныхъ Членовъ Верхней Камеры, для доставленія свѣденій о тюрьмахъ и исправительныхъ домахъ Англiи, которыя Комитету этому было поручено изучить.

Очевидецъ описалъ это засѣданiе. „Спокойное достоинство Г-жи Фрай было замѣчательно. Не знаю, что она чувствовала; не было въ ней замѣтно ни малѣйшаго волненiя, не было ни поспѣшности, ни раздраженiя въ ея рѣчахъ и прiемахъ. Она въ совершенствѣ владѣла собой, голосъ ея звучалъ гармонически, мысли ея выражались съ необыкновенною ясностию. Кромѣ старанiя точно и разсудительно передать свое мнѣнiе, замѣтна была въ словахъ ея одна забота, это желанiе воздать посреди торжественнаго собранiя должную похвалу Господу.

Въ бумагахъ Г-жи Фрай остались замѣтки ея, приготовленныя по поводу этого засѣданiя. Онѣ касаются предме-

товъ, о которыхъ уже прежде было упомянуто, или говорятъ объ особенностяхъ тюремнаго управленія и законодательства Англїи. Но мы приведемъ здѣсь заключительныя ея слова; она произнесла ихъ нѣсколько громче и съ выраженіемъ самаго искренняго, глубокаго убѣжденія. — „Неизчислимы блага, которыя приносятъ всякое, но особливо религіозное образованіе; но я должна признаться, что хотя я всегда благоговѣла предъ Святымъ Писаніемъ, знала и вѣрила, что оно написано по вдохновенію Божию и должно приносить огромную пользу; однако, до посѣщенія тюремъ, до того времени, какъ я начала читать Писаніе отверженнымъ, преступнымъ женщинамъ, я не сознавала всего могущественнаго дѣйствія Слова, не понимала всей силы его вліянія на умъ человѣческой. Кто хочетъ укрѣпиться въ вѣрѣ, убѣдиться въ истинѣ христіанскаго ученія, — пусть идетъ въ тюрьмы, — читаетъ Евангеліе преступникамъ. Тутъ увидитъ онъ, какъ

приспособлено святое благовѣствованіе къ падшему состоянію человѣка. Вѣра моя утвердилась именно этимъ. Я считаю обязанностію земли нашей и Правительства содѣйствовать къ такому изученію Писанія, которое облегчало бы преступнику дѣло истиннаго обращенія. Распространеніе Слова Божія одно можетъ уничтожить корень зла. Строгое наказаніе хотя можетъ до нѣкоторой степени остановить на будущее время преступника, но не исправитъ его наклонностей, не измѣнитъ его сердца. Когда же вы успѣете преобразовать нравственныя правила людей, то достигнете того, что они не только будутъ воздерживаться отъ преступленій изъ страха наказаній, но станутъ поощрять другихъ къ добру свѣтлымъ примѣромъ благочестивой жизни.“

Спокойная, достойная твердость, съ которой она высказала эти слова, внушила уваженіе даже тѣмъ, которыхъ она не успѣла убѣдить.

Жизнь Г-жи Фрай была разнообразна и полна; 22 Мая она въ Комитетѣ говоритъ передъ членами Парламента; 26 она у больной дочери присутствуетъ при рожденіи внука; 2 Іюня празднуется свадьба меньшей ея дочери. „Господи, пишеть она въ дневникѣ, не оставь дитя мое,—излей на нее дары Духа Твоего Святаго; пусть она свяжется объѣтомъ не только въ отношеніи къ мужу своему, но къ Богу своему; помози ей исполнить эти объѣты; благослови родныхъ ея; дай имъ достатокъ земныхъ благъ, но особенно, Господи, дай имъ праведность и лучшія непреходящія блага: ту радость, тотъ миръ, котораго люди не могутъ ни дарать, ни отымать.„ Я молилась о томъ, пишеть она далѣе, чтобы день свадьбы прошелъ благочестиво и чтобы надъ всѣми почило благословеніе Божіе. Кажется такъ и было. Всѣ казались радостными, спокойными. Милые внуки наши въ самомъ дѣлѣ прекрасны. Насъ всѣхъ было

человѣкъ 50;—15 дѣтей, а прочіе, -впуки, родные, близкіе друзья. Я произнесла молитву посредѣ всѣхъ милыхъ сердцу; просила, чтобы всѣ мы жили праведно, въ любви и мирѣ; молилась объ отсутствующихъ, и общество наше разошлось съ необыкновеннымъ сладостнымъ чувствомъ счастія и любви.“

Послѣ того Г-жа Фрай сопутствовала мужу на югъ Англіи. Тамъ она могла убѣдиться въ пользѣ устроенныхъ библиотекъ для береговой стражи. Званкомство съ военными начальниками, которые принимали горячее участіе въ ея планахъ, доставило ей большое удовольствіе. Въ одномъ исправительномъ домѣ ей указали двухъ женщинъ, которыхъ невозможно было склонить къ повиновенію, подѣйствовагь на ихъ чувство. Г-жа Фрай не обратила, по видимому, вниманія на это указаніе, всѣмъ прочла небольшое поученіе, потомъ, уходя, она быстро повернулась къ нимъ, протянула обѣимъ руки и съ невыразимымъ

чувствомъ сказала: не правда ли,—я вскорѣ услышу о васъ лучшее?..

Женщины, на которыхъ не дѣйствовали ни угрозы, ни наставленія, вдругъ зарыдали.

Г-жа Фрай посѣтила опять Жерсе; она все хлопотала объ улучшеніи тюремъ. Затрудненій было много, но она не унывала, а между тѣмъ убѣдилась въ пользу общества посѣщенія бѣдныхъ. Путешествіе по роскошнымъ островамъ и окрестностямъ Плимута, прелестные виды, множество цвѣтовъ, все это было для нея источникомъ живыхъ наслажденій. Она знакомилась со многими моряками, и въ разговорахъ съ ними цѣль ея жизни не была забыта. Она говорила съ ними о изысканіи лучшихъ средствъ для приобрѣтенія добродѣтельныхъ и благочестивыхъ привычекъ и возвышенія нравственнаго уровня между подвластными имъ морскими солдатами. Въ Фальмутѣ придуманы были походныя бібліотеки для экипажа разныхъ пароходовъ. Кни-

ги сохранялись въ Канцеляріи одного изъ капитановъ;—отъѣзжающій пароходъ получалъ ящикъ изъ 30 книгъ. Книги эти мѣнялись при возвращеніи. Матросы выразили большую благодарность за это пововведеніе.

Въ Салисбургской долинь она устроила библіотеку для бѣдныхъ пастуховъ. Почтенный тамошній житель взялся хранить эти книги и раздавать ихъ. Онъ чрезъ нѣсколько времени писалъ объ успѣхахъ предпріятія и о благодарности, съ ксторой ему возвращали прочтанныя книги и требовали новыхъ. Много радовали Г-жу Фрай извѣстія, письма офицеровъ береговой стражи о распространеніи чтенія и книгъ между солдатами. Довѣріе къ Г-жѣ Фрай было такъ велико, что достаточно было ея указанія, чтобы приступитъ къ исправленію замѣченнаго недостатка, или злоупотребленія. Такимъ образомъ ея путешествія приносили большую пользу. Вездѣ заботилась она преимущественно

о тюрьмахъ и обществахъ: посѣщенія бѣдныхъ, о распространеніи Священнаго Писанія; потомъ старалась знакомиться съ людьми, ищущими нравственнаго усовершенствованія для себя и другихъ, и старалась возбудить и поддержать ихъ ревность.

Г-жа Фрай во время посѣщенія Ирландіи и Дублина была обрадована улучшеніями, введенными избранной ею Начальницей. Этой начальницѣ порученъ былъ надзоръ женской тюрьмы, устроенной въ послѣдствіи по планамъ и желаніямъ Г-жи Фрай. Хотя Г-жа Фрай не видала осуществленія своихъ мыслей, но постоянно слѣдила за дѣлами этой тюрьмы. Мудро и матерински наставляла начальницу, и вліяніемъ своимъ отстраняла затрудненія и препятствія.

Г-жа Фрай трогательно описываетъ свое возвращеніе, вниманіе мужа, ласки дѣтей; выражаетъ благодарность Богу за силу, данную во время путешествія; за предоставленные ей случаи дѣлать

добро и проповѣдывать Его ученіе. Она молится за лучшее исполненіе семейныхъ обязанностей, и за проповѣдываніе истины всегда и во всемъ.

ГЛАВА VII.

Дѣятельное участіе Г-жи Фрай въ дѣлѣ тюремныхъ улучшеній приходило къ концу. Она была избраннымъ орудіемъ, направившимъ общественное вниманіе на ихъ недостатки. Теперь сочувствіе къ этому вопросу было вполнѣ возбуждено. Тюремные инспекторы усердно занялись этимъ дѣломъ. Она продолжала хлопотать о тюрьмахъ Жерсе и Гурнье, и съ участіемъ слѣдила за послѣдствіями своихъ усилій—за перестройкою тюремъ на этихъ островахъ.

Нѣсколько разъ бесѣдовала она объ этомъ съ Лордомъ Джономъ Росселемъ. Ея знаніе дѣла, свѣтливость, умѣнье

придумать средства къ исправленію существующихъ недостатковъ, всегда пріобрѣтали ей добровольныхъ слушателей, заставляли искать ея совѣтовъ и дорожить ими. Надобно сказать къ чести людей различныхъ партій, которые поочередно находились въ главѣ Правленія, что они не только выслушивали, но не рѣдко исполняли ея совѣты.

Ея предусмотрительность, обдуманность и осторожность, съ которыми она доходила до заключенія и составляла окончательное мнѣніе, скромность, съ которою она высказывала мнѣніе, усиливали внушаемое ею довѣріе.

По мѣрѣ того, какъ труды, которымъ она посвятила столько лѣтъ, приходили къ окончанію, или поступали въ другія руки, новыя заботы возникали въ ея умѣ.

Въ кругу дѣтей ея многіе помогали ей, участвовали въ трудахъ ея на пользу ближняго. Это радовало ее,—она желала, чтобы это сотрудничество продолжалось. Но какъ ни хорошъ былъ

этотъ союзъ въ дѣлѣ вѣщной дѣятельности и общей пользы, душа ея требовала еще другаго, — она хотѣла болѣе близкаго, сердечнаго, религіознаго единомыслія съ дѣтьми своими. Вотъ что она писала имъ: „ милые дѣти! многіе изъ васъ знаютъ, какъ я желаю большаго единства и общенія съ вами въ дѣлахъ вѣры. По волѣ Всемогушаго, многіе изъ васъ оставили тотъ путь, по которому я иду: мы рѣдко соединяемся для молитвы и во многомъ различно смотримъ на вещи. Хотя я знаю, что не смотря на все различіе, мы соединяемся во Святомъ Владыкѣ и Господѣ нашемъ; однако теперь, съ приближеніемъ старости, чувствую, какъ нужны мнѣ духовная помощь и одобреніе тѣхъ, которыхъ я воспитала, которыхъ старалась возростить для Господа. Много думала я, о томъ, какъ бы помочь горю, и вотъ что придумала. Мы вѣримъ въ одного Господа и Спасителя, въ одного Дуна Утѣшителя, въ одного Бога и

Отца, и тѣмъ союзъ нашъ вѣнокъ; мы
есть и будемъ члены одной живой Цер-
кви, и потому мы можемъ съ пользою
соединиться въ религіозныхъ обязанно-
стяхъ.

Дѣла міра сего насъ много занима-
ютъ, но все это продолжится не долго.
Хорошо бы назначить время, чтобы за-
няться вмѣстѣ дѣлами вѣчности. Я пред-
ложу вамъ то, что кажется мнѣ полез-
нымъ; но прошу васъ не стѣсняться,
не поступать противъ воли, но свободно,
не связывая себя моимъ совѣтомъ. Мнѣ
бы хотѣлось соединиться съ дѣтьми и
старшими внуками съ тѣмъ, чтобы ут-
верждаться въ вѣрѣ, совершенствоваться
въ религіозности, согласіи и любви, пре-
успѣвать въ благочестивой жизни. Я бы
предложила читать вмѣстѣ писаніе, чи-
тать просто, радушно, съ полной сво-
бодой, предлагать вопросы, дѣлать за-
мѣчанія. Это было бы средство къ на-
зиданію и къ лучшему пониманію
смысла писанія, къ преуспѣванію въ

христіанской жизни, къ изученію свя-
тыхъ догматовъ и приложенію ихъ. Мы
бы такимъ образомъ повѣряли дѣла на-
ши свѣтомъ ученія Христова и видѣли,
сообразны ли онѣ съ законами Его.
Послѣ чтенія, мы могли бы рассматри-
вать предпріятія наши на пользу ближ-
няго и обдумать то, что могло бы къ
тому способствовать. Всѣ члены нашего
общества обязались бы передавать другъ
другу, что видѣли или что читали на-
зидательнаго, и стараться поддержать
всякое дѣло, клонящееся ко благу че-
ловѣчества. Я надѣюсь, что такимъ обра-
зомъ мы могли бы возбудить семейство
наше къ большому сердечному рвенію,
къ служенію Богу дома, къ большому
усердію въ исполненіи призванія и вѣ-
шнихъ разнообразныхъ обязанностей каж-
даго изъ нихъ; усилили бы нашу дѣя-
тельность на пользу ближняго. Предпо-
лагаю собираться однажды въ мѣсяцъ
поочередно въ домахъ нашихъ.

Опытъ былъ сдѣланъ и исполнѣнъ уда-

ся. Со временемъ кругъ участвующихъ въ этихъ бесѣдахъ распространился, и онѣ оказались весьма полезными, для возбужденія всякаго полезнаго слова и дѣла. Труды, задуманные во время этихъ бесѣдъ, приносили значительную общественную пользу. Онѣ продолжаются до сегодня подъ именемъ филантропическихъ вечеровъ и всегда заключаются чтеніемъ Священнаго Писанія и нерѣдко молитвой.

Въ 35 году Г-жа Фрай посѣтила Парижъ. Англійское посольство, а также многіе государственные люди Франціи и многія почтенныя семейства приняли ее съ знаками уваженія и сочувствія. Она посѣщала школы, тюрьмы, больницы—всѣ убѣжища страданій; видѣлась со всѣми, кто занимался дѣлами общественной благотворительности. Во время посѣщенія тюрьмы Св. Лазаря, бѣдныя преступницы были всѣ собраны для слушанія чтенія Евангелія. Г-жа Фрай прочла притчу о блудномъ сынѣ и ска-

зала имъ небольшое назидательное поученіе. И чтеніе, и рѣчь переводились постепенно, и такъ вѣрно и краснорѣчиво, что бесѣда ничего не потеряла изъ своей назидательной торжественности. Заключенныя были тронуты. Г-жа Фрай спрашивала у нихъ:—желаютъ ли онѣ, чтобы хорошія женщины приходили читать и молиться съ ними и поучать ихъ. Всѣ поспѣшно изъявили согласіе. Зрѣлище было такъ трогательно, что сторожа и караульные плакали. *Elles ne sont pas plus mauvaises, que nous, ces pauvres femmes, говорила одна посетительница, mais les circonstances sont toutes pour nous, et toutes contre elles.*“

Въ 36 мѣ году, наканунѣ дня своего рожденія, Г-жа Фрай писала: —, Мнѣ завтра минеть 58 лѣтъ. Это поздній часъ моего не свѣтлѣ обыкновеннаго странствованія. Молю Господа, чтобы Онъ велъ меня и подчинялъ Себѣ волю мою; да иду я, куда Ему угодно; да испытываю страданія, если такова воля

Его. Молю Его, сохранить меня отъ всякаго ложнаго страха и удалить отъ всякаго дѣла, къ которому я не призвана.“

Г-жа Фрай въ продолженіе этого года посѣтила Шотландію, интересуясь дѣлами квакеровъ и состояніемъ тюремъ. Ей хотѣлось осмотрѣть тюрьмы и переговорить о возможныхъ улучшеніяхъ съ Правительственными лицами; потому что въ предстоящихъ засѣданіяхъ Парламента билль объ улучшеніи Шотландскихъ тюремъ долженъ былъ быть предметомъ преній. Г-жа Фрай сильно возстала противъ одиночнаго заключенія, которое было введено въ Шотландіи. Она доказывала вредъ совершеннаго отчужденія отъ людей; — необходимость сближенія съ людьми добраго поведенія, необходимость труда и общества, которое препятствовало бы безпрестанному воспоминанію старыхъ преступленій и желанію возвратиться къ прежней порочной жизни.

Въ продолженіе 1838—40 годовъ Г-жа Фрай совершила большое путешествіе по Франціи, Швейцаріи, Германіи. Цѣлью этого путешествія было посѣщеніе небольшихъ квакерскихъ обществъ, разсѣянныхъ по всей Европѣ. Она была избрана и уполномочена на это дѣло собраніемъ Англійскихъ квакеровъ. Сама же желала посѣтить тюрьмы и, сколько возможно, подвинуть дѣло улучшенія ихъ въ чужихъ краяхъ. Во Франціи она встрѣтила старыхъ и новыхъ знакомыхъ, бесѣдовала со многими Государственными людьми; устроила общество протестантскихъ дамъ для посѣщенія тюремъ. Въ южной Франціи, была въ бѣдныхъ уединенныхъ деревушкахъ, гдѣ гнѣзятся квакеры—потомки Альбигойцевъ; во многихъ городахъ посѣщала тюрьмы, читала и молилась съ заключенными. Въ Швейцаріи Г-жа Фрай была съ восторгомъ принята обществомъ протестантовъ; здѣсь она познакомилась съ Бун-

зеномъ. Въ Кайзервертѣ(*) на Рейнѣ посѣтила только-что возникавшее учрежденіе пастора Флидчера. Г-жа Фрай одушевила этого добродѣтельнаго человѣка на первое съ его стороны благотворительное дѣло, и теперь онъ съ истинною радостію принялъ ее, показывая ей заведеніе, представилъ *діакониссъ*, только-что начинавшихъ свою почтенную дѣятельность.

Пасторъ въ послѣдствіи подробно описалъ это свиданіе и трогательную рѣчь Г-жи Фрай къ *діакониссамъ*. Она пересмотрѣла всѣ уставы заведенія, о которомъ всегда мечтала и для своего отечества.

По возвращеніи въ Англію, Г-жа Фрай принялась за устройство общины для посѣщенія больныхъ. Сестры ея и

(*) Кайзервертѣ—небольшой городокъ на Рейнѣ, извѣстный общинной *діакониссъ*, и разными благотворительными учрежденіями, находящимися подъ ихъ надзоромъ.

дочери взялись подъ ея руководствомъ исполнить ея планъ. Слабость здоровья помѣшала совершенному исполненію намѣренія, однако еще при жизни Г-жи Фрай въ общинѣ было до 40 сестеръ; онѣ жили въ одномъ домѣ и служили бѣднымъ больнымъ, жившимъ въ сосѣдствѣ, или такимъ, которые прибѣгали къ нимъ за помощью. Онѣ заботились также о душевной пользѣ больныхъ: читали имъ писаніе,—и видѣли не рѣдко полезныя послѣдствія трудовъ своихъ. Однако нестолько въ этомъ заведеніи, сколько въ небольшой нѣмецкой больницѣ Г. Дильстона въ Англии, гдѣ служатъ *діакониссы*, присланныя изъ Кайзерверта, можно видѣть полное осуществленіе желаній Г-жи Фрай. Тамъ *діакониссы* исполняютъ самыя тягостныя обязанности и съ великимъ самоотверженіемъ и кротостію, способствуютъ къ ихъ физическому и нравственному излѣченію.

Въ 42 году Г-жа Фрай совершила еще

продолжительное путешествіе. Подробности этихъ путешествій, переданныя ея племянницей, которая вмѣстѣ съ отцомъ своимъ и другимъ квакеромъ со-путствовала ей, очень интересны. Мы жалѣемъ, что не можемъ передать ихъ здѣсь. Эти люди, заслужившіе всеобщее уваженіе челоуѣколюбивыми трудами своимъ, съ спокойнымъ достоинствомъ входятъ и во дворецъ царей и въ темницу преступниковъ, не измѣняя своеобразной рѣчи, ни пріемамъ. Почтительно высказываютъ они передъ сильными міра то, что признаютъ за истину; проповѣдуютъ свободу совѣсти; возстаютъ противъ рабства и войны; всѣми мѣрами распространяютъ Священное писаніе, съ горячими словами любви обращаются къ заключеннымъ и страждущимъ; призываютъ преступныхъ къ покаванію, а счастливыхъ—къ дѣламъ милосердія и общей пользы. Г-жу Фрай встрѣтили съ особеннымъ уваженіемъ въ Берлинѣ и Даніи, и тамъ, и здѣсь члены Королев-

скаго Дома оказывали ей особенное сочувствіе. Въ Гамбургѣ она познакоми-
лась съ дѣвицею Сивскенъ, полезныя
труды которой заслуживаютъ особеннаго
вниманія. Вездѣ сближалась она и бесѣ-
довала съ людьми замѣчательными,
горячо сочувствующими дѣлу обществен-
ной пользы. Вездѣ посѣщала она филан-
тропическія учрежденія. Всѣ эти посѣ-
щенія и свиданія подробно описаны ея
біографомъ. Во время этого послѣдняго
путешествія, здоровье ея значительно по-
страдало; надо было спѣшить домой.
Дорогой Г-жа Фрай извѣщаетъ родныхъ
о своемъ болѣзненномъ состояніи; про-
ситъ ихъ не беспокоиться и предать ее
совершенно волѣ Всемогущаго., Однако,
продолжаетъ она, пусть дѣти мои зна-
ютъ, что мнѣ нужны ихъ сочувствіе и
молитвы. Я чувствую, что лучшая по-
мощь близка ко мнѣ, но слышу голосъ
Весельнаго, говорящій: *ты не пой-
дешь дальше, здѣсь остановится твоя
дѣятельность.* Посреди скорбныхъ,

болѣзненныхъ бессонныхъ ночей я испытываю сладостное чувство покоя,— и смущенный духъ мой умиротворяется.“

Семья Г-жи Фрай не думала однако, чтобы слабость и перемены въ ней достигли до такой степени; горько ей было увидѣть ее въ такомъ болѣзненномъ состояніи. Нѣжныя попеченія дѣтей и мужа наполняли ее сердце благодарностію, и она твердо переносила физическія страданія. Надо было отказаться отъ дѣятельныхъ трудовъ; но все время ее было занято и участіе въ тѣхъ вопросахъ, которые столько лѣтъ занимали ее, ничуть не уменьшилось. Она продолжала свою огромную переписку, получала много писемъ отъ лицъ, съ которыми сблизилась во время послѣдняго пребыванія за границей; съ радостію узнавала о послѣдствіяхъ своихъ совѣтовъ и усилій. Отъ другихъ получала описаніе тѣхъ препятствій и затрудненій, съ которыми встрѣчались при исполне-

ни ея плановъ. Къ ней опять безпрестанно прѣзжали за помощью и совѣтами; щедрость братьевъ и близкихъ знакомыхъ доставляла ей средства облегчить много страданій. Она жила въ это время въ тѣсномъ семейномъ кругу; однако мы видимъ ее два раза посреди многочисленнаго собранія. Однажды на обѣдѣ у Лорда Мера, прежняго помощника ея въ дѣлахъ Ньюгата. Тамъ она бесѣдуетъ съ Лордомъ Абердиномъ о политическихъ вопросахъ; съ Лордомъ Станле—о состояніи ссыльныхъ; съ принцемъ Альбертомъ о воспитаніи дѣтей, о тюрьмахъ—о состояніи заключенныхъ. Сирю Роберту Пилю Г-жа Фрай дѣлаетъ много дѣльныхъ замѣчаній о излишней власти, которая предоставляется тюремнымъ сторожамъ, о строгости нѣкоторыхъ наказаній, и проситъ его посѣтить новое зданіе тюрьмы и сдѣлать тамъ нѣкоторыя измѣненія.

Потомъ, мы еще видимъ Г-жу Фрай въ Ньюгатѣ, гдѣ она принимаетъ боль-

шое блистательное общество и Прус-
скаго Короля, прїѣхавшаго въ Лондонъ
на крестины наследнаго Принца. По
своему обыкновенію Г-жа Фрай, не смот-
ря на множество посѣтителей, открыла
Св. писаніе; но прежде она просила при-
сутствующихъ, и особливо заключен-
ныхъ, не развлекаться обществомъ, но
слушать съ пользою и думать о Царѣ Ца-
рей, невидимо здѣсь присутствующемъ.
„Потомъ, пишетъ она, я прочла 12-ю
главу посланія къ Римлянамъ, и долго
бесѣдовала, поощряя слушателей къ люб-
ви, взаимному прощенію и согласію.
Послѣ нѣкотораго молчанія, я сочла
обязанностью, не смотря на внутреннее
колебаніе, преклонить колѣно и мольт-
ся въ кругу этого разнообразнаго об-
щества. Чтобы ни говорили они, я долж-
на, при комъ бы то ни было, всегда
равно служить Богу моему. Я произне-
сла молитву, сперва о преступникахъ и
заключенныхъ, потомъ о сильныхъ міра
и ихъ трудахъ, о присутствующемъ Го-

сударѣ. Молилась, чтобы вѣра истинная во всей чистотѣ, простотѣ и силѣ царствовала въ мірѣ; чтобы ничто не замѣвало ея правды, и чтобы всѣ мы были въ числѣ искупленныхъ Спасителемъ и соединились вмѣстѣ на небесахъ, въ радостномъ хваленіи.

Послѣ этого Король посѣтилъ семейство Г-жи Фрай и обѣдалъ у нихъ. Почтенная чета представила ему на этомъ семейномъ обѣдѣ пятнадцать человѣкъ дѣтей и двадцать пять внуковъ.

Докторъ совѣтовалъ Г-жѣ Фрай подышать морскимъ воздухомъ, и она отправилась въ селеніе брата. Этимъ лѣтомъ она устроила бібліотеку и комнату для чтенія, съ цѣлью отвлечь рыбаковъ отъ кабаковъ и трактировъ. Здѣсь обрадовало ее извѣстіе объ улучшеніи въ судьбѣ ссыльныхъ во время пути и при водвореніи ихъ.

На возвратномъ пути она остановилась у дѣтей, которыя посѣщала въ послѣдній разъ. Свѣтлость ея ума, ра-

душіе и ласки радовали всѣхъ; ко всякому обращалась она со словомъ ободренія и совѣта, никого не забывала она; для всякаго горя и затрудненія придумывала утѣшеніе и помощь.

По возвращеніи домой, Г-жа Фрай встрѣтила тяжелое горе—смерть милой внучки, первой изъ ея 46 потомковъ (крѣмъ дочери Елизаветы), которая умирала въ лѣта полного развитія. Дѣти ея и внуки помнятъ вечернее чтеніе въ день похоронъ. Г-жа Фрай прочла вторую главу 1-го Посланія къ Коринѳянамъ, и потомъ трогательно говорила о маленькой покойницѣ, о прощеніи и искупленіи и молилась за три поколѣнія, ея окружающія.

Здоровье Г-жи Фрай укрѣпилось, и она рѣшилась посѣтить Парижъ. Тамъ началось много такого, что внушало ей сочувствіе, и ей хотѣлось еще разъ видѣться съ близкими ей людьми и возбудить ихъ дѣятельность къ добру. Въ Парижѣ она долго бесѣдовала съ Гизо,

котораго она считала великимъ дѣятелемъ, призваннымъ совершить великіе и благіе перевороты во Франціи, особенно въ дѣлѣ народнаго воспитанія. Какъ ни отличался историко-философъ, по развитію, степени и направленію образованія, отъ личности благотворительной женщины,—строгой послѣдовательницы Евангелія,—но они сходились въ цѣли. Оба старались и стремились къ возвышенію нравственнаго уровня человѣчества. Оба изыскивали средства остановить всякое нравственное и общественное зло. Они говорили о преступленіи, его причинахъ и послѣдствіяхъ,—о средствахъ къ исправленію,—объ обращеніи съ арестантами, о воспитаніи и религіозномъ образованіи. Г-жа Фрай много настаивала на необходимости распространенія Св. Писанія и на изученіи его, какъ на единственномъ средствѣ бороться съ началомъ зла. Г-жа Фрай трогательно описываетъ свиданіе свое съ молодой Герцогиней Орлеанской, которая опла-

живала въ это время неожиданную смерть молодого, даровитого супруга. Въ Парижѣ ее посѣтило общество молодыхъ Грековъ, занятыхъ устройствомъ народныхъ школъ; они просили ея совѣтовъ въ выборѣ учебныхъ книгъ, которыя хотѣли переводить. Во время втораго свиданія съ Гизо, Г-жа Фрай долго говорила о свободѣ вѣроисповѣданій и объ уничтоженіи торговли неграми.

Въ началѣ 43 года болѣзненные припадки весьма усилились. Нервы ея страдали, что причиняло уныніе и тоску, но сила вѣры ея не уменьшилась. Привычки также не измѣнялись. Она всегда строго выполняла все, что могло способствовать къ бодрости и здоровью; и находила, что чистый воздухъ, достаточное движеніе, воздержность, вниманіе къ одеждѣ и опрятность, много способствуютъ къ свѣтлости ума и спокойствію характера. Все это и теперь строго наблюдалось и постоянное самовоспитаніе было теперь ошутительно. Она

поддерживала и помогала тѣмъ, которые за ней ходили, любила, чтобы ей читали; но требовала, чтобы всѣ занятія и домашнія дѣла шли своимъ чередомъ. Мужъ, дѣти и невестка постоянно окружали ее и поочередно служили ей. Много говорила она утѣшительнаго и трогательнаго о твердой вѣрѣ своей, о прежней дѣятельности, выражала любовь роднымъ и служителямъ, часто благодарила ихъ. Нравственныя ея силы то на время укрѣплялись, то снова слабѣли. Но душѣ Г-жи Фрай еще готовились тяжкія испытанія: первымъ— была внезапная смерть любимой сестры. На душу Г-жи Фрай легла тяжкая печаль. Это было не простое сожалѣніе объ умершей; тутъ было какъ будто предчувствіе будущихъ испытаній. Любимый внукъ ея, который находился при ней для развитія и по слабости здоровья, за которымъ она такъ заботливо наблюдала, внезапно умеръ. Дѣти Г-жи Фрай рѣшили послѣ этого несча-

стия перевести ее на новое мѣсто. Она пожелала еще разъ посѣтить молитвенное собраніе квакеровъ. Съ трудомъ принесли ее въ креслахъ. Сынъ ея Вильямъ сѣлъ возлѣ нея. Она нѣкоторое время молчала, потомъ заговорила о блаженной смерти праведника; говорила о понойной сестрѣ и маленькомъ внукѣ, всѣмъ напоминала о необходимости бдительности и постоянства. Потомъ она молилась; милый сынъ ея соединился съ нею въ этой торжественной молитвѣ и это было въ послѣдній разъ.

„Я иду по скорбному пути, писала въ это время Г-жа Фрай; но все таки чувствую, что Госнодь близокъ. Какъ нужны мнѣ ваши молитвы. Кажется, что смерть сестры и внука мнѣ не подъ силу:“

Но испытанія не кончились для скорбной рабы Господней. Милая дочь Вильяма, которая такъ радовала родителей и всю семью, вдругъ занемогла и скончалась. На другой день трое служителей занемогли тою же болѣзнію,—это

былъ скарлатинъ. Но всѣ прежнія огорченія показались ничтожны, когда любимый, уважаемый Вильямъ, хозяинъ счастливаго дома, занемогъ отъ страшной болѣзни. Ужась овладѣлъ всѣми. Дѣти и служители постепеио заболѣвали. Вильямъ умеръ въ чувствахъ чистой вѣры, совершенной преданности волѣ Божіей. „Какъ милосердъ Господь,“ были послѣднія его слова! Можетъ ли мать наша узнать и оставаться въ живыхъ, говорила отчаянная семья? Но вѣра христіанская пересилила любовь матери. Много и безпрестанно плакала она. Библия не выходила изъ рукъ ея, а мысли ея безпрестанно переносились къ вѣчности.

Состояніе молодой вдовы и больныхъ дѣтей сильно ее озабочивало. Она принимала участіе въ малѣйшихъ перемѣнахъ. Другая дочь послѣдовала за отцемъ, и двое предестныхъ младенцевъ легли съ отцемъ въ одну могилу.

„Горе за горемъ, писала она; сестра,

милый внукъ, внучка Юльяна, и наконецъ мой милый, дорогой сынъ Вильямъ! Невыразимо тяжелая потеря; какой онъ былъ сынъ! какой мужъ и братъ! О, я вѣрю, что онъ теперь со Христомъ,—но горе наше неописанно. Господи, поддержи меня, больную и недостойную рабу Твою, среди тяжкаго испытанія. Дай, чтобы вѣра моя не поколебалась, разумокъ не помрачился. Будь близокъ къ намъ, не оставляй бѣдную вдову, и сдѣлай, чтобы тяжелое посѣщеніе было полезно для насъ. Онъ, милое мое дитя, сидѣлъ возлѣ меня на послѣднемъ молитвенномъ собраніи. Помоги намъ всѣмъ, приведи къ Себѣ и къ тому царству вѣчнаго мира и покоя, гдѣ не будетъ ни грѣха, ни болѣзни, ни смерти, ни печали.“

Дѣйствительно тяжелы были испытанія этой избранной рабы Господней. Горести, заботы наполняли послѣдній годъ ея жизни; физическое изнеможеніе ея было ужасно. Дѣйствительно, ника-

кая плоть не воспалится. передъ Господомъ; эта женщина, столь замѣчательная по дарованіямъ, столько энергическая, которая привыкла могущественно дѣйствовать на волю и привычки ближняго,—сознавала свою силу и вліяніе, теперь впала въ состояніе тако-го тяжелаго унывія и слабости, что любящая семья не смѣла желать продолженія ея страдальческой жизни. Она, которая была крѣпка, какъ дубъ, превратилась въ покорное, слабое дитя. Но все таки въ ней были замѣтны привычки строгаго самообладанія; она все придерживалась прежняго порядка въ занятіяхъ;—не удалялась отъ утѣшеній. Много заботилась о всемъ, что происходило въ семействѣ. Въ продолженіи зимы ей было нѣсколько лучше. Трогательно говорила она съ друзьями о прежней своей жизни,—о томъ, что цѣховала свѣта. глубоко унижала ее предъ собственною совѣстію и была причиною скрытаго, но глубокаго страданія; го-

раздо опаснѣе для меня, прибавляла она, было одобреніе маденькаго кружка единовѣрцевъ. Въ этой духовной связи есть искушенія, которыя требуютъ постоянной бдительности.

При усиливавшемся равнодушіи ея къ жизни, въ ней было замѣтно одно постоянное желаніе еще разъ посѣтить Еригамъ,—мѣсто, гдѣ она провела свое дѣтство и молодость. Путешествіе было трудное, но она поѣхала съ мужемъ и дочерью; тамъ она посѣтила многочисленное собраніе, говорила и молилась съ несбыкновенною бодростью и свѣжестью мыслей.

Какъ много испытала она съ тѣхъ поръ, какъ еще веселой дѣвушкой объѣзжала верхомъ окрестности Еригама; съ тѣхъ поръ, какъ зарыдала она отъ проповѣди Севери. Ея горячія стремленія и мечты исполнились, ея желанія благу увѣнчались успѣхами; она дѣйствительно сдѣлалась предметомъ благословенія для многихъ, и путь ея былъ разноо-

бразень и трудень. Она была окомъ слѣпаго и опорю хромаго; голосъ ея былъ встрѣчаемъ благословеніями. Она шла въ царскія палаты просить о страждущихъ, напоминать о забытыхъ и отверженныхъ міра. Тамъ Елизавета не скрывала горькихъ истинъ, когда ей казалось, что она призвана къ обличенію и совѣту. Она безъ страха проникла въ темницу заключеннаго, и не дрогнула отъ прикосновенія безумія; она вскормила и воспитала дѣтей,—и они, по словамъ Соломона, *«восхваляли ее»*. А теперь безпомощная, страждущая, съ ослабѣвшею памятью, съ разслабленнымъ тѣломъ, она снова пришла, чтобы еще разъ поглядѣть на дорогую свою родину.

Послѣднимъ свѣтлымъ лучемъ въ жизни Г-жи Фрай была свадьба ея меньшаго сына, семейный сѣздъ по этому случаю и посѣщеніе нѣкоторыхъ друзей. Ее также обрадовало засѣданіе общества посѣтительницъ тюремъ. Онѣ собирались у нея въ знакъ уваженія къ своей

учредительницѣ. На этомъ засѣданіи она съ участіемъ услышала объ улучшеніяхъ, которыя совершались въ Англійскихъ тюрьмахъ, и сказала трогательное послѣднее слово къ членамъ Общества.

Въ день приѣзда къ ней молодыхъ она еще разъ собрала друзей и знакомыхъ. Въ послѣдній разъ она окружена была ими. Она сидѣла на террасѣ, устѣянной цвѣтами, говорила съ одушевленіемъ, какъ во времена былыя. Между собесѣдниками ея въ этотъ день были: Бунзень (*), Merle d'Aubigné и нѣсколько другихъ замѣчательныхъ людей; они съ участіемъ говорили о многихъ важныхъ общественныхъ вопросахъ.

Во время пребыванія Г. Фрай на берегу моря, она опять заботится о раздачѣ духовныхъ книгъ и распространеніи библиотекъ. Она занимается также внукомъ, — сыномъ Вильяма, и показы-

(*) Извѣстные протестанскіе писатели. Первый занимался преимущественно богословскими, второй историческими трудами.

ваетъ особенную любовь къ нему; иногда посѣщала молитвенныя собранія. Въ поученіяхъ, говоренныхъ ею въ это время, краснорѣчіе ея не рѣдко поражаетъ слушателей; часто говоритъ она о смерти и о необходимости немедленнаго приготовленія къ ней.

Но несмотря на эти вспышки нравственныхъ и физическихъ силъ, постепенное ослабленіе Г-жи Фрай было ощутительно. Замѣтна была также потеря надежды на выздоровленіе, прежняя покорность волѣ Божіей. Съ одушевленіемъ упоминала она о блаженствѣ страдать, будучи членомъ Христовой церкви. Мало помалу она теряла сочувствіе къ дѣламъ житейскимъ, долго и ревностно исполняла волю Божію и для ея дѣятельнаго ума это было сравнительно легкой подвигомъ; теперь же она предалась трудному дѣлу—совершенной покорности. Трогательны были также и дѣтское смиреніе, и благодарность ея въ отношеніи къ окружающимъ. Мужъ и дѣти ея за-

ботливо ходили за ней; впрочемъ она продолжала этимъ лѣтомъ писать, раздавать книги и приводить ихъ въ порядокъ. Раздавать книги, и особенно Библии, было для нея большое наслажденіе. При ней постоянно находился одинъ изъ внуковъ. Прежде чѣмъ она вставала, ей читали псалтырь, покуда она одѣвалась, она любила, чтобъ дѣти разсматривали собраніе раковинъ или большую коллекцію картинокъ и изданій, которыя она для нихъ собирала.

Наканунъ смерти своей, Г-жа Фрай списывала тексты; послѣдній былъ: „Какъ непослушаніемъ одного осуждены были всѣ; такъ праведностію одного всѣ оправданы (Римл. V. 18).

Потомъ она разбирала приготовленные ею выписки изъ Св. Писанія для новаго изданія своей книжечки текстовъ. Въ продолженіе дня въ ней замѣтно было рѣшительное ослабленіе. Семья не покидала ее, по временамъ ей читали Евангеліе, и она слушала и отвѣчала на воп-

росы близкихъ. Утромъ она еще внятно сказала: „ О, милосердый Господи! поддержи и сохрани рабу Твою.“ Это были послѣднія ея слова. Еще сутки прошли въ трудной борьбѣ. Уже занималась заря, и изъ оконъ ея спальни видѣнъ былъ огненный шаръ, выступающій изъ глубины океана, — когда спокойствіе смерти запечатлѣлось на устахъ ея.

Все семейство, родные, знакомые, всѣ почитатели этой необыкновенной личности немедленно съѣхались къ ея похоронамъ. И бѣдные, и богатые толпились за ея гробомъ. Ее положили недалеко отъ дорогаго ей Плашета, и братъ ея, вѣрный ея сотрудникъ и членъ общества квакеровъ, произнесъ надъ гробомъ ея поученіе и молитвы.

Такъ кончилась эта замѣчательная жизнь! Г-жа Фрай умерла 66 лѣтъ и, можно сказать, полвѣка неутомимо трудилась на пользу ближняго, представляя рѣдкій примѣръ истинной, полезной и полной жизни. Она имѣла рѣдкое

счастіе видѣть успѣкъ начатаго ею дѣла, заслужить любовь семьи своей и благодарное сочувствіе общества. Труды ея стоили не малыхъ усилій, она испытала тяжкія минуты внутренняго изнеможенія и недовѣрія; встрѣчала внѣшнія препятствія и осужденіе; но также вполне наслаждалась радостями возвышенными, даруемыми Провидѣніемъ для поддержанія и совершенствованія нашего. Она знала полноту семейнаго счастія; наслаждалась согласіемъ и дружбою образованнаго круга родныхъ и друзей; дѣлила съ ними труды и предпріятія ко благу ближняго. Она пользовалась бесѣдой и сочувствіемъ всего, что современное общество представляло лучшаго, людей одушевленныхъ желаніемъ общаго блага, отличающихся высокою нравственностію. Наконецъ воспріимчивость души Г-жи Фрай къ красотамъ природы была до конца ея жизни источникомъ истинныхъ наслажденій.

Какъ велики и истинны всѣ испытан-

11

ныя ея радости въ сравненіи съ удовольствіями и увеселеніями свѣтской суеты! Но, конечно, эти радости могутъ оцѣнить лишь души неиспорченныя, и онѣ истекаютъ изъ правильной жизни и строгаго сознанія и исполненія своихъ обязанностей.

Высокій примѣръ постоянства, твердости и вѣры представляетъ намъ жизнь Г-жи Фрай. Какъ ни были ошибочны мнѣнія того религіознаго общества, къ которому она принадлежала, какъ ни несовмѣстна съ ученіемъ Апостола устная проповѣдь женщины, — какъ ни прискорбно ея отлученіе отъ таинствъ церкви и ея единства; однако любовь ея ко Христу была такъ велика, такъ усердно служеніе Ему въ лицѣ меньшей сестры, что, конечно, и къ ней обратятся благодатныя слова Спасителя: „Блаженъ бѣхъ и посѣтите Мене, въ темницѣхъ бѣхъ и придосте ко Мнѣ.“

ПОГРЪШНОСТИ.

НАПЕЧАТАНО:

ЧИТАЙ:

Стр. строк.

3. 6. ЛѢБОВЬ

"
2

ЛЮБОВЬ

140. 3 Сивскенъ

Сивекенъ.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ
ЖЕНЩИНЫ.

VI.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЯ

ЖЕНЩИНЫ

АННА МОРЪ

ТВЕРЬ.

**Въ Типографіи Губернскаго Правленія.
1861.**

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. Цензоръ 'Архимандритъ Фотій. 1861 года, Сентября 22 дня.

АННА МОРЪ.

Мы намѣрены представить здѣсь извлеченіе изъ біографіи и писемъ этой замѣчательной женщины, о которой мы кратко уже упомянули въ предыдущей книгѣ, когда описывали труды Елизаветы Фрай. Анна Моръ была не только благотворительная женщина, которая посвятила всю жизнь свою на просвѣщеніе бѣдныхъ,—но и даровитая писательница, имѣвшая сильное и благотворное вліяніе на современное ей Англійское общество. Жизнь ея представляетъ назидательный и утѣшительный примѣръ, какъ должно съ неизмѣнною вѣрностію служить христіанской религіи и трудиться неутомимо и разумно на пользу ближняго. Мы увидимъ, какъ она, дочь бѣд-

454 © Оупъ Бу 3. 5. 517

наго школьнаго учителя, обратила на себя вниманіе современныхъ ей великихъ писателей и была введена ими въ завѣтный кружокъ литературной и политической аристократіи, въ блистательное время Бурка, Гиббона, Джонсона, Вальполя и другихъ. Въ этомъ кругу заслуженные писатели и государственные мужи привѣтствуютъ провинціалку; передъ ней открываются всѣ удовольствія столицы въ самыхъ лучшихъ домахъ. Но ни похвала, ни ласки, ни живо-сознанное удовольствіе умной и просвѣщенной бесѣды не могутъ ослѣпить молодую писательницу. Она не увлекается суетой и внѣшностью свѣтской жизни, не подчиняется общепринятымъ мнѣніямъ и обычаямъ, и въ эпоху колебанія и невѣрія является поборницей строгой нравственности, теплой вѣры, благочестивыхъ обычаевъ, забытыхъ или пренебрегаемыхъ тогдашними представителями просвѣщенія.

Блестящія дарованія и литературная

извѣстность служили ей какъ бы приготовленіемъ къ тому дѣлу, на которое призывало ее Провидѣніе, — къ дѣлу назиданія и обращенія къ Богу соотечественниковъ. Знакомство ея съ разными слоями общества способствовало ея вліянію на всѣ классы народа. На однихъ дѣйствовала она сочиненіями, которыя съ жадностію читались современниками и давали лучшее направленіе женскому воспитанію. Къ другимъ обращала она назиданіе свое въ живой бесѣдѣ въ основанныхъ ею школахъ. Здѣсь дѣйствовала она тысячами статей и рассказовъ, которые быстро распространялись въ народъ; тамъ личнымъ вліяніемъ своего сильнаго характера, замѣчательнаго ума, чистой нравственности, вліяніемъ, о которомъ свидѣтельствуютъ ея современники, и которымъ она направляла дѣятельность и поддерживала рвеніе цѣлаго поколенія молодыхъ священниковъ. Всѣми этими разнообразными средствами Анна Моръ много содѣйствовала тому благо-

дѣтельному перевороту, который совершился въ Англіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія; тому возвращенію къ началамъ вѣры и строгой нравственности, которыя столько способствовали величію и славѣ современной намъ Англіи.

Впечатлительность, остроуміе, живость ума и воображенія Анны приспособляли ее къ требованіямъ тогдашняго общества, которое не легко бы подчинилось вліянію ума болѣе отвлеченнаго—склоннаго къ одному созерцательному благочестію. Она требовала немедленнаго приложенія закона христіанскаго къ жизни; смотрѣла на этотъ законъ, какъ на основаніе всей нашей дѣятельности, какъ на животворящее начало, которое, согрѣвая и одушевляя всѣ способности души, направляетъ ихъ къ одной неизмѣнной цѣли. Въ отношеніи къ себѣ самой Анна Моръ была взыскательна и строга. Блестательныя ея дарованія не мѣшали ей быть простой и добродушной женщиной, усердно исполняющей обязанности се-

нейной жизни; ея ученость и извѣстность не внушали ей гордости, и не дѣлали ее исключительной и нетерпимой, а ея остроуміе смягчалось врожденной добротой. Люди близкіе къ ней признавались, что съ ней хорошо было жить, бесѣдовать, молиться, что при ней легко было исполнять всякое доброе дѣло, и что, въ тишинѣ семейной жизни, ея рѣдкіе таланты скрывались за скромною прелестью кроткаго нрава и обыденныхъ добродѣтелей.

Анна Моръ написала 11-ть томовъ сочиненій; число изданій, чрезъ которыя прошли эти книги, кажется баснословнымъ русскому читателю. Она прожила 87 лѣтъ, изъ которыхъ 57 были посвящены устройству воскресныхъ и другихъ школъ и распространенію грамотности и знанія Священнаго Писанія.

Намъ кажется, что жизнь, посвященная такимъ трудамъ, должна возбудить участіе русскихъ читательницъ, въ особенноти теперь, когда вопросъ о рас-

пространеніи грамотности и о необходимости школъ сильно занимаетъ наше общество, и когда женщины открываются на поприщѣ народнаго воспитанія столь полезная дѣятельность и ожидаетъ ее столь почетное мѣсто въ великомъ дѣлѣ общественнаго развитія.

ГЛАВА I.

—

Отецъ Анны Моръ былъ бѣдный, но образованный школьный учитель; мать — дочь простаго фермера, не получившая никакого образованія, но одаренная природнымъ умомъ и твердой вѣрой. Она принадлежала къ семьѣ сектаторской и любила рассказывать дѣтямъ о тѣхъ гоненіяхъ, которымъ подвергались ея родители за ихъ религіозныя убѣжденія; она приписывала вліянію этихъ первыхъ впечатлѣній свое рвеніе къ вѣрѣ и твердую надежду на Евангельскія обѣтованія. Анна родилась въ 1745 году; у нея было три старшихъ сестры и вскорѣ родилась меньшая, — вѣрная ея подруга, — Марта. Въ дѣтствѣ маленькая Анна удивляла семью своимъ раннимъ развитіемъ; четырехъ лѣтъ она изумила отвѣтами своимъ приходскаго священника, а осьми-

показывала необыкновенную любознательность. Въ домѣ родителей ея было мало книгъ. Г. Моръ лишился всей своей библіотеки во время какого-то переезда. Средствъ приобрести новую не было; но его удивительная память замѣняла недостатокъ книгъ. Онъ сажалъ къ себѣ на колы́ни свою маленькую дочь и, въ продолженіе долгихъ часовъ, рассказывалъ ей про героевъ Греческой и Римской Исторіи. Она жадно слушала и часто просила отца повторять рѣчи любимцевъ своихъ на томъ языкѣ, на которомъ они сами говорили. Она прислушивалась къ Греческимъ и Латинскимъ звукамъ и потомъ внимательно слѣдила за переводомъ. Такъ началось ея знакомство съ древними языками, которые она впоследствии основательно изучила. Моръ особенно любилъ останавливать вниманіе дочери на мудрыхъ изреченіяхъ Плутарха. Анна всегда съ удовольствіемъ вспоминала объ этихъ первыхъ урокахъ и говорила, что они весьма способствовали

къ ея умственному развитію. Замѣчательно то, что старикъ Моръ, обучая ея такимъ образомъ, дѣйствовалъ наперекоръ своимъ предразсудкамъ. Увлекаясь способностями даровитой дѣвочки, онъ сталъ учить ея Математикѣ и Латинскому языку, хотя самъ всегда осуждалъ женскую ученость. Быстрые успѣхи ученицы однако напугали его; уроки математики были оставлены, но изученіе Латинскаго языка и чтеніе классиковъ шло успѣшно. Анна говорила впоследствии, что первоначальное знаніе математики и возбужденное въ ней участіе къ этой наукѣ было ей не бесполезно.

Простая, но умная мать Анны съ большимъ сочувствіемъ слѣдила за ея успѣхами. Нерѣдко вмѣстѣ съ дочерью упранивала она отца прибавить Аннѣ урокъ или приступить къ новой наукѣ,—и позволеніе это не всегда легко доставалось. Въ часы отдыха маленькая Анна исписывала попадавшіеся ей клочки бумаги опытами въ стихахъ и прозѣ, которые показыва-

лись только маленькой сестрицѣ. Тетрадь бѣлой бумаги казалась тогда для Анны самою завидною роскошью; долго она объ ней мечтала. Когда наконецъ мать вручила ей драгоценный подарокъ, то немедленно тетрадь наполнилась перепиской съ вымышленными лицами, которыхъ она обращала на путь истины. Дѣвочка мечтала также о столичной жизни, и, играя съ сестрами, объявляла имъ, что она ѣдетъ въ Лондонъ посмотрѣть на Епископовъ и на ученыхъ; словомъ, мысли ея постоянно были заняты тѣмъ именно, чѣмъ впоследствии вся жизнь ея была наполнена.

Между тѣмъ старшія сестры Моръ стали посѣщать школу, находящуюся въ Бристолѣ; и окончивъ свое образованіе, передавали маленькимъ сестрамъ приобретенное тамъ ими знаніе. Пришедъ въ возрастъ, сестры рѣшились сами открыть школу въ Бристолѣ. Старшей—Саррѣ было въ то время 21 годъ; ея нравственность, основательное знаніе, твер-

дый характеръ внушали довѣріе, а ея добросовѣстные труды приобрѣли ей и сестрамъ ея уваженіе общества и безбѣдную будущность. Старшая Миссъ Моръ взяла къ себѣ Анну, для которой открылась такимъ образомъ возможность закончить свое воспитаніе, основательно изучить современные языки и пользоваться всѣми преимуществами большаго города.

Здѣсь она 16-ти лѣтъ слушала лекціи пріѣхавшаго въ Бристоль поэта Шеридана. Она выразила возбужденныя имъ чувства стихотвореніемъ, которое обратило на нее вниманіе этого извѣстнаго писателя. Въ то же время опасная болѣзнь сблизила ее съ докторомъ, — человекомъ, обладавшимъ замѣчательною ученостію и утонченнымъ вкусомъ. Онъ такъ увлекался бесѣдой своей больной, что во время продолжительныхъ посѣщеній забывалъ спросить объ ея здоровьѣ и съ смущеніемъ признавался въ своей вѣтренности. Въ Бристолѣ Анна позна-

комилась также съ астрономомъ Фергусономъ. Знакомство скоро перешло въ тѣсную дружбу. Фергусонъ читалъ въ это время въ Бристолѣ лекціи популярной Астрономіи. Онъ подвергалъ критикѣ Анны свои лекціи, прежде печати, и она исправляла слогъ ихъ. Такимъ образомъ Анна сближалась по немногу съ современными ей Литтераторами и учеными. Но изъ всѣхъ, кто имѣлъ вліяніе на ея литтературное образованіе,— она съ особеннымъ уваженіемъ упоминаетъ объ одномъ небогатомъ и неизвѣстномъ торговцѣ, жившемъ въ Бристолѣ, который уже обратилъ вниманіе историка Іюма и нерѣдко помогалъ ему и поправлялъ его труды. Анна часто упоминала о необыкновенныхъ дарованіяхъ этого человѣка.

Не менѣе замѣчательнымъ руководителемъ Анны въ изученіи богословскихъ наукъ былъ Докторъ медицины Стонгусъ, который пользовался въ то время большой славой; въ слѣдствіе глубокихъ

религіозныхъ убѣжденій, онъ рѣшился принять санъ священника и поселился въ Бристолѣ почти рядомъ со школою Миссъ Моръ. Тутъ возникла между ними дружба, которая была прервана лишь смертію. Стонгоусъ высоко цѣнилъ дарованія Анны и много способствовалъ къ развитію ея въ духѣ строгаго благочестія.

Во время пребыванія въ Бристолѣ Анна, съ помощію книгъ, которыя она доставала изъ сосѣднихъ библіотекъ, изучила Латинскій, Испанскій и Итальянскій языки, и безпрестанно писала переводы и подражанія своимъ любимымъ поэтамъ. Она показывала близкимъ друзьямъ переводы Горація, драмы Метастазіо, но эти опыты не удовлетворяли ее и истреблялись ею.

Двадцати лѣтъ Анна Моръ испытала огорченіе, которое имѣло вліяніе на всю ея жизнь. Между ученицами ея сестеръ были двѣ дѣвицы однихъ съ нею лѣтъ, которыя убѣдили ее и Марту провести

вакацію въ прекрасной усадьбѣ ихъ родственника. Этотъ родственникъ былъ холостой человекъ, очень богатый и весьма уважаемый. Онъ сблизился съ сестрами и предложилъ Аннѣ свою руку. Она согласилась и стали готовиться къ свадьбѣ, которая, казалось, обѣщала ей счастливую будущность. Но вскорѣ она замѣтила въ женихѣ своемъ такую обидную для себя нерѣшимость, такія колебанія и странности, что, по совѣту друзей, отказала ему и не склонялась уже на новыя его предложенія. Превжній женихъ не переставалъ впрочемъ выражать ей глубочайшее свое уваженіе; а въ послѣдствіи нѣсколько разъ совѣтовался съ друзьями ея о средствахъ обезпечить ея существованіе и дать ей возможность заниматься исключительно литтературою.

Послѣ этого Анна еще отказала другому человекъ, которому внушила сильную привязанность и который остался до конца жизни своей преданнѣйшимъ ея другомъ. Кажется, что за тѣмъ она

никогда уже не помышляла о семейной жизни, — разстроенная ея свадьба, конечно, много способствовала къ ея рѣшенію не выходить замужъ. Посреди такихъ обстоятельствъ, опредѣлившихъ будущую жизнь ея, она никогда не измѣнила той возвышенности чувствъ, той твердости и послѣдовательности нравственныхъ правилъ, которыя руководили ею навсѣхъ путяхъ ея частной и общественной жизни.

Наступило для Анны время исполненія ея дѣтскихъ грезъ; давно мечтала она о томъ, чтобъ посѣтить столицу, услышать стихи Шекспира, передаваемые гениальнымъ актеромъ Гаррикомъ, увидѣть оракуловъ тогдашняго политическаго и литературнаго міра. Сознаніе собственной силы, блестящихъ дарованій неудержимо влекло ее въ столицу — въ завѣтный кругъ лучшихъ представителей просвѣщенія. Сближеніе съ свѣтскою жизнію и ея увлеченіями было для нея безопасно, въ душѣ ея развилась и окрѣпла сила, охраняющая отъ искушеній 2

суеты и лести. Ея умъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ умовъ, въ которыхъ восторженность и впечатлительность мѣряется съ суровою воздержностью. Въ эту эпоху ея жизни, она вполне предавалась естественной склонности души своей—всему изящному, мечтала лишь о томъ, чтобы сблизиться съ великими художниками слова и слушать умную ихъ бесѣду. Но позднѣйшее развитіе должно было привести ее къ иному сознанию, въ послѣдствіи она предпочитала доброту и праведность всѣмъ умствованіямъ и возрѣніямъ, и приносить пользу ближнимъ почитала болѣе великимъ дѣломъ, нежели всякое другое дѣло.

Анна въ первый разъ посѣтила Лондонъ въ 1773 году съ двумя своими сестрами. Вскорѣ послѣ ихъ приѣзда, знаменитый Гаррикъ, прочитавъ письмо, въ которомъ она описывала впечатлѣніе, произведенное его игрою, захотѣлъ познакомиться съ нею. Они произвели другъ на друга самое пріятное впечатлѣніе. У

обоихъ былъ оригинальный умъ, добродушіе, замѣчательныя дарованія при совершенной простотѣ. Кромѣ удивительнаго таланта, Гаррикъ имѣлъ и высокія нравственныя достоинства, заслужившія ему уваженіе всего Англійскаго общества. Около него и жены его собирався блестящій кружокъ знаменитыхъ литераторовъ, знатныхъ любителей искусствъ и политическихъ людей. Между ними особенно выдавались личности Самуила Джонсона, поэта и автора множества уважаемыхъ сочиненій, Бурка, Ренольдса живописца—писателя и директора академіи, богатой, остроумной и блистательной Г-жи Монтасью и многихъ другихъ. Гаррикъ познакомилъ сестеръ Моръ съ этимъ отборнымъ обществомъ. Анна съ смущеніемъ встрѣчалась въ первый разъ съ тѣми, о которыхъ давно мечтала. Престарѣлый Джонсонъ, извѣстный оригинальною рѣзкостью своихъ приемовъ,—внушалъ ей нѣкоторый страхъ, но этотъ заслужен-

ный литераторъ встрѣтилъ ее стихомъ изъ ея поэмы и сдѣлался ея усерднымъ поклонникомъ. Письма Марты къ сестрамъ въ Бристоль выражаютъ чувства молодыхъ провинціалокъ.

«Представьте, милыя, мы были у Джонсона! Да, у самаго велекаго Джонсона! Какъ бились наши сердца, когда мы подъѣзжали къ его дому. Какъ онъ смѣялся надъ нашимъ смущеніемъ и надъ восторгомъ Анны, сколько онъ рассказывалъ намъ любопытнаго о другѣ своемъ Рожерсонѣ!»

Знакомство Анны съ литературнымъ міромъ не только удовлетворило, но и превзошло всѣ ея ожиданія. Она на первый разъ оставалась въ Лондонѣ недолго; но вскорѣ туда возвратилась опять. Чтобы дать понятіе объ этой эпохѣ ея жизни, мы представляемъ нѣсколько отрывковъ изъ ея безыскусственныхъ писемъ къ роднымъ.

«Вчера обѣдала въ отборномъ и остроумномъ обществѣ, въ которомъ обраша-

ли на меня такое вниманіе, что просто было совѣстно; я живо сознавала свое ничтожество, по зависти не испытывала. Г-жа Монтасью-даровитѣйшая женщина и идеаль великосвѣтской изящной привѣтливости. Домъ и все окружающее ее великолѣпно и художественно, но при ней все исчезаетъ и забывается. Она соединяетъ опытность Нестора съ живостью 15-ти лѣтней дѣвочки.»

«На дняхъ», писала Марта, «мы пили чай у Ренольдса съ Джонсономъ. Онъ былъ исключительно занятъ Анной и она была въ духѣ,—говорила очень умно. Онъ былъ веселъ и мы, зрители, слушали и отъ души хохотали.»

«Вчера къ намъ заѣзжалъ Гаррикъ; онъ нашелъ у насъ на столѣ книгу стихотвореній Поне и сталъ читать. Онъ былъ въ ударѣ, рассказывалъ анекдоты, отвѣчалъ на наши вопросы и, по поводу возникшаго между нами спора о декламация, прочелъ различнымъ образомъ нѣсколько стихотвореній.»

Изъ писемъ Анны мы видимъ, что она предавалась удовольствіямъ столицы, но не мирилась съ нѣкоторыми обычаями, несогласными съ принятыми ею правилами и убѣжденіями. Послѣ недолгаго колебанія, она рѣшилась заявить въ ро-ванія свои исполненіемъ благочестивыхъ обычаевъ, пренебрегаемыхъ большинствомъ и съ упущеніемъ которыхъ не могла помириться ея совѣсть.

«Поблагодари добраго Стонгѳеуса, писала она сестрѣ, за его своевременный выговоръ на счетъ воскресныхъ выѣз-довъ. Совѣсть моя уже давно говорила мнѣ объ этомъ, и ежели я еще не имѣю довольно твердости, чтобы отказаться отъ удовольствія, то раскаяніе примѣни-ваетъ къ нему немалую каплю горечи».

«Ты сказала бы, что я и сегодня за-служиваю такой же выговоръ; я объда-ла въ гостяхъ, хотя день воскресный. Но на этотъ разъ я не жалѣю о томъ. Я сегодня не испытывала того томитель-наго чувства сожалѣнія и неудовольствія,

которое оставляет послѣ себя свѣтская пустая суета. Я обѣдала съ замѣчательно-благочестивыми женщинами; но все же прибавлю, что и онѣ напрасно не соблюдаютъ воскресныхъ дней. Ихъ разговоръ, конечно, назидателенъ, но въ этомъ отношеніи примѣръ вреденъ. Не берусь передавать всего, что было сказано за обѣдомъ дѣльнаго и полезнаго, скажу только одно: — чѣмъ ближе нахожусь къ великимъ и славнымъ міра, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ мелочности и несовершенствѣ всего преходящаго; тѣмъ болѣе сознаю, что никакое земное наслажденіе не можетъ удовлетворить алканія живущаго въ насъ вѣчнаго духа! Одно вчерашнее общество могло бы доказать мнѣ, что на трудъ созданъ человѣкъ, и что ни богатство, ни дары ума, ни таланты, ни почести, не спасаютъ отъ общей участи. Женщины, съ которыми я вчера находилась, всѣ поставлены въ исключительное положеніе, одарены всѣми бла-

гами міра, и что же? По разнымъ причинамъ всѣ равно несчастны! Ты скажешь, что я указываю только на одну сторону челоѳчества,—на ея изнанку, но нѣтъ, повѣрь, это ея дѣйствительная, настоящая сторона.»

Анна возвратилась въ Бристоль и тамъ написала небольшую поѳму, которую, по возвращеніи своемъ въ Лондонъ, представила, не безъ волненія, одному извѣстному Лондонскому книгопродавцу. Онъ сей часъ предложилъ за нее цѣну, превосходящую самыя честолюбивыя ея надежды. Этимъ начались, съ будущимъ издателемъ всѣхъ ея сочиненій, тѣ дружескія отношенія, которыя прекратились лишь со смертію.

Въ 1777 году Анна писала изъ Лондона; «Вчера былъ одинъ изъ тѣхъ свѣтлыхъ дней, которые рѣдко выдаются въ челоѳческой жизни. Мы обѣдали у Гаррика, онъ былъ невыразимо пріятенъ. Потомъ мы поспѣшили домой, потому что ждали Джонсона; кажется,

я никогда еще не проводила вечера въ разговорѣ болѣе пріятномъ и вмѣстѣ на-видательномъ. Бесѣда его была исполнена и ума, и благочестія. Для того, что бы наслаждаться ею, надо видѣть Джонсона съ глазу-на-глазъ; въ обществѣ онъ рѣдко бываетъ такъ разговорчивъ. Послѣ чего онъ сталъ читать мои двѣ поэмы, сдѣлалъ нѣсколько поправокъ, передѣлалъ цѣлую строфу. Онъ сидѣлъ до 12 часовъ и я не смущалась его добротой, не суетилась и не угощала его. За то я подумала о томъ, какъ бы ты хлопотала на моемъ мѣстѣ, и какъ твои посланные летали бы во всѣ стороны за цыплятами, спаржей и виномъ для дорогаго гостя. Полюбуйся воздержанію благовоспитанныхъ столичныхъ жителей.»

«Г-жа Монтасью подшучиваетъ надъ нѣжностью ко мнѣ стараго поэта и говоритъ, что я должна ожидать предложенія. На дняхъ, послѣ долгой бесѣды и умныхъ рѣчей о литературѣ и критикѣ, Джонсонъ вдругъ ко мнѣ обернулъ

ся и посмотрѣвъ на меня тѣмъ добрымъ взглядомъ, который надо видѣть, чтобы понять, сказалъ: «я слышалъ, что вы заняты полезнымъ и достойнымъ дѣломъ — обученіемъ молодыхъ дѣвицъ»? Тогда мы стали раеказывать ему всю исторію нашей жизни и говорили такъ довѣрчиво и просто, какъ будто бы передъ нами былъ нашъ добрый Стонгоусъ. Мы рассказали о семьѣ, рожденіи, воспитаніи нашемъ, о томъ—какъ съ лѣтами усиливались нужды наши, несоразмѣрныя съ средствами для ихъ удовлетворенія, какъ росъ аппетитъ, а въ домѣ у насъ не доставало хлѣба, и какъ мы рѣшились отыскивать счастье на чужой сторонѣ, взяли суму да бутылку съ водой и поселились въ большомъ и совершенно пустомъ домѣ, —и какъ тутъ мы вспомнили, что есть у насъ товаръ, который пригодится намъ при недостаткѣ всякаго другаго—именно есть немного знанія,—и стали отпускать его за деньги тѣмъ, у кото-

рыхъ его оказывалось еще меньше, чѣмъ у насъ, и какъ мы такимъ средствомъ набрали порядочное число гиней,—но, увы, не умѣемъ беречь ихъ. „Я влюбленъ въ васъ, закричалъ, прерывая меня, нашъ обожатель! Я влюбленъ въ васъ обѣихъ!—нѣтъ, не въ обѣихъ, а во всѣхъ пять! Я никогда не былъ въ Бристолѣ; поѣду нарочно, чтобы на всѣхъ васъ посмотрѣть, полюбоваться пятью женщинами, которыя живутъ вмѣстѣ и живутъ счастливо. Поѣду непременно! Я провелъ счастливый вечеръ, я радъ, что пришелъ. Да благословить и поддержать васъ Господь! Ваша жизнь должна бы заставить краснѣть нашихъ праздныхъ Герцогинь.“ Онъ прощался съ нами такъ дружественно и нѣжно, что глубоко насъ тронулъ.»

«Повѣрите ли мнѣ, когда скажу вамъ, что среди суеты и прелестей этого грѣшнаго города я рѣшилась неутомимо учиться и работать. Каждый день читала въ продолженіи четырехъ или пяти

часовъ:—вчера не менѣе десяти часовъ писала. Не знаю, долго ли продлится такое прилежаніе,—боюсь какъ бы оно не исчезло съ возвращеніемъ хорошей погоды.»

«Ренольдсъ написалъ прекрасную картину, изображающую юнаго Самуила. Онъ негодуетъ на вопросы посѣтителей объ ея содержаніи. Знать Библию—теперь не въ модѣ, авось художники черезъ посредство живописи и музыки познакомятъ съ содержаніемъ Священнаго Писанія тѣхъ, которые страшатся его духа и равнодушны къ его истинамъ.»

Г Л А В А II.

Анна все болѣе и болѣе сближалась съ Лондонскимъ обществомъ; она пріѣзжала на нѣсколько мѣсяцевъ въ сто-

лицу и жила то въ городѣ, то въ красивомъ помѣстьѣ Гаррика; оттуда посѣщала замки сосѣднихъ богачей, гдѣ собирались лучшіе представители тогдашняго большаго свѣта. «Можетъ ли быть жизнь пріятнѣе, сообразнѣе съ мовимъ вкусомъ,—моей теперешней жизни!—Я совершенно независима; располагаю своимъ временемъ, какъ хочу, а между тѣмъ у меня всегда подъ рукой самое пріятное, радужное и образованное общество. Наши завтраки—маленькія литературныя засѣданія: Общество всегда собирается къ столу,—этимъ сберегается время для занятій, а Гаррикъ очень цѣнитъ и свое и чужое время. Время отъ обѣда до чаю, мы проводимъ въ веселыхъ разговорахъ. Прочее время занимаемся. Шумныхъ собраній я избѣгаю».

«Мы опять прожили три дня въ Гамптонѣ; въ первый день насъ посѣтили наши знатные сосѣди Пемброки, а на другой день мы обѣдали въ Ричмонсѣ у Ренольдса. Общество было отборное и

пріятное, но слишкомъ многочисленное. Ни одного изъ гостей не хотѣлось бы выключить, но пріятнѣе бы было всѣхъ ихъ видѣть порознь. Тутъ были: Гиббонъ, Еліотъ, всѣ три Бурка, Меръ Магонъ и много другихъ. Политическіе споры были очень оживлены и много было смѣху.»

Въ то время Анна еще посѣщала театръ, на которомъ Гаррикъ являлся въ послѣдній разъ передъ публикой въ роляхъ Шекспира. Въ 1776 г. появилась на сценѣ трагедія, написанная ею самой, *Перси*. Это драматическое произведеніе надѣлало много шума и имѣло большой успѣхъ.

«Дружба Гарриковъ не выразима, писала Анна: они такъ заняты будущимъ представленіемъ *Перси*, такъ одушевлены надеждой успѣха, а я предсказываю несъ неминуемое паденіе.»

«Гаррикъ вложилъ мнѣ перо въ руки,» писала она въ другой разъ, «и велѣлъ вамъ сказать, что все было имен-

но такъ, какъ должно было быть. Я ноѣхала съ Гарриками, сидѣла въ углу ложи и вела себя прилично. Успѣхъ превзошелъ и мои ожиданія и достоинство пѣсы.»

«Сегодня пѣса принята еще лучше,» писала Анна послѣ втораго представленія; «многіе даже мужчины плакали; дѣйствительность превзошла самыя честолюбивыя грезы».

Успѣхъ Перси былъ событіемъ Лондонскаго сезона. Англійская знать, всегда горячо сочувствующая всякому національному таланту, расточала передъ авторомъ лесть, похвалу, ласки.

Потомки воспѣтыхъ ею Перси считали долгомъ выражать ей особенную благодарность. Литтературная слава доставляла ей и почести и деньги. Но всѣ эти успѣхи не ослѣпляли ее, и она, поживъ въ Лондонѣ, каждый годъ съ тою же веселостію и неизмѣнной простотой, возвращалась къ скромной жизни Бристольскаго пансіона. Между тѣмъ ея

религіозное направленіе все болѣе и болѣе обозначалось. Близкіе знакомые, уважая ея убѣжденія, не приглашали ее по воскресеньямъ, и многіе не безъ irony замѣчали, что она принадлежитъ къ партіи христіанъ.

Смерть Гаррика была тяжкимъ ударомъ для Анны; это событіе, случившееся въ 1779 году, было переломомъ въ ея жизни. Его дружба и общество приковывали ее къ Лондону. Послѣ его смерти въ душѣ ея заговорила врожденная склонность къ уединенію и къ лучшему употребленію нравственныхъ силъ своихъ. Впрочемъ ей было не свойственно поддаваться внезапному дѣйствию потрясающаго впечатлѣнія и принять необдуманное рѣшеніе. Она еще пять лѣтъ послѣ смерти Гаррика продолжала посѣщать Лондонскихъ друзей и проводить съ ними большую часть года.

Первые года были почти исключительно посвящены неутѣшной вдовѣ Гаррика; тихую скорбь которой Анна тре-

гательно описываетъ. Часто видѣлась она также съ Леди Монтасью и добрымъ Джонсономъ, котораго силы замѣтельно унадели. „Онъ слабъ, писала она, но ушь его сокращаетъ все свое могущество. Иногда его слушаешь, не зная чему ибудь не выкулишься: онъ, или высказаетъ новую мысль, или съ оригинальной и новой точки вѣршия представить старое.“

„Джонсонъ былъ у насъ; Г-жа Гаррикъ говорила о своемъ горѣ, — онъ — о рѣдкихъ качествахъ ея мужа. Потому онъ сталъ меня дразнить за мое пристрастie къ Паскалю и говорилъ, что не прилично мнѣ, провостанткѣ, защищать писателя Латинской церкви. Я было принялась спорить, но онъ остановилъ меня, схватилъ за обѣ руки и со слезами на глазахъ и голосомъ, который меня глубоко тронулъ, сказалъ: «спино, идитъ, я сердечно радъ; когда ты читаешь хорошия книги, къмъ бы онѣ не были написаны.»

«Я по-уши зарыта книгами, прочла три тома Гиббона:—*Исторія паденія Восточной имперіи*. Краснорѣчивое и лукавое описаніе грустнаго времени! Тяжело читать о заблужденіяхъ и ошибкахъ Христіанъ. Но Гиббонъ умышленно усиливаетъ темныя краски картины; онъ упоминаетъ объ нихъ съ языческимъ злорадствомъ. Правда, онъ иногда старается скрыть свои чувства; но когда онъ упоминаетъ о христіанскомъ Государѣ или Епископѣ, извѣстной, неоспоримой добродѣтели, то похвала его такъ холодна, восторгъ такъ презрителенъ, что тамъ, гдѣ выражается одобреніе, угадывается насмѣшка, или ненависть. Но странно то, что изъ всѣхъ отцевъ церкви, строгій Аванасій рѣшительно его любимецъ. Кто бы могъ этого ожидать! Что Юліанъ ему по сердцу,—это понятно.»

«Бѣдный Джонсонъ плохъ, его организмъ совершенно разстроенъ. Какое это для меня горе! Мы лишаемся лучшаго

защитника вѣры и истины. Въ немъ чудесное соединеніе самыхъ противоположныхъ качествъ. Можетъ быть онъ слишкомъ нетерпимъ въ своихъ мнѣніяхъ, не довольно мирится съ недостатками друзей своихъ, а между тѣмъ какъ горячо любить каждаго изъ нихъ!»

«Отгадайте, кто былъ моимъ чичероне въ Оксфордѣ? Самъ Джонсонъ! Вы не повѣрите, съ какимъ одушевленіемъ водилъ онъ меня по всѣхъ угламъ той коллегіи, въ которой онъ воспитывался; съ какимъ чувствомъ показывалъ онъ мнѣ комнаты, занимаемыя имъ и его друзьями. «Насъ было, говорилъ онъ, цѣлое собраніе пѣвучихъ птицъ». Съ восторгомъ описывалъ свои дѣтскія радости и игры. Въ общей комнатѣ мы нашли прекрасный портретъ Джонсона съ приписною подписью изъ поэмы Анны Моръ. Это обстоятельство насъ позабавило. Но какъ слабъ, какъ истощенъ нашъ Джонсонъ, не смотря на всѣ его старанія—казаться бодрымъ.»

Покуда Анна слѣдила за дорогою для нея потухающею жизнью, она была поражена извѣстемъ о смерти престарѣлаго отца своего. Испытаніе было велико, но она съ благодарностію вспоминаетъ о его примѣрной продолжительной жизни и о томъ, что онъ до конца сохранилъ всю свѣжесть силъ и что онъ не испыталъ тяжкихъ страданій.

Въ продолженіи 83 и 84 года мы находимъ еще описаніе нѣкоторыхъ оживленныкъ собраній и пріятныхъ бесѣдъ, проведенныхъ въ кругу Лондонскихъ друзей. Литтературныя занятія также шли своимъ чередомъ. Въ продолженіи этихъ годовъ было написано нѣсколько стихотвореній и драматическихъ сочиненій, которыя встрѣчались рукошесканіями публики и одобреніемъ критиковъ. Изъ одного письма мы видимъ, что, по желанію Короля, Анна списываетъ для него свою поэму, о которой Джонсонъ выражается съ похвалою, и говоритъ, что лучшіе поэты Англии не отка-

лись бы конечно подписать подъ нею имя свое, и потомъ прибавляетъ, что считаетъ себя не послѣднимъ судьей въ такомъ дѣлѣ. Въ другомъ письмѣ мы читаемъ: „Наша Панси разбогатѣетъ; поэма, которую я ей подарила, печатается девятымъ изданіемъ. Я негодую на вкусъ публики, разобравшей десять тысячъ экземпляровъ сочиненія, котораго сама не могу рѣшиться перечестъ.“

Между тѣмъ силы Джонсона слабѣли, и Анна наконецъ потеряла добраго своего друга. Она не присутствовала при его смерти, но съ участіемъ описываетъ это событіе и обстоятельства, ей переданныя ихъ общими друзьями; проявленіе его трогательнаго благочестія, предсмертную молитву о обращеніи невѣрующаго врача, которая сильно подѣйствовала на сего послѣдняго, и просьбу умирающаго къ другу своему Ренольдсу о томъ, чтобы онъ общался читать Библію и не работать по воскреснымъ днямъ.

Г Л А В А III.

—

Аниѣ Моръ удалось наконецъ выполнить давнишнее желаніе свое, усиливавшееся въ ней по мѣрѣ того, какъ возрастала у ней потребность въ жизни болѣе уединенной, болѣе согласной съ ея религіозными убѣжденіями. Она приобрѣла хорошенькую дачу недалеко отъ Бристоля и рѣшилась проводить тамъ большую часть года. Впрочемъ она во всю жизнь продолжала ежегодно посѣщать Лондонъ, радовалась свиданію съ друзьями и цѣнила просвѣщенную бесѣду умныхъ людей. Изъ одного письма мы видимъ, что она увлекается анекдотами и живымъ разговоромъ Гораса Вальполя.

„Я посѣтила его больнаго, пишетъ она;—какъ онъ остроуменъ, заинтере-

лень, пріятель, не смотря на страданія; онъ сказалъ много забавнаго объ моей новой поэмѣ, упоминалъ о моемъ посвященіи и о лестныхъ въ немъ для себя выраженіяхъ, и увѣрялъ, что я безсовѣстно обманываю читателей. Онъ терпѣливъ и покоренъ; но, увы, эти чувства внушены ему не убѣжденіями вѣры! Впрочемъ, я должна по справедливости сказать, что кромѣ невинныхъ шутокъ, которыми онъ меня дразнить постоянно за мою, будто бы чрезмѣрную, суровость, я не слыхала отъ него ни одного слова, которое могло бы служить даже намекомъ на его вѣріе.“

«Недавно, на небольшомъ вечерѣ, я много говорила съ Буркомъ; онъ бесѣдовалъ со мною такъ дружелюбно, что вся моя старая привязанность къ нему воскресла. Тутъ было много остроумныхъ членовъ оппозиціи, между прочимъ, Лордъ Нортъ, который разсказывалъ много занимательнаго.“

Изъ другихъ писемъ мы видимъ, что на нее нападаютъ всѣ ея друзья: Буркъ, Ренольдъ и другіе, за то, что она совершенно отказалась отъ театра, и описываютъ ей прелестную игру актрисы Сиддонсъ въ „Перси,“ историческую словы изъ глазъ Фокса. Она, смѣясь отвѣчаетъ, что кто не поддается желанію видѣть пьесы Шекспира, тому не трудно отказаться отъ произведеній автора „Перси.“ Между тѣмъ сочувствіе ея къ современнымъ политическимъ и общественнымъ вопросамъ еще болѣе усиливается. Въ письмахъ ея безпрестанно упоминается о двухъ великихъ событіяхъ того времени:—объ отдѣленіи Америки и Французской революціи. Съ особеннымъ участіемъ пишетъ она о вопросѣ уничтоженія торговли неграми.

«Какъ я рада, что нашъ общій другъ назначенъ на Лондонскую епархію. Это дастъ ему возможность имѣть вліяніе на дѣла Индѣйскихъ колоній, и можетъ принести большую пользу вопросу бла-

кому моему сердцу, которымъ я много занималась въ продолженіи пылѣющей весны. Я въ это время часто встрѣчала молодаго человѣка, который взялся за это дѣло со всею ревностію Апостола. Онъ сталъ часто ко мнѣ ѣздить и увлекъ къ этому дѣлу все мое сочувствіе, все небольшое мое вліяніе. Будущей весной проэктъ объ уничтоженіи торговли невольниками въ Африкѣ будетъ предложенъ Парламенту. Уже болѣе ста членовъ обѣщали поддержать его своими голосами. Добрый другъ склоняетъ къ этому же каждыя, у кого есть сердце. По моему, въ лѣтописяхъ человѣчества не обсуживался еще болѣе животрепещущій вопросъ.»

Молодой проповѣдникъ освобожденія былъ добродѣтельный Вильберфорсъ, одинъ изъ будущихъ политическихъ дѣятелей Англій, извѣстный своимъ высокимъ благочестіемъ и человеколюбивыми трудами, сотрудникъ и помощникъ Анны. Дружба ихъ началась уничтоже-

ніемъ права обладанія и продажи чело-
вѣка, и укрѣпилась общими трудами для
просвѣщенія народа.

Въ это время Анна сблизилась съ ува-
жаемымъ священникомъ и извѣстнымъ въ
то время духовнымъ писателемъ Невто-
номъ; онъ сдѣлался истиннымъ ея дру-
гомъ и повѣреннымъ ея внутренней жи-
зни.

«Я совершенно убѣждена, писала она
къ нему, въ необходимости признавать
руку Провидѣнія въ великихъ и малыхъ
обстоятельствахъ нашей жизни. Но мнѣ
нужно болѣе яснаго, положительнаго со-
знанія этой великой истины. Помоли-
тесь обо мнѣ,—о томъ, чтобы умъ мой
былъ тверже, духъ покорнѣе и чтобы я
готова была все принять, не одну смерть,
но и всѣ обыденныя печали и неприят-
ности, которыя встрѣчаются въ жизни».

«Кромѣ посѣщеній сестеръ, пишетъ
Анна ему же, и двухъ мѣсяцевъ, про-
веденныхъ въ Батѣ для поправленія здо-
ровья, я живу почти безъвыѣздно въ сво-

емъ одинокомъ домикъ, построенномъ два года тому назадъ. Онъ въ десяти миляхъ отъ Бристоля. Окрестности чрезвычайно живописны; эрмитажъ мой— совершенство! Уходъ за цвѣтами доставляетъ мнѣ большое удовольствіе и полезенъ моему здоровью. Но скажите, мнѣ ли одной свойственно составлять планы идеальной добродѣтели въ обстоятельствахъ, несуществующихъ и невыпытанныхъ, и пренебрегать непосредственными обязанностями дѣйствительной жизни? Мнѣ казалось, что когда исполнятся мои мечты, когда буду обладать желаннымъ пріютомъ, то сдѣлаюсь удивительно добра, воспользуюсь досугомъ, чтобы утвердиться въ правилахъ мудрости; я думала, что лѣтніе мѣсяцы въ деревнѣ будутъ невозмутимымъ временемъ покоя и добродѣтели и дѣйствительно я обрѣла покой, но добродѣтели не вижу. Я счастливѣе здѣсь, чѣмъ среди свѣтскаго шума, но я не добрѣе; я знаю, что есть время для исправленія, но не

чувствую расположенъ къ тому; наконецъ со стыдомъ сознаюсь, что мелкія невинныя занятія могутъ удалять сердце мое отъ Бога не менѣе свѣтскихъ удовольствій. Ежели для чистаго все чисто, то что же должна я сказать о себѣ, для которой ухоть за цвѣтами обращается въ дурное дѣло, потому что оно отнимаетъ у меня все время и овладѣваетъ рѣшительно и вниманіемъ, и сердцемъ, и всѣми способностями моими? Вы, конечно, сознаетесь, что равно дурно все, что отдаляетъ отъ цѣли: колода картъ, или связка розановъ, въ этомъ случаѣ одно и тоже! Вся жизнь проходитъ въ желаніи превозмочь это расположеніе. Время идетъ, а исправленіе не начинается!»

Естественно, что при такихъ, убѣжденіяхъ и религіозномъ настроеніи Анны Моръ, ее должно было сильно озабочивать направленіе современнаго ей общества. Въ ней постоянно развивалось сознаніе того, что ея убѣжденія обязываютъ ее не къ одному только сожалѣнію,

но и къ обличенію. Она мужественно выступила на бой и написала книгу, въ которой осуждала обычаи общества, указывала на преступное уклоненіе знатныхъ и просвѣщенныхъ людей отъ соблюденія благочестивыхъ обычаевъ и обрядовъ, и говорила о вредномъ, соблазнительномъ дѣйствіи такого примѣра. Она доназывала, что и внутренняя и внѣшняя жизнь должны быть постояннымъ исповѣданіемъ вѣры нашей, и что соблюденіе благочестивыхъ правилъ одно можетъ дать воспитанію и семейной жизни религіозное направленіе.

Она въ особенности сожалѣла о нарушеніи святости воскреснаго дня. Здѣсь не мѣсто вступать въ разсужденіе о сравнительной важности тѣхъ обычаевъ, о которыхъ упоминаетъ Анна Моръ, и о необходимости именно такого соблюденія воскреснаго дня, какое она предписываетъ. Она, за неимѣніемъ церковнаго преданія, руководствовалась тѣмъ объясненіемъ писанія, которое было освяще-

но почетнымъ народнымъ обычаемъ. Конечно она не ошибалась въ томъ, что вѣрованіе должно непременно выражаться жизнью, и что самая виѣшняя сторона ея должна быть подчинена правиламъ той церкви, которую мы признаемъ за истинную,—того христіанскаго общества, членами котораго мы себя рѣшили признавать. Она справедливо вѣрила, что безъ такого соблюденія, благочестивое воспитаніе невозможно, и что наше уклоненіе отъ закона или равнодушное, неохотное, полужскренное подчиненіе тѣмъ правиламъ, которыя служатъ выраженіемъ вѣчныхъ основныхъ истинъ нашего существованія, много причиняютъ вреда нашей духовной жизни.

Чтобы вполне оцѣнить, какъ труденъ былъ подвигъ, совершенный нашей писательницей обнародованіемъ мнѣнія ея о нравахъ и обычаяхъ знатныхъ людей, надо вспомнить, въ какомъ положеніи она находилась въ томъ обществѣ, на недостатки котораго она такъ смѣло напа-

дала. Въ книгѣ ея высказывалась не завистливая и желчная критика женщины обманутой и оттолкнутой свѣтомъ, но чистосердечный и искренній упрекъ тѣмъ людямъ, которыхъ она уважала и любила, въ кружку которыхъ ее привѣтствовали ласково, въ душѣ которыхъ дѣйствительно было много такого, чѣмъ можно было восхищаться, чего нельзя было не цѣнить.

Она дорожила добрымъ расположеніемъ друзей своихъ, знала, что можетъ лишиться его, но заботилась только объ истинной, —душевной ихъ пользѣ. Въ литературной дѣятельности изданіе этой книги было для нея поворотной точкой. Съ тѣхъ поръ Анна посвятила всѣ способности свои на служеніе Богу и назиданіе своихъ соотечественниковъ. Твердо шла она по этому пути подъ руководствомъ Того, Кто соблюдаетъ входы и исходы народовъ, вѣрующихъ въ Него.

«Во все это время, писала Анна къ сестрѣ, я работала въ продолженіи цѣ-

лаго дил и часто нѣтъ, писала и про-
 вой и стихами. Книга моя теперь передъ
 публикой съ громкимъ заглавіемъ: «Мы-
 сль о вліяніи обычаевъ и привычекъ зна-
 пыть людей на цѣлое общество.» Я ча-
 сто, живя въ свѣтѣ, боялась, какъ бы
 люди, мнѣнія которыхъ я не раздѣляю,
 не подумали, что я соглашаюсь съ ними:
 случалось мнѣ рѣзко и често высказы-
 вать свои убѣжденія, но чаще я стара-
 лась избѣгать разговоровъ, прямо каса-
 ющихся до предметовъ вѣры; я находи-
 ла, что полезнѣе выводить изъ случаевъ
 обыкновенныхъ наидательныя и суро-
 выя истины и ими противодѣйствовать
 вліянію вредныя, легкомысленныхъ су-
 жденій свѣтскихъ людей. Такимъ обра-
 зомъ мнѣ удавалось иногда привести въ
 некоторую пользу, и это допускается въ
 большомъ свѣтѣ. Тамъ порокъ охотно
 порицается, и не всѣ порочны; но общий
 уровень нравственности свѣтскихъ людей
 очень низокъ и вовсе не тотъ, который
 предписанъ закономъ Христовымъ. Въ

моей книжкѣ я въ-глубь не уходила; я ограничилась повѣрливымъ указаніемъ на наиболее замѣтныя и принятыя уклоненія. Ежели эта попытка удался, то, съ благословеніемъ Божіимъ, надѣюсь указать на самый корень и начало зла. Книга выходитъ безъ моего имени, не изъ страха человѣческаго, но ее, быть можетъ, припишутъ лицу, внушающему болѣе довѣрія, и притомъ, я чувствую, какъ несообразна моя собственная жизнь съ моею проповѣдью. Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что книга окажется не бесполезною, хоть для нея самой. Да будетъ она залогомъ моихъ убѣжденій и побужденіемъ къ лучшему приложенію ихъ въ жизни моей!»

«Я очень занята своею поэмою: «*Неволя*». Жалѣю, что ранѣе не принялась ее писать. Второпяхъ трудно написать что-нибудь порядочное: но что бы ни вышло, необходимо, чтобы поэма эта была кончена къ тому времени, когда вопросъ о неграхъ поступитъ въ Парламентъ»

ментъ; въ этой современности заключается все достоинство сочиненія, а безъ нея она ни гроша не будетъ стоить. Она выйдетъ съ моею именованъ; но что касается до моей книги: о влияніи обычаевъ и привычекъ знатныхъ людей на общество, она покрыта пока еще тайной. Итакъ объ ней не говорите».

Тайственная книга, какъ видно, пробилась въ большой свѣтъ; имя автора подозрѣвали, но самъ онъ не открывался. Сперва думали-было, что ее написалъ Вильберфорсъ; Лордъ Елиизъ увѣрилъ въ этомъ Лондонскаго Епископа; но это не оправдалось. Лордъ отправился къ мнѣному автору и нашелъ его съ этой книгой въ рукахъ; Вильберфорсъ тутъ же сталъ хвалить книгу, что уничтожило всякое подозрѣніе. Потомъ ее приписывали самому Епископу. «Когда правда обнаружится, то передо мною конечно затворятся многія двери. Удаюсь тогда въ свою милую хижину. Мнѣ безпрестанно случается слышать разговоры

и впріямъ о моей книгѣ, — и на меня перѣдко обращаются испытующіе взоры друзей. Что касается до *Нисола*, критика встрѣтила ее снисходительно. И я получила по поводу этого сочиненія много пріятныхъ и лестныхъ писемъ.»

«Я удивляюсь незаслуженному усиѣху моей книги. Нахожу ее вездѣ и особенно въ домахъ нашей знати. Одинъ мой пріятель вдругъ ко мнѣ подошелъ и рѣшительно сказалъ: «Наши дамы вамъ все уступятъ, но не требуютъ, чтобы парикмахеры не ходили чесать головы ихъ по Воскресеньямъ, — этого не дождетесь!» Я сдѣлала удивленный видъ».

«Пятое изданіе моей книги теперь печатается», писала Анна вѣскольکو мѣсяцевъ послѣ появленія книги въ свѣтъ. «Теперь я занята чтеніемъ третьей книги Гиббона; тоже напыщенное изложеніе, — тоже глумленіе надъ Христіанствомъ, — тоже принужденное подражаніе пріемамъ французскихъ писателей, и вмѣстѣ съ тѣмъ — какою бездна знаній, и именно о

предметъ, который доселѣ мало былъ изучаема. Надо признаться, что книга эта будетъ всегда на-ряду замѣчательныхъ произведеній. Много въ ней достоинствъ, но еще болѣе надѣляетъ она вреда.»

«Порядовались ли вы тому, что Питтъ сдержалъ слово, данное Вильберфорсу, и что вопросъ о неграхъ уже поступилъ въ Парламентъ? Ежели бы я была язычницей,—я бы Питту воздвигла алтарь; онъ теперь на вышинѣ земной славы. Но какое это опасное, скользкое мѣсто! Не смотря на заботы его и волненія, причиненныя политическими событіями и болѣзью Короля, Питтъ сохраняетъ все спокойствіе духа. Къ нему на дняхъ заѣзжалъ одинъ мой пріятель;—Питтъ послѣ утомительнаго дня и долгихъ преній громко читалъ Мильтона и говорилъ, что мысли его были до-того сосредоточены на содержаніи поэмы, что онъ забылъ, были ли на свѣтѣ другіе люди, кромѣ Адама и Евы. Это, повидимому, ничтожное обстоятельство, доказываетъ си-

лу дѹха; способнаго въ одну минуту свергнуть съ себя тяжелое бремя государственныхъ заботъ и находить отдохновеніе въ такомъ чистомъ и высокомъ занятіи. Я хотѣла писать вамъ о славномъ, много обещающемъ открытіи великаго вопроса о неграхъ, но не успѣла; такъ много въ этотъ день пришлось писать и принимать посѣщеній и поздравленій. Епископъ Лондонскій нависалъ мнѣ въ семь часовъ утра,—надѣясь, что первый передастъ мнѣ радостное извѣстіе;—но Леди-Миделтонъ предупредила его и писала мнѣ ночью. Питтъ и Фоксъ въ союзъ—сила несокрушимая! Вечеръ прошелъ самымъ пріятнымъ образомъ: мы слушали чудное пѣніе.»

«Публичный балъ въ честь выздоровленія Короля совершенно удался. На этотъ разъ великолѣпіе не уничтожило веселія. Завтра мы уѣзжаемъ на двѣ недѣли на дачу. Какое счастье—отдохнуть среди тишины и досуга, и видѣть распустившуюся сирень!»

Въ деревнѣ опять начивается внутренняя борьба, стремленіе къ духовному совершенствованію. «Какъ я рада», пишетъ Анна Невтону, «что и вы теперь пользуетесь чистыми радостями уединенія, живописной мѣстностію и обществомъ друзей. Это лучшее утѣщеніе человѣческой жизни! Близкій вамъ поэтъ сказалъ, что Богъ создалъ деревню, а люди—городъ, и я уже нѣкоторое время здѣсь въ любимомъ уединеніи; но я признаюсь вамъ, что садоводство до того меня увлекаетъ, что, кажется, большой свѣтъ не такой соперникъ неба, какъ садъ мой. Я теряю время подъ благовиднымъ предлогомъ поправленія здоровья, но на дѣлѣ для того, чтобы заниматься тѣмъ, что забавляетъ меня и отдаляетъ грустное размышленіе, протекающее изъ сознанія моихъ недостатковъ. Свѣтъ я на самомъ дѣлѣ не очень люблю, хотя живу въ его лучшей средѣ, гдѣ я горячо люблю многихъ, гдѣ меня удерживаетъ дружба и ласки. Ког-

да я нахожусь въ большомъ свѣтѣ, я все таки считаю себя въ непріятельскомъ станѣ; мнѣ кажется, что я окружена опасностями, и я всегда на-стражѣ. Я знаю, что многіе изъ тѣхъ, которые такъ привлекательно—умны, или ничему не вѣрятъ, или равнодушны къ тѣмъ истинамъ, на которыхъ основываю все свои вѣчныя надежды. Это заставляетъ меня глубже вникать въ эти истины, сильнее ихъ чувствовать, больше упираться на ковчегъ христіанства, и всякій разъ все больше убѣждаться въ его несокрушимой крѣпости и твердой помощи. Опасность нужна мнѣ для возбужденія моей бдительности. Вѣра слабѣе и лѣнивей тогда, когда нѣтъ вышнихъ искушеній, когда живетъ въ мирномъ созерцаніи даровъ Создателя. Среди этихъ благъ я забылась бы, но болѣзнь служить мнѣ полезнымъ пробужденіемъ, и я начинаю понимать, что мои жестокія головныя боли нужны для духовнаго моего здоровья.»

ГЛАВА IV.

Въ концѣ 1789 года, сестры Моръ, обезпечивъ себѣ трудами безбѣдную будущность, рѣшились закрыть свое заведеніе. Онѣ купили домъ въ Бристолѣ и стали жить—то въ городѣ, то въ прелестной дачѣ Анны. Изъ всѣхъ сестеръ Марта, или Панси, была всѣхъ дружнѣе съ Анной и почти постоянно находилась при ней, особенно, съ тѣхъ поръ, какъ Анна рѣже посѣщала Лондонъ и взялась за великое, лучшее въ своей жизни, дѣло просвѣщенія бѣдныхъ жителей сосѣднихъ деревень. Марта была тоже женщина съ замѣчательными способностями; у нея было пламенное сердце, исполненное любви къ ближнему, и она всею душой своей предалась полезному подвигу, который имъ былъ

указанъ Вильберфорсамъ. Это дѣло въ то время казалось и страннымъ, и неблагоразумнымъ. Многіе готовы были осудить отважныхъ сестеръ. Училищъ для бѣдныхъ почти нигдѣ не было и хотя воскресныя школы начинали уже устроиваться заботами ихъ основателя, — благочестиваго Рейкса, однако ихъ было еще очень мало, и Рейксъ не находилъ подряжателей. Къ тому же мѣстность, гдѣ жили сестры, представляла особенныя неудобства. Горы Мендима въ сѣверной части графства Сомерсетскаго были въ то время населены рудокопами, которые жили, какъ настоящіе дикари; даже посѣщеніе нѣкоторыхъ деревень казалось небезопаснымъ. Мы представимъ отрывки изъ дневника Марты, въ которомъ подробно записаны начало и постепенное развитіе трудовъ двухъ сестеръ.

«Въ 1789 году Вильберфорсъ гостилъ у Анны съ сестрой своей. Мы уговаривали его посѣтить деревню Чеддаръ, въ

10 миляхъ отъ нашей дачи, которой живописныя скалы обыкновенно останавливаютъ вниманіе путешественниковъ. Онъ отправился туда рано утромъ и возвратился вечеромъ такой разстроенный, что мы подумали, — не боленъ ли онъ? Къ ужину онъ пришолъ будто успокоенный, съ выраженіемъ высшаго подкрѣпленія и мира. Когда вышли люди, онъ сказалъ; «Миссъ Моръ! надо что нибудь придумать для жителей Чеддара.» Послѣ этого онъ сталъ рассказывать о томъ, какъ его глубоко поразила нищета и невѣжество этихъ жителей, которыхъ онъ подробно расширявалъ въ продолженіе всего утра. Мы до поздней ночи толковали съ нимъ о возможности что нибудь сдѣлать для этого несчастнаго народонаселенія. Наконецъ Вильберфорсъ рѣшилъ дѣло такимъ образомъ: «возмись за работу, а я беру на себя надержки.» Какой-то внутренній голосъ заговорилъ въ душѣ моей; я почувствовала; что это дѣло

угодно Богу и что оно непременно удастся. Никогда, кажется, не буду я испытывать такого сладостнаго волненія; мое дѣло поддерживать это чувство и идти указаннымъ мнѣ путемъ. Вильберфорсъ вскорѣ насъ оставилъ, а мы сейчасъ же принялись за дѣло.»

«Прежде всего надо было познакомиться съ жителями Чеддара и позаботиться объ устройствѣ воскресныхъ школъ для бѣдныхъ дѣтей. Мы отправились въ эту деревню. Первый, попавшійся намъ навстрѣчу, былъ почти нишій квакеръ, суровой и замѣчательной наружности. Мы разговорились съ нимъ; его удивило и глубоко тронуло намѣреніе наше просвѣтить и научить жителей, и двѣ крупныя слезы выкатились изъ его глазъ. Сообщивъ намъ требуемыя нами свѣдѣнія, онъ прибавилъ: «много предстоитъ вамъ затрудненій, но не смущайтесь кознями врага и не обращайтесь назадъ.»

Неутѣшительно было знакомство сестеръ съ полемъ дѣхъ будущей дѣятель-

ности; итъ изумило невѣжество и нищета бѣдныхъ работниковъ, грубость и закоснѣлыя предрасудки богатыхъ фермеровъ; удивилась онѣ отсутствію всякаго духовнаго начальства; эту мѣстность лишь изрѣдка посѣщаль священникъ и народъ не имѣлъ никакихъ—даже самыхъ первоначальныхъ понятій о христіанскомъ ученіи. Вотъ какъ Анна въ письмѣ къ Вильберфорсу описываетъ первое посѣщеніе Чеддара!

«Вы посмѣялись бы глядя на наши хлопоты! Мнѣ сказали, что я встрѣчу большія затрудненія, ежели не успѣю смягчить сердце главнаго деревенскаго деспота, который столько же грубъ, сколько и богатъ. Я отправилась въ берлогу звѣря,—въ мѣстность такую же дикую, какъ и онъ самъ. Онъ объявилъ намъ, чтобы мы не смѣли помышлять о томъ, чтобы внушать вѣру въ Бога рабочему народу,—что бѣднымъ это и не нужно, и даже вредно; что они отъ этого дѣлаются негодными и лѣнивцами.

Напрасно мы его уговаривали, — доказывали, что христіанская вѣра внушаетъ честныя правила, и что это поможетъ трудолюбію; напрасно увѣряли его, что не корыстные виды внушили намъ предпринимаемое нами дѣло. Онъ далъ намъ почувствовать, что слишкомъ знаетъ свѣтъ, чтобы повѣрить такой сказкѣ. Я почти рѣшилась прекратить свои визиты, когда замѣтила, что успѣхъ вовсе не соотвѣтствуетъ степени моихъ униженныхъ учтивостей. Но потомъ я подумала, что надо пріобрѣсти друзей во что бы-то ни стало, и что ежели богатые дикари станутъ намъ противиться, то они подѣйствуютъ на работниковъ своихъ и изъ этого ничего не выйдетъ, кромѣ постоянной вражды. Итакъ я совершила еще одиннадцать пріятныхъ визитовъ, въ родѣ перваго; но мы уже пріобрѣли опытность въ искусствѣ поддѣлываться и дѣйствовали съ успѣхомъ. Миссъ Вильберфорсъ была бы въ негодованіи на насъ за то, что мы льстимъ

Яелкимъ тиранамъ, укрощали ихъ, и униженно переносили ихъ грубости. Какихъ некрасивыхъ дѣтей мы нянчили, какихъ собакъ ласкали, какой кислой яблочный квасъ мы хвалили, какое вино ъшпивали! Послѣ этихъ вкрадчивыхъ комплиментовъ, я обращалась къ каждому съ просьбой—указать мнѣ домъ, который бы отдавался въ—пайшы, и сообщила, что у меня на умѣ предпріятіе, отъ котораго, я надѣюсь, они получаютъ весьма большую выгоду; потому что тѣмъ сохранятся ихъ сады и огороды отъ воровъ, уменьшится воровство и даже, можетъ быть, убавится подать на содержаніе нищихъ. Ежели успѣхомъ доказывается краснорѣчіе, то я должна гордиться своими ораторскими талантами. Богачи обѣщали намъ свое содѣйствіе и согласились оказывать покровительство тѣмъ изъ ихъ работниковъ, которые будутъ посылать дѣтей въ школу. Панси увѣряеть, что многіе изъ посѣщаемыхъ нами певѣждъ способны снѣгъ

читься и исправиться: теперь же она не лучше скоторь, — ньяны всякій день до обѣда, и до того развратны, что я право начинаю смотрѣть на Лондонъ, какъ на нравственный городокъ. Я однако съ ихъ помощью выбрала и наняла домъ, который съ нѣкоторыми поправками будетъ очень помѣстителенъ. Я рѣшилась сдѣлать условіе на семь лѣтъ. Вотъ вамъ доказательство храбрости. Домъ будетъ поправленъ немедленно; ибо ночь приближается и утѣшительно подумать, что хотя я черезъ нѣсколько недѣль могу обратиться въ прахъ и тлѣніе, — но дѣло будетъ начато и пойдетъ уже и безъ меня своимъ чередомъ. Я пишу во всѣ стороны и ищу наставницу. Я спрашивала у фермеровъ: какимъ образомъ въ такомъ большомъ приходѣ нѣтъ священника? Они отвѣчали, что имѣютъ полное право требовать его назначенія, но боятся умножить расходы на содержаніе причта. Теперешній священникъ живетъ въ 12 миляхъ отсюда, пріѣзжаетъ

нзрѣдва, и большыи и бѣдыи иишер-
да не посѣщаетъ. Другой, ближайишій,
ежедневно пьянъ и, то слыиить не мо-
жетъ, то являетя съ лицемъ обезобра-
женнымъ въ дракѣ».

«Ваши предположенія очень хороши,
отвѣчаетъ Вильберфорсъ на письма се-
стеръ; теперь постараемся найти настав-
ницу. Что касается до расходовъ, то
безцеремонное обращеніе съ моимъ ко-
шелькомъ будетъ лучшимъ доказатель-
ствомъ вашей довѣренности ко мнѣ и
искренности моего сочувствія къ этому
дѣлу. Всякій долженъ давать то, что
можетъ, а у меня болѣе денегъ, чѣмъ
досуга. Гераздо значительнѣе жертва
тѣхъ, которые приносятъ дѣлу свое вре-
мя, свои способности и силы. У меня
же есть еще другъ, богатый Лондон-
скій банкиръ Феритонъ, которому я до-
ставляю истинное удовольствіе, если
буду просить отъ него денегъ на подоб-
ныя дѣла.»

«Я распорядился, писалъ онъ въ дру-

гой разъ, о высылкѣ требуемыхъ вами книгъ. Ваши подвиги могутъ сравниться съ похождениями женъ—рыцарей въ поэмѣ Спенсера; вы также храбро сражаетесь со всякими чудовищами. Ваши отчеты доставляютъ мнѣ величайшее удовольствіе. Дай Богъ, чтобы и впредь все шло такимъ же образомъ. Надѣюсь, что вы напишете, когда нужны будутъ деньги; все, что у васъ было, вѣроятно уже истрачено. Скромность въ этомъ случаѣ была бы неумѣстна и доказывала бы гордость или ложный стыдъ.»

«Мы, кажется, нашли,» пишетъ Марта, «отличную наставницу. Г-жа Барберъ соединяетъ всѣ нами требуемыя условія. Она смотритъ на свое дѣло, какъ на святое призваніе, жертвуетъ для него прежними связями, вполне сознаетъ его важность и пользу. Мы прибыли сюда изъ Бристоля въ Октябрѣ, остановились на постояломъ дворѣ и приготовили все нужное для открытія школы. Г-жа Барберъ пріѣхала въ про-

стой телегѣ, какъ слѣдовало истинной миссіонеркѣ; съ ней была ея дочь и женщина, которая будетъ учить дѣвочекъ рукодѣлю. Шель праливной дождикъ; мы собрались въ кукѣ, гдѣ и поужинали съ большимъ аппетитомъ. На другой день мы собрали родителей; эрѣванде было жалкое; въ этомъ многоплодномъ приходѣ всѣ бѣдны, оборваны, невѣжественны до крайности; ни одно лице не озарено лучемъ мысли. Много надо вѣрить и молиться при началѣ такого дѣла, — велико призваніе наше! Къ слѣдующему воскресенью все было готово, и мы открыли школу на 140 человекъ дѣтей. Мы начали наставленіемъ, молитвой и чтеніемъ священнаго писанія. Потомъ мы всѣ пошли въ церковь. Тутъ священникъ вздумалъ угостить насъ политическою проповѣдью о партіи торн и дарскомъ помазаніи. Объ обязанностяхъ къ Царю Царей было бы своевременнѣе сказать нѣсколько словъ, но онъ, кажется, самъ объ этомъ никогда не помышлялъ.

«Въ продолженіи послѣднихъ 40 лѣтъ церковь никогда, кажется, такъ не наполнялась народомъ, какъ въ этотъ день. До нашего появленія въ церкви народъ все не вѣрилъ тому, что о насъ рассказывали. Толковали о какихъ-то барыняхъ, которыя вдругъ сюда заѣхали, поговорили о школахъ и потомъ исчезли, — и вотъ видятъ наконецъ, что онѣ возвратились, и въ самомъ дѣлѣ исполняютъ все то, что предполагали сдѣлать. На другой день мы убѣдились въ томъ, что невѣжество нашихъ учениковъ хуже всего того, чего мы ожидали, или о чемъ могли предполагать въ Англии.»

«Послѣ этого мы уѣхали съ обѣщаніемъ возвратиться черезъ пять недѣль и оставили Г-жу Барберъ на трудное дѣло борьбы съ этими дикарями въ мѣстности совершенно ей неизвѣстной.»

Изъ письма, написаннаго Анной Моръ черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ открытія Чеддарской школы, мы видимъ—какъ быстро распространялось по сѣверу

доброе вліяніе дѣятельныхъ сестеръ.

«Послѣдніе два мѣсяца я постоянно объѣзжаю и осматриваю самыя забытыя деревни этой стороны, которую нельзя назвать Христіанскою. Мы выбрали большой приходъ мѣстомъ свонхъ будущихъ трудовъ. Этотъ приходъ окруженъ шестью меньшими приходами, но въ немъ нѣтъ священника. Мы наняли домъ; его передѣлываютъ, но онъ еще не скоро будетъ готовъ; однако въ будущее воскресенье мы открываемъ небольшую школу, которая будетъ въ родѣ отдѣленія главнаго заведенія. Меньшіе приходы находятся въ отдаленіи отъ 6-ти до 10-ти миль другъ отъ друга. Итакъ, вы можете себѣ представить, какъ занято наше время. Не скажу, чтобы я ожидала большаго успѣха, но утѣшаю себя мыслию, что уже это зависѣть будетъ не отъ насъ. Впрочемъ примѣръ нашихъ удачныхъ трудовъ въ Чеддарѣ долженъ бы ободрять меня. Тамъ многіе изъ тѣхъ, которые едва разбирали буквы, теперь

читаютъ Евангеліе, и не только твердо знаютъ катихизисъ, но и сами удовлетворительно отвѣчаютъ на всѣ вопросы, касающіеся основныхъ началъ закона Христіанскаго. Это, конечно, много зависитъ отъ благочестія и умѣнья нашей Наставницы. Ея личныя достоинства превосходятъ все, чего могли мы надѣяться, или чего можно ожидать намъ въ будущемъ. Вы видите, что во всемъ этомъ заслуга не моя и не на мой счетъ это дѣлается. Денегъ у меня мало, а ежели бы онѣ и были, то я конечно располагала бы ими не лучше другихъ.»

«Бѣдная Панси все больна; вся община сестеръ находится подъ соломенной крышей моей хижины и усердно воздѣлываетъ капусту и розаны. Я все болѣе и болѣе люблю эту тихую жизнь. А помните, какъ часто мы говорили; «дѣло трудное—перевоспитать весь міръ!» Я еще болѣе убѣждаюсь въ томъ теперь, съ тѣхъ поръ какъ занимаюсь своими приходами. Грустно подумать, что дерев-

ни наши погружены въ невѣжество въ то самое время, какъ мы хлопочемъ объ отправкѣ мисіонеровъ въ отдаленныя колоніи. У насъ въ сосѣдствѣ тринадцать приходовъ, въ которыхъ нѣтъ постоянно живущихъ священниковъ. Я живо чувствую, какъ ничтожны мои усилія, какъ недостаточны они, чтобы противодѣйствовать существующему злу; но я не могла усюдокониться, не сдѣлавши опыта. Итакъ, мы открыли школы на пространствѣ 10-ти или 12 миль, и у насъ уже обучаются 500 дѣтей. Такъ какъ здѣсь живутъ настоящіе язычники; то мы выписываемъ изъ другихъ мѣстъ людей извѣстныхъ своимъ благочестіемъ, и успѣхи идутъ быстро. Но не придумаю, какъ возможно будетъ поддержать и продолжать все начатое, среди общаго разврата, бѣдности, невѣжества и упорнаго сопротивленія.»

Изъ Лондона Анна пишетъ Мартѣ: «Я много думала о твоихъ предположеніяхъ для дальнѣйшихъ улучшеній въ

Челларъ. Я нахожу не бесполезными
допустить въ школы тѣхъ изъ родите-
лей, которые пожелають посмотрѣть на
обученіе дѣтей своихъ и сами захотяутъ
поучиться вѣстѣ съ ними, ограничивъ
сначала ихъ число. Думаю также, что
уроки взрослыхъ должны продолжаться
не болѣе часа, чтобы не отдалять ихъ
отъ семействъ и не уменьшать время
дѣтскихъ классовъ. Съ взрослыми при-
дется приниматься за самое начало,
объяснять первоначальныя понятія хри-
стіанскаго ученія. Можетъ быть тебѣ
поможетъ и священникъ, особенно, если
онъ возьметъ въ толкъ, что народъ, по-
лучивъ нѣкоторое христіанское образо-
ваніе, ставеть повимать проповѣди и
ревностно посѣщать церковь.»

Эти заботы не останавливали литера-
турной дѣятельности Анны Моръ; въ 1790
году она издала книгу подъ заглавіемъ:
„Оцѣнка спры свѣтскихъ людей.“ Здѣсь
она еще рѣшительнѣе осуждала упадокъ
домашняго благочестія и недостатокъ

христіанскаго основанія въ воспитаніи знатныхъ и богатыхъ людей. Книга читалась и раскупалась также быстро, какъ и предшествующія сочиненія. Черезъ два года она печаталась пятымъ изданіемъ. Здѣсь рѣзко выражалась правда—и только одна правда. Въ ней говорилось о необходимости основать всю жизнь на началахъ Евангельскаго ученія и безпрестанно во всемъ ими руководствоваться. Книга эта сильно подѣйствовала на современниковъ, пробудила дремавшую совѣсть и многихъ увлекла изъ самодовольнаго бездѣйствія, на путь дѣятельнаго благочестія и добродѣтели.

Между тѣмъ распространеніе школы продолжалось, но не безъ большихъ препятствій. Сестры обратили вниманіе на двѣ деревни, населенныя рудокопами на вершинѣ горы Мендина. Здѣсь дикость жителей до того дошла, что они подзрѣвали благочестивыхъ сестеръ въ намѣреніи отнять у нихъ дѣтей, увести и продать въ неволю. Мѣстное начальство

предупредило сестеръ, что оно не ручается за ихъ безопасность, и что даже констабли не входятъ въ эти деревни; но сестры храбро шли на свое дѣло; они познавали руководящую ими руку, замѣчали, что за открытіемъ школъ быстро распространяется просвѣщеніе;— нравы измѣняются, церкви наполняются народомъ. Не болѣе трехъ лѣтъ спустя послѣ основанія первой школы, онѣ считали уже 1200 учениковъ, размѣщенныхъ по школамъ на разстояніи 10 или 12 миль другъ отъ друга. Сестры безпрестанно принуждены бывали проводить утомительные дни и ночи въ посѣщаемыхъ ими деревняхъ и мѣстечкахъ, и не одна физическая усталость затрудняла работу, нашлись и недоброжелатели, которые распространяли о нихъ самые лживые слухи и принуждали ихъ обращаться къ высшему духовенству съ просьбою засвидѣтельствовать законность ихъ трудовъ и даннаго ими направленія. Однако, не смотря на всѣ препятствія

дѣло поденгалось впередъ. Вечернія чтенія приносили большую пользу. Мы пишываемъ здѣсь сжатый отчетъ всего дѣла, изложенный въ письмѣ къ Вильберфорсу, и написанный вѣроятно съ цѣлю дать общее понятіе о предпріятіи томъ дѣлѣ тѣмъ изъ друзей, которые выражали имъ участіе, или оказывали помощь.

«Лучшимъ отвѣтомъ на письмо ваше будетъ исторія основанія и развитія одной отдѣльной школы. Избираю Чеддаръ для моего разсказа, потому что эта школа вамъ обязана своимъ существованіемъ. Послѣ того какъ мы убѣдились въ ужасномъ положеніи этой деревни, мы съ сестрой посѣлмысь тамъ на постояломъ дворѣ, для того, чтобы осмотрѣться и рѣшить, какъ приступить къ дѣлу, о которомъ мы не имѣли ни малѣйшаго понятія. Въ приходѣ мы нашли двѣ тысячи душъ, всѣ вѣсны очень бѣдныя: дворьянъ, неслучи, ниши: вовсе не было, но было яловѣкъ двѣнадцать

очень богатыхъ фермеровъ, до крайности невѣжественныхъ и грубыхъ. Мы посѣтили ихъ и, какъ цыганки, собирали въ одномъ домѣ свѣдѣнія о свойствахъ и положеніи сосѣдей. Мы имъ говорили, что намъ рены устроить школы; это имъ не поправилось. Мы обѣщались не просить у нихъ ни копѣйки денегъ, но требовали содѣйствія ихъ чрезъ свое вліяніе на работниковъ. Одинъ изъ фермеровъ выразилъ согласіе и былъ учтивъ. Онъ былъ богатъ, корыстолюбивъ и горькій пьяница. Жена его казалась весьма сомнительной нравственности, но не лишеною здраваго смысла. Она могла намъ гораздо болѣе другихъ, — болѣе чопорныхъ и приличныхъ съ виду барынь. Фермеръ отдалъ намъ внаемъ домъ съ садомъ и скотнымъ дворомъ. Въ скотномъ дворѣ мы прорубили окошки; паслали полъ и вышло отличное училище. Покуда домъ перестраивался, мы продолжали свои посѣщенія; были почти въ каждомъ домѣ и вездѣ за-

мѣчали слѣды невѣжества и разврата. Во всеи приходѣ нашли мы только одну Библию, да и та служила подпоркою для горшка съ цвѣтами. Священникъ уже болѣе сорока лѣтъ тутъ не жилъ. Дѣтей постоянно хоронили безъ всякой молитвы. По воскресеньямъ, когда Священникъ прїѣзжалъ, то въ церковь утромъ собиралось до 8, и вечеромъ до 20 человекъ, и это уже казалось много.

«Мы употребили много времени на собираніе свѣдѣній о личности каждаго жителя, о его занятіяхъ, средствахъ и о составѣ его семьи. Въ назначенный день, о которомъ мы предварительно объявили въ церкви, все женщины съ дѣтьми своими, старше шести лѣтъ, собрались къ намъ. Мы сдѣлали подробный списокъ ихъ и набрали 120 ч. дѣтей къ слѣдующему Воскресенью. Сначала многіе отказывались, другіе требовали платы, нѣкоторые увѣряли, что тутъ вѣроятно скрывается какой нибудь обманъ, и что ежели дѣти будутъ ходить семь лѣтъ

сряду въ школу, то они сдѣлаются нашею собственностію и мы ихъ отправимъ за море. Ежели бы я сама этого не слышала, то конечно не повѣрила бы тому. Между тѣмъ мы всячески старались найти хорошихъ учителей. Все отъ этого зависѣло. Я была такъ счастлива, что напала на женщину, одаренную замѣчательною дѣятельностію и знаніемъ человѣческаго сердца. Порочный сынъ ея, лишилъ ее порядочнаго состоянія, и благочестіе созрѣло въ ней въ слѣдствіе горькихъ испытаній. У нея однако было собственнаго имѣнія до 40 ф. ст. ежегоднаго дохода. Она пріѣхала сюда съ дочерью, весьма способной дѣвушкой. Мы открыли школу зпной. Собрали сперва дѣтей и ихъ родителей, — прочли составленныя нами правила, потомъ читали выбранныя мѣста изъ Писанія; прочли молитву, написанную для этого случая, и пропѣли гимнь.»

«Въ продолженіе перваго года наши почтенныя учительницы, мать и дочь,

встрѣчали столько затрудненій и препятствій, что неоднократно помышляли о томъ, чтобы отказаться отъ мѣста. Не легко зарабатывали онѣ получаемые ими 30 ф. ст. и незначительные подарки. Мы устроили ежедневную школу для 30 дѣвочекъ. Здѣсь ихъ учили шить, вязать и прѣсть. Мои учительницы по-сѣщали большихъ, старались нравственно на нихъ подѣйствовать, но принимались за дѣло осторожно, и сначала заботились только объ ихъ тѣлесныхъ нуждахъ; раздавали лѣкарства и деньги, которыми мы ихъ постоянно снабжали. Помощюю онѣ заслужили совершенное довѣріе жителей, ходили читать больнымъ, молились вмѣстѣ съ ними, словомъ дѣлали все, что долженъ бы исполнять всякій усердный священникъ.»

«Въ концѣ года мы замѣтили, что довѣріе бѣдныхъ къ намъ значительно усилилось; но богатые, за исключеніемъ немногихъ, продолжали намъ недоброжелательствовать. Мы сдѣлали опытъ

чтеніи послѣ классовъ въ Воскресенье, и удержали для этого старшихъ дѣтей и пригласили нѣкоторыхъ родителей. Проповѣдь выбрана была вразумительная и сильная, которая произвела глубокое впечатлѣніе. Но послѣ этого объявили насъ методистами и мы заплатились за это битыми окнами. Однако мы этимъ не смутились. Наше упорство и осторожность, съ которой дѣйствовали наши наставницы, превозмогли всѣ препятствія. Число слушателей умножилось, и въ ихъ образѣ жизни и разговорахъ замѣтна была значительная переѣна. Мы раздавали Библия, молитвенники и другія книги, но вручали ихъ только тѣмъ, въ которыхъ замѣтна была способность и желаніе воспользоваться такимъ подаркомъ. Это было наградою за прилежаніе и хорошее поседеніе. Дѣти спѣшили заучивать въ отсутствіе мое цѣлыя мѣста изъ Священнаго Писанія. Черезъ три года послѣ открытія школь, родители и дѣти усердно пось-

щали чтеніи два раза въ недѣлю, слушали Евангеліе и объясненіе того, что было имъ прочитано. Между посѣтителами были взрослые ремесленники и служители, которые слушали съ смиреніемъ и вниманіемъ маленькихъ дѣтей. Мы старались помочь самымъ бѣднымъ въ приобрѣтеніи опрятнаго платья—предметъ ихъ постоянныхъ заботъ и стараній, отсутствіе котораго нерѣдко удаляло ихъ отъ церкви.

Бѣдность жителей и желаніе, какъ можно полезнѣе употребить средства, доставляемыя намъ друзьями нашими, побудили насъ учредить женскія общества, члены которыхъ должны были платить полпенса въ недѣлю и получали за это право на пособіе въ болѣзняхъ и несчастіяхъ. Тѣ нѣсколько гиней, которыя мы раздавали тутъ по-мелочамъ, теперь пошли въ кассу общества и вмѣстѣ со вкладами бѣдныхъ возвращались самимъ же нуждающимся: больные получали 3 ш. въ недѣлю, родильницы—7 и т. д. смо-

тра не состоянно кассы. Много пришлось убѣждать и спорить, чтобы доказать пользу этого учрежденія. Мы рѣшились доставлять самымъ бѣднымъ деньги на вклады, для того, чтобы ихъ къ тому приучить, и наконецъ намъ удалось исполнить наше намѣреніе. Общества эти были въ связи со школами и должны были способствовать ихъ поддержанію. Въ каждомъ обществѣ бываетъ ежегодно собраніе, на которое мы приглашаемъ и дворянъ, и сосѣднее духовенство. После церковной службы мы угощаемъ нашихъ членовъ чаемъ; потомъ читаемъ имъ журналъ общества, — отчетъ о состояніи кассы и о расходахъ; потомъ говоримъ маленькую рѣчь, въ которой заключаются свѣдѣнія, собранныя нами объ ихъ поведеніи. Мы стараемся произвести полезное впечатлѣніе на нашихъ женщинъ и соединяемъ порицаніе и похвалу. Въ день этого ежегоднаго собранія всякая дѣвушка, воспитанная въ школѣ и постоянно посѣщающая чтенія

и вышедшая честно за-мужъ въ продолженіи года, получаетъ въ награду пять шиллинговъ, пару нитяныхъ чулокъ, связанныхъ нами, и новую Библию. Изъ писемъ и дневника сестеръ видно, какъ дорожили этими подарками и одобреніемъ сестеръ.

Дневникъ Марты наполненъ трогательными доказательствами усердія къ нимъ бѣдныхъ жителей и живой ихъ благодарности. Нерѣдко между самими бѣдными находили онѣ усердныхъ сотрудницъ. «Мы», пишетъ она, «отыскали дочь бѣднаго фермера, которая живетъ работницей на скотномъ дворѣ; она грамотна и даже образована нѣсколько выше своего мѣста, которое приняла по бѣдности. Изъ рвенія къ слову Божьему она устроила маленькую вечернюю школу и на свои трудовыя деньги покупаетъ для поощренія дѣтей пряники и книги. Мы назначили ее и сестру ея въ начальницы новой школы, и не безъ труда приучили ихъ къ нашей системѣ обученія.

Ежели когда нибудь два искреннія сердца обращались къ Богу за благословеніемъ и руководствомъ, то это были конечно сердца этихъ двухъ женщинъ въ день открытія школы!».

Друзья Анны и Марты Моръ часто посѣщали и поддерживали ихъ совѣтами и письмами. «Считаю счастливымъ временемъ жизни моей, недѣлю, проведенную у васъ», писалъ почтенный Невтонъ, «велико дѣло, которое вы творите; блаженно призваніе!—Не могу,» писалъ онъ въ другой разъ, «не удивляться тому, что для такого дѣла избраны столь слабыя орудія. Не могу потихоньку не вздохнуть о болѣзняхъ вашихъ. Но вѣроятно такъ и быть должно,—сила Божія въ вашей немощи совершается. Много спасенныхъ и обращенныхъ вами дѣтей будутъ привѣтствовать васъ на порогѣ вѣчной жизни. Велика честь быть избраннымъ орудіемъ на дѣло спасенія людей погибающихъ отъ невѣжества и разврата. Не унывайте, умножайте школы! ежели хоть

одного обратите и научите, то и этого будетъ довольно. Можетъ быть тамъ, гдѣ теперь наиболѣе трудовъ, окажется болѣе и плодотворнаго».

Щедрые благотворители школъ Вильберфорсъ и банкиръ Фернтонъ изрѣдка объѣзжали школы и посѣщали Анну. Во время ихъ пріѣзда устраивались праздники для всѣхъ учениковъ. Въ дневникѣ Марты мы находимъ живописныя изображенія этихъ веселыхъ сельскихъ праздниковъ, устроенныхъ въ красивой горной мѣстности, среди цвѣтовъ и зелени. Въ прекрасной долинѣ разставлено множество столовъ; къ сборному мѣсту пріѣзжали сестры съ гостями, въ бричкахъ, украшенныхъ зелеными вѣтвями, съ обильнымъ запасомъ пудинговъ и жареной говядины. Дѣти шли къ обѣду по два въ рядъ, при звукѣ трубъ, съ распущеннымъ знаменемъ. Приходскіе священники читали молитву за каждымъ столомъ. После обѣда пѣли гимны и потомъ проходили маленькій экзамень. Всѣ сосѣдніе

жители принимали большое участие въ этомъ праздникѣ. Въ 1791 году, на годовомъ праздникѣ было 500 учениковъ съ 5000 постороннихъ посѣтителей. Въ 1793 мы находимъ описаніе такого же праздника, но тутъ уже было до 1000 дѣтей. Жители сосѣднихъ деревень, въ знакъ своего участія, прислали музыку. Священники съ глубокимъ чувствомъ читали молитву. Посѣтителей было до 8000, и многіе плакали отъ умиленія.

Г Л А В А V.

Вниманіе, обращенное обществомъ на гѣстность, гдѣ трудилась Анна Моръ, и неусыпная ея старанія имѣли прямымъ лѣдствіемъ—назначеніе достойныхъ священниковъ въ тѣ приходы, которые бы-

ли до сихъ поръ совершенно лишены духовнаго руководства. Изъ этихъ священниковъ многіе сдѣлались усердными сотрудниками сестеръ. Онѣ съ благодарностію упоминаютъ о ревности и апостольскихъ трудахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. молодаго Девита. Надпись на его надгробномъ памятникѣ выражаетъ еще и теперь любовь и признательность жителей Чеддара. Мы также встрѣчаемъ имя Джонса, неусыпно посѣщающаго бѣдныхъ, — и многихъ другихъ.

«Какое утѣшеніе», пишетъ Анна, «видѣть, что Джонсъ неутомимо обходитъ деревню, въ которой свирѣпствуетъ страшная горячка, посѣщаетъ каждаго бѣднаго и разноситъ наши подаванія. Стыдно подумать объ нашей изнѣженности, когда слышишь о нуждахъ этихъ несчастныхъ; горько вспомнить о деньгахъ, истраченныхъ мною на пустую роскошь, когда слышишь о радости, испытываемой бѣдными жителями при полученіи незначительнаго пособія. Наша

добрая наставница много помогала больнымъ, готова была просиживать у нихъ цѣлую ночь.»

«Панси», пишетъ Анна въ другомъ письмѣ, «была опять больна; но какъ только поправилась, опять принялась объѣзжать школы. Дѣла наши процвѣтають. Какъ не признать руки Божіей, когда орудія такъ ничтожны. Странно однако, что мы теперь встрѣчаемъ главное затрудненіе тамъ, гдѣ наиболѣе радовались успѣхамъ. Съ новообращенными нужна необыкновенная осторожность. Нѣкоторые изъ нихъ крайне искренни и благочестивы, но склонны къ неумѣренной ревности, которую надо сдерживать: невинныя удовольствія кажутся имъ грѣхомъ, семейная жизнь предосудительною; они впадаютъ въ уныніе, не могутъ примириться съ тѣмъ, что имъ должно жить среди непрерывной борьбы съ грѣхами и искушеніями. Не смотря однако на эти минуты затрудненія, ни одинъ изъ тѣхъ, которые исправились, не возвращался къ

вреднымъ порочнымъ привычкамъ. Все твердо стремится къ добру. Странно, что они незамѣтно впадаютъ въ крайности нѣкоторыхъ ученияхъ сектаторовъ, о которыхъ никогда не слышали; ихъ довѣріе ко мнѣ нѣсколько поколебалось, потому что я не согласилась запретить носить живыя цвѣты, которые сама такъ страстно люблю. Вообще, я стараюсь распространять въ нѣкоторой мѣрѣ невинную веселость и противоудѣйствовать той неумѣренной суровости, къ которой они слишкомъ склонны.»

«Нашъ молодой угольщикъ, столько пострадавшій отъ своего паденія, теперь посѣщаетъ хорошую школу и со временемъ будетъ учителемъ въ высшемъ училищѣ, назначенномъ для сыновей фермеровъ и кушцовъ. Теперь онъ каждую субботу проходитъ 12 миль вѣшномъ, чтобы помочь учителю одной изъ воскресныхъ школъ.»

«Въ устройствѣ женскихъ общинъ мы одного добивались, чтобы исполненіемъ

предписанныхъ имъ правилъ, поддержи-
вать вліяніе школьнаго воспитанія. Ка-
жется, мы достигаемъ цѣли. Мои взро-
слыя ученицы, уже удостоившіяся на-
грады, очень серьезно выразили желаніе
удалиться отъ сообщества съ женщиною
порочной жизни; тогда какъ прежде по-
веденіе такихъ несчастныхъ было пово-
домъ къ самымъ грубымъ шуткамъ и
непристойному веселію. Я не считала се-
бя въ правѣ умолчать о дурномъ примѣ-
рѣ; рѣшилаеь исключить изъ общества
несчастную и была утѣшена сѣрвезнымъ
выраженіемъ лицъ моихъ слушательницъ.
Затѣмъ возникло другое затрудненіе: на-
до было предупредить чувство гордости
и нетѣрпимости, и выразить слушатель-
ницамъ, что какъ ни велико паденіе
бѣдной грѣшницы, но еще не велика за-
слуга устоявшихъ отъ искушенія.—За-
труднителенъ надзоръ за всѣми школами.
Когда все удовлетворительно въ одной,
въ другой откроется что нибудь, препят-
ствующее обученію дѣтей и ихъ родите-

лей. Не легко воспитывать учителей. Тридцать учителей и учительницъ съ ихъ помощниками и помощницами требуютъ постояннаго руководства. Приходится терпѣливо сносить и исправлять ошибки, предразсудки, невѣжество и капризы этихъ благочестивыхъ, но бѣдныхъ людей. Приходится платить ихъ долги, помогать въ несчастіяхъ. Это урокъ терпѣнію, при которомъ чаще стараюсь вспоминать о долготерпѣніи Божіемъ къ каждому изъ насъ. Возвращаясь домой изъ нашихъ поѣздокъ, я утѣшаю Панситѣмъ, что, ежели мы другимъ не приносимъ большой пользы, то, конечно, это дѣло не бесполезно для насъ самихъ. . . . Я теперь все болѣе и болѣе удаляюсь отъ знатныхъ и великихъ міра сего; я посвятила остатокъ дней своихъ бѣднымъ, — тѣмъ, у которыхъ нѣтъ помощниковъ. Ежели не многое могу для нихъ сдѣлать; то, по крайней мѣрѣ, я имѣю возможность выразить имъ мое участіе. А я знаю, что для существа

забытаго, покинутаго—радостно сказать: „есть человекъ, который обо мнѣ жалѣеть.“ Сознаніе, что ко мнѣ питаютъ участіе, казалось мнѣ всегда утѣшительнымъ. Къ тому же привязанность ко мнѣ бѣдныхъ можетъ подвинуть ихъ къ исправленію и быть побужденіемъ къ ихъ совершенствованію, открыть сердца ихъ къ другой высшей любви. Другіе дѣйствуютъ успешно словами упрека и страха, но мнѣ Провидѣніе вручило одно орудіе—слово ласковаго убѣжденія.»

Въ продолженіи 1792 года политическія событія приняли мрачный видъ. Въ письмахъ Анны мы находимъ безпрестанно намеки на страшныя событія, совершающіяся во Франціи: кровопролитіе, жестокіе поступки террористовъ, казнь Короля наполняетъ ее ужасомъ и негодованіемъ. Она осуждаетъ тѣхъ изъ соотечественниковъ, которые, посѣщая Францію, предавались увлеченіямъ парижской жизни, пользовались гостепріимствомъ парижской знати, а теперь тол-

кують только о грѣхатъ и ошибнатъ Французской аристократіи и о справедливомъ за нихъ воздаяніи. Сама Анна Моръ усердно участвуетъ въ сборахъ и помощи эмигрантамъ и бѣднымъ безпріютнымъ священникамъ, несмотря на сильное ея предубѣжденіе и къ Французской народности, и къ Латинской церкви. Между тѣмъ чувство общаго неудовольствія, зависти къ богатымъ и недовѣрія къ правительству, распространялись въ Англіи чрезъ безчисленное множество вредныхъ книгъ и злоумышленныхъ памфлетовъ. Необходимо было противодѣйствовать злу. Многіе обратились къ Аннѣ за совѣтами и помощью и просили ее посвятить на это дѣло свое испытанное дарованіе и умѣнье облекать полезныя истины въ слогъ убѣдительный и доступный. Она долго отказывалась, но наконецъ рѣшилась сдѣлать опытъ; не предупредивъ друзей, она издала безъ подписи небольшой рассказъ подъ заглавіемъ: „деревенскіе политики,“

въ которомъ мастерски была выставлена смѣшная сторона необразованныхъ мечтателей, толковавшихъ о политикѣ и мѣшавшихъ понятія о свободѣ и неотъемлемости правъ своихъ съ увлеченіями корыстолюбія, эгоизма и грубой силы. Едва вышла книга, какъ Анна Моръ стала получать письма, въ которыхъ уговаривали прочесть ее, со множествомъ экземпляровъ для раздачи.

Трудно повѣрить быстротѣ, съ которою расходилась книга. Въ Лондонѣ продано было ея до цѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ. Многие богатые люди печатали изданіе на свой счетъ для скорѣйшаго ея распространенія. Когда открылось имя автора, не было конца похваламъ и благодарности.

Между тѣмъ труды по школамъ шли своимъ чередомъ. Въ 1794 году она писала къ Вильберфорсу: «Вамъ было бы адѣсь вчера и грустно, и радостно. Мы цѣлый день пробыли въ новомъ прихѣдѣ—это меньшее дитя наше, наиболѣе

занимающее насъ. Мысль, что многіе изъ родителей учениковъ нашихъ содержатся въ городскомъ острогѣ, и должны быть судимы на жизнь и смерть въ продолженіе слѣдующаго дня, придавала страшную торжественность нашему засѣданію. Не нужно было искать далекихъ примѣровъ, чтобы дѣйствовать на слушателей. Годъ тому назадъ, первымъ поводомъ къ нашимъ занятіямъ въ приходѣ была смертная казнь одной несчастной здѣшной женщины.»

«Многіе изъ молодыхъ слушателей уже находятся подъ вліяніемъ благочестивыхъ мыслей. Школа бываетъ открыта каждый вечеръ и васъ, вѣрно, порадуетъ извѣстіе, что молодые работники, возвращаясь поздно съ жатвы и утомленные работой, все таки передъ возвращеніемъ домой заходятъ непременно въ школу, чтобы выслушать молитву и чтеніе главы изъ Священнаго Писанія. Многіе изъ фермеровъ и женъ ихъ, поощающіе еженедѣльные чтенія, искрен-

но задають себѣ вопросъ: «что намъ дѣлать, чтобы спастись?» Большое разстояніе, дурныя дороги, проливные дожди часто мѣшаютъ намъ, и я ничего не могла бы исполнить безъ моей усердной сотрудницы. . . . Какъ меня живо тронуло», продолжаетъ она, «все, что вы пишете о духовныхъ моихъ недостаткахъ. Я заплачу вамъ за нихъ тою благодарностію, которую вы одни оцѣните,—именно надеждой и увѣреніемъ, что совѣты ваши мнѣ будутъ полезны. Совѣтъ знающаго друга дѣйствуетъ на меня сильнѣе, чѣмъ чтеніе или богомысліе. Вѣра моя тверда, но недовольно тепла. Нѣтъ во мнѣ полнаго, могущественнаго сознанія обѣтованій Божіихъ, въ которыя однако вѣрую твердо. Есть въ душѣ моей какой-то недостатокъ, котораго не сознаю, но который лишаетъ меня истинной духовной радости. Какъ холодно принимаюсь я за всякое дѣло! А между тѣмъ упущеніе моихъ обязанностей внушаетъ мнѣ рабскій страхъ.

Чувство грѣха во мнѣ сильнѣе, нѣтъ надежда на прощенье и милосердіе Христа. Вѣра моя мертва; я не проникнута мыслию объ искупляющей силѣ любви Христовой. Убѣжденіе это достигается трудомъ и усиленіемъ мысли; это не есть все исполняющее, все одушевляющее чувство. Можетъ быть, это зависитъ отъ естественнаго расположенія моего права, въ которомъ господствуетъ чувство сомнѣнія и страха. Кажется, что и стремленіе мое къ усовершенствованію проистекаетъ изъ самолюбія и нетерпѣливости. Лучшія мои дѣла имѣютъ жалкія побужденія! . . .»

Мы извлекаемъ слѣдующія отрывки изъ дневника того же года:

«Узнала я о смерти Гиббона, того, который клеветалъ на презрѣннаго Назарянина, изрекалъ хулы на Христіанство! . . . И онъ былъ близкій мой знакомый. Благодарю Тебя, Господи, за то, что ученіе невѣрующихъ, которыхъ я знала, не проникло въ мое сердце.

Многихъ развратила его книга. Господи, избави другихъ отъ паденія!»

«Прошла хлопотливая недѣля въ заботахъ о сборѣ для ополченія; много пришлось писать и говорить, мало оставалось досуга для чтенія и богомыслія. Когда буду я умѣть владѣть собою? Когда буду въ состояніи работать среди міра, не заражаясь духомъ міра?»

«Другой другъ мой умеръ—Буркъ. Какой онъ былъ остроумный и краснорѣчивый, и какъ суетны эти дары, когда не достаетъ главнаго! Благодарю за то, что его примѣромъ я убѣдилась въ суетѣ геніальности и сдѣлалась равнодушнѣе къ славѣ мірской. Господи! усиль во мнѣ это равнодушіе, дай мнѣ быть мертвой къ міру! Сегодня имѣю новый поводъ къ благодарности. Первая статья о невольникахъ была принята Парламентомъ, благодаря усиліямъ друга моего Вильберфорса. Господи! ускори то время, когда истинная сво-

бода, свѣтъ и знаніе распространятся по всей землѣ.»

«Сегодня былъ нашъ годовой праздникъ для бѣдныхъ дѣтей,—ихъ было до тысячи. Нашъ Епископъ настойчиво убѣждалъ меня написать возраженіе на безбожное сочиненіе Пайка. Я отказалась, но это было тяжело. Боже! избери достойнѣйшихъ заступниковъ для дѣла Твоего!»

«На этой недѣлѣ много времени употреблено безъ пользы; пустыя мысли и старыя грѣхи властвуютъ надо мною. Господи! помоги мнѣ молиться усерднѣе, бороться ревностнѣе; дай жить въ ближайшемъ сообщеніи съ Тобою! . . Были въ трехъ школахъ; Цанси прочла преповѣдь на текстъ: «аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ войти въ царствіе Божіе (Іоан. III. 5.). Слушателей было много и всѣ были внимательны. Цанси трудилась прилѣжно; въ четырехъ школахъ читала Евангеліе, и назидательно развивала и объясняла

прочитанное. О, сколько она выше меня! Господи! буди Ты Самъ всесовершенной наградой ей за ея труды.»

«Благословенный день! Была въ Чеддарѣ; слушателей молодыхъ и старыхъ было до 400. Многие выражали искреннее умиленіе. Это оживило мои надежды на возможность продолжать наши труды, не смотря на незамѣнимую утрату наставницы нашей. Да усилится смиренное сознаніе нашего недостойнства для такого дѣла! Да будетъ Слава Твоя и спасеніе душъ единственною цѣлю трудовъ нашихъ!»

«Мы испытали сегодня и физическое и нравственное утомленіе при посѣщеніи двухъ школъ. Намъ встрѣтилось сопротивленіе; предпріятія наши возбудили противъ насъ вражду. Но что это за испытаніе въ сравненіи съ подвигами апостоловъ и мучениковъ! Господи! укрѣпи мою вѣру, дай мнѣ перенести терпѣливо оскорбленія этихъ слѣпыхъ противниковъ закона Твоего! Меня ободрив-

ло умиленіе многихъ молодыхъ слушателей; поэтому не хочу еще отказываться отъ школы, которую, по человѣческимъ побужденіямъ, слѣдовало бы закрыть.»

«Проливной дождь помѣшалъ мнѣ ѣхать въ школы. Посвящаю день на молитву и чтеніе. Съ благодарностью вспоминаю, что въ этотъ же день, пять лѣтъ тому назадъ, мы открыли нашу первую школу въ Чеддарѣ. Благослови, душа моя, Господа за сѣмя, брошенное въ этотъ день! Господи! обращай все болѣе и болѣе душъ отъ мрака къ свѣту и укрѣпи ихъ отъ паденія и возвращенія вспять! Какъ возблагодарить Твою благодать мнѣ за всѣ данныя мнѣ средства къ добру, за то, что, посѣщая бѣдныхъ, я имѣю возможность содѣйствовать облегченію ихъ нуждъ! Благословляю Тебя, Господи, за то, что Ты призвалъ меня на такое дѣло, которое нѣсколько способствуетъ къ смягченію моего сердца. Моя вѣрная сотрудница отправилась въ шко-

лы. Сколько она лучше и ревностнѣе меня! Она трудится во многихъ отрасляхъ нашего общаго дѣла. Сколько въ особенности лучше меня умѣетъ ознакомить съ Священнымъ Писаніемъ непросвѣщенные умы!»

«Утомительный день. Посѣтили пять школъ; насъ окружаютъ большія препятствія. Господи! усиль нашу вѣру! Дай мнѣ начать и тверже надѣяться на Твою силу, горячѣе и рѣшительнѣе посвятить себя на дѣла, внушаемая вѣрой въ Тебя, и чрезъ вѣру все болѣе испытывать прочное, возвышающее душу, блаженство!»

Г Л А В А VI.

Воскресныя школы между тѣмъ распространялись по всей Англіи, и мы видѣли, какъ много сестры Моръ способ-

ствовали ихъ размноженію. Но грамотность дѣлалась преимуществомъ опаснымъ при совершенномъ отсутствіи дѣльныхъ и дешевыхъ книгъ и при ежедневномъ распространеніи вредныхъ и злоумышленныхъ сочиненій. Анна Моръ рѣшилась, во что бы то ни стало, противодѣйствовать злу; для этого она взялась за большое предпріятіе,—рѣшилась ежемѣсячно издавать по три книги повѣстей, стихотвореній и воскресныхъ чтеній, написанныхъ живымъ, доступнымъ и увлекательнымъ слогомъ. Такимъ путемъ она надѣялась доставить полезное развлеченіе читателямъ и распространить знаніе основныхъ законовъ Христіанства. Такъ какъ цѣль ея была—замѣнить своими изданіями вредныя книги, которыя покупались охотно вслѣдствіе ихъ чрезвычайной дешевизны; то предпріятіе требовало издержекъ, и надо было рѣшиться предложить подписку. Едва только успѣла она обнародовать намѣреніе свое въ газетахъ, какъ оно было встрѣ-

чено горячимъ участіемъ и было принято подъ покровительство умишленныхъ и почтеннѣйшихъ соотечественниковъ ея.

Въ первый годъ разошлось до двухъ милліоновъ маленькихъ книгъ, издаваемыхъ Г-жею Моръ, обстоятельство, еще до тѣхъ поръ небывалое въ лѣтописяхъ книгопечатанія. Усилія, необходимыя для того, чтобы привести въ исполненіе начатое предпріятіе, вмѣстѣ съ труднымъ дѣломъ ежемѣсячныхъ сочиненій, (въ чемъ ей, впрочемъ, нѣсколько помогали сестры и друзья), перенеска съ комитетами, устроившимися во всѣхъ концахъ Англіи для успѣха этого предпріятія, чрезвычайно утомили и разстроили здоровье нашей писательницы; и это была не единственная жертва, принесенная ею вопросу о народномъ образованіи: она посвящала ему и время свое, которое могла бы употребить на сочиненія, доставляющія ей значительный доходъ, и доходъ свой, нужный при усиливавшихся расходахъ на содержаніе школъ, ко-

торыя она поддерживала не одними трудами, но и деньгами.

«Составленіе дешевыхъ книгъ теперь отнимаетъ все мое время», пишетъ Анна; «я написала новую балладу „*Ньюкастельскій угольщикъ*“.... Недавно учредилось два почтенныхъ комитета, въ которыхъ участвуютъ многіе члены Парламента, для правильнаго распредѣленія нашихъ книгъ. Епископъ на дняхъ заѣзжалъ ко мнѣ, чтобы потолковать о разнощикахъ, (коробочникахъ), которымъ онѣ будутъ поручаться. Наша Салли, которая нѣсколько пристрастна къ духовнымъ сановникамъ, улыбнулась бы, видя, какъ они благоволятъ нашей мелочной торговлѣ.»

Въ продолженіе трехъ лѣтъ она неуспѣшно трудилась для составленія дешевыхъ книгъ. По окончаніи этаго срока, учрежденіе, принесшее большую свою временную пользу, прекратилось, — и Анна Моръ принялась за прежнюю литературную дѣятельность. Въ 1799 году вышла ея книга: *«Очерки женскаго воспитанія»*.

танія.» Здѣсь еще сильнѣе и удачнѣе прежняго поражаются предразсудки и суетные обычаи большаго свѣта. Во время ежегодныхъ своихъ посѣщеній Лондона, она замѣтила, что въ ея сочиненій глава противъ дѣтскихъ баловъ возбуждала тамъ большіе толки.

Мы видимъ, что въ письмахъ своихъ сестры не разъ упоминали о почтенной наставницѣ, которая столько помогала имъ въ устройствѣ первыхъ школъ. Эта женщина успѣла внушить безпредѣльное довѣріе жителямъ Чеддара и его окрестностей. Она была и наставницей, и сестрой милосердія для всѣхъ окружающихъ ее бѣдныхъ. «Изумительно» писала Марта, «ея вліяніе и способность къ управленію;—во всѣхъ ея приемахъ есть какая-то праведная рѣшительность, которая необыкновенно дѣйствуетъ на слушателей. Она внушаетъ имъ и страхъ, и сильную привязанность.» Смерть этой дорогой сотрудницы была великимъ испытаніемъ для сестеръ. Анна находи-

лась въ то время въ Лондонѣ. «Я думала», писала ей Марта, «писать тебѣ изъ Чаддара, но горе и волненіе лишили меня возможности это исполнить. Однако надо тебѣ передать, что мы похоронили нашу добрую Г-жу Барберъ. Хоронили ли кого нибудь съ такимъ сожалѣніемъ, провожали ли кого нибудь съ такими слезами? Жалко было смотрѣть на разстроенныя лица учениковъ ея и нищихъ. Священникъ говорилъ проповѣдь на послѣднія сказанныя ею слова писанія: „гдѣ Я, тамъ и слуга Мой будетъ.“ Онъ рѣшился въ концѣ громко и твердо высказать истину нелестную для присутствующаго духовенства: Онъ сказалъ: „Эта истинная христіанка первая благовѣствовала въ Чаддарѣ слово спасенія.“ Грустно было смотрѣть на выраженіе лица молодыхъ учителей; всѣ, даже гробовщики, рыдали и говорили, что не бывали на такихъ похоронахъ. Чего бъ я не дала, чтобъ тутъ были Вильберфорсъ и Феритонъ!

Когда-то богатые и знатные люди поймутъ, какъ должно жить, чтобъ заслужить такія слезы. И такъ, все проходить, а мы живемъ и продолжаемъ грѣшить. И сколько благочестивыхъ людей молились объ ея выздоровленіи;—но видно она «подвигомъ добрымъ подвизалась, теченіе свое совершила.» Что-то будетъ теперь съ нашимъ Чеддаромъ? Въ одномъ только мы можемъ быть увѣрены, что и теперь онъ въ рукахъ Того, Который соблюдалъ доселѣ это дѣло.»

«Благодарю васъ за предложеніе ваше», писала Анна Вильберфорсу, «прискать намъ помощницу. Но теперь это не нужно. Дѣла пойдутъ порядочно. Женщина обыкновенная будетъ бесполезна, а такая, которая могла бы понять наши желанія и имъ содѣйствовать, будетъ стоить столько же, сколько содержаніе двухъ школъ. Когда я совѣмъ уже слягу, тогда напомню вамъ объ вашемъ общаніи. Въ теплую погоду я страдаю ужасно, но выходить и крас-

ные дни. Въ Воскресенье я открывала новую школу. Зрѣлище было трогательное. Многіе изъ взрослыхъ юношей были прошлаго года подѣ судемъ. Трое изъ нихъ были дѣти осужденнаго на смертную казнь; тутъ много было воровъ, всѣ невежественны и развратны. Изъ этой шайки разбойниковъ мы, однако, набрали сто человѣкъ. Когда священникъ, жесткій человѣкъ и самъ исполняющій полицейскую должность, увидѣлъ передъ собой на колѣняхъ людей, которыхъ встрѣчалъ только для наказанія и въ уголовныхъ слѣдствіяхъ, онъ залился слезами и сказалъ: «сознаю, что едвали здѣсь возможно будетъ принести большую пользу;—но благодать Божія всемогуща, а вашъ другъ Феритонъ совѣтовалъ намъ сдѣлать опытъ.»

«Какое для меня утѣщеніе», пишетъ Анна Невтону, «что вы не забываете меня у престола благодати. Такая помощь мнѣ необходима. Слабое здоровье, слабый духъ, слабая вѣра—все соединяется,

чтобы шевнуть мнѣ: ты принимаешься за слишкомъ многое; а сама я, однако, изумлена и исполнена благодарности, при мысли о тѣхъ препятствіяхъ, которыя уже дано было намъ превозмочь. Всѣмъ пріятно будетъ узнать, что дѣла наши идутъ успѣшно, и что въ школахъ и общинахъ у насъ 1700 человѣкъ. Разстояніе школъ насъ нерѣдко затрудняетъ. Свѣтское направленіе нѣкоторыхъ священниковъ мѣшаетъ успѣху нашего дѣла. Мы замѣчаемъ, что успѣвается наиболѣе тамъ, гдѣ развратъ казался ужаснѣе. Всего труднѣе дѣйствовать на людей среднихъ, посредственнаго поведенія, которые такъ собою довольны, что не понимаютъ необходимости своего усовершенствованія. Мы всего болѣе успѣли въ послѣднемъ, принятомъ нами, приходѣ. Кажется, никакая другая мѣстность не наполняла такъ усердно остроги и Ботани-бе. Здѣсь развратъ дошелъ до какого-то кризиса. Изъ двухъ сотъ дѣтей едва ли одинъ видѣлъ вну-

тренность церкви. И вы не можете себя представить, съ какою жадностію эти несчастные слушаютъ Писаніе. Мы позволяемъ фермерамъ, которые столько же дѣвѣственны, сколько и работницы ихъ, приходитъ хотя по одному разу въ недѣлю; это сберегаетъ ихъ самолюбіе. Впрочемъ, одно изъ благихъ послѣдствій нашего дѣла—это, именно, уничтоженіе того неравенства, которое существовало между богатыми и бѣдными. Соединяясь въ школахъ и собраніяхъ, они стали сознавать, что всѣ они дѣти одного Отца небеснаго, о чемъ прежде еего совершенно забывали. Какъ бы я хотѣла видѣть васъ здѣсь съ вашею проповѣдью, въ нашей колоніи угольщиковъ! Мы назначили учителемъ молодого угольщика, необыкновенно даровитаго и благочестиваго. Боюсь, впрочемъ, на него положиться, потому что нерѣдко ошибаюсь. Дорога въ этотъ приходъ такъ ужасна, что экипажъ не можетъ пробѣжать въ дурную погоду.

Это большое затрудненіе, и Панои всегда и во всемъ отважиѣе и усерднѣе меня.»

Не смотря на десятилѣтнюю постоянную дѣятельность, сестрамъ все еще приходилось встрѣчать затрудненія, препятствія и слѣпую упрямую борьбу, возбужденную невѣжествомъ, корыстолюбіемъ и предрасудками. Такъ мы видимъ, что, по просьбѣ друзей и усерднаго молодого священника, онѣ взялись учредить школу въ обширномъ приходѣ, къ которому принадлежало 17 деревень. Бѣдное народонаселеніе встрѣтило ихъ съ трогательнымъ участіемъ, съ жаждою духовнаго просвѣщенія; но богатые фермеры, которые, какъ мы видимъ изъ дневника сестеръ, пользовались деспотическою властію надъ бѣднымъ населеніемъ батраковъ, рѣшились, во что бы то ни стало, препятствовать благодѣтельному вліянію сестеръ. Они кричали объ опасности просвѣщенія для низшихъ классовъ; о томъ, что они осуждены Богомъ на невѣжество и бѣд-

ность; что неминуемымъ слѣдствіемъ ихъ образованія будутъ бунты и смуты, что на нихъ можно дѣйствовать только бранью и угрозами. Составили протестъ противъ сестеръ и собирали подписи своихъ бѣдныхъ должниковъ, изъ которыхъ, однако же, многіе показали твердость, и не согласились подписывать протеста, не смотря на угрозы фермеровъ. Фермерамъ удалось затруднить наемъ дома, но и это не остановило сестеръ. Съ помощію двухъ дѣятельныхъ священниковъ—Дервита и Фрая, онѣ собрали учениковъ и, соединивъ ихъ въ огородѣ, прочли имъ подѣ открытымъ небомъ, среди крапивы и сорной травы, обычную наставительную рѣчь и избранныя мѣста изъ Священнаго Писанія. Такимъ образомъ школа была открыта, и фермеры должны были признать себя побѣжденными. Народъ преслѣдовалъ ихъ насмѣшками и криками, и эти послѣдніе съ отчаяніемъ объявили, что вліяніе богатыхъ владѣльцевъ кончено, и что

отечество осуждено на неминуемую погибель.

Но еще значительнѣе было противо-
дѣйствіе, встрѣченное въ другомъ при-
ходѣ, за устройство котораго сестры дол-
го не рѣшались приниматься; потому что
труды ихъ уже и безъ того превышали
мѣру ихъ силъ и средствъ. Онѣ скло-
нились, однако, на усиленные просьбы
выборныхъ изъ прихожанъ, которые убѣ-
дили ихъ описаніемъ невѣжества и раз-
врата своей деревни и утѣшительными
доказательствами благихъ и очевидныхъ
послѣдствій школьнаго ученія, замѣчен-
ныхъ ими въ сосѣднихъ приходахъ. Шко-
ла была основана и стала быстро про-
цвѣтать. Съ самаго начала въ училище
собралось до 200 дѣтей. Къ воскресному
чтенію приходили толпой дѣти и взрос-
лые. Приходскій священникъ съ женой
обыкновенно присутствовали при этихъ
чтеніяхъ; наконецъ, послѣ трехлѣтняго
существованія школы, сестры получили
отъ мѣстной полиціи утѣшительное до-

казательство благаго вліянiя ихъ наставленій. Число подсудимыхъ и уголовныхъ дѣлъ значительно уменьшилось. Жалобы на воровство и дѣсныя порубки почти прекратились. Сестры были тронуты вниманіемъ и умиленіемъ слушателей вечернихъ чтеній, и дѣтской простотой, съ которыми они выслушали годовой отчетъ школьнаго учителя объ ихъ поведеніи и успѣхахъ.

И вотъ здѣсь, гдѣ такъ успѣшно трудились сестры, составился противъ нихъ настоящій заговоръ, послѣдствіемъ котораго было закрытіе школы. Усердныя труженицы должны были перенести множество непріятностей и оправдываться передъ начальствомъ и обществомъ. Зачинщиками нападенія были: мѣстный священникъ и богатые фермеры;—первый, увлеченный унитаріатскимъ ученіемъ, негодовалъ на распространеніе чистыхъ христіанскихъ догматовъ; послѣдніе упрекали Анну Моръ въ раскольническихъ мнѣніяхъ,—въ томъ, что она не держитъ

ученія господствующей церкви и не поддерживаетъ Правительства. Наконецъ явились памфлеты, заключающіе самыя грубыя клеветы и нелѣпыя осужденія. Вліятельные друзья Анны Моръ совѣтовали ей преслѣдовать авторовъ силою закона; но она не согласилась на это, и обратилась лишь къ мѣстному Епископу съ письмомъ, въ которомъ подробно описала свои труды и огорченія.

Мы представляемъ краткое извлеченіе изъ этаго письма: «я твердо рѣшилась не отвѣчать на клеветы, которыя причиняютъ мнѣ глубокую скорбь; но Вамъ, какъ Епархіальному Начальнику моему, я обязана дать отчетъ въ поступкахъ своихъ. Рѣдко приходилось беззащитной женщинѣ испытать въ странѣ, считающей себя образованною, столь наглую и упорную клевету. Въ продолженіе многихъ лѣтъ я трудилась съ покойною увѣренностію, что посвящаю слабыя дарованія свои и труды на пользу и просвѣщеніе моихъ соотечественниковъ, на

развитіе между ними нравственности, уваженія къ правительству и закону и преданности къ церкви. Теперь, съ изумленіемъ вижу, что меня обвиняютъ въ желаніи потрясти общественные законы и въ своевольномъ извращеніи христіанскихъ истинъ. Религіозныя мои вѣрованія изложены въ сочиненія мои, и всѣ знающіе меня могутъ свидѣтельствовать, что я не только никогда не раздѣляла мнѣній сектаторовъ, но даже и не посѣщала ихъ собраній. Между тѣмъ, нѣтъ конца нелѣпымъ противорѣчащимъ осужденіямъ, разбросаннымъ въ написаннымъ противъ меня памфлетахъ, въ коихъ меня то упрекаютъ въ вольнодумствѣ, то называютъ врагомъ всякой свободной мысли, и которые написаны единственно съ цѣлю помѣшать моимъ трудамъ. Труды эти начались 13 лѣтъ тому назадъ, среди невѣжественнаго и развратнаго народонаселенія. Мы открывали школы не иначе, какъ съ разрѣшенія и участія мѣстнаго Духовенства и

учили только грамотѣ и рукодѣлю. Мы не старались возбуждать фанатизма (въ чемъ насъ нѣкоторые упрекаютъ); но всѣ усилія наши имѣли цѣлю распространеніе благочестія, трудолюбія и развитіе нравственнаго чувства. Для достиженія этой цѣли мы старались внушать твердыя христіанскія правила и считали необходимымъ осповательное знаніе Священнаго Писанія. Распространеніе такого знанія было постояннымъ предметомъ неусыпныхъ нашихъ заботъ. Конечно, мы встрѣчали неудачи, но нужно ли мнѣ напоминать здѣсь извѣстный фактъ, что люди непросвѣщенные склонны къ фанатизму и крайностямъ, и что, кромѣ того, они нерѣдко выражаютъ свои убѣжденія такъ грубо и рѣзко, что поверхностный наблюдатель видитъ фанатизмъ даже тамъ, гдѣ нѣтъ его въ сущности. И не согласитесь ли вы въ томъ, что осповательное знаніе Писанія можетъ сильно удержатъ и отъ увлеченій фанатизма, и отъ духа отрицанія. Ошибки нѣкото-

рыхъ должны ли лишить всѣхъ религиознаго просвѣщенія? Я не защищаю неразумное рвеніе и страшусь послѣдствій фанатизма, но, по причинѣ частныхъ ошибокъ и увлеченій, можно ли осудить цѣлый классъ народа на положительный порокъ и невѣжество?»

«Во все время нашего пребыванія въ здѣшней мѣстности, мы посѣщали каждое воскресенье по двѣ школы и водили учениковъ своихъ въ церковь, за что сектаторскіе проповѣдники на насъ негодовали. Книги употребляли мы почти исключительно духовныя: катихизисы, псалтыри, молитвенники, Библии и Евангелія, и, кромѣ ихъ, лишь азбуки, краткія руководства, напечатанныя для нашихъ школъ и гимны Ватса. Ученики наши заучивали наизусть нагорную проповѣдь Спасителя и еще нѣкоторыя другія мѣста изъ Евангелія, также многіе псалмы. Такъ какъ я замѣтила, что благія послѣдствія нашихъ уроковъ уничтожаются дурными примѣрами, которые бро-

саются въ глаза ученикамъ нашимъ въ ихъ семействахъ, и вліяніемъ безнравственныхъ родителей, я вздумала предложить симъ послѣднимъ вечернія чтенія, на которыхъ читалось Священное Писаніе, печатныя проповѣди и предъ окончаніемъ которыхъ пѣли псалмы и читались молитвы. Мнѣ всегда казалось, что необходимо, при заботахъ о распространеніи грамотности, стараться также и о снабженіи народа полезными книгами. Это убѣжденіе побудило меня приняться за трудное предпріятіе составленія дешевыхъ книгъ. Въ бѣднѣйшихъ приходсахъ, преимущественно среди несчастнаго населенія рудокоповъ, я съ большимъ трудомъ и значительными издержками устроила вспомогательныя общества для бѣдныхъ женщинъ. Эти общества оказали большое пособіе больнымъ и родильницамъ и были особенно благодѣтельны въ послѣдніе неурожайные годы. Въ одномъ приходѣ у насъ въ кассѣ общества считается до

300 фун. стерляпговъ, положенныхъ въ Банкъ. Помѣщица Чеддара оставила намъ сумму денегъ въ пользу нашихъ школъ и обществъ. На ежегодныхъ праздникахъ нашихъ присутствуютъ и дворяне и духовенство.» Сказавъ еще нѣскольکو словъ о выборѣ учителей, объ осторожности, съ которою они избираются, и о неизбѣжности ошибокъ при такомъ ихъ множествѣ, Анна Моръ повергаетъ все дѣло на рѣшеніе Епископа и объявляетъ намѣреніе свое совершенно покориться этому рѣшенію, даже въ случаѣ, ежели оно будетъ не благопріятно.

Высшее духовенство живо приняло сторону Г-жи Моръ и всячески старалось поощрить ее къ продолженію полезной дѣятельности. Въ письмахъ, обращенныхъ къ ней, убѣждали ее продолжать дѣло христіанскаго просвѣщенія народа и говорили ей, что въ этомъ заключается единственное спасительное средство отъ вредныхъ послѣдствій ди-

каго вольнодумства и насилія. Не одно духовенство вступилось за Анну Моръ, вся лучшая часть общества отозвалась съ негодованіемъ о памфлетахъ; враги ея были посрамлены, но тѣмъ не менѣе видно, что все это произшествіе сильно уязвило ея сердце.

Добрыя друзья продолжали между тѣмъ оказывать помощь и сочувствіе сестрамъ. Вильберфорсъ посѣтилъ ихъ съ молодой женой немѣдленно послѣ вѣщанія. По взаимному условію молодыхъ, они захотѣли провести первое время своей супружеской жизни въ смиренномъ домикѣ сестеръ и посреди трудовъ ихъ; они посѣщали съ ними вмѣстѣ школы. Въ 1797 году Рильберфорсъ писалъ: «Я говорилъ Фернтону о нашихъ сомерстширскихъ дѣлахъ. Мы согласились давать ежегодно 400 ф. ст. на поддержку школъ. Мнѣ бы хотѣлось убѣдить васъ въ томъ, о чемъ давно проповѣдую, но, кажется, безъ успѣха. Берегите ваши собственные

деньги, довольствуйтесь тѣмъ, что вы жертвуете своимъ трудомъ и временемъ. Вы главная пружина всей машины и для этого вамъ надобно беречь себя, (при семъ вспоминаю, что хорошій экипажъ для васъ былъ бы очень нуженъ). Обращайтесь прямо къ намъ, когда нужны деньги; повторяю: много вы себѣ вредите и огорчаете насъ.» Не смотря на эти дружественныя убѣжденія, мы видимъ, что Анна Моръ постоянно тратила до 250 фун. стерлинговъ на школы. Итакъ, кромѣ значительныхъ пожертвованій книгами и случайными приношеніями, содержаніе школы и общества стоило учредителямъ не менѣе 650 ф. ст., то есть, около 4250 руб. сер.

Г Л А В А VII.

По многимъ причинамъ Анна Моръ рѣшилась разстаться съ своей хорошенькой дачкой. Въ разстояніи одной мили отъ прежняго жилища своего, она приобрѣла необыкновенно живописный клочекъ земли и на немъ построила удобный и помѣстительный домикъ. Здѣсь ей можно было дать волю изящному вкусу своему. Она съ необыкновеннымъ искусствомъ расположила садъ и цвѣтники около новой усадьбы своей. Барлсвудъ сдѣлался любимымъ мѣсто-пребываніемъ всѣхъ сестеръ, и онѣ рѣшились жить тамъ всѣ вмѣстѣ и продать свой городской домъ. Садовыя работы, въ которыхъ Анна принимала дѣятельное участіе, и украшеніе усадьбы было для нея живымъ источникомъ наслажденія, освященнаго благочестивымъ

чувствомъ благодарности и умиленія предъ всемогуществомъ Создателя. Многочисленныя посѣщенія друзей, знакомыхъ и чужихъ посѣтителей, огромная переписка нерѣдко ее утомляли и отвлекали отъ полезныхъ и пріятныхъ занятій; но она не считала себя въ правѣ чуждаться людей, искавшихъ ея сочувствія и совѣта, никому не отказывала въ наставленіи и помощи. Стремленіе ея къ духовному совершенству и къ трудамъ на пользу ближняго не только не уменьшалось, но усиливалось съ годами. Вотъ что мы находимъ въ ея дневникѣ:

«Съ тѣхъ поръ, какъ я удалилась отъ свѣта, я старалась о просвѣщеніи другихъ. Я писала мало; примусь опять за дѣло. Хочу также ближе и строже себя испытывать. Буду стараться съ каждымъ годомъ всесовершеннѣе посвящать себя Богу и чаще думать о смерти.» Далѣе она упоминаетъ о смерти книгопродавца, — издателя всѣхъ ея сочиненій, человека полезнаго литера-

туръ, друга Гиббона, Гюма, Роберста; «гдѣ они теперь? Всѣхъ уже нѣтъ!» Въ день рожденія она благодаритъ Бога за успѣшное продолженіе школъ и возвращеніе силъ послѣ трудной болѣзни и за окончаніе тѣхъ неприятностей и гоненій, которыя доказали ей шаткость мнѣній свѣта и еще болѣе отъ него удаляли. Весной она говоритъ о садовыхъ работахъ и новыхъ посадкахъ, упрекаетъ себя въ излишнемъ пристрастіи къ садоводству, но признаетъ, что это занятіе полезно для ея здоровья. Осенью съ благодарностью вспоминаетъ о посѣщеніи Вильберфорса, о духовной пользѣ и подкрѣпленіи, доставляемыхъ его совѣтами и примѣромъ его праведной жизни. Въ продолженіи послѣдующихъ годовъ дневникъ прекращается по болѣзни. И мы видимъ изъ писемъ ея, что по просьбѣ одного духовнаго лица, приближеннаго ко Двору, она пишетъ намеки о воспитаніи принцессъ.

Во время тяжелой болѣзни, сестры

Анны получали безпрестанно доказательствъ общаго къ ней участія. Люди всѣхъ сословій обращались письменно за извѣстіемъ объ ея здоровьѣ. Въ 1808 она, еще не совсѣмъ оправившись, писала къ Вильберфорсу: «Я еще слаба, страдаю отъ безсонницы, но могла уже быть въ церкви въ первый разъ послѣ двухъ лѣтъ, и потомъ посѣтила двѣ школы; онѣ процвѣтаютъ. Въ Октябрѣ мы будемъ праздновать 20-ю годовщину Чеддарской школы. Къ намъ приходятъ теперь дѣти нашихъ прежнихъ учениковъ. Многіе намъ выражаютъ сочувствіе и оказываютъ помощь. До 100 помѣщиковъ были на послѣднемъ нашемъ праздникѣ.»

Первымъ сочиненіемъ, вышедшимъ изъ подъ пера нашей писательницы, послѣ ея выздоровленія, была нравственная повѣсть: *Силебъ (холостякъ), ищущій жемчуга*. Она пользовалась большою популярностію. Явившись безъ имени автора, она въ теченіи девяти мѣсяцевъ прошла

черезъ 11-ть изданій, и въ Америкѣ, при жизни Анны Моръ, была напечатана въ тридцати тысячахъ экземплярахъ!

Въ 1811 году вышли двѣ новыя книги: *Практическое Богословіе и Христіанская нравственность*. Современники помнятъ благотворное вліяніе этихъ сочиненій и сильное дѣйствіе, произведенное ими на умы еще колеблющіеся и не твердые въ вѣрѣ.

«Книга эта,» говорила Анна Моръ о первомъ сочиненіи, «писалась скоро, среди постоянныхъ физическихъ страданій и съ большою поспѣшностію. Она печаталась долѣе, чѣмъ писалась. Но жизнь коротка; я на свою не рассчитываю. Покуда живетъ, надо трудиться. Не знаю, полезны ли мои книги, но Господь употребляетъ въ дѣло и недостойныя орудія.»

Горькое испытаніе постигло въ это время дружную семью: онѣ лишились старшей сестры, которая спокойно довершила долгую, трудолюбивую и чест-

ную жизнь свою, проведенную въ плодотворной дѣятельности на пользу ближняго. «Она умерла въ ночь на свѣтлый праздникъ,» писала Анна; «утѣшительно умирать въ день торжественной побѣды надъ адомъ и смертію! Сладостно видѣть смерть безъ ея страха и мученій!» Въ продолженіи слѣдующихъ годовъ новыя несчастія постигли Анну Моръ; она лишилась добраго своего помощника и друга Феритона; потомъ чрезъ нѣсколько лѣтъ умерла Елизавета Моръ, сестра ея—добрая и кроткая женщина, которая завѣдывала хозяйствомъ Бардсвуда. На слѣдующій годъ умерла и старшая изъ оставшихся сестеръ Сарра,—женщина высокой добродѣтели, одаренная живымъ, оригинальнымъ и веселымъ умомъ. Этому привѣтливому, радужному существу суждено было испытать тяжкія страданія. Но мужество и покорность Богу никогда ей не измѣняли. На страдальческомъ одрѣ ея раздавались вопли; исторгнутые страданіемъ,

и искреннія молитвы, благодаренія и хвалы. Тѣло распадалось среди мукъ, а духъ радостно отлеталъ къ Создателю своему. Анна неусыпно ходила за больной, всѣми средствами старалась уменьшить физическія страданія ея и поддерживать бодрость ея духа напоминаніемъ Евангельскихъ обѣтованій.

Въ промежуткахъ между этими горестными событіями, дѣятельность ея не ослабѣвала. Предубѣжденія, высказанныя противъ ея школъ, исчезали предъ благими ихъ послѣдствіями. Число членовъ женскихъ обществъ и средства ихъ усиливались. Приемы многочисленныхъ друзей въ гостепріимномъ Барсвудѣ, также не прекращались, не смотря на то, что они верѣдко утомляли нашу писательницу. Въ числѣ входящихъ за совѣтами и помощію было множество молодыхъ священниковъ, исполненныхъ ревностнымъ желаніемъ свято выполнить дѣло своего призванія. Она снабжала бѣднѣйшихъ нужными для нихъ книгами; 9

подписывалась для нихъ на журналы и богословскія сочиненія, а въ отсутствіи руководствовала ихъ письмами, возбуждала усердіе къ проповѣди и служенію ближнимъ. Здѣсь кстати припомнить, что это было въ то самое время, когда въ духовенствѣ Англиканской церкви совершился сильный и благодѣтельный переворотъ, причиною котораго были успѣхи методистовъ, возбужденное тѣмъ соревнованіе и примѣръ ревностнаго усердія и трудовъ проповѣдниковъ раскола—Везле, Витфильда и ихъ послѣдователей.

Въ это время Анна Моръ принялаеь за сочиненіе, которое давно задумала. Это было: „*Очерки о характеръ и писаніяхъ Св. Апостола Павла.*“ Посланія этого Апостола были всегда ея любимымъ чтеніемъ. Приближенные ея помнятъ, съ какимъ увлеченіемъ она говорила о нихъ. Не смотря на то, что умы тогда были сильно озабочены политическими событіями, книга эта въ два года прошла чрезъ четыре изданія. Плодови-

тость нашей писательницы покажется намъ тѣмъ болѣе изумительною, когда мы вспомнимъ, что ей во время сочиненія этой книги минуло семьдесятъ лѣтъ, и что болѣзни и горести смѣняли другъ друга въ это время ея жизни. Въ 1816 году, во время общаго застоя промышленности и торговли и послѣдующаго за тѣмъ волненія умовъ, снова общество обратилось къ Аннѣ Моръ, и снова изъ подъ пера ея вышло множество народныхъ повѣстей и рассказовъ, приспособленныхъ къ требованію и вопросамъ того времени.

Сестры принимали также живое участіе въ трудахъ Библейскаго Общества. Отдѣленіе этого Общества учредилось въ ихъ приходѣ. Ежегодное собраніе происходило въ ихъ домѣ, и туда являлись члены изъ всѣхъ концовъ свѣта и выражали сочувствіе двумъ женщинамъ, которыя такъ неуспѣшно старались о распространеніи Слова Божія. Въ числѣ такихъ посѣтителей явился однажды Аме-

риквецъ Петерсонъ, только-что прїѣхавшій изъ Россіи. Онъ обрадовалъ собраніе описаніемъ дѣйствиій Библейскаго Общества, находящагося подъ руководствомъ Святѣйшаго Синода и подъ покровительствомъ Государя Александра I-го. Петерсонъ привезъ письмо отъ княгини С. И. Мещерской, въ которомъ выражалась благодарность за книги, присланныя ей отъ Анны Моръ, по его совету. Вотъ оно:

«Хотя я плохо выражаюсь по-Англійски и не разъ уже бросала перо; но чувствую, что мнѣ необходимо высказаться предъ вами; не могу противиться влеченію сердца и желанію, хотя и нескладно,—сама выразить благодарность мою. Подарокъ вашъ побудилъ меня приняться за новые переводы. Нѣкоторые ваши повѣсти уже переведены мною и читаются у насъ охотно. Жалѣю, что не могу переложить на нашъ языкъ и прочія ваши сочиненія. Но я, неискusstная и неопытная писательница, беруъ

лишь за то малое, что въ силахъ исполнить, и вседневно благодарю Творца моего за то, что Онъ допустилъ меня принять хотя малое участіе въ дѣлѣ служенія Ему и смиренно идти по великому поприщу, на которомъ вы такъ блистательно подвизаетесь. Пусть сильные и опытные поддерживаютъ и руководятъ тѣхъ, которыя хотя слабы и невѣжественны, но полны искренняго желанія добрыхъ дѣлъ. Я люблю Господа и Спасителя моего Иисуса Христа и на Него Единого надѣюсь:—съ жадностію хватаю руку, простертую ко мнѣ вами во имя Его. Отлагаю всякое свѣтское приличіе и просто объявляю вамъ, что люблю васъ въ Господѣ и была сердечно обрадована строками, написанными вашей рукой на присланной мнѣ книгѣ. Большаго не смѣю надѣяться, но прошу снисходительно прочесть эти несвязныя строки, выражающія мою искреннюю любовь и глубокое уваженіе.»

Софья Мещерская.

«Р. S. Хотѣлось бы лучше писать, чтобы имѣть возможность подробно разсказать о томъ, какъ милостивъ Господь къ отечеству нашему и какъ быстро распространяется здѣсь Слово Его. Государь нашъ и многіе вліятельные люди дѣлаются орудіемъ распространенія спасительнаго Слова жизни. О, Сударыня! Соединимъ молитвы наши, чтобы великое дѣло здѣсь преуспѣвало, и чтобы всѣ мы съ радостными ликоваціями сошлись тамъ, гдѣ все будетъ соединено въ союзѣ мира съ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ.»

Въ продолженіе 1818 года здоровье двухъ сестеръ до того разстроилось, что друзья ихъ убѣдились, по совѣту врача, въ необходимости для нихъ уединенія и спокойствія. Посѣщенія на время прекратились и сестры немедленно почувствовали благотворное дѣйствіе такого отдыха. Анна не рѣдко говорила, что болѣе писать не будетъ; но ревность ея къ истинѣ побудила ея съ возвращеніемъ

емъ силъ взяться снова за перо и сказать живое слово противъ замѣченныхъ ею нелѣпныхъ обычаевъ, вкравшихся въ то время въ общественную жизнь.

«Въ моемъ мнимо́мъ уединеніи», писала Анна по поводу этого сочиненія, «я вижу людей всѣхъ возможныхъ кружковъ и сословій, и могла замѣтить новый всходъ нелѣпостей и заблужденій, явившихся на нивѣ, гдѣ не слѣдовало бы ожидать такого всхода между людьми благочестивыми и добрыми. Книга моя написана слабо и возбудитъ негодованіе; меня будутъ бранить за горячность и крайность; но можно ли оставаться равнодушнымъ наблюдателемъ этой возрастающей французской маніи, этой безумной траты милліоновъ въ чужихъ краяхъ, когда дома усиливается нищета? У насъ и фермеры, и священники бѣгутъ въ Парижъ. Я знаю деревенскаго священника, который повезъ туда всю семью и оставилъ тамъ жену и дочерей для приобрѣтенія французскаго хороша-

го выговора, что, не правда ли, очень нужно при условіяхъ ихъ деревенской жизни.» Сочиненіе это, которое должно было явиться небольшою брошюрой, дошло до размѣровъ большой книги; она вышла подъ заглавіемъ: «*Нравственные очерки домашнихъ и иностранныхъ господствующихъ мнѣній и обычаевъ*» Правда и своевременность ея были доказаны тѣмъ, что все изданіе было раскуплено въ самый день ея появленія.

Законное чувство радости, которую доставляли нашей писательницѣ успѣхи ея литературной дѣятельности, вскорѣ изгладилось подъ впечатлѣніемъ новаго тяжкаго испытанія; не-даромъ предчувствовала она, что переживетъ дружную общину сестеръ; не-даромъ, обозрѣвая свое живописное помѣстье, говорила: «грустно любоваться этими прекрасными видами, среди которыхъ придется доживать одной.» Предчувствіе сбылось;—послѣдняя сестра ея, лучший другъ и вѣрная сотрудница, умерла поч-

ти скоропостижно. Марта была повѣренною всѣхъ помышлений сестры, всѣхъ ея огорченій и радостей. Казалось, что для Анны невозможно будетъ жить безъ вѣрной своей Панси, безъ ея совѣта, помощи и сочувственнаго взора. Надо было имѣть много вѣры и мужества, чтобъ безропотно покориться испытанію. Борьба была тяжкая. Трогательно было видѣть, съ какимъ усиліемъ Анна Моръ покорялась судьбѣ своей, подавляла терзанія сердца и обращалась къ единому истинному Утѣшителю.

Для каждаго изъ сосѣднихъ жителей смерть Марты была, какъ бы, личнымъ семейнымъ горемъ. Она столько лѣтъ была истиннымъ другомъ, нѣжною матерью всѣхъ окружавшихъ ее бѣдныхъ дѣтей и несчастныхъ. «Никогда,» писала Анна, «болѣе искреннія слезы не проливались надъ могилой; въ пяти приходахъ священники упоминали объ ея трудахъ въ проповѣдяхъ своихъ—и, право, не было ни одного равнодушна-

го слушателя. Что станетъ съ бѣднымъ Джонсомъ? О, помолитесь обо мнѣ, вспомните о томъ, какъ мы работали съ нею вмѣстѣ послѣдніе тридцать два года! Умѣю чувствовать утѣшенія человѣческія, тѣмъ болѣе, что ими подтверждается неоцѣнимая драгоцѣнность потеряннаго мною сокровища! Я лишаюсь своего друга, своей помощницы. Господь видѣлъ, что я слишкомъ на нее надѣялась, и отнялъ у меня эту опору. Тяжелъ ударъ; но я не ропщу, цѣлую наказующую руку, благодарю за утѣшеніе, которымъ такъ долго пользовалась, и за то, что предстоящій мнѣ одинокій путь не можетъ быть продолжителенъ.»

Но Анна не тѣряла бодрости душевной, не углублялась исключительно въ созерцаніе собственныхъ огорченій и не исчезала для окружающаго ее міра: она выражала по прежнему сочувствіе ко всему, что касалось до радостей и заботъ ближняго; никого не чуждалась,

съ восторгомъ привѣтствовала всякаго, кто способствовалъ къ матеріальному или нравственному благу отечества. Но между тѣмъ замѣтно было, что воспоминаніе объ умершей было ей всегда присуще, и что мысли и привязанности ея постепенно отдѣлялись отъ міра.

Г Л А В А VIII.

Въ продолженіе 1820 года Анна Моръ опасно занемогла. Болѣзнь казалась смертельною, и никто не надѣялся на ея выздоровленіе; но она неожиданно оправилась, а съ физическими силами возвратилась и бодрость духа. Она говорила о необходимости трудиться въ старости и о томъ, что придется дать отвѣтъ и за послѣдній зарытый талантъ. Друзья, долго ее невидавшіе, съ удовольствіемъ замѣтили въ ней прежнюю

живость разговора и ясность въ мысляхъ; они удивились тому, что продолжительное уединеніе не уменьшило ея участія къ общественнымъ и политическимъ вопросамъ.

«Пожалуйте обо мнѣ,» писала Анна въ продолженіе 1821 года: «Настойчивое требованіе дружбы склонило меня на дѣло, которое не совершенно согласно съ моими убѣжденіями. Вашъ старый другъ, находясь на рубежѣ вѣчности, съ сморщеннымъ лицомъ и съ потухшимъ взоромъ, сидитъ по четыре часа сряду передъ живописцемъ. Утомительно и стыдно терять такимъ образомъ время изъ немногихъ остающихся мнѣ дней. . . . Благодаря Великому Дателю, здоровье мое лучше. На дняхъ меня посѣтили чегыре Епископа—достаточное доказательство моего правовѣрія!»

«Какъ я сочувствую Грекамъ! Не могу вынести мысли о страданіяхъ и угнетеніи этого народа,—народа, о которомъ

справедливо сказалъ поэтъ: „Половина нашего знанія его надгробная надпись:“

«Мнѣ бы хотѣлось подробнѣе отвѣчать вамъ на вопросъ вашъ объ обученіи бѣдныхъ. Я много размышляла объ этомъ предметѣ. Есть крайности въ обоихъ господствующихъ нынѣ о томъ мнѣніяхъ. Мой взглядъ многимъ кажется узокъ; однако есть немалое число людей, которые хотѣли бы еще болѣе ограничить просвѣщеніе бѣдныхъ, и съ которыми я не согласна. Опишу вамъ мои слабыя усилія: вспомните, что встрѣченное сопротивленіе было такъ сильно, что мнѣ приходилось ограничивать свою дѣятельность, отказываться и отъ принятаго мною обученія. Не одни бѣдные находятся у насъ въ крайнемъ невѣжествѣ; наши богатые фермеры такіе же неучи, какъ и ихъ работники. Поэтому я старалась выбирать учителей, у которыхъ благочестіе и здравый смыслъ соединялись съ основательнымъ знаніемъ. Кромѣ Воскресныхъ школъ

для бѣдныхъ дѣтей, я поощряла и помогала имъ устраивать ежедневные классы за самую умеренную плату и обучать достаточныхъ дѣтей письму и арифметикѣ. Но особенно я старалась о томъ, чтобъ и въ эти дни имъ основательно преподавали начала христіанскаго закона, чему родители не противились, — только съ условіемъ ничего не платить за такіе уроки. Я хотѣла, чтобы дѣти достаточныхъ родителей такимъ образомъ получали воспитаніе, способное приготовить ихъ къ честному исполненію гражданскихъ должностей. присяжнаго, констабля, церковнаго старосты, къ которымъ они могутъ быть со временемъ призваны. Я хотѣла также, чтобы они понимали важность и значеніе присяги. Теперь все это кажется недостаточнымъ, ученіе это мало, и взглядъ мой узокъ. Бѣдный долженъ обучаться всѣмъ наукамъ; но къ чему это, когда у него не будетъ ни времени на чтеніе, ни денегъ на покупку книгъ? И нако-

нецъ, Аѳинская чернь, которая судила трагедіи Еврипида и Софокла, не составляла ли толпу лѣнивую и необузданную, жадную только до всякой новизны, по свидѣтельству Апостола!»

Въ другомъ письмѣ о томъ же предметѣ она пишетъ Вильберфорсу: «Вы не забыли того, какъ я принимала къ сердцу дѣло просвѣщенія бѣдныхъ. Фермеры по этому случаю называли меня врагомъ отечества. Они кричали, что я ихъ довела до того, что для нихъ некому будетъ ни пахать, ни стирать. Другіе вопили, что мы надѣлаемъ болѣе вреда, чѣмъ нѣкогда монахи. Не смотря на все это сопротивленіе, мы продолжали упорно и тихо дѣлать свое дѣло. Теперь я одна доканчиваю поприще, но 36-ти лѣтняя дѣятельность не измѣнила моихъ убѣжденій. Ученіе наше ограничивалось Священнымъ Писаніемъ и только касалось въ полнотѣ того, что содѣйствуетъ развитію христіанской нравственности. Въ Благдонѣ мы пробовали пойти даль-

ше, но уже для другаго разряда учениковъ. Вы помните, чѣмъ встрѣчены были тамъ наши усилія и чѣмъ они кончились! Теперь все измѣнилось; наши бѣдные должны сдѣлаться учеными и филосогами. Я не поборница невѣжества, но признаюсь, что меня пугаетъ такая крайность. Мнѣніе многихъ уважаемыхъ мною друзей кажется мнѣ неосновательнымъ, и я не увѣрена въ необходимости учить бѣдныхъ дѣтей географіи и всеобщей Исторіи. Противъ воскреснаго обученія письму и ариметикѣ я рѣшительно встаю. По моему, это прямое нарушеніе заповѣди,—послѣ этого можно торговать по Воскресеньямъ. Я предвижу, что отсутствіе благочестія въ представителяхъ науки и знанія возбудитъ противодѣйствіе стараго ханжества, всегда ледѣющаго всякое невѣжество; оно разгорячитъ ея представителей, и тогда то здоровое, трезвое христіанское знаніе, которое лежитъ между двумя крайностями, будетъ всѣми

отвергнуто. Мнѣ безпрестанно помагаютъ ясныя доказательства нелѣпой самоувѣренности, возбуждаемой тѣмъ поверхностнымъ знаніемъ, которое теперь въ ходу. Въ моихъ школахъ все идетъ по-старому; 30 лѣтъ тому назадъ я выучила грамотѣ теперешнихъ учителей и они исполняютъ обязанность свою точно, разсудительно и благочестиво. Добрая моя подруга посѣщаетъ ихъ, когда я не могу выѣзжать.»

Въ продолженіе 1822 и 23 годовъ, Анна Моръ была опять при смерти, но неожиданно оправилась. Всѣ удивлялись такому возвращенію силъ у 82-лѣтней болѣзненной женщины. Она въ своемъ исцѣленіи видѣла новое побужденіе къ добрымъ дѣламъ; благотворительность ея умножилась, она предупреждала просящаго и умножала цѣну благодаренія добродушною ласкою. Послѣ вторичнаго припадка, она издала маленькую книгу—извлеченіе изъ послѣднихъ ея сочиненій съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ 10

молитвъ. Она назначала ее въ прощальный подарокъ друзьямъ. Участіе ея къ бѣднымъ сосѣдямъ не уменьшалось. Въ одномъ письмѣ она говоритъ о страданіяхъ бѣдныхъ рудокоповъ въ деревнѣ, гдѣ въ продолженіе столькихъ лѣтъ она обучила до 300 молодыхъ и старыхъ, и проситъ содѣйствія друга, чтобы помочь имъ. Къ Вильберфорсу она писала: «Ваше доброе письмо меня много утѣшило; напомнило старое время. Я гораздо старѣе васъ; пережила всѣхъ современниковъ. Не говорю уже о первомъ кружкѣ Джонсона, Бурка, Ренольда, Гаррика: они были всѣ старше меня, но изъ вторыхъ друзей, однолѣтнихъ, послѣдній умеръ 94 лѣтъ!—Теперь остаются изъ младшихъ весьма немногіе, да вы, который дороже цѣлаго легіона друзей. Вы говорите, что съ тѣхъ поръ, какъ вы удалились отъ общественной дѣятельности, вамъ дѣлать нечего. Знаете ли, на какое занятіе я укажу вамъ? Пишите записки свои; онѣ заинтересу-

ють многихъ. Вы столько лѣтъ были другомъ перваго министра въ мѣрѣ (Питта). Увлечательность политическихъ воспоминаній вашихъ заставитъ вашихъ читателей выслушать истины, которыхъ они не искали. Они нечаянно наткнутся на тѣ полезныя наставленія, которыхъ они обѣгаютъ. Вы жалуетесь на свою медленность; у меня противоположный недостатокъ. Отъ страха потерять время и откладывать дѣла, я впадаю въ крайность. Конечно, я сдѣлала не много, но при безпрестанныхъ головныхъ боляхъ и горячкахъ я бы ничего не сдѣлала, ежели бы медлила и долго обдумывала свои сочиненія. Моя толстая книга: «Нравственные очерки» была задумана въ Генварѣ и напечатана въ Августѣ. Въ Сентябрь того же года Пандси скончалась и книга, конечно, не могла бы дописаться послѣ этого удара.»

«Знаете ли, что я бы хотѣла продать свой Бардсвудъ, съ тѣмъ, однако, чтобы сохранить его въ пожизненномъ моемъ

владѣніи. Требованія на мой кошелекъ усиливаются; я трачу гораздо болѣе своихъ доходовъ; конечно, давать пріятнѣе, чѣмъ завѣщавать. Но дѣло въ томъ, что я еще жива, хотя въ 83 года трудно не считать себя на рубежѣ вѣчности.»

Друзья Анны Моръ убѣдили ее исполнить это намѣреніе и еще при жизни своей разстаться съ хорошенькой своей усадьбой. Ихъ побудили къ тому безпорядки, которые вкрались въ ея домашнее хозяйство. Снисходительность ея къ упущеніямъ служителей доходила до крайности и обращалась въ недостатокъ; она усилилась среди болѣзни, слабости и одиночества. Друзья, видя, какъ злоупотребляютъ ея довѣріемъ, убѣдились въ необходимости представить ей положеніе ея дѣлъ и посовѣтовать сдѣлать рѣшительное преобразование въ ея хозяйствѣ. Она склонилась на ихъ просьбу при мысли, что потворствуя пороку и обману, она дѣйствуетъ непослѣдовательно и на перекоръ проповѣдуемыхъ ею правилъ.

Грустно было ей разстаться съ милымъ уединеніемъ, гдѣ было столько дорогихъ воспоминаній. Она говорила, что ее, какъ Евву, изгоняють изъ рая. Уѣзжая отсюда, она, какъ будто, прощалась со всѣмъ, что радовало ее въ жизни. Молодому священнику, написавшему впоследствии ея біографію, она вручила Греческую грамматику и сказала: «мнѣ 83 года, пора забыть по-гречески; а вы, я думаю, только что начинаете, вамъ пригодится эта книга». Литтературныя и ученые занятія служили нитями, связывавшими ее съ жизнію и она ихъ постепенно разрывала.

Она переѣхала въ Бристоль, въ тотъ самый городъ, откуда за 60 лѣтъ она отправилась въ Лондонъ, въ городъ, гдѣ началась ея литтературная дѣятельность, гдѣ всѣ принимали живое участіе въ ея славѣ, гдѣ всѣ были свидѣтелями ея благотворительныхъ трудовъ, въ сосѣдствѣ котораго находились основанныя ею учрежденія. Въ Бристоль возвратилась

она слабая и больная, но съ свокоюною душой, дабы здѣсь приготовиться къ послѣдному переходу въ обитель вѣчной радости и мира.

Пять лѣтъ прожила она въ Бристолѣ; сначала она продолжала принимать друзей и переписываться съ ними. «Какъ обрадовалась я вашему письму,» писала она Вильберфорсу; «какъ рада, что еще разъ увижу васъ по эту сторону Иордана. Я стараюсь уменьшить свои земныя заботы; Барлсвудъ проданъ и я уступила право на изданіе своихъ сочиненій; я уменьшила прислугу свою и расходы. Это дастъ мнѣ возможность продолжать подаянія и по прежнему содержать школы. Хорошая моя подруга проводитъ тамъ почти все Воскресенье. Я получила подробные отчеты всему, что тамъ происходитъ. Итакъ, у меня еще много утѣшеній. Я имѣю возможность принимать у себя нѣсколько друзей. Два благочестивые священника приходятъ читать и молиться со мной и домашними моими.

На дняхъ жду добраго друга изъ Жене-
вы, того самаго, который перевелъ
многія мои сочиненія на Французскій
языкъ. Г-жа Некеръ обрадовала меня
на дняхъ присылкой своей замѣчатель-
ной книжки. Общество подруги моей
для меня неопѣвенно. Она читаетъ мнѣ
хорошо и много.»

Друзья и посѣтители удивлялись жи-
вости ея ума и памяти. Она съ обыч-
ною скромностію упоминала о своихъ
литтературныхъ трудахъ и говорила, что
ихъ единственное достоинство было въ
томъ, что они доставляютъ средства къ
измѣненію на новую нравственную дѣя-
тельность. Въ комнатѣ ея стоялъ боль-
шой шкафъ съ разными изданіями и
переводами ея сочиненій. «Совѣстно при-
знаться,» сказала она однажды, «указы-
вая на него, что книги эти доставили
мнѣ 30,000 ф. ст. (210,000) руб. сер.»

Въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ си-
лы ея и память стали значительно сла-
бѣть и участіе ея ко всему окружающе-

му видимо уменьшалось. Одинъ духовный взоръ ея не омрачался. Обѣтованія Евангельскія наполняли ея душу. Память сохранила глаголы Священнаго Писанія и она ясно и отчетливо повторяла цѣлыя мѣста изъ Библии даже и тогда, когда, по видимому, теряла всякое сознание окружающихъ ее предметовъ. Часто благодарила она тѣхъ, которые ее окружали, призывала благословенія на нихъ. Молитва и любовь выражались до послѣдняго ея вздоха.

Предсмертная болѣзнь продолжалась 11 мѣсяцевъ; во все это время она находилась, то въ забытїи, то въ продолжительномъ снѣ, то въ сильно возбужденномъ состоянїи. 6 Сентября 1833 года, послѣ того какъ домашнїе ея долго молились около ея кровати, и казалось, что она участвовала въ молитвѣ, на лицѣ ея вдругъ выразилось неизъяснимое блаженство; она простерла впередъ руки и закричала: „Панси, радости!“ Это были послѣднїя ея слова.

Такъ скончалась эта замѣчательная женщина, послѣ 88-лѣтней не даромъ прожитой жизни. Ей дано было пожать плоды своихъ добрыхъ дѣлъ. Она видѣла благія послѣдствія распростра-няемаго ею просвѣщенія; сочувствіе и уваженіе современниковъ были лучшею наградою ея литературной дѣятельности, доставившей ей, кромѣ того, независимое положеніе и средства помогать ближнимъ. Въ разсказѣ о трудахъ Елизаветы Фрай мы удивлялись многосторонней дѣятельности матери семейства, успѣвшей согласить исполненіе домашнихъ обязанностей съ трудами, порученными ей довѣріемъ единовѣрцевъ и согражданъ, и подвигами на пользу ближнихъ, и заслужившей благодарную любовь дѣтей и соотечественниковъ. Жизнь Анны Моръ представляетъ намъ другой, не менѣе назидательный, примѣръ. Здѣсь является женщина, лишенная опоры и радости семейной жизни—той естественной среды, въ которой жен-

скія способности правильно развиваются, направляясь къ истинной ихъ цѣли. И вотъ, однакожь, въ жизни Анны Моръ есть и цѣль, и трудъ, и радости. Она ясно сознаетъ свое призваніе,—это польза и усовершенствованіе всѣхъ ее окружающихъ. Она слышитъ руководящій голосъ кроткаго Спасителя, стремится къ тому, чтобъ согласить свою жизнь съ Его законами, неутомимо распространяетъ глаголы Его и покаряетъ имъ сердца. Мужественно борется она съ препятствіями, съ нравственными недостатками, съ физическими недугами своими, не поддается ни изнѣженности свѣтской жизни, ни соблазнительному примѣру умовъ блестящихъ, но заблуждающихся, и вмѣстѣ съ тѣмъ не отказывается отъ радостей, допущенныхъ Провидѣніемъ. Всѣми способностями горячей души, даровитаго ума и живаго воображенія, наслаждается она красотой природы и искусства, бесѣдами просвѣщенныхъ друзей и сердечнымъ ихъ участіемъ.

Надобно признаться, что подобные цѣльные женскіе характеры особенно часто встрѣчаются въ современной намъ Англїи. Это конечно зависитъ отъ условій того общества, среди котораго они развивались, отъ первыхъ впечатлѣній, полученныхъ въ средѣ, гдѣ строго соблюдалась чистота и святость семейныхъ отношеній, отъ ранняго и глубокаго изученія Священнаго Писанія, отъ строгаго приложенія къ жизни его законовъ, отъ сознанія долга и отвѣтственности каждаго въ дѣлѣ общаго усовершенствованія и пользы. Наконецъ надо обратить вниманіе и на другія, по видимому второстепенныя условія воспитанія, которыя конечно много способствовали къ благимъ послѣдствіямъ разсматриваемыхъ нами подвиговъ. Въ Англїи роль есть одно изъ сильныхъ орудій общественной жизни—рычагъ ея внутренняго развитія, и нигдѣ, кажется, даръ точнаго и сильнаго выраженія на родномъ языкѣ такъ не развитъ, какъ

въ Англіи. За то можно почти рѣши-
тельно сказать, что Англичане говорятъ,
или по крайней мѣрѣ говорятъ хорошо,
лишь на своемъ родномъ языкѣ; хотя и
изучаютъ всѣ прочіе. Чтобы судить о
томъ, какъ важенъ этотъ даръ живаго,
сильнаго, вразумительнаго слова въ дѣ-
лѣ женской благотворительности, вспом-
нимъ, какъ содрогались сердца, какъ
лились слезы въ стѣнахъ Ньюгата и
училищъ Медита при звукѣ голоса
Елизаветы Фрай и Анны Моръ, какъ
вразумительно дѣйствовали Евангельскія
мотивы на грубыхъ и необразованныхъ
слушателей чрезъ поученія и объясненія
не только этихъ двухъ даровитыхъ жен-
щинъ, но и смиренныхъ ихъ сотруд-
ницъ. Могли ли бы онѣ такъ успѣшно
дѣйствовать, ежели бы слова ихъ почти
невольно принимали складъ чужеземной
рѣчи и въ воображеніи ихъ неотступно
носились образы почерпнутые въ языкѣ,
вѣрованіяхъ и жизни, незнакомыхъ ихъ
слушателямъ.

Изученіе такихъ явленій, конечно, обращаетъ вниманіе наше на недостатки и препятствія, повсюду окружающія насъ. Мы не разъ упоминали о нихъ и не разъ еще возвратимся къ тому же грустному сознанію ложнаго воспитанія, столько затруднившаго для насъ всякую положительную дѣятельность. И какъ сильно еще вліяніе старыхъ привычекъ, у насъ; какъ часто приходится еще слушать родителей и наставниковъ, воспрепятствующихъ употребленіе роднаго слова и умышленно отчуждающихъ дѣтей отъ окружающей ихъ среды! Сколько еще поколѣній будутъ развиваться такимъ образомъ безъ пользы для общества, и сколько блестящихъ способностей и добрыхъ намѣреній исчезнутъ, не оставивъ слѣда! Но какъ ни упорно зло, торжество истины неизбѣжно; а между тѣмъ дѣло cadaго—идти твердо къ цѣли, не пренебрегая никакимъ трудомъ и дѣломъ на пользу ближняго, какъ бы оно ни было несовершенно и слабо.

Какъ ни скромна среда, указанная намъ.
Провидѣніемъ, какъ ни скудны средства,
какъ ни неудовлетворительны силы на-
ши, но все же и къ намъ обращены
вдохновенныя слова поэта:

Взгляни на ниву: пашни много,
А дня не много впереди;
Вставай же, рабъ лѣнивый Бога,
Господь велитъ: иди, иди!

Ты купленъ дорогой цѣною,
Крестомъ и Кровью купленъ ты;
Сгибайся-жъ пахарь надъ браздою!
Борись, борись до поздней тьмы!

